

Зарубежная

фантастика

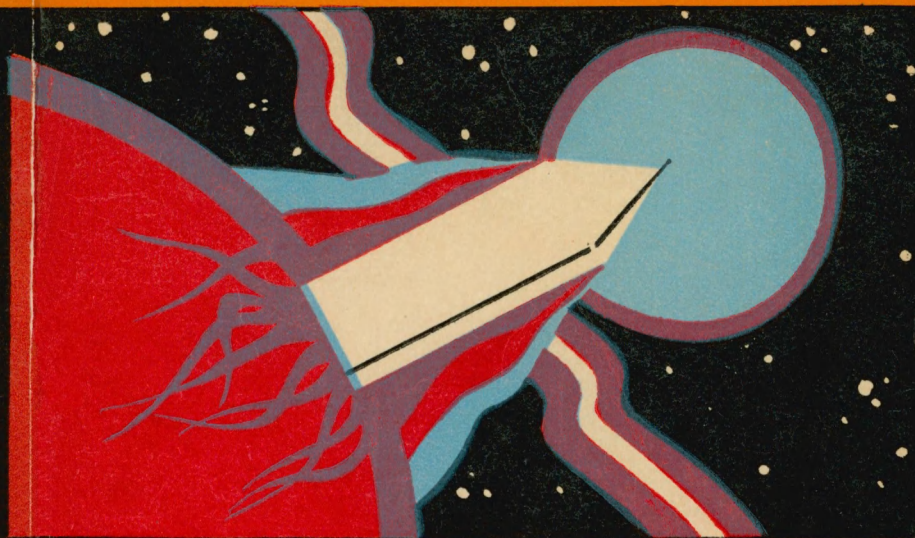
К. Прист

МАШИНА ПРОСТРАНСТВА

Научно-фантастический
роман

К. Прист

МАШИНА ПРОСТРАНСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО • МИР • МОСКВА

Зарубежная

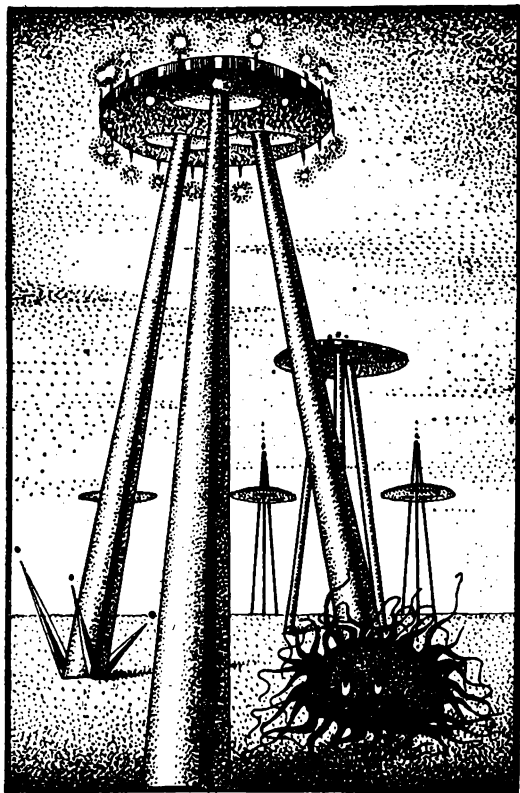
фантастика

Christopher Priest

THE SPACE MACHINE

A Scientific Romance

LONDON, FABER AND FABER, 1976

Зарубежная

фантастика

Кристофер Прист

Машина пространства

Научно-фантастический роман

Перевод с английского
К. СЕНИНА

Послесловие Дм. БИЛЕНКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» МОСКВА 1979

Прист К.

П77   Машина пространства. Пер. с англ. К. Сефина. Послесл. Дм. Биленкина. — М.: Мир, 1979.

472 с. (Зарубежная фантастика)

Кристофер Прист — молодой английский писатель-фантаст, впервые издающийся на русском языке.

Научно-фантастический роман «Машина пространства» посвящен Герберту Уэллсу и сюжетно опирается на два его всемирно известных романа — «Машину времени» и «Войну миров».

47.3

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

4708000000

© Christopher
Priest, 1976

П $\frac{70804-190}{041(01)-79}$ 190—79

© Перевод
на русский язык,
«Мир», 1979

Глава I

Женщина-коммивояжер

1

В апреле 1893 года в одной из деловых поездок случилось мне остановиться в гостинице «Девоншир армз» в йоркширском городке Скиптон. Мне было тогда двадцать два года, и я выполнял, признаюсь, не без успеха, скромные обязанности разъездного представителя фирмы «Джошиа Вестермен и сыновья. Кожаная галантерея и модные товары». Не стану долго распространяться о характере моих занятий, поскольку они никогда не представлялись мне особенно интересными; тем не менее при всей своей неприятельности именно моя деятельность коммивояжера дала толчок удивительной цепи событий, которая и составляет главное содержание этого повествования.

«Девоншир армз» — типичная провинциальная гостиница, низкое серое кирпичное здание с вечными сквозняками, плохо освещенными коридорами, отслаивающейся штукатуркой и неопрятными пятнами на стенах. Единственное уютное место во всей гостинице называется комнатой отдыха; хотя она мала и загромождена мебелью, а кресла стоят так тесно, что между ними почти невозможно пройти, здесь по крайней мере тепло зимой и по вечерам горит газ, в то время как спальни освещены лишь тусклыми чадящими керосиновыми лампами.

Чем же заняться вечером постояльцу-коммивоя-

жеру, если не укрыться в четырех стенах этой комнаты и не повести ленивую беседу с братьями по профессии? Для меня лично послеобеденный час от восьми до девяти превращался, как правило, в самый мучительный час в сутках — по давно заведенному неписаному правилу курить раньше девяти не позволялось, это время отводилось только на разговоры. Пробьет девять — появятся трубки и сигары, воздух мало-помалу станет удушливо сизым, головы откинутся на спинки кресел, глаза сомкнутся. Тогда, быть может, мне удастся почитать, не обижая других, или написать письма.

В тот вечер, который я вспоминаю особенно часто, я после обеда совершил небольшую прогулку и вернулся в гостиницу незадолго до девяти. Заглянув на минутку в свою комнату, я надел домашнюю куртку, потом спустился на первый этаж и направился в комнату отдыха.

Там уже сидели трое, и хотя до срока еще неоставало целых семи минут, я заметил, что Хьюз, представитель инструментальной фабрики из Бирмингема, уже раскуривает свою трубку. Я кивнул остальным и прошел к креслу в самом дальнем углу комнаты.

В четверть десятого на пороге появился Дайкс. Это был молодой человек примерно моих лет; признаюсь, я не испытывал к нему особой симпатии, однако он все равно взял в привычку общаться со мной в подчеркнуто доверительной манере. Не дожидаясь приглашения, он проследовал прямо в мой угол и уселся напротив меня. Я поспешно прикрыл блокнот, заслоняя от Дайкса текст письма, который перед тем прикидывал.

— Курить будете, Тернбулл? — осведомился он, протягивая портсигар.

— Нет, благодарю вас.

Я было начинал курить трубку, но вот уже с год как отказался от этой привычки.

Он достал сигарету для себя и продемонстрировал мне изощренный ритуал ее зажигания. Дайкс был коммивояжером, как и я; ему нравилось попрекать меня, что я чересчур консервативен в своих обычаях. Меня, напротив, забавляли его напыщенные замашки — мы ведь нередко находим удовольствие в промахах и недостатках окружающих.

— Сегодня в гостинице остановилась женщина-коммивояжер, — произнес он обыденным тоном, но при этом слегка наклонился ко мне, наверное, чтобы придать выразительность своим словам. — Как вам это понравится, Тернбулл?

— Потрясающая новость, — согласился я. — Вы не ошибаетесь?

— Я вернулся довольно поздно. — Дайкс понизил голос. — Случайно заглянул в регистрационную книгу. Мисс А. Фицгиббон из Суррея. Любопытно, не правда ли?

Как теперь понимаю, я старался держаться подальше от каждодневных забот других коммивояжеров, и тем не менее сообщение Дайкса меня заинтересовало. Любой из нас волей-неволей впитывает в себя сведения, касающиеся собственной профессии, и до меня давно доходили слухи, что иные фирмы начали нанимать не представителей, а представительниц. Я сам, правда, пока таких не встречал, но разве не логично допустить, что с продажей определенных товаров — скажем, туалетных или постельных принадлежностей — лучше справится женщина? В своих поездках мне, конечно, не раз доводилось вести переговоры с работающими женщинами; какие же аргументы можно сыскать против того, чтобы они сами попробовали свои силы в торговых сделках?

Я поневоле бросил взгляд через плечо, хотя и по-

нимал, что ни одна дама не сумела бы войти в комнату незамеченной.

— Что до меня, то я ее не видел,— отозвался я.

— Никто не видел и вряд ли увидит. Уж не надеетесь ли вы, что миссис Энсон позволит юной леди из хорошего дома переступить порог комнаты отдыха?

— Так, значит, вы ее все-таки видели?

Дайкс покачал головой.

— Она обедала вдвоем с миссис Энсон в малой столовой. Я видел лишь прибор, который туда принесли.

Однако мой интерес к проблеме еще не был исчерпан:

— А как вы думаете, то, что говорят о женщинах-коммивояжерах, имеет под собой основания?

— Несомненно! — ответил Дайкс не задумываясь. — Это не профессия для уважающей себя женщины.

— Но вы же сами только что сказали, что эта мисс Фицгиббон из хорошего...

— Эвфемизм, дорогой мой, не более чем эвфемизм!..

Он откинулся в кресле и с нарочитым удовольствием затянулся сигаретой.

Общество Дайкса бывало подчас довольно занимательным, а его пренебрежение к условностям доходило до готовности попотчевать собеседника пикантным анекдотом. Мне оставалось выслушивать эти анекдоты в завистливом молчании, поскольку я по большей части проводил вечера в вынужденном одиночестве. Многие коммивояжеры были холостяками, возможно, по натуре, а скорее потому, что постоянные переезды из города в город не способствовали возникновению прочных привязанностей. Не удивительно, что как только в нашу среду просочились слухи о начинании фирм, решивших привлечь к разъездной работе жен-

щин, курительные и комнаты отдыха в гостиницах по всей стране переполнились домыслами вполне определенного толка. Дайкс первый без усталости снабжал нас информацией на этот счет, но с течением времени стало ясно, что перемен в нашем образе жизни пока что не предвидится. По правде говоря, до этого случая я ни разу даже не слышал, чтобы женщина-коммивояжер остановилась со мной в одной гостинице.

— А знаете, Тернбулл, мне пришло в голову познакомиться с мисс Фицгиббон прямо сегодня вечером.

— Но что вы ей скажете? Должен же кто-то представить вас...

— Ну, это несложно. Вот сейчас встану, подойду к дверям гостиной миссис Энсон, постучусь и приглашу мисс Фицгиббон прогуляться со мной немного перед сном...

— Я, право...

Фраза осталась недоконченной: я внезапно понял, что Дайкс не может замысливать ничего подобного всерьез. Он знал хозяйку нашей гостиницы не хуже моего, и нам обоим не составляло труда догадаться, как она воспримет эдакую дерзость. Пусть мисс Фицгиббон окажется трижды эмансипированной особой, миссис Энсон будет по-прежнему неколебимо придерживаться правил, внушенных ей прабабушками.

— Впрочем, зачем я расписываю вам свою тактику? — произнес Дайкс. — Мы оба пробудем здесь до конца недели. Вот тогда я и сообщу вам о своих успехах.

— А если, — предложил я, — каким-то образом выяснить, что за фирма она представляет? Тогда у вас появятся шансы подкараулить ее в дневное время.

Он заговорщически улыбнулся.

— Кажется, Тернбулл, мы с вами рассуждаем

одинаково. Про фирму я уже выяснил. Не хотите ли заключить небольшое пари? Победителем будет признан тот из нас, кто первым заговорит с названной дамой.

Я почувствовал, что краснею.

— Держать пари не в моих правилах, Дайкс. Да и глупо было бы вступать с вами в спор, раз уж вы добились явного преимущества.

— Могу поделиться с вами тем, что узнал. Никакой она не коммивояжер, а личный секретарь и работает не на какую-то определенную фирму, а по поручениям своего патрона-изобретателя. По крайней мере так меня уверяли.

— Личный секретарь изобретателя? — переспросил я недоверчиво. — Вы, верно, шутите!

— Так мне рассказывали, — повторил Дайкс. — Зовут его сэр Уильям Рейнольдс, и он очень известен. Никаких подробностей я, правда, не знаю, да они мне и не к чему: мои личные интересы ограничиваются его секретаршей...

Я сидел, совсем забыв про блокнот с начатым письмом, лежащий на коленях; неожиданный поворот событий совершенно поразил меня. Нескромные замыслы Дайкса меня, в сущности,нисколько не волновали, сам я при любых обстоятельствах старался не терять достоинства, однако имя сэра Уильяма Рейнольдса говорило мне очень многое. Задумавшись, я смотрел, как Дайкс докуривает свою сигарету, потом поднялся и сказал:

— К сожалению, мне пора идти.

— Но еще рано! Давайте выпьем по стаканчику вина, я угощаю. — Он потянулся к кнопке электрического звонка. — Мне так хочется, чтобы вы приняли предложенное пари.

— Нет, благодарю вас. С вашего разрешения, мне надо кончить это письмо. Быть может, завтра?..

Кивнув ему на прощанье, я направился к двери. Когда я выходил из комнаты отдыха в коридор, мне встретилась миссис Энсон.

— Добрый вечер, мистер Тернбулл.

— Спокойной ночи, миссис Энсон.

На лестничной площадке я замешкался и обратил внимание, что дверь в гостиную распахнута настежь; но никакой юной леди в гостиной не было и в помине.

Вернувшись к себе в комнату, я зажег лампу и присел на край кровати. Мысли мои разбегались, и я тщетно старался привести их в порядок.

2

Имя сэра Уильяма произвело на меня глубочайшее впечатление, поскольку в то время он считался одним из самых знаменитых ученых Англии. Более того, я лично был крайне заинтересован в одном деле, косвенно связанном с сэром Уильямом, и сведения, которыми Дайкс поделился между прочим, могли сослужить мне большую пользу.

1880—1890-е годы ознаменовались внезапной лавиной научных открытий; для тех, кто испытывал склонность к нововведениям, время было чрезвычайно увлекательное. Мы стояли на пороге Двадцатого Столетия, мы рисовали себе, как вступаем в золотой век в окружении чудес науки, и эта перспектива вдохновляла лучшие умы человечества. Казалось, чуть не каждую неделю появляются новые чудодейственные механизмы, которые сулят изменить самые основы нашего существования: электрические омнибусы, экипажи без лошадей, синематограф, американские говорящие машины... Не думать об этом было, по-моему, просто нельзя.

Но решительнее всего завладели моим воображе-

нием экипажи без лошадей. За год до описываемых событий мне как-то довелось прокатиться на таком самодвижущемся устройстве, и я совершенно уверился, что, невзирая на сопровождающий движение шум и неудобства, за такими машинами великое будущее.

Собственно, именно благодаря той единственной поездке я и оказался — пусть косвенно — заинтересован в развитии зарождающегося вида транспорта. Прочитав в газете статью об американских мотористах, я попытался убедить владельца фирмы мистера Вестермена включить в круг выпускаемых товаров необычное изделие. Наименование для этого изделия я предложил простое — «маска для защиты зрения». Делалась маска из кожи и стекла; на голове она удерживалась специальными ремешками и защищала глаза от летящего из-под колес песка, насекомых и тому подобного.

Надо признать, что мистер Вестермен отнюдь не разделял моих восторгов и не был убежден ни в достоинствах такой маски, ни в целесообразности ее производства. Он согласился выпустить всего-навсего три опытных образчика и уполномочил меня предложить их нашим постоянным покупателям, дав понять, что всерьез займется маской лишь после того, как я представлю гарантированные заказы. Впрочем, это не мешало мне считать идею маски чрезвычайно ценной и очень гордиться своей инициативой, хотя, по чести сказать, за полгода, что я возил опытные образчики в своем саквояже, не нашлось ни единого покупателя, который проявил бы к ним хоть малейший интерес. Судя по всему, люди не разделяли моей уверенности в блестящем будущем экипажей без лошадей.

Иное дело сэр Уильям Рейнольдс. Он уже был одним из самых известных мотористов в стране. Установленный им рекорд скорости — немногим более

семнадцать миль в час, — показанный на дистанции между Ричмондом и площадью Гайд-Парк-Корнер, до сих пор оставался непревзойденным.

Если бы только он поверил в мою маску, то и другие мотористы неизбежно последовали бы его примеру!

Вот почему для меня знакомство с мисс Фицгиббон становилось настоящей необходимостью. Однако в ту ночь, ворочаясь на гостиничной кровати, я даже смутно не догадывался, как глубоко изменит эта «маска для защиты зрения» мою собственную жизнь.

3

Весь следующий день я был занят по преимуществу тем, что гадал, как бы мне подступиться к мисс Фицгиббон. Хоть я и не отказался от обхода окрестных контор и магазинов, но никак не мог сосредоточиться на делах и вернулся в «Девоншир армз» раньше обычного.

Как справедливо отметил Дайкс накануне вечером, ухитриться в этой гостинице найти повод для встречи с представительницей прекрасного пола — задача не из легких. Ни на одну из возможностей, предусмотренных этикетом, надеяться не приходилось, так что нужно было обращаться к мисс Фицгиббон непосредственно. Разумеется, я мог бы попросить миссис Энсон представить меня, но, признаться, подозревал, что присутствие означенной дамы при нашей беседе сразу же все погубит.

Отвлекало меня от исполнения служебных обязанностей и невольное любопытство в отношении самой мисс Фицгиббон. Если миссис Энсон взяла на себя роль опекуниши, значит, та, кого она охраняет, еще совсем молода; тот факт, что гостья не замужем,

также свидетельствует об этом. Но раз так, моя задача затрудняется еще более, ибо любой шаг с моей стороны будет несомненно и ошибочно принят за доказательство намерений сродни намерениям Дайкса.

Внизу в приемной никого не оказалось, и я воспользовался случаем тайком заглянуть в регистрационную книгу для постояльцев. Дайкс информировал меня точно — последняя строчка в книге была заполнена аккуратным четким почерком: «Мисс А. Фицгibbon, дом Рейнольдса, Ричмонд-Хилл, Суррей».

Прежде чем подняться к себе, я заглянул в комнату отдыха и увидел Дайкса, который стоял перед камином, погруженный в чтение «Таймса». Я предложил своему вчерашнему собеседнику пообедать вместе, а потом навестись в какую-нибудь пивную.

— Превосходная мысль! — воскликнул он. — Вы что, празднуете удачу?

— Да нет. Скорее уж думаю о будущем.

— Правильная стратегия, Тернбулл. Обедаем в шесть?

Так мы и поступили, а после обеда устроились в уютном баре заведения под названием «Королевская голова». И только когда мы управились с двумя стаканами портера и Дайкс закурил сигару, я поднял вопрос, который занимал меня более всего.

— Вы по-прежнему жалеете, что я не заключил вчера с вами пари? — спросил я.

— Что вы имеете в виду?

— Неужели вы не понимаете?

— А, — сообразил он. — Женщина-коммивояжер!

— Она самая. Если бы я принял предложенное вами пари, то, чего доброго, уже проиграл бы вам пять шиллингов?

— Не так скоро, друг мой. Тайнственная незнакомка провела в обществе миссис Энсон весь вечер, пока я не отправился ко сну, а поутру ее было вообще

не видно, не слышно. Воистину бриллиант, который наша хозяйка стережет пуще глаза.

— Вы думаете, они давно знакомы?

— Вряд ли. Ведь приезжая зарегистрировалась в книге.

— Ваша правда,— заметил я.

— Со вчерашнего дня вы совершенно переменили тон. Вчера я решил, что незнакомка вас не интересуется.

Я поспешил исправить свою оплошность:

— Право, я спросил без всякой задней мысли. Вы так твердо рассчитывали с ней познакомиться, вот я и осведомился, как ваши успехи.

— Как бы это выразиться, Тернбулл... Принимая во внимание обстоятельства, я пришел к выводу, что лучше мне приберечь свои таланты для Лондона. Не вижу никакой возможности познакомиться с юной леди, не вовлекая в это дело миссис Энсон. Другими словами, мой дорогой, я предпочел отказаться от пустой траты сил...

И Дайкс пустился в рассказы о своих недавних победах. Я мысленно улыбнулся: пусть я не узнал о мисс Фицгиббон ничего нового, зато по крайней мере выяснил, что не рискую попасть в нелепое и унижительное положение конкурента.

Слушал я Дайкса вполуха до без четверти девять, а потом предложил вернуться в гостиницу, пояснив, что мне опять надо написать письмо. Мы расстались в прихожей — Дайкс прошествовал в комнату отдыха, а я отправился к себе. Дверь в гостиную была плотно затворена, но из-за двери доносился голос миссис Энсон.

Глава II

Ночной разговор

1

Прислуга в гостинице взяла в привычку — на-верное, по указанию миссис Энсон — сбрызгивать абажуры керосиновых ламп одеколоном. В результате весь первый этаж был пропитан липким запахом, таким неотвязным, что даже сейчас, едва на меня повеет одеколоном, я тут же вспоминаю «Девоншир армз».

Однако в тот вечер, когда я поднимался по лестнице, мне почудилось, что я улавливаю еще какой-то аромат — гораздо более сухой, настоящий па травах, менее приторный, чем тот, который навязывала нам миссис Энсон... Но ощущение тут же исчезло, я вошел к себе в комнату и притворил дверь.

Засветив обе керосиновые лампы, я задержался перед зеркалом и привел себя в порядок. Чтобы от меня не разлило пивом, я почистил зубы и в придачу пососал мятную лепешку. Потом побрился, расчесал волосы и усы и надел чистую рубашку, а покончив с этим, поставил кресло поближе к двери и пододвинул к нему стол. Одну из ламп я поставил на стол, другую задул. Тут меня осенила новая мысль, и я, взяв одно из махровых полотенец миссис Энсон, положил его на ручку кресла. Теперь я был готов. Осталось только усесться в кресло и раскрыть роман.

Прошло больше часа; я просидел все это время с книжкой на колене, но не прочел ни слова. Я разли-

чал, и то еле-еле, приглушенный гул голосов внизу, а в остальном тишина была полной.

Наконец на лестнице послышались легкие шаги, и я приготовился к выходу. Отложил книжку, перекинул махровое полотенце через руку. Подождал, пока шаги не прошуршали мимо двери, и распахнул ее. Я увидел женскую фигуру, удаляющуюся по тускло освещенному коридору; заслышав шум, женщина обернулась. Это была всего-навсего горничная — она несла кому-то грелку в темно-красном чехле.

— Добрый вечер, сэр, — произнесла она, нехотя сделала книксен в мою сторону и пошла дальше своей дорогой.

Я пересек коридор, закрыл за собой дверь ванной, медленно сосчитал до ста, а потом вернулся в свою комнату.

Теперь ожидание давалось мне с трудом — я был возбужден гораздо сильнее, чем раньше. Спустя несколько минут я опять услышал шаги на лестнице, на сей раз, пожалуй, чуть потяжелее. Я опять выждал, пока они не простучали мимо моей двери, и тогда высунулся в коридор. Это оказался Хьюз, возвращающийся к себе в номер. Мы обменялись кивком, и я снова прошествовал в ванную.

Когда я вновь вернулся к себе, то почувствовал, что начинаю сердиться: прибегнуть к таким тщательным приготовлениям, пойти на такие уловки — и все впустую. Тем не менее я твердо решил довести дело до конца, действуя по намеченному плану.

В третий раз, когда послышались шаги, я узнал походку Дайкса: он поднимался, прыгая через ступеньку. Спасибо, что не пришлось еще раз разыгрывать представление с махровым полотенцем.

Миновало еще полчаса; я уже почти отчаялся и поневоле стал подозревать, что просчитался. В конце концов, мисс Фицгibbon с тем же успехом могла посе-

литься в личных апартаментах миссис Энсон; какие у меня основания считать, что она заняла комнату именно на этом этаже? И все же удача не изменила мне. Лучше поздно, чем никогда — с лестницы вновь донеслись шаги, и когда я выглянул в коридор, то увидел со спины стройную молодую женщину. Я швырнул полотенце обратно в комнату, подхватил свой саквояж с образцами, тихо прикрыл дверь и двинулся за незнакомкой.

Если она и заметила, что ее преследуют, то виду не подала. Она спокойно дошла до самого конца коридора, где была еще одна короткая лесенка наверх. Повернулась, поставила ногу на нижнюю ступеньку. Я поспешил вслед. Когда я достиг лесенки, незнакомка как раз вставляла ключ в замочную скважину. Теперь она посмотрела на меня сверху вниз.

— Извините меня, мисс,— произнес я.— Разрешите представиться. Меня зовут Тернбулл, Эдуард Тернбулл.

Под ее пристальным взглядом я почувствовал себя до крайности неуютно: и впрямь, какой-то глупец пялится на женщину от подножия лесенки. Она ничего не сказала, хотя и удостоила меня легким кивком.

— Я, кажется, имею честь обращаться к мисс Фицгиббон? — продолжал я.— К мисс А. Фицгиббон?

— Да, это я,— подтвердила она приятным, хорошо поставленным голосом.

— Мисс Фицгиббон, вы вправе посчитать мою просьбу из ряда вон выходящей, но у меня есть одно изделие, которое, по-моему, может представить для вас интерес. Вы не разрешите показать вам его?

Прежде чем ответить, она еще раз оглядела меня сверху вниз. Потом спросила:

— Что это за изделие, мистер Тернбулл?

Я испуганно обернулся в сторону коридора: ведь

там в любой момент мог появиться кто-то из других постояльцев.

— Мисс Фицгиббон, — сказал я, — позвольте мне подняться к вам?

— Нет, — отрезала она. — Лучше я сама спущусь.

У нее в руках был объемистый кожаный ридикуль; оставив его на площадке подле своей двери и чуть приподняв подол, она не спеша спустилась по ступенькам обратно. Когда она очутилась возле меня, я произнес:

— Постараюсь не задержать вас более чем на одну-две минуты. Поистине счастливое совпадение, что вы остановились в этой гостинице...

Еще не договорив, я присел на корточки и начал возиться с застежками своего саквояжа. Наконец он с грехом пополам открылся, и я вынул одну из «масок для защиты зрения». Поднимаясь с пола с маской в руке, я перехватил пристальный взгляд мисс Фицгиббон. Этот прямой, слегка насмешливый взгляд обескуражил меня окончательно.

— Что же у вас такое, мистер Тернбулл? — нетерпеливо спросила она.

— Я называю это «маской для защиты зрения». — Она не удостоила меня ответом, и я продолжал в смятении: — Как видите, маска годится как для пассажиров, так и для водителя, а при желании ее можно снять буквально за одну секунду...

При этих словах молодая женщина сделала шаг назад и, казалось, была готова вновь поставить ногу на ступеньку.

— Пожалуйста, не уходите! — взмолился я. — Видимо, я выражаюсь недостаточно ясно...

— Это еще мягко сказано. Объясните толком, что такое у вас в руке и отчего вы сочли возможным остановить меня в коридоре гостиницы,

Ее слова звучали теперь столь холодно и формально, что я окончательно запутался в выражениях.

— Мисс Фицгиббон, насколько мне известно, вы работаете у сэра Уильяма Рейнольдса?

Она кивнула, и тогда я, запинаясь, принялся за- верить ей, что уж его-то моя маска заинтересует все- непременно.

— Но вы так и не соизволили сказать, для чего она служит.

— Она защищает глаза от сора при езде на автомобиле, — ответил я и, повинувшись внезапному побуждению, поднял маску и прижал ее к лицу обеими руками.

В ответ молодая женщина коротко рассмеялась, но смех ее, как я почувствовал, уже не был недружелюбным.

— Так это автомобильные очки! — воскликнула она. — Что же вы сразу не сказали?

— Вы видели такую маску раньше? — спросил я, не в силах скрыть удивления.

— В Америке их применяют уже давно.

— Значит, у сэра Уильяма тоже есть что-то подобное?

— Нет, но, быть может, он считает, что ему очки вовсе не нужны.

Я снова опустил на корточки, чтобы порыться в саквояже.

— У меня есть и другая модель, специально для женщин, — заявил я, торопливо перебирая товары, которыми был набит саквояж. В конце концов я нашел маску меньшего размера, изготовленную на фабрике мистера Вестермена, и встал, протягивая ее своей собеседнице. В спешке я нечаянно опрокинул саквояж, и на полу выросла гора альбомов и альбомчиков, бумажников и несессеров. — Попробуйте на-

деть эту маску, мисс Фицгиббон. Сделана из лучшей лайковой кожи.

Подняв глаза на молодую женщину, я заподозрил было, что она вот-вот рассмеется снова, но нет — она хранила полную серьезность.

— Я отнюдь не убеждена, что мне нужны ваши...

— Уверяю вас, они вам вполне подойдут. — Моя искренность сумела все-таки побороть ее скептицизм, и она приняла у меня очки. — Они снабжены застежкой. Пожалуйста, наденьте их.

Я вновь наклонился и кое-как зачихнул рассыпанные товары в нутро саквояжа. Попутно я еще раз украдкой оглянулся: коридор был по-прежнему пуст.

Когда я выпрямился, мисс Фицгиббон уже успела надвинуть маску на лоб и пыталась совладеть с застежкой. Громоздкая шляпа с цветами, венчающая ее прическу, затрудняла эту задачу до крайности. Признаюсь, мне было не по себе с самого начала нашей беседы, но прежнее мое смущение и в счет не шло по сравнению с испытываемым теперь. Необдуманное поведение и неуклюжие манеры поставили меня в положение самого стеснительного свойства. Мисс Фицгиббон явно решила поиздеваться надо мной, и, пока она возилась с застежкой, я клял себя, что у меня не хватает духу отобрать у нее очки и убраться восвояси. Разумеется, я ничего не сделал, просто тупо следил, как она воюет с застежкой. Наконец она улыбнулась вымученной улыбкой.

— Кажется, эта штука запуталась у меня в волосах, мистер Тернбулл.

Она дернула за тесемку маски и поморщилась от боли. Я и хотел бы как-то помочь ей, но был слишком взволнован. Еще рывок за тесемку — с тем же успехом: металлическая застежка прочно застряла в длинных волосах.

В дальнем конце коридора слышались голоса,

поскрипывание деревянной лестницы. Мисс Фицгиббон, видимо, тоже расслышала что-то, поскольку обернулась на звук.

— Что прикажете делать? — тихо спросила она. — Не могу же я попасться людям на глаза с таким укрощением в волосах...

Она рванула тесемку и опять поморщилась.

— Разрешите помочь? — осведомился я, нерешительно протянув руку.

На стене у лестничной площадки закачалась чья-то тень — кто-то поднимался снизу, из прихожей.

— Нас с секунды на секунду застанут здесь! — забеспокоилась мисс Фицгиббон. Злополучные очки болтались у нее возле щеки. — Лучше ненадолго скроемся ко мне в комнату.

Голоса звучали все ближе.

— К вам в комнату? — откликнулся я изумленно. — Вдвоем, без свидетелей? Ведь до сих пор...

— Кого вы предложите мне в свидетели? — спросила она. — Уж не миссис ли Энсон?

И, подобрав юбки, мисс Фицгиббон поспешила вверх по ступенькам к своей двери. Я постоял в нерешительности еще мгновение, потом подхватил незакрытый саквояж и последовал за ней. Подождал, пока молодая женщина отворит дверь, и переступил порог.

2

Комната оказалась гораздо больше моей и много уютнее. На стене висели два газовых рожка, и, когда мисс Фицгиббон открыла газ, комнату наполнил яркий, теплый свет. В камине пылали угли, на окнах красовались длинные бархатные портьеры. Один угол занимала широкая, французского стиля кровать с откинутым покрывалом. Большая же часть комнаты

была занята мебелью, которая пришлась бы к месту в гостиной средней руки: шезлонг и еще два кресла, несколько ковриков, огромный сервант, книжный шкафчик и маленький стол.

Я беспокойно топтался у двери, а мисс Фицгиббон сразу же направилась к зеркалу и, выпутав из волос очки, положила их на стол. Потом сняла шляпу и сказала:

— Прошу садиться, мистер Тернбулл.

Я посмотрел на очки.

— Мне, вероятно, следует уйти.

Мисс Фицгиббон помолчала, прислушиваясь к голосам, доносящимся из коридора.

— Пожалуй, вам есть смысл чуточку задержать-ся здесь,— решила она.— К чему рисковать, что вас увидят выходящим из моей комнаты в столь поздний час...

Я из вежливости посмеялся вместе с ней, но должен признаться, что эта вольная шутка меня изрядно шокировала. Я сел в одно из кресел у стола, а мисс Фицгиббон подошла к камину и пошевелила угли кочергой, чтобы они разгорелись повеселее.

— Извините, я вас ненадолго покину,— произнесла она. Когда она проходила мимо, на меня вдруг пахнуло тем самым ароматом трав, который я уловил на лестнице двумя часами раньше.

Мисс Фицгиббон скрылась за маленькой внутренней дверью, плотно затворив ее за собой. Я остался сидеть, в душе проклиная себя на чем свет стоит. Вся эта история совершенно вывела меня из равновесия: кому угодно стало бы ясно, что автомобильная маска хозяйке комнаты вовсе не нужна и нисколько ее не интересует. А надежда, что она убедит сэра Уильяма испробовать мои очки, представлялась мне теперь просто несбыточной. Я раздосадовал мисс Фицгиббон, а то еще, чего доброго, и скомпрометиро-

вал ее. Ведь если миссис Энсон или кто другой в гостинице пронюхает, что я в ночное время находился наедине с юной леди, ее репутация окажется непоправимо запятнанной.

Когда минут через десять мисс Фицгиббон вернулась ко мне, я уловил донесшееся из-за внутренней двери шипенье водопроводного крана и сделал вывод, что там расположена ванная. Очевидно, я не ошибся, поскольку мисс Фицгиббон заново напудрилась и к тому же уложила волосы по-другому, распустив тугий узел, который носила до того, и позволив освобожденным прядям упасть на плечи. А когда она опять прошла мимо меня к креслу, я ощутил, что излюбленный ею аромат траз стал намного сильнее.

Она села и, вздохнув, откинулась на спинку кресла. Держалась она теперь удивительно естественно и просто.

— Знаете, мистер Тернбулл, — сказала она, — мне кажется, я должна перед вами извиниться. Не сердитесь, что поначалу я вела себя так заносчиво.

— Напротив, это я должен извиниться, — тотчас же возразил я. — Мне не следовало...

— Наверное, у меня наступила естественная реакция, — продолжала она, словно не слыша меня. — Я пробыла четыре часа в обществе миссис Энсон, и за все четыре часа она не умолкала ни на минуту.

— Я полагал, что вы с ней приятельницы.

— Она добровольно приняла на себя роль моего опекуна и наставника. Я получила от нее кучу житейских советов. — Мисс Фицгиббон встала, подошла к серванту и вынула два стаканчика. — Не спрашиваю, мистер Тернбулл, пьете ли вы, поскольку обоняние уже подсказало мне ответ. Хотите бранди?

— Спасибо, не откажусь, — отозвался я, проглотив упрек.

Она наполнила стаканчики из плоской фляги, ко-

торую достала из ридикюля, и поставила их на столик.

— Подобно вам, мистер Тернбулл, я иногда ощущаю потребность подкрепить свои силы.

С этими словами она снова села. Мы подняли стаканчики и пригубили спиртное.

— Что же вы так угрюмо молчите? — спросила она. — Надеюсь, я вас не слишком смутила? — Мне оставалось лишь беспомощно глядеть на нее и ругательски ругать себя за всю эту идиотскую затею. — Вы часто бываете в Скиптоне?

— Два-три раза в год. Мисс Фицгиббон, я полагаю, что должен пожелать вам спокойной ночи. Мне не следует оставаться здесь с вами наедине.

— Но я так и не уловила, зачем вам понадобилось показывать мне эти очки.

— Я надеялся, вы воздействуете на сэра Уильяма, чтобы он попробовал их в поездке.

Она кивнула в знак того, что наконец поняла меня.

— Вы что, торгуете очками?

— Видите ли, мисс Фицгиббон, фирма, которую я представляю, занимается производством...

Я замер на полуслове, поскольку в это самое мгновение до меня донесся звук, явно привлекший и внимание мисс Фицгиббон. Мы оба услышали, как за дверью скрипнула половица.

Мисс Фицгиббон прижала палец к губам, и мы застыли в мучительном молчании. Но тишину тут же прервал резкий и настойчивый стук в дверь.

3

— Мисс Фицгиббон!

Это была миссис Энсон.

Я в отчаянии уставился на свою новую знакомую.

— Что же нам делать? — прошептал я. — Если меня обнаружат здесь в такой час...

— Тихе! Предоставьте это мне.

Снаружи вновь донеслось:

— Мисс Фицгиббон!

Прежде чем ответить, мисс Фицгиббон быстро отошла в дальнюю часть комнаты и встала подле кровати.

— В чем дело, миссис Энсон? — отозвалась она слабым, заспанным голосом.

Последовала короткая пауза, затем:

— Горничная не забыла принести вам грелку?

— Нет, не забыла, благодарю вас. Я уже лежу.

— При непотушенном свете, мисс Фицгиббон?

Молодая женщина кивком показала на дверь и отчаянно замахала на меня руками. Я сообразил, что от меня требуется, и отодвинулся в сторону, чтобы меня не увидели сквозь замочную скважину.

— Я немного почитала перед сном, миссис Энсон. Доброй вам ночи.

За дверью вновь воцарилось молчание, такое напряженное, что хотелось крикнуть, лишь бы оборвать его.

— Мне показалось, я слышала у вас в комнате мужской голос, — решила наконец миссис Энсон.

— Я совершенно одна, — ответила мисс Фицгиббон.

От меня не укрылось, что она вспыхнула, но от смущения или от гнева — сказать не берусь.

— Не думаю, чтобы я обманулась.

— Подождите минутку, — попросила мисс Фицгиббон. Подойдя ко мне на цыпочках, она подвняла голову и почти коснулась губами моего уха. — Придется впустить эту ведьму, — прошелтала она. — Но я придумала, как нам быть. Пожалуйста, отвернитесь.

— Что?.. — оторопело переспросил я.

— Отвернитесь, сделайте милость... Ну, пожалуйста!

Я уставился на нее в мучительном недоумении, но в конце концов подчинился. На слух я определил, что она отошла к платяному шкафу, а вслед за тем до меня донесся треск кнопок и пуговиц — она расстегивала платье! Я зажмурился и еще прикрыл глаза рукой. Противоестественность положения, в котором я очутился, была просто чудовищной.

Дверца шкафа захлопнулась, и я ощутил прикосновение к своей руке. Открыв глаза, я увидел, что мисс Фицгиббон стоит рядом в полосатой фланелевой ночной рубашке до пят. Она распустила волосы, и они свободно заструились по щекам.

— Заберите это, — шепнула она, сунув мне в руки стаканчики с брэнди, — и ждите в ванной.

— Мисс Фицгиббон, я настаиваю на своих подозрениях! — заявила миссис Энсон.

Спотыкаясь, я поплелся к двери ванной. У самой двери я рискнул обернуться и застиг мисс Фицгиббон за тем, что она отбросила с кровати покрывало и старательно мнет подушку и простыни. Потом, схватив мой саквояж, она зашвырнула его под шезлонг. Я вошел в ванную и закрыл за собой дверь. В темноте нащупал спиной притолоку, оперся о нее и попытался унять дрожь в руках.

Мисс Фицгиббон отомкнула наружную дверь.

— Что вам угодно, миссис Энсон?

Хозяйка гостиницы буквально ворвалась в комнату. Нетрудно было представить себе, как она обводит все вокруг подозрительным взглядом, и я, признаться, ждал, что она вот-вот вломится в ванную.

— Мисс Фицгиббон, уже очень поздно. Почему вы еще не спите?

— Я читала. Смею вас заверить, что, не постучись вы ко мне, я бы уже спала.

— Я отчетливо слышала мужской голос.

— Но вы же видите — я одна. Наверное, голос доносился из соседней комнаты.

— Он доносился отсюда.

— Вы что, подслушивали под дверью?

— Разумеется, нет! Просто я проходила по коридору, направляясь к себе.

— Тогда вы легко могли ошибиться. Я тоже слышала голоса.

Тон миссис Энсон внезапно переменился.

— Дорогая Амелия, я забочусь исключительно о вашем благополучии. Вы не знаете этих коммивояжеров, как знаю их я. Вы молоды и неопытны, и я отвечаю за вашу безопасность.

— Миссис Энсон, мне двадцать два года, и я способна сама позаботиться о своей безопасности. Будьте добры, оставьте меня, я хочу спать.

Тон миссис Энсон опять изменился.

— Откуда мне знать, что вы меня не обманываете?

— Посмотрите вокруг, миссис Энсон! — Мисс Фицгиббон подбежала к двери ванной и рывком распахнула ее. Дверь больно ушибла мне плечо, но одновременно спрятала меня за створкой. — Смотрите внимательнее. Не угодно ли вам обыскать платяной шкаф? Или вы предпочитаете сначала заглянуть под кровать?

— Ну зачем же говорить колкости, мисс Фицгиббон. Мне вполне достаточно вашего слова.

— Тогда будьте добры оставить меня в покое. Я работала весь день и хочу наконец заснуть.

Помолчав немного, миссис Энсон произнесла:

— Ну что ж, Амелия. Спокойной вам ночи.

— Спокойной ночи, миссис Энсон.

Я услышал, как хозяйка вышла из комнаты, спустилась по ступенькам в коридор. Мисс Фицгиббон

выждала довольно долгое время, потом закрыла входную дверь. Вошла ко мне в ванную, обессиленно оперлась о притолоку.

— Ушла,— только и сказала она.

4

Мисс Фицгиббон взяла у меня из рук стаканчик и проглотила брэнди одним глотком.

— Хотите еще? — тихо спросила она.

— Да, если можно.

Фляга была уже почти пуста, но мы честно поделили то, что там оставалось. В отвесах газа лицо мисс Фицгиббон казалось мертвенно-бледным; подозреваю, что и я выглядел не лучше.

— Я, конечно, сейчас же уйду.

Она покачала головой.

— Вас увидят. Миссис Энсон не посмеет вломиться сюда снова, но уж будьте уверены, что ляжет она не сразу.

— Что же делать?

— Придется повременить с уходом. Думаю, через часок ее терпение истощится.

— Мы ведем себя так, словно в самом деле в чем-то провинились,— заметил я.— Почему мне нельзя выйти прямо сейчас и рассказать миссис Энсон все, как было?

— Потому что мы уже прибегли к обману, и к тому же она видела меня в ночной рубашке.

— Ах, да...

— Придется выключить газ, будто я действительно легла спать. Тут есть маленькая керосиновая лампа, как-нибудь обойдемся.— Мисс Фицгиббон показала на складную ширму.— Если вы, мистер Тернбулл, передвинете эту штуку к двери, она заслонит свет и приглушит наши голоса.

— Так я и сделаю.

Мисс Фицгиббон подбросила в камин кусок угля, зажгла керосиновую лампу и выключила газ. Я помог ей переместить кресла поближе к огню, а лампу поставил на каминную полку. И вдруг услышал прямой вопрос:

— Вам не хочется оставаться здесь?

— Я предпочел бы уйти, — ответил я, заикаясь от смущения, — но вы, вероятно, правы. Я вовсе не жажду встречи с миссис Энсон, по крайней мере в настоящий момент.

— Тогда постарайтесь взять себя в руки.

— Мисс Фицгиббон, — сказал я, — мне было бы гораздо проще, если бы вы вновь оделись как полагается.

— Но под этой рубашкой на мне еще и белье.

— Все равно.

Я опять ненадолго отправился в ванную, а когда вернулся, мисс Фицгиббон была уже в платье. Причесываться она, впрочем, не стала, но это мне нравилось — ее лицо, на мой вкус, выигрывало в обрамлении распущенных волос. Когда я снова уселся, она обратилась ко мне:

— Могу я просить вас об одном одолжении, не рискуя шокировать вас окончательно?

— О чем вы?

— Мне будет легче выдержать этот час, если вы перестанете обращаться ко мне столь официально. Меня зовут Амелия.

— Знаю. Миссис Энсон называла вас при мне по имени. Меня зовут Эдуард.

— Вы неисравимый формалист, Эдуард.

— Ничего не могу поделать. Так меня воспитали.

Напряжение спало, и я сразу почувствовал усталость. Судя по тому, как мисс Фицгиббон — простите, Амелия — откинулась в кресле, она устала не меньше

моего. Переход на дружескую манеру обращения принес нам обоим облегчение, словно вторжение миссис Энсон упразднило общепринятый этикет. Мы были на волоске от гибели и уцелели, и это нас сблизило.

— Как вы думаете, Амелия, миссис Энсон и впрямь заподозрила, что я здесь?

Моя собеседница взглянула на меня лукаво:

— Заподозрила? Да она прекрасно знала, что вы здесь!

— Значит, я вас скомпрометировал?

— Нет, это я вас скомпрометировала. Представление с переодеванием — моя выдумка.

— Вы очень откровенны, — сказал я. — Право, до сих пор я никогда не встречал таких людей, как вы.

— Ну что ж, Эдуард, хоть вы и чопорны, как индюк, но я тоже, пожалуй, не встречала таких, как вы.

5

Теперь, когда худшее осталось позади, а о последствиях можно было до поры не задумываться, я вдруг понял, что необычность ситуации доставляет мне удовольствие. Наши кресла стояли вплотную друг к другу, в комнате царил уютный полумрак, пламя керосиновой лампы отбрасывало на лицо Амелии мягкие, манящие тени. Все это внушало мне мысли, которые не имели ни малейшего отношения к обстоятельствам, предшествовавшим этой минуте. Рядом со мной сидела женщина, которую отличали редкая красота и присутствие духа, и даже подумать о том, что через какой-то час придется с нею расстаться, было непеносимо.

Сперва разговором завладел я, рассказав Амелии немного о себе. Я поведал ей, в частности, что мои

родители эмигрировали в Америку вскоре после того, как я окончил школу, и что с тех пор я живу один и работаю на мистера Вестермена.

— Неужели у вас никогда не возникало желания поехать вслед за родителями? — поинтересовалась Амелия.

— Искушение, конечно, немалое. Они часто шлют мне письма, из которых видно, что Америка — замечательная страна. Но я решил, что сначала надо как следует узнать Англию и что, прежде чем воссоединиться с родителями, мне лучше некоторое время пожить самостоятельной жизнью.

— Ну и как? Удалось вам узнать про Англию что-нибудь новенькое?

— Вряд ли, — ответил я. — Хоть я и живу неделями вне Лондона, но много ли увидишь из гостиц наподобие этой?

Теперь можно было, не нарушая приличий, осведомиться о родственниках самой Амелии. Она рассказала, что росла без родителей — они утонули в море, когда она была еще совсем маленькой, — и что сэр Уильям был назначен ее опекуном. Отец мисс Фицгиббон был его приятелем еще со школьной скамьи и выразил такую волю в своем завещании.

— Так вы и живете в доме Рейнольдса? — спросил я. — Это не просто служба?

— Мне платят небольшое жалованье, но главное — сэр Уильям отвел мне две комнатки во флигеле.

— Как я хотел бы познакомиться с сэром Уильямом! — пылко воскликнул я.

— Чтобы он мог примерить очки в вашем присутствии? — съязвила Амелия.

— Искренне сожалею, что осмелился обратиться к вам с подобным предложением.

— А я рада, что вы это сделали. Вы, пусть не-

вольно, скрасили мой сегодняшний вечер. Каюсь, я начинала подозревать, что в гостинице просто нет никого, кроме миссис Энсон, — так крепко эта особа вцепилась в меня. Между прочим, я совершенно уверена, что сэр Уильям купит у вас очки, невзирая на то, что уже забросил свой самоходный экипаж.

Я не скрыл удивления.

— Но я слышал, что сэр Уильям — ревностный моторист. Почему же он охладил к своему увлечению?

— Он ученый, Эдуард. Его интересы многообразны, и он постоянно переключается с одного изобретения на другое.

Так мы беседовали довольно долгое время, и чем дальше, тем увереннее я себя чувствовал. С одного предмета мы перескакивали на другой, вспоминая пережитые прежде события и приключения. Очень скоро я выяснил, что Амелия путешествовала много больше меня — ей случалось сопровождать сэра Уильяма в его заморских странствиях. Она рассказывала мне о своей поездке в Нью-Йорк, а также в Дрезден и Лейпциг, и эти рассказы произвели на меня большое впечатление.

Наконец огонь в камине догорел, и мы допили последние капли брэнди. Я произнес с сожалением:

— Как вы думаете, Амелия, мне, наверное, пора возвращаться к себе?

Секунду-другую она молчала, потом слегка улыбнулась и, к моему изумлению, мягко положила пальцы на мою руку.

— Только если вы сами решительно хотите уйти.

— Тогда я, пожалуй, задержусь еще на несколько минут.

Едва я произнес эти слова, как пожалел о них. Амелия вела себя более чем по-дружески, но, право, мы уже потолковали обо всем, что нас интересовало, и теперь откладывать свой уход значило потрафлять

своего рода безумию, обусловленному ее близостью. Я не представлял себе, сколько времени прошло с тех пор, как миссис Энсон убралась восвояси, — вытаскивать часы в создавшихся обстоятельствах было бы непростительно, — но чутье подсказывало мне, что гораздо больше часа, на который мы оба согласились. Задерживаться еще было бы неприлично.

Амелия все не торопилась убраться свою руку с моей.

— Мы должны продолжить разговор, Эдуард, — предложила она. — Давайте встретимся в Лондоне как-нибудь вечером. Или вы пригласите меня пообедать. Чтобы можно было говорить, не снижая голоса, сколько захочется.

Я спросил:

— Когда вы думаете возвращаться к себе в Суррей?

— По-видимому, завтра во второй половине дня.

— Я буду весь день в городе. Быть может, позавтракаем вместе? Я знаю маленькую таверну по дороге в Илки...

— Хорошо, Эдуард. С удовольствием.

— А теперь я лучше вернусь к себе. — Я достал из кармана часы и убедился, что с момента вторжения миссис Энсон пролетело целых полтора часа. — Извините, что так долго задерживал вас своей болтовней.

Амелия ничего не ответила, только покачала головой. Я подхватил свой саквояж и сделал шаг к двери. Амелия тоже встала и задула лампу.

— Я помогу вам отодвинуть ширму, — сказала она.

Единственным источником освещения в комнате оставались догорающие угольки в камине. На их фоне четко вырисовывался силуэт Амелии — она подошла ко мне совсем близко. Вдвоем мы оттащили ширму в сторону, и я нажал на дверную ручку. В ко-

ридоре все было тихо и спокойно. Типпина казалась такой глубокой, что я вдруг задал себе вопрос: а могла ли ширма заглушить наши голоса? Не привлек ли наш ночной разговор внимание постояльцев, а не только одной миссис Энсон?

Я обернулся.

— Спокойной ночи, мисс Фицгиббон.

Ее пальцы вновь дотронулись до моей руки, и я почувствовал на щеке тепло ее дыхания. На какую-то долю секунды она коснулась меня губами.

— Спокойной ночи, мистер Тербулл.

Она быстро сжала мне руку, потом отодвинулась и беззвучно затворила дверь.

6

У меня в комнате было холодно, постель остыла, и я никак не мог уснуть. Я проворочался с боку на бок всю ночь, и мысли мои без конца возвращались к вопросам, от которых я просто не мог уйти. Утром, на удивление свежий, несмотря на бессонницу, я первым спустился к завтраку, но, едва я сел на свое обычное место, ко мне приблизился старший официант.

— Миссис Энсон просила кланяться вам, сэр, — заявил он, — и озаботиться этим сразу же после завтрака.

Я вскрыл тонкий коричневый конверт — там лежал счет. Выйдя из столовой, я обнаружил, что мой багаж уже упакован и вынесен в холл. Старший официант принял у меня деньги и проводил к двери. Никто из других постояльцев не видел этой сцены; миссис Энсон также не показывалась на глаза.

Я стоял на пронизывающем утреннем холодке, не в силах прийти в себя от внезапности столь насильственного отъезда. Затем, немного подумав, отнес ве-

щи на станцию и сдал их в багажное отделение. Часа полтора-два, не меньше, я крутился в окрестностях гостиницы, но Амелии так и не встретил. В полдень я заглянул в таверну по дороге в Илкли, однако новая моя знакомая не появилась и там. С приближением вечера мне оставалось лишь вернуться на станцию и с последним поездом уехать в Лондон.

Глава III

В доме на Ричмонд-Хилл

1

Неделю, следующую за преждевременным возвращением из Скиптона, я провел в деловой поездке в Ноттингем. И проявил такое усердие в работе, что с лихвой наверстал упущенное за предыдущие дни. К вечеру в субботу, к тому моменту, когда я перешагнул порог своей квартирки близ Риджентс-парка, прискорбное происшествие в Скиптоне почти изгладилось из моей памяти. Впрочем, нет, подобное утверждение было бы не вполне точным: невзирая на все последствия, встреча с Амелией представлялась мне очень примечательной. Вероятно, на новое свидание с ней не стоило и надеяться, но мне тем не менее хотелось бы перед ней извиниться.

Только, право же, я мог бы и догадаться, что следующий шаг сделает именно она: в субботу, когда я вернулся к себе, меня поджидало письмо из Ричмонда. Письмо было напечатано на пишущей машине, и в нем меня извещали, что сэр Уильям заинтересовался приспособлением для езды на автомобиле, которое я демонстрировал, и выразил желание увидеться со мной. А посему меня приглашали на воскресенье 21 мая — в этот день сэр Уильям будет рад побеседовать со мной за послеобеденным чаем. Письмо было подписано: «А. Фицгibbon».

Ниже официального послания Амелия добавила от руки:

«Сэр Уильям обычно проводит большую часть дня у себя в лаборатории. Не хотите ли приехать немного пораньше, часа в два пополудни? Погода заметно улучшилась, и я думаю, что мы с вами могли бы покататься на велосипедах по Ричмонд-парку.

Амелня.»

Я не заставил себя долго просить. Честно говоря, уже через пять минут я написал, что принимаю приглашение, а через час опустил ответ в почтовый ящик. Послеобеденный чай — что может быть лучше!

2

В назначенный день, сойдя с поезда на станции Ричмонд, я не спеша шагал по улицам городка. Лавки, как правило, были закрыты, но движение было оживленное — по большей части фэтоны и ландо, в которых целыми семьями восседали лондонцы, выехавшие на воскресную прогулку, — а тротуары запружены пешеходами. Я шествовал рядом с ними, чувствуя себя подтянутым и элегантным в новом костюме, купленном накануне. Ради столь необычного случая я даже позволил себе сумасбродство — купил жесткую соломенную шляпу и, поддавшись легкомысленному настроению, лихо заломил ее набок. Единственное, что напоминало сейчас о моей повседневной жизни, был саквояж в руке, но я вытряхнул оттуда все содержимое, за исключением трех пар очков. Непривычная легкость саквояжа также подчеркивала особый характер предстоящего визита.

Разумеется, я приехал слишком рано — ведь из дому я вышел сразу после завтрака. Я настолько боялся опоздать, что поневоле впал в ошибку, когда рассчитывал, сколько времени мне понадобится на

дорогу. Я с удовольствием прогулялся пешком до вокзала Ватерлоо, путешествие на поезде заняло всего-навсего минут двадцать, и вот я у цели, а вокруг свежий воздух и тепло ласкового майского утра.

В центре городка я миновал церковь как раз в ту минуту, когда закончилась служба и паства выбиралась из-под сводов на солнечный свет — джентльмены, бесстрастно спесивые в своих парадных сюртуках, и дамы, оживленные, в ярких платьях, с разноцветными зонтиками. Я отправился дальше, достиг Ричмондского моста и перешел Темзу, поглядывая вниз на лодки, плывущие на веслах меж лесистых берегов.

Все это составляло резкий контраст с лондонской суетой и гарью; как ни привлекала меня жизнь в столице, а только нескончаемая людская толчея, грохот движения и нездоровая серая пелена промышленных дымов помимо воли давили на психику. Приятно было найти такое славное местечко, и совсем недалеко от Лондона, где сохранились красота и изящество — качества, которых, как мне частенько казалось, уже нет в природе.

Я еще погулял по одной из прибрежных тропинок, а потом двинулся обратно в Ричмонд. Отыскал ресторанчик, открытый по воскресеньям, и основательно подкрепился. Покончив с едой, я возвратился на станцию, чтобы исправить свою оплошность: я забыл выяснить расписание вечерних поездов на Лондон.

Наконец пришла пора отправиться по указанному в письме адресу, и я вновь прошел через городок, следуя тем же маршрутом, пока не добрался до улицы, ведущей вниз к Ричмондскому мосту. Здесь налево ответвлялась боковая улочка, которая карабкалась на холм Ричмонд-Хилл. Вся левая сторона улочки была застроена; поначалу, у подножия холма, дома располагались ярусами друг над другом, и я заметил од-

ну-две лавчонки. На верхнем ярусе находилась пивная — насколько мне помнится, «Королева Виктория», — а дальше характер и стиль построек разительно изменялись. Как правило, они стояли поодаль от улицы, почти невидимые за густыми деревьями. Еще больше деревьев росло справа — там был уже самый настоящий парк, а поднявшись выше, я увидел Темзу, изящной дугой прорезающую луга Твикенхэма. Место было очень красивое, почти идиллическое.

Близ вершины холма улочка превратилась в неровную проселочную дорогу, ведущую к воротам, за которыми начинался Ричмонд-парк как таковой. Тропуара не осталось и в помине, и вскоре передо мной открылась совсем узенькая тропка, тянущаяся вверх по склону. Я двинулся по этой тропке и вышел к поставленным по обе стороны каменным столбам с высеченной на них надписью: «Дом Рейнольдса». Значит, я благополучно прибыл по нужному адресу.

К дому вела недлинная, но круто изогнутая дорожка, и самой усадьбы от въезда было не разглядеть. Я зашагал по дорожке, слегка удивленный тем, что деревьям и кустам разрешают здесь расти неподстриженными. Кое-где они образовали такие заросли, что дорожка по ширине едва-едва могла пропустить экипаж.

Еще мгновение — и я увидел дом и был, признаюсь, поражен его размерами. Центральная часть здания была, по моей невежественной оценке, возведена лет сто назад, однако по краям к ней были пристроены два просторных, много более современных флигеля, а образованный ими двор частично перекрывала крыша из застекленных деревянных рам наподобие оранжерей.

В непосредственной близости к дому кустарник был вырублен, и к одному из флигелей примыкала

ухоженная лужайка — судя по всему, она охватывала здание полукольцом, выбегая к заднему фасаду.

Оранжевая пристройка почти заслонила главный вход — с первого взгляда я его даже не заметил. Вокруг, казалось, не было ни души — в доме и в саду царил тишина, и в окнах не замечалось никакого движения. Но когда я проходил мимо окон флигеля, послышался резкий лязг металла по металлу, сопровождаемый вспышкой желтого света. На мгновение мне привиделся силуэт мужчины — тот склонился над чем-то, окруженный облаком искр. Затем лязг прекратился, и за окнами все вновь померкло.

Я нажал кнопку электрического звонка, прикрепленную у двери, и через несколько секунд мне открыла полная женщина средних лет в черном платье с белым передником. Я сдернул с головы шляпу.

— Мне хотелось бы видеть мисс Фицгиббон, — произнес я, переступая порог. — Я полагаю, что меня ждут.

— У вас есть визитная карточка, сэр?

Я чуть было не вытащил свою карточку коммивояжера, какими нас снабжал мистер Вестермен, однако вовремя спохватился, что мой визит носит скорее частный характер.

— Нет, просто назовите мое имя — Эдуард Тернбулл.

— Не угодно ли обождать?

Горничная проводила меня в приемную и вышла, прикрыв дверь.

Наверное, я поднимался на холм чересчур резко, потому что вдруг почувствовал, что мне жарко, кровь прилила к щекам, а на лбу выступил пот. Со всей возможной быстротой я промокнул лицо платком, затем, чтобы успокоиться, обвел комнату взглядом в надежде, что представленная здесь ме-

бель поведает мне о вкусах сэра Уильяма. В действительности приемная оказалась обставленной аскетично, почти голой. Маленький восьмиугольный столик перед камином, а подле него два выгоревших кресла — вот и все, что здесь было, если не считать портьер и потертого ковра.

Служанка вернулась.

— Прошу вас пройти за мной, мистер Тернбулл, — предложила она. — Свой саквояж можете оставить в прихожей.

Я проследовал за ней по коридору, потом мы свернули влево и очутились в уютной гостиной. Застекленная дверь вела из гостиной в сад. Горничная показала мне, чтобы я шел этим путем, и наконец я увидел Амелию: она сидела под яблонями на лужайке, за железным, выкрашенным в белую краску столиком.

— Мистер Тернбулл, мисс, — возвестила служанка из-за моего плеча, и Амелия отложила книгу, которую перед тем читала.

— Эдуард! — приветствовала она меня. — Вы приехали раньше, чем я думала. Это чудесно! Для велосипедной прогулки день — лучше не придумаешь...

Я сел за столик напротив нее. Служанка все еще стояла у открытой двери в гостиную.

— Миссис Уотчет, не принесете ли вы нам лимонаду? — обратилась к ней Амелия. И ко мне: — После подъема к нам на холм вы, верно, умираете от жажды. Выпьем по бокалу лимонада и тогда отправимся...

Я был в восхищении от того, что снова вижу ее; она оказалась еще милее, чем образ, запечатлевшийся в моей памяти. Ее белая блузка и темно-синяя шелковая юбка составляли прелестное сочетание, а на голове у нее был капор, украшенный цветами. Длин-

ные каштановые волосы, тщательно расчесанные и сколотые с боков, ровной волной падали на спину. Она сидела лицом к солнцу, и, когда ветви яблонь покачивались на легком ветру, их тени, чудилось, ласкали ей кожу. Ко мне она была обращена в профиль, но ее привлекательность от этого не страдала, не в последнюю очередь благодаря прическе, изящно оттеняющей черты лица. Я любовался грацией, с какой она сидела, нежностью ее кожи, теплотой глаз.

— Я не взял с собой велосипеда, — признался я. — Просто не был уверен...

— У нас их хоть отбавляй. Возьмете один из наших. Знаете, Эдуард, я очень рада, что вы сумели приехать сюда. Мне надо о многом вам рассказать.

— Очень сожалею, что навлек на вас неприятности, — произнес я, желая как можно быстрее снять с души мучившую меня тяжесть. — Миссис Энсон ни на секунду не усомнилась, что в вашей комнате прятался именно я.

— Я поняла, что вам показали на дверь.

— Сразу же после завтрака, — подтвердил я. — Сама миссис Энсон не удостоила меня...

В этот момент на сцене вновь появилась миссис Уотчет с подносом, на котором позвякивали стеклянный кувшин и два высоких бокала, и я предпочел оставить фразу недоконченной. Пока служанка разливала лимонад, Амелия указала мне на какой-то диковинный южноамериканский кустик, росший в саду (сэр Уильям привез упомянутый кустик из своих заморских странствий), и я выразил к этому предмету живейший интерес. Когда мы вновь остались вдвоем, Амелия предложила:

— Продолжим разговор на лоне природы. Надо полагать, миссис Уотчет, услышь она о нашем ночном приключении, была бы шокирована ничуть не меньше миссис Энсон.

В том, как она употребила местоимение «наше», мне почудилось что-то особенное, и я ощутил приятную и не столь уж невинную внутреннюю дрожь.

Лимонад был восхитительный — ледяной, с острой кислинкой, щекочущей нёбо. Я опорожнил свой бокал с неподобающей быстротой.

— Расскажите мне хоть немного о новых работах сэра Уильяма, — попросил я. — Вы упоминали, что он утратил интерес к экипажам без лошадей. Чем же он увлекается в настоящее время?

— Если вы собираетесь встретиться с сэром Уильямом, то, быть может, спросите его об этом сами? Но ни для кого уже не секрет, что он построил летательный аппарат тяжелее воздуха.

Я уставился на нее, не веря собственным ушам.

— Вы шутите! Такой аппарат не может летать!

— Летают же птицы — а они тяжелее воздуха.

— Да, но у них есть крылья.

Она смерила меня долгим задумчивым взглядом.

— Можете полюбоваться на него сами, Эдуард. Аппарат за теми деревьями.

— В таком случае, — воскликнул я, — мне не терпится увидеть это немыслимое изобретение!

Мы оставили бокалы на столе, и Амелия повела меня через лужайку к окаймляющим ее деревьям. Миновав их, мы двинулись дальше в направлении Ричмонд-парка, который кое-где подступал вплотную к приусадебным лужайкам, и вскоре вышли на площадку — выровненную и утрамбованную, да еще залитую каким-то твердым покрытием. На площадке стоял летательный аппарат.

Он был внушительнее, чем я мог себе вообразить, — в своей наиболее широкой части он достигал, наверное, двадцати футов. Конструкция явно осталась незавершенной: голая рама из деревянных стоек и ни малейших признаков водительского си-

дня. С обеих сторон корпуса свешивались длинные крылья, концы которых доставали до земли. В целом аппарат походил, пожалуй, на сидящую стрекозу, хотя до грациозности этого насекомого ему было очень и очень далеко.

Мы подошли к механической стрекозе вплотную, и я пробежал пальцами по поверхности ближнего крыла. Ткань, на ощупь напоминающая шелк, была, по-видимому, натянута на деревянные рейки, причем натянута настолько туго, что издавала под пальцами гулкий звук.

— Как же он действует? — поинтересовался я.

Амелия перешла от крыла к корпусу аппарата.

— Мотор крепится вот здесь, — ответила она, указывая на четыре стойки, более массивные, нежели все остальные. — А эта система блоков несет канаты, поднимающие и опускающие крылья.

Действительно, крылья были закреплены на шарнирах, позволяющих им перемещаться вверх и вниз, и, приподняв одно крыло за кончик, я убедился, что движется оно плавно и мощно.

— Почему же сэр Уильям не продолжил работу? — воскликнул я. — Полет, наверное, рождает удивительные ощущения!

— Он разочаровался в своем замысле, — сказала Амелия. — Конструкция перестала его удовлетворять. Однажды вечером он признался мне, что собирается пересмотреть всю теорию полета, поскольку этот аппарат лишь подражает — и то без особого успеха — движениям птицы. Сэр Уильям пришел к выводу, что идею необходимо пересмотреть. К тому же поршневой мотор, который был установлен, слишком тяжел для полета и не обладает достаточной силой.

— Человек, наделенный такими талантами, как сэр Уильям, без труда мог бы усовершенствовать мотор, — заметил я.

— Именно это он и сделал. Вгляните сами.

Амелия обратила мое внимание на странное устройство, закрепленное в глубине корпуса. На первый взгляд оно казалось изготовленным из меди и слоновой кости, но были там и какие-то хрустальные поверхности, которые почему-то не удавалось толком рассмотреть; составные части устройства скрывались за их мерцающими, многогранными контурами.

— Что это? — спросил я, весьма заинтригованный.

— Прибор, изобретенный сэром Уильямом. В нем заключено вещество, увеличивающее мощность мотора, и нешуточным образом. Но я уже говорила вам, что сэр Уильям не был удовлетворен конструкцией в целом и забросил свой аппарат.

— А куда девался мотор?

— Сэр Уильям забрал его в дом и использует, чтобы снабжать лабораторию электрическим током.

Я наклонился пониже, силясь разобраться, что это за хрустальные поверхности, но даже с близкого расстояния мне не удавалось установить, как они сделаны. Летательный аппарат не оправдал моих ожиданий; если бы он поднялся в воздух, это было бы, надо думать, потешное зрелище. Выпрямившись, я увидел, что Амелия отступила на шаг.

— Скажите, — обратился я к ней, — вам случилось помогать сэру Уильяму в лаборатории?

— Да, когда он просил меня об этом.

— Значит, вы его доверенное лицо?

— Если вас заботит, способна ли я уговорить его купить ваши очки, то полагаю, что да.

Я ничего не ответил: злосчастная история с очками совершенно выскочила у меня из головы.

Мы медленно двинулись обратно в сторону дома, вышли на лужайку, и только тогда Амелия смилилась;

— Теперь, быть может, отправимся на велосипедную прогулку?

— С радостью.

Мы вернулись в дом, и Амелия вызвала миссис Уотчет. Достойной женщине было сказано, что мы сейчас выйдем из дому, но чай тем не менее следует сервировать как обычно, в четыре тридцать. Затем мы отправились к навесу, под которым хранились велосипеды, выбрали себе по машине и вывели их, придерживая за руль, через сад к границе Ричмонд-парка.

3

Мы устроились в тени деревьев, нависающих над берегом живописного пруда, и Амелия наконец поведала мне, что произошло с ней наутро после нашего разговора.

— На завтрак меня не позвали, — рассказывала она, — а я очень устала и проспала. В половине девятого меня разбудила сама миссис Энсон, которая принесла мне завтрак в постель. Затем, как нетрудно догадаться, я удостоилась чести выслушать лекцию о воззрениях миссис Энсон на вопросы морали. Лекция, как водится у этой дамы, была весьма продолжительной.

— Она была разгневана? И вы не пытались ей ничего объяснить?

— Нет, она не была разгневана или по крайней мере сдерживала свой гнев. Но объяснять что бы то ни было просто не имело смысла. Миссис Энсон тут же картинно поджимала губы. Она твердо знала, что произошло, пришла на этот счет к совершенно определенному выводу, и мне сперва казалось, что, сделай я хотя бы робкую попытку поколебать этот вывод, опровергнуть вынесенный заранее приговор, она умрет

от негодования. Потому я сидела и покорно выслушивала ее наставления. Вкратце они сводились к тому, что я образованная и воспитанная юная леди и «жить в распущенности», как выразилась миссис Энсон, мне отнюдь не подобает. Однако в известной мере эти проповеди были и вправду поучительны. Я вдруг осознала, что, бичуя других за их воображаемые проступки, хозяйка в то же время сгорает от страстного, неукротимого любопытства. Невзирая на весь свой напускной гнев, миссис Энсон втайне надеялась разузнать, что же случилось на самом деле.

— Полагаю, ее любопытство осталось неудовлетворенным? — осведомился я.

— Почему же? — улыбнулась Амелия, подобрав с земли веточку и обрывая с нее листок за листком, пока не оголился гибкий ярко-зеленый пруттик. — Я сообщила ей кое-какие красочные подробности.

Я невольно рассмеялся — сам не знаю, нервно или смущенно, — однако храбро спросил:

— А вы не могли бы поделиться со мной хотя бы некоторыми из них?

— Пощадите мою скромность, благородный сэр! — вскричала Амелия, нарочито хлопая ресницами, и тут же, не выдержав, расхохоталась. — Удовлетворив свое любопытство и напороочив мне, что я покачусь по наклонной плоскости, миссис Энсон поспешила из моей комнаты прочь. Тут и сказке конец. Я съехала из гостиницы так быстро, как только смогла. Но миссис Энсон все-таки задержала меня, я опоздала на завод, где должна была побывать в тот день, и не успела освободиться к завтраку, о котором мы с вами договорились. Искренне сожалею.

— Не стоит извинений, — ответил я, почему-то очень довольный собой, хотя скандальная репутация, которую я приобрел в Скиптоне, была совершенно незаслуженной.

Мы сидели рядом под огромным деревом, прислонив велосипеды к дереву по соседству. В нескольких ярдах от нас два мальчугана в матросских костюмчиках спускали на воду игрушечную яхту. С ними была няня, следившая за их затеей без тени интереса в глазах.

— Поедем дальше, — сказал я. — Мне хотелось бы лучше познакомиться с парком.

Вскочив с земли, я протянул руки, чтобы помочь Амелии подняться. Мы подбежали к нашим велосипедам и, оседлав их, повернули против ветра, двигаясь, пожалуй, в направлении Кингстона-на-Темзе. Сначала мы ехали довольно лениво, но вдруг, как раз когда впереди наметился небольшой подъем, Амелия бросила вызов:

— Давайте наперегонки!

Я нажал на педали, однако подъем в сочетании со встречным ветром не позволял разогнаться. Амелия держалась впереди.

— Ну, что же вы, пошевеливайтесь! — весело крикнула она и вырвалась еще немного дальше.

Я еще прибавил скорость и ухитрился сравняться с ней, но она тут же снова ушла вперед. Я приподнялся в седле, напряг все силы, пытаюсь нагнать ее, но, как ни пыжился, между нами сохранялась дистанция в три-четыре ярда. Внезапно, словно бы устав играть со мной, Амелия стремительно оторвалась от преследования и, пренебрегая риском, подпрыгивая на неровностях тропинки, в мгновение ока взлетела вверх по склону. Я понял, что мне нипочем за ней не угнаться и сразу отказался от неравной борьбы. Просто следил, как она удаляется от меня, — и вдруг с ужасом осознал, что она спокойно сидит в седле и, насколько можно было судить, катится вверх по инерции!

Ошеломленный, я наблюдал, как ее велосипед пе-

ревалил гребень холма со скоростью двадцать миль в час или даже более и исчез из виду.

Я продолжал крутить педали, поневоле впадая в раздражение — гордость моя была уязвлена. Вскрабавшись на гребень, я вновь увидел Амелию в десятке ярдов от себя. Она слезла с велосипеда и бросила его рядом на траву; переднее колесо еще вращалось. Сама она сидела поблизости и смеялась: по-видимому, ее забавляло мое лицо, разгоряченное, взмокшее от пота.

Я швырнул свой велосипед неподалеку и присел на траву в самом дурном расположении духа, какое мне доводилось испытывать когда-либо в ее присутствии.

— Вы мошенничали, — упрекнул я ее.

— А кто вам мешал? — парировала она, все еще смеясь.

Я отер лицо платком.

— Вы не состязались со мной, а намеренно унижали меня.

— Ну, Эдуард! Не принимайте этого так близко к сердцу. Просто я хотела кое-что вам показать.

— Что именно? — осведомился я кислым тоном.

— Мой велосипед. Вы ничего не заметили?

— Нет, не заметил.

Я никак не желал смягчиться.

— Взгляните на переднее колесо.

— Оно все еще крутится.

— Попробуйте остановить его.

Дотянувшись до пневматической шины, я ухватился за нее, но тут же отдернул руку, обожженную трением. А колесо вращалось как ни в чем не бывало.

— Что за наваждение?! — изумился я, разом забыв про свое дурное настроение.

— Одно из изобретений сэра Уильяма. Такое же установлено и на вашем велосипеде,

— Но как оно действует? Вы катились по инерции вверх по склону. Это противоречит всем законам физики.

— Позвольте, я покажу вам, в чем дело.

Она подошла к своему велосипеду и взялась за руль. Сжала правую ручку каким-то определенным образом, и необъяснимое вращение сразу же прекратилось. Приподняв велосипед, она поставила его на колеса.

— Вот здесь, внизу. — Достаточно было понять, куда смотреть, чтобы я заметил между правой ручкой и тормозным рычагом крошечную полоску слюды. — Передвиньте ее пальцами, вот так — и, пожалуйста...

Велосипед сам собой покатился вперед, но Амелия оторвала переднее колесо от земли и оно принялось вращаться в воздухе.

— Если захотите остановиться, сдвиньте полоску на прежнее место, и велосипед снова станет самым обыкновенным...

— И моя машина оборудована таким же образом?

— Совершенно верно.

— Так что же вы мне сразу не сказали? Это сэкономило бы нам уйму сил!..

Амелия опять не удержалась от смеха, глядя, как торопливо я поднял свой велосипед. И действительно, под правой ручкой был точно такой же кусочек слюды.

— Мне не терпится самому опробовать это чудо! — воскликнул я и вскочил в седло.

Едва обретя равновесие, я нажал на полоску слюды, и велосипед покатился быстрее.

— Получается, получается!.. — еще успел выкрикнуть я, взмахнув от восторга руками, и тут переднее колесо наехало на пучок травы, и я оказался на земле.

Амелия подбежала ко мне и помогла мне подняться-

ся. Мой поровистый велосипед валялся в пяти ярдах от меня, а переднее колесо продолжало весело вращаться.

— Что за волшебное изобретение! — я был полон воодушевления, невзирая на аварию. — Вот теперь мы с вами посоревнуемся всласть!

— Хорошо, — согласилась Амелия. — Но сначала вернемся к прудам.

Я подхватил упавший велосипед, она побежала к своему. Мгновение — и вот уже мы оба оседлали машины и увлеченно покатали обратно на гребень холма. На этот раз состязание было много более равным; когда, перевалив гребень и держа курс к прудам, мы выбрались на пологий уклон, то шли буквально колесо в колесо. Ветер бил мне в лицо, и минуты две спустя я почувствовал, что потерял шляпу. Капор Амелии тоже слетел у нее с головы, но ленты завязок удерживали его за спиной.

Достигнув пруда, мы промчались мимо няни с двумя мальчуганами, которые проводили нас удивленным взглядом. Заливаясь смехом, мы описали круг по берегу большего из двух прудов, потом оттянули полоски слюды и вернулись под деревья с умеренной скоростью. Когда мы слезли с седел, я не удержался от вопроса:

— Что же это все-таки за устройство, Амелия? Как оно действует?

Я слегка задыхался, хотя физическая энергия, которую я затратил, была в сущности ничтожной.

— Посмотрите, — ответила моя спутница.

Легким круговым движением она сняла литую резиновую ручку, оголив железную трубчатую основу. Повернула руль под таким углом, чтобы я мог заглянуть внутрь трубки... и там, словно в гнезде, было запрятано вещество, похожее на хрусталь, — то

самое, какое я впервые увидел в глубине летательного аппарата.

— Внутри рамы скрыт провод, — пояснила Амелия, — соединяющий руль с колесом. Втулка колеса наполнена таким же веществом.

— Но что это за вещество? — настаивал я. — Из чего оно состоит?

— Этого я не знаю. Вернее, знаю некоторые его составляющие, поскольку заказывала их для сэра Уильяма, но понятия не имею, как надо их соединить, чтобы добиться желаемого эффекта...

Она добавила, что усовершенствованный велосипед был построен сэром Уильямом несколько лет назад, когда катание на велосипедах вошло в моду. Он ставил себе целью помочь пожилым и физически слабым людям подниматься на велосипеде в гору.

— Вы отдаете себе отчет, что одно это изобретение могло бы принести ему целое состояние?

— Сэр Уильям не стремится к богатству.

— Пусть так, но подумайте о благе общества! Машина, подобная этой, могла бы прозвести переворот в промышленности, изготавливающей средства передвижения!

Амелия покачала головой.

— Вы не знаете сэра Уильяма. Уверена, что он взвешивал, не взять ли на свое изобретение патент, но предпочел оставить мир в неведении. Катание на велосипедах — это спорт, а следовательно, удел молодежи. Велосипеды существуют ради физических упражнений на вольном воздухе. А вы сами убедились: чтобы ездить на таком велосипеде, не нужно тратить вообще никаких усилий.

— Да, но подобному изобретению могут найтись и другие применения!

— Несомненно. Потому-то я и сказала, что вы не знаете сэра Уильяма, да и нелепо было бы этого ожи-

дать. Он человек неумной интеллектуальной энергии. Как только одна задача решена, он немедленно переключается на другую. Усовершенствованный велосипед предшествовал экипажу без лошадей, а тому на смену пришел летательный аппарат.

— А сейчас, — поинтересовался я, — он забросил летательный аппарат ради какой-то новой идеи?

— Совершенно верно.

— Смею ли я спросить вас, ради какой?

— Вы сегодня встретитесь с сэром Уильямом лично, — ответила Амелия. — Быть может, он сам расскажет вам о ней.

Я обдумал это предложение.

— Но вы жаловались, что иной раз он бывает крайне необщителен. Что, если он не захочет ничего рассказывать?

Мы снова сидели рядышком под тем же деревом, что и прежде.

— Тогда, — отозвалась Амелия, — вы, Эдуард, попросите меня об этом еще раз.

Глава IV

Сэр Уильям излагает свою теорию

1

Время шло, и вскоре Амелия объявила, что пора возвращаться.

— Устроим новые гонки или поедем на педалях, по старинке? — спросил я, хотя, признаться, мне не хотелось ни того, ни другого: хотелось оставить все, как есть, сидеть и сидеть вдвоем под деревьями.

Было по-прежнему солнечно, по парку плыла приятная, мягкая, ненавязчивая жара.

— Поедем по старинке, — твердо решила она. — Катиться по инерции невелика польза.

— Тогда не будем торопиться, — предложил я. — Мы еще повторим такую прогулку, Амелия? То есть я хотел сказать, покатаемся на велосипедах еще раз, в следующую субботу или воскресенье?

— Из этого может ничего не получиться, — ответила она. — Иногда по воскресеньям я бываю занята, а время от времени мне приходится уезжать.

При мысли о том, что она путешествует вместе с сэром Уильямом, я ощутил укол беспричинной ревности.

— Но если вы будете здесь, в Ричмонде, мы покатаемся снова?

— Если вам захочется пригласить меня.

— Я вас приглашаю.

Оседлав свои машины заново, мы первым делом поехали обратно по тому маршруту, какой избрали

для гонки, и отыскивали мою потерянную шляпу. С ней ничего не случилось, и я водрузил ее на голову, но, чтобы ветер опять не сдул ее, надвинул пониже на глаза.

Обратный путь проходил без происшествий и по большей части в молчании. Наконец-то я догадался об истинной причине своего приезда в Ричмонд; я стремился сюда вовсе не за тем, чтобы встретиться с сэром Уильямом. Да, разумеется, я по-прежнему преклонялся перед его именем, но с какой радостью я променял бы предстоящую беседу на возможность провести еще час-другой и тем более весь вечер в парке с Амелией!

Мы вернулись в сад через маленькую калитку неподалеку от заброшенного сэром Уильямом летательного аппарата и отвели велосипеды на их постоянное место, под навес.

— Я пойду переоденусь, — сказала Амелия.

— Зачем? Вы, и так восхитительно выглядите, — возразил я.

— А вы? Уж не собираетесь ли вы беседовать с сэром Уильямом в костюме, присыпанном травкой?

Она протянула руку и сняла травинку, которая каким-то образом забила мне под воротник.

В дом мы вошли, как и вышли, через застекленную дверь гостиной. Амелия надавила на кнопку звонка, и в ответ на вызов явился слуга.

— Хиллиер, это мистер Тернбулл. Он зван на чай, а затем останется и на обед. Помогите ему привести себя в порядок.

— Охотно, мисс Фицгиббон. — Слуга повернулся ко мне. — Не угодно ли пожаловать сюда, сэръ?

Он обозначил жестом, чтобы я следовал за ним, и направился в сторону коридора. Амелия окликнула его:

— И еще, Хиллиер. Передайте, пожалуйста,

миссис Уотчет, что мы будем готовы через десять минут и просим сервировать чай в курительной.

— Слушаюсь, мисс.

Хиллнер поднялся на второй этаж и показал мне скромную ванную, где меня поджидали мыло и полотенца. Пока я умывался, он взял у меня скруток и хорошенько прошелся по нему щеткой.

Чтобы попасть в курительную, пришлось снова спуститься вниз. Это была небольшая комната, обжитая, уютно обставленная. Амелия уже ждала меня; наверное, моя реплика насчет ее наружности все-таки польстила ей, — переодеваться она не стала, а лишь надела поверх блузки крошечный жакетик.

Посуда была расставлена на восьмиугольном столике, и мы уселись в ожидании сэра Уильяма. Судя по часам на каминной полке, наступила половина пятого, потом миновало еще несколько минут, и Амелия позвала миссис Уотчет.

— Вы звонили к чаю?

— Да, мисс, но сэр Уильям еще в лаборатории.

— Тогда, быть может, вы напомните ему, что у нас сегодня гость?

Миссис Уотчет отправилась выполнять поручение, но не прошло и двух секунд, как дверь в дальнем углу комнаты отворилась и к нам поспешил присоединиться высокий, крепко сложенный мужчина. На нем были рубашка и жилет, скруток он перебрал через руку. Рукава рубашки были закатаны, и теперь он пытался опустить их. Это, впрочем, не мешало ему бросить взгляд в моем направлении, и я немедленно встал.

— Чай готов? — обратился он к Амелии. — А я почти все закончил!

— Сэр Уильям, помните, я говорила вам относительно Эдуарда Тернбулла?

Он удостоил меня еще одним взглядом.

— Тернбулл? Рад вас видеть! — И с нетерпеливым жестом добавил: — Садитесь, садитесь! Амелия, помогите мне справиться с манжетами...

Он вытянул руку, а она расправила манжет и застегнула запонку. Как только она совладала с этой задачей, он раскатал другой рукав и предоставил в распоряжение Амелии второй манжет. Потом надел сюртук и подошел к камину. Выбрал себе трубку и наполнил ее табаком из коробки, стоящей на полке.

Я ждал, сдерживая волнение; может статься, тот факт, что сэр Уильям накануне завершения большой работы, означает, что я выбрал не самое подходящее время для визита?

— Нравится ли вам этот стул, Тернбулл? — внезапно спросил он, не оборачиваясь.

— Откиньтесь на спинку, — подсказала Амелия. — Да садитесь не на краешек, а как следует...

Я послушался — и мне вдруг почудилось, что спинка и сиденье изменили форму, чтобы точнее соответствовать каждой линии моего тела. Чем глубже я откидывался назад, тем удобнее прогибалась спинка.

— Моя собственная конструкция, — пояснил сэр Уильям, поворачиваясь наконец к нам и поднося к трубке зажженную спичку. Затем, казалось бы, без всякой связи с предыдущим, спросил: — Какова ваша узкая специальность?

— Моя узкая... что?..

— Какая область науки привлекает вас больше всего? Вы ведь ученый, не так ли?

— Сэр Уильям, — вмешалась Амелия, — если помните, я рассказывала вам, что мистер Тернбулл увлекается автомобилями.

Только тут я вспомнил, что мой саквояж так и остался там, где я бросил его, — в прихожей.

Сэр Уильям взглянул на меня еще раз.

— Автомобилями? Гм... Неплохое увлечение для молодого человека. Но, боюсь, мой интерес к ним был преходящим. Свой экипаж я разобрал на составные части, потому что они могут пригодиться мне в лаборатории...

— Автомобили все более входят в моду, — сказал я. — Так или иначе, в Америке...

— Да, да, но я ученый, Тернбулл. Автомобили — это лишь одна узкая борозда в необозримом поле новых открытий. Мы на рубеже двадцатого века, и этому веку суждено стать веком науки. Горизонты научной мысли поистине необъятны...

Сэр Уильям обращался, казалось, вовсе не ко мне, он смотрел куда-то вдаль, поверх моей головы, вертя в пальцах потухшую спичку.

— Согласен с вами, сэр, — произнес я, — вы затронули тему, привлекающую всеобщее внимание...

— Да, но весьма немногие делают из нее правильные выводы. Обычно считают, что наука усовершенствует все, что у нас сегодня есть. Говорят, например, что железнодорожные поезда пойдут быстрее, а пароходы станут вместительнее. Я же полагаю, что и поезда и пароходы отойдут в область предания. К концу двадцатого века, Тернбулл, человек будет путешествовать по планетам Солнечной системы так же свободно, как сегодня по улицам Лондона. Мы познакомимся с людьми, населяющими Марс и Венеру, не хуже, чем сегодня знакомы с немцами и французами. Смею вас даже заверить, что мы не ограничимся планетами, а отправимся еще дальше, к звездам Вселенной!..

В эту минуту в комнате появилась миссис Уотчет. В руках у нее был серебряный поднос, на котором разместились чайник, кувшинчик с молоком и сахарница. Что до меня, я воспринял это вторжение с известным облегчением: ошеломляющие идеи сэра

Уильяма и его взвинченная, первая манера держаться создавали сочетание почти непереносимое. И он, по-моему, тоже был рад, что его прервали; пока служанка, поставив поднос на стол, разливала чай, сэр Уильям отступил назад и, опершись на камин, принялся заново раскуривать трубку. Только теперь мне наконец представилась возможность рассмотреть его хорошенько, рассмотреть самого человека, а не его причуды.

Он был, как я уже упоминал, высок и плечист, но по-настоящему поражала в нем голова. Высокий и широкий лоб, бледное лицо, серые глаза. Над висками волосы слегка поредели, но на затылке были густыми и взъерошенными, что еще более увеличивало размер головы, и к тому же он носил кустистую бороду, которая подчеркивала белизну кожи.

Признаюсь, я пожалел, что не застал его в более спокойном состоянии: за какие-то пять минут, проведенные в комнате, он разрушил без следа те приятные чувства, которые внушило мне общество Амелии, и я опять стал нервничать — не меньше, чем он.

Потом меня внезапно осенило, что он, быть может, просто не умеет беседовать с незнакомыми людьми, что ему гораздо привычнее часами работать наедине с собой. В то же время моя профессия предусматривала множество новых знакомств, требовала от меня умения сходить с людьми, и, как это ни парадоксально, я вдруг понял, что должен взять инициативу на себя. Как только миссис Уотчет вышла из комнаты, я произнес:

— Вы сказали, сэр, что почти закончили свою работу. Надеюсь, я вам не помешал?..

Искренность моего вопроса возымела желаемое впечатление. Он шагнул к одному из свободных стульев и сел, и его голос, когда он ответил мне, звучал несравнимо спокойнее.

— Вы тут безусловно ни при чем. Если захочу, продолжу после чая. И в любом случае передышка была мне совершенно необходима.

— Могу я осведомиться о характере вашей новой работы?

Сэр Уильям глянул мельком на Амелию, но та хранила на лице непроницаемое выражение.

— Мисс Фицгиббон не рассказывала вам о том, чем я занят в настоящее время?

— Немного рассказывала, сэр. Например, я видел построенный вами летательный аппарат.

К моему удивлению, он расхохотался.

— Уж не считаете ли вы меня безумцем, Тернбулл? Зачем мне ввязываться в столь безнадежное предприятие? Мои ученые коллеги в один голос уверяют, что аппараты тяжелее воздуха летать не могут. А вы думаете иначе?

— Идея нова для меня, сэр. — Он ничего не ответил, лишь продолжал сверлить меня взглядом, и я поспешил добавить: — Мне представляется, что проблема упирается в отсутствие достаточно мощного источника энергии. Конструкция сама по себе вполне логична.

— Нет, нет, конструкция тоже никуда не годится. Я подошел к делу совсем не с той стороны. Идея механического полета уже изжила себя, изжила, хотя аппарат, который вы видели, даже не был еще испытан в воздухе!

Он торопливо отхлебнул чаю, потом с поразительной скоростью вскочил со стула и устремился к шкафчику на другом конце комнаты. Приоткрыв ящик, он вынул оттуда конверт и вручил мне.

— Посмотрите-ка на них, Тернбулл. Посмотрите и скажите, что вы об этом думаете.

Я открыл конверт и обнаружил внутри семь фотографических портретов. На первом был изображен

мальчик, на втором — тоже мальчик, но чуть постарше, на третьем — подросток, на четвертом — юноша и так далее.

— Это все портреты одного и того же человека? — спросил я, уловив несомненную общность лиц.

— Вот именно, — подтвердил сэр Уильям. — На портретах мой двоюродный брат. По счастью, он позировал фотографу через равные промежутки времени. Теперь скажите мне, Тернбулл, не замечаете ли вы в этих портретах чего-то особенного? Нет, конечно. Каким чудом могли бы вы отгадать мои мысли? Это семь портретов — семь срезов четвертого измерения!

Я недоуменно нахмурился. Амелия пришла мне на помощь:

— Сэр Уильям, ваша концепция, вероятно, внове для мистера Тернбулла.

— Она не сложнее, чем концепция летательных аппаратов тяжелее воздуха. Если вас, Тернбулл, не смутила эта концепция, почему бы вам не разобраться в четвертом измерении?

— Вы имеете в виду... — робко вымолвил я.

— Пространство и время! Вы угадали, Тернбулл! Время, величайшую из загадок...

Я вновь повернулся к Амелии в надежде, что она не откажется мне помочь, и встретил ее пристальный, изучающий взгляд. На ее губах обозначилась улыбка, и тут я понял, что она-то выслушивает соображения сэра Уильяма на этот счет отнюдь не в первый раз.

— Эти портреты, Тернбулл, представляют собой двумерные изображения трехмерного индивидуума. Они воспроизводят его рост, ширину его плеч, они могут даже передать намеком глубину объекта... но сами они навсегда останутся плоскими, двумерными кусочками бумаги. Тем более не в состоянии они вос-

создать тот факт, что объект всю свою жизнь путешествует во времени. И все же, вместе взятые, они служат мостиком в четвертое измерение...

Он мерил комнату шагами и, выхватив у меня фотографии, в возбуждении размахивал ими. Затем пересек комнату еще раз и расставил портреты на камине, один подле другого.

— Пространство и время неразделимы. Я пересек комнату и, следовательно, переместился в пространстве на несколько ярдов. И вместе с тем я передвинулся во времени на несколько секунд. Вам ясно, что я хочу сказать?

— Что одно движение как бы дополняет другое? — предположил я не слишком уверенно.

— Именно! И я сейчас работаю над тем, чтобы разделить эти два вида движения — чтобы дать нам способ путешествовать в пространстве обособленно от времени и путешествовать во времени обособленно от пространства. Позвольте я покажу вам, чего достиг...

С этими словами он круто повернулся на каблуках и стремительно вышел из комнаты. Громко хлопнула дверь.

Я был совершенно сбит с толку и только таращил глаза на Амелию, покачивая головой.

— Мне бы следовало знать, — сказала она, — что сэр Уильям разволнуется не на шутку. Поверьте, Эдуард, он не всегда такой. Но когда он проводит в лаборатории весь день, погруженный в работу, то вечером частенько бывает очень возбужден.

— Куда он делся? — спросил я. — Нам не надо пойти за ним?

— Он отправился обратно в лабораторию. По-моему, он собирается показать вам что-то, над чем трудился сегодня.

Она оказалась права: дверь снова распахнулась,

и сэр Уильям вернулся к нам. В руках он бережно нес небольшую деревянную коробку и искал глазами, куда бы ее поставить.

— Помогите мне передвинуть стол, — попросила меня Амелия.

Вдвоем мы отставили чайный столик в сторонку и выдвинули на его место другой. Сэр Уильям водрузил свою коробку в центре стола и опустился в кресло. Возбужденное состояние хозяина улеглось так же быстро, как и возникло.

— Прошу вас внимательно осмотреть эту модель, — сказал он, — но не трогать руками. Она очень хрупка.

Он откинул крышку. Изнутри коробка была выстлана мягкой, похожей на бархат тканью; на этом ложе покоился малюсенький механизм, который я по первому впечатлению принял за часовой. Сэр Уильям осторожно извлек механизм из футляра и положил на стол.

Я наклонился и стал пристально разглядывать хитроумный приборчик. И сразу же, невольно вздрогнув от неожиданности, понял, что значительная часть его сделана из того диковинного, напоминающего хрусталь вещества, которое я уже дважды видел сегодня. Сходство с часами, как я теперь разобрался, было обманчивым — на эту мысль наводила точность, с какой крошечные детальки были пригнаны одна к другой, да и материалы, из которых их изготовили. Перечислить эти материалы я не сумел бы при всем желании: тут были никелевые стерженьки, какие-то загогулилки из полированной меди, шестеренки из блестящего хрома, а может, из серебра. Часть деталей была выточена из чего-то белого, возможно, из слоновой кости, а основание прибора сделано из твердого, видимо, эбенового дерева. Впрочем, затрудняюсь описывать в подробностях то, что открылось

моему взору; под каким углом ни взгляни, повсюду были вкрапления таинственного вещества — не то хрустала, не то кварца, — ускользящего от глаз, искрящегося сотнями микроскопических граней.

Я поднялся и слегка отступил назад. На отдалении модель вновь приобрела сходство с часовым механизмом, хотя и несколько необычным.

— Красивая вещица, — прошептал я.

Амелия тоже не отводила взгляда от приборчика.

— Вы, молодой человек, одним из первых в мире видите перед собой изобретение, которое даст нам власть над четвертым измерением.

— И этот прибор в самом деле работает? — не удержался я от вопроса.

— Безусловно. Он успешно прошел испытания. Он может путешествовать во времени — как в прошлое, так и в будущее, по моему выбору.

— А вы не могли бы продемонстрировать его в действии, сэр Уильям? — вставила Амелия.

Вместо ответа ученый вдруг откинулся в кресле и с задумчивым выражением лица уставился на свою удивительную модель. Так он сидел, пожалуй, минут пять, не обращая на нас с Амелией никакого внимания, словно нас и не существовало. Лишь однажды он резко наклонился вперед, чтобы осмотреть прибор с близкого расстояния. В это мгновение я вознамерился что-то сказать, но Амелия остановила меня жестом, и я промолчал. Потом сэр Уильям взял модель со стола и поднял ее к свету, вернее, подержал против света, падающего из окна. Пальцем другой руки дотронулся до серебряной шестеренки, затем, будто нехотя, поставил приборчик на прежнее место. И опять откинулся в кресле, с величайшим вниманием изучая собственное творение.

На сей раз он оставался недвижим без малого десять минут, и я ощутил растущее беспокойство: не

раздражает ли его наше присутствие? Наконец он вновь наклонился, засунул модель обратно в футляр и встал.

— Прошу извинить меня, мистер Тернбулл, — сказал он. — Мне только что пришла в голову идея одного небольшого усовершенствования.

— Вы хотите, чтобы я ушел, сэр?

— Нет, нет, нисколько.

Он подхватил деревянную коробку и выскочил из комнаты, снова хлопнув дверью.

Я вопросительно посмотрел на Амелию. Она улыбнулась, и ее улыбка сразу же сняла напряжение, которым были отмечены истекшие полчаса.

— Он еще вернется? — осведомился я.

— Не думаю. Последний раз, когда он вел себя таким образом, он заперся в лаборатории, и ни одна живая душа, кроме миссис Уотчет, не видела его целых четыре дня.

2

Амелия позвала Хиллиера, и слуга обошел комнаты, зажигая лампы. Солнце еще не село, но скрылось за окружающими усадьбу деревьями, и в дом прокрались густые тени. Явилась миссис Уотчет, чтобы собрать чайные принадлежности. Тут только я заметил, что выпил всего полчашки, и залпом проглотил остальное. Жажда после велосипедной прогулки по-прежнему давала себя знать.

Когда мы вновь остались одни, я спросил:

— Он сумасшедший?

Амелия не ответила — она прислушивалась к чему-то. Знаком приказала мне помолчать, и спустя секунд пять дверь снова распахнулась. На пороге вновь вырос сэр Уильям, только на этот раз он был в пальто.

— Амелия, я уезжаю в Лондон. Хиллиер отвезет меня в экипаже.

— Вы вернетесь домой к обеду?

— Нет, я уезжаю на весь вечер. Переночую сегодня в клубе. — Он обернулся ко мне. — Вопреки ожиданию, Тернбулл, разговор с вами натолкнул меня на новую мысль. Благодарю вас, сэр.

Он вышел из комнаты так же стремительно, как и вошел, и вскоре мы услышали, как он отдаст слугам распоряжения в прихожей. Через три минуты до нас донесся стук копыт и верезжание колес экипажа по усыпанной гравием дорожке. Амелия подошла к окну, провожая экипаж взглядом, затем возвратилась ко мне и сказала:

— Нет, сэр Уильям не сумасшедший.

— Но он ведет себя как безумец!

— Это чисто внешнее впечатление. Мне представляется, что он гений. Гений и безумство отчасти сродни друг другу.

— Вы уяснили себе его теорию?

— Более или менее. Если вы, Эдуард, не уловили ее сути, это вовсе не свидетельствует о слабости вашего интеллекта. Сэр Уильям настолько сжился со своей теорией, что, объясняя ее другим, опускает большую ее часть. Учтите также, что он видел вас впервые и что естественным он бывает, как правило, лишь в окружении хорошо знакомых людей. Есть у него небольшой круг друзей из Линнеевского клуба в Лондоне — вот с теми он, сама слышала, разговаривает непринужденно, без натуги.

— Тогда мне, наверное, не следовало приставать к нему с вопросами.

— Да нет, он совершенно одержим этой своей идеей. Не вырази вы интереса к ней, он навязал бы вам ее насильно. Все окружающие вынужденно оз-

накопились с его теорией. Даже миссис Уотчет выслушивала ее дважды.

— Ну и как? Поняла достойная женщина хоть что-нибудь?

— Не думаю,— отвечала Амелия с улыбкой.

— Тогда, наверное, не стоит обращаться к ней за разъяснениями. Придется вам взять этот труд на себя.

— Я не так уж много могу сказать. Сэр Уильям построил машину времени. Она прошла испытания, при некоторых из них я присутствовала, и результаты оказались вполне удовлетворительными. Сам он, правда, еще не признавался в этом, но подозреваю, что он задумал экспедицию в будущее.

Я чуть не рассмеялся и еле-еле успел прикрыть лицо рукой. Амелия поспешила заверить:

— Нет, нет, это в высшей степени серьезно.

— Помилуйте, как же может человек его комплекции уместиться в устройстве такого размера?

— То, что вы видели,— всего лишь рабочая модель. Сэру Уильяму удалось построить машину куда больших размеров.— Тут она рассмеялась в свою очередь.— А вы что, решили, что я подразумеваю путешествие с помощью модельки, какую он нам демонстрировал?

— Вот именно.

Когда Амелия смеялась, она выглядела очень привлекательной, и я вовсе не досадовал на себя за свою ошибку.

— Простите, но я все равно не верю в такую машину — ни в большую, ни в маленькую,— заявил я.

— Можете посмотреть на нее своими глазами. Она от вас в каком-то десятке ярдов.

Я так и подпрыгнул.

— Где же она?

— У сэра Уильяма в лаборатории.— Кажется,

Амелии передалось мое воодушевление: она поднялась вслед за мной и притом с живостью. — Пойдемте, я покажу вам.

3

Мы вышли из курительной через дверь, которой до нас пользовался один сэр Уильям, и двинулись по коридорчику к другой двери, по-видимому, недавно навешенной. Эта дверь и вела в лабораторию, разместившуюся, как я понял теперь, в стеклянной пристройке — той самой, что соединяла два флигеля.

Не знаю, чего я ждал от лаборатории, но первым моим впечатлением было ее разительное сходство с цехом машиностроительного завода, куда мне однажды довелось заглянуть.

С краю под потолком был укреплен вал, вероятно, связанный с паровой машиной, от которого вниз шли ременные передачи, приводящие в движение ряды массивных станков. Тут были токарные и фрезерные станки, резак для листового металла, кузнечный пресс, ацетиленовое сварочное оборудование, пара тяжелых тисков и бесчисленное множество инструмента, разбросанного вокруг. Пол был густо усыпан стружкой и обрезками металла; там и сям попадались и кусочки обработанных материалов, аккуратно вырезанные или выточенные, но, очевидно, давно заброшенные.

— Сэр Уильям многое делает собственными руками, — сказала Амелия, — хотя в отдельных случаях какие-то детали приходится заказывать на стороне. В Скиптон, где мы с вами встретились, я ездила как раз по такому поручению.

— Где же машина времени? — поинтересовался я.

— Вы стоите с нею рядом.

Неожиданно для себя я понял, что конструкция,

возле которой я находился и которую поначалу принял за кучу бросового металла, на самом деле подчинена определенной схеме. Присмотревшись, я уловил известное сходство этой конструкции с моделью, показанной мне сэром Уильямом, только модель казалась совершенной, как всякая миниатюра, а эту машину самые ее размеры делали более грубой. Однако довольно было наклониться к ней поближе, чтобы заметить, что каждая составляющая ее часть выточена со всей тщательностью и отполирована до блеска.

Машина времени достигала семи-восьми футов в длину, четырех-пяти — в ширину. В самой высокой своей точке она поднималась футов на шесть от пола, но, поскольку конструкция носила строго функциональный характер, ограничиться при ее описании указанием общих размеров было бы явно недостаточным. К примеру, значительная часть машины представляла собой простую прямоугольную металлическую раму и возвышалась над полом всего на три фута.

Внутри машины можно было различить все до мельчайшей подробности... и тем не менее мое описание станет сейчас по необходимости смутным. Ибо, в сущности, я не видел ничего, кроме бесконечной череды поверхностей из того же таинственного вещества, какое скрывалось в велосипедах сэра Уильяма и в глубине его летательного аппарата; иными словами, все, что казалось видимым, благодаря этому обманчивому, похожему на хрусталь веществу становилось на поверку невидимым. За хрустальными гранями переплетались тысячи проволочек и рычажков, но сколько бы я ни вглядывался в механизм, под какими бы углами ни приближался к нему, я был не в силах ничего толком рассмотреть.

Немного легче было разобраться в рычагах управ-

ления. Ближе к концу рамы на ней закрепили крытое кожей сиденье, закругленное наподобие кавалерийского седла. А подле сиденья нагромоздили целую батарею рукоятей, тяг и циферблатов.

Главным среди них, без сомнения, был большой рычаг, установленный в точности перед седлом. Верхушку рычага венчал вроде бы совершенно неуместный здесь велосипедный руль. Вероятно, руль предназначался для того, чтобы водитель машины мог ухватиться за рычаг обеими руками. По обе стороны от руля располагались десятки второстепенных рычажков, каждый на самостоятельном шарнире, что позволяло вводить их в действие независимо друг от друга и от положения главного рычага.

Машина настолько заворожила меня, что я даже ненадолго забыл о присутствии Амелии. И тут она заговорила, признаться, слегка испугав меня:

— Построено основательно, не правда ли?

— И какой срок понадобился сэру Уильяму, чтобы соорудить все это? — поинтересовался я.

— Без малого два года. Прикоснитесь к ней, Эдуард. Убедитесь, что она вполне материальна и прочна.

— Боюсь, — ответил я. — Боюсь испортить что-нибудь по незнанию.

— Ну, возьмитесь хотя бы вот за эту планку. Уверяю вас, это вполне безопасно.

Амелия поднесла мою руку к одной из медных полос, составляющих часть рамы. Я осторожно положил пальцы на металл — и тут же отдернул их прочь: едва я взялся за планку, машина отчетливо содрогнулась как живая.

— Что с ней? — воскликнул я.

— Машина времени сейчас на самом малом ходу, только чтобы не утратить связи с четвертым измерением. Она материальна — и тем не менее в ма-

териальном мире, каким мы его знаем, ее не существует. Понимаете, она продолжает путешествие во времени даже сейчас, когда мы стоим подле нее.

— Вы шутите! Если бы она путешествовала во времени, ее тут уже не было бы...

— Напротив, Эдуард.— Амелия обратила мое внимание на массивное маховое колесо перед седлом, которое примерно соответствовало серебряной шестеренке на показанной сэром Уильямом модели.— Приглядитесь. Замечаете, что оно вращается?

— Да, да, конечно,— подтвердил я, наклоняясь как можно ниже.

Действительно, колесо потихоньку, почти неуловимо вращалось.

— Если бы оно не двигалось, машина оказалась бы неподвижной во времени. И с нашей точки зрения — так объяснял сэр Уильям,— немедленно исчезла бы в прошлом. Ведь мы сами тоже непрерывно путешествуем во времени — вперед, в будущее...

— Следовательно, и машина должна находиться в действии непрерывно,— добавил я.

Пока мы беседовали, вечер вступил в свои права, тьма сгустилась и расползлась по лаборатории. Амелия отошла от машины, протянула руку к какому-то другому устройству и резко дернула за шнур, привязанный к выступающему наружу маховику. Устройство не то кашлянуло, не то фыркнуло, и по мере того, как оно набирало скорость, восемь шаров, свисающих с потолочных балок, стали разгораться все более ярким светом.

Амелия бросила взгляд на настенные часы, стрелки которых показывали двадцать пять минут седьмого.

— До обеда остается полчаса,— сказала она.— Доставит ли вам удовольствие небольшая прогулка по саду?

Я отвлекся от фантастических изобретений, созданных гением сэра Уильяма.

Пусть себе машина времени потихоньку перемещается в грядущее, зато Амелия остается моей современницей, и она здесь, рядом. Она не порождение фантазии, она принадлежит настоящему, а не прошлому и не будущему. И я ответил, понимая, что мое пребывание в Ричмонде скоро подойдет к концу:

— Не угодно ли вам опереться о мою руку?

Она мягко взяла меня под локоть, мы отвернулись от машины времени, от шумного двигателя внутреннего сгорания и через дверь в дальнем углу лаборатории вышли в прохладный вечерний сумрак сада. В последний и единственный раз я оглянулся на стеклянные стены пристройки и на озаряющее их ослепительно-белое свечение электрических ламп.

Глава V

В будущее!

1

Я еще раньше выяснил, что последний поезд на Лондон уходит из Ричмонда в десять тридцать, и если я собирался успеть на него, то должен был проститься не позже десяти. Но вот уже пробило половину девятого, а мне не хотелось и думать о возвращении в свое убогое жилище. Что до перспективы отправиться на следующее утро на работу, то она приводила меня в подлинное отчаяние. По завершении обеда, к которому подавали сухое, но крепкое вино, мы перешли из столовой в заманчивую полутьму гостиной, где я осушил бокал портвейна и почти прикончил второй такой же; нежный запах духов Амелии дразнил мои чувства, и мною овладели самые дерзкие фантазии.

Амелия была возбуждена не меньше моего, и я подумал, что от нее не ускользнула перемена в моем поведении. Буквально до этой минуты я ощущал в ее присутствии известную скованность, отчасти потому, что мой опыт общения с молодыми женщинами оставял желать лучшего, а особенно потому, что Амелия казалась мне самой необыкновенной из всех молодых женщин. Я понемногу привыкал к ее свободным манерам, к духу эмансипации, пронизывающему все ее поступки,— но только теперь стал

догадываться, что без всяких рассуждений, стремительно и слепо влюбился в нее.

Утверждают, что в вине — истина; и хотя я не утратил способности сдерживать себя, подавляя непрошеные пылкие страсти, наш разговор принял сугубо личный характер.

Когда пробило половину десятого, я понял, что медлить далее не в состоянии. У меня оставалось всего полчаса, я не имел ни малейшего представления о том, когда увижу ее снова, и счел момент подходящим, чтобы сказать Амелии без всяких околичностей: она для меня стала куда дороже, чем просто приятная собеседница.

Я щедро плеснул себе в бокал еще портвейна и, раздумывая, какие выбрать слова, залез в жилетный карман и вытащил часы.

— Моя дорогая Амелия, — начал я. — Сейчас уже без двадцати пяти десять, а в десять мне придется уехать. Но до того я должен кое-что вам сообщить.

— Зачем вам уезжать? — откликнулась она, решительно прервав нить моих мыслей.

— Должен же я успеть на поезд.

— Ну пожалуйста, не уходите!..

— Мне надо вернуться в Лондон.

— Хиллиер отвезет вас. Если даже вы опоздаете на поезд, он отвезет вас прямо в Лондон, домой.

— Хиллиер уже в Лондоне, — напомнил я.

Она рассмеялась; стало заметно, что она слегка навеселе.

— А я и забыла. Значит, придется идти пешком.

— Значит, в десять мне придется вас покинуть.

— Нет, нет... Я попрошу миссис Уотчет приготовить для вас комнату.

— Амелия, я не могу остаться, как бы мне того ни хотелось. Мне же с утра на работу,

Она наклонилась ко мне, и в глазах у нее заплясали огоньки.

— Тогда я отвезу вас на станцию сама.

— Разве у вас в доме есть еще один экипаж?

— Можно, пожалуй, сказать и так.— Амелия поднялась, опрокинув пустой бокал.— Пойдемте, Эдурд, я доставлю вас на станцию в машине времени сэра Уильяма!

Она взяла меня за руку и потащила к двери едва ли не волоком. Мы расхохотались; трудно описывать наши поступки задним числом — мы не вполне отвечали за них, они были продиктованы пусть не сильным, но все-таки опьянением. Что касается меня лично, мою податливость оправдывает легкомысленное настроение минуты. Я крикнул Амелии на бегу:

— На какую же станцию мы попадем, путешествуя во времени?

— А вот увидите.

Мы достигли лаборатории и вбежали внутрь, захлопнув за собой дверь. Электрические лампы под потолком пылали по-прежнему, и в их жестком свете наша затея приобрела иную окраску.

— Амелия,— произнес я, пытаюсь образумить ее.— Что вы собираетесь делать?

— То, что я вам сказала. Отвезти вас на станцию. Я встал перед нею и взял ее руки в свои.

— Мы оба слишком разгорячились,— сказал я.— Пожалуйста, перестаньте меня разыгрывать. Вы что, всерьез надумали воспользоваться машиной сэра Уильяма?

Я почувствовал, как напряглись ее пальцы.

— Я вовсе не так пьяна, как вам кажется. Просто я веду себя непринужденно и тем не менее отдаю себе полный отчет в своих поступках.

— Тогда давайте вернемся в гостиную.

Амелия отстранилась и приблизилась к машине

времени. Едва она дотронулась до одного из медных поручней, машина задрожала крупной дрожью, как раньше.

— Вы слышали, что объяснял сэр Уильям. Пространство и время неразделимы. Потому-то вам и нет нужды уходить через пять минут. Хотя машина предназначена для путешествий в будущее, она способна перемещаться и в пространстве. Короче, можно преодолеть на ней тысячи лет, а можно и применить для цели вполне прозаической — подбросить гостя на станцию.

— Вы по-прежнему разыгрываете меня,— сказал я.— К тому же я вовсе не убежден, что машина действительно может путешествовать во времени.

— Она прошла испытания.

— Я при них не присутствовал.

Амелия повернулась ко мне с самым серьезным видом.

— Тогда позвольте мне доказать вам, что машина действует!

— Нет, нет, Амелия! К чему такой безрассудный риск?

— Какой же риск, Эдуард? Я знаю, что делать. Я достаточно часто следила за испытаниями, которые проводил сэр Уильям.

— Но откуда нам знать, что с машиной ничего не случится?

— Никакой опасности нет.

Раздираемый противоречивыми чувствами, я просто покачал головой. Амелия опять повернулась к машине и, коснувшись одного из циферблатов, что-то с ним сделала, потом потянула на себя рычаг, увенчанный велосипедным рулем.

И в то же мгновение машина времени исчезла!

— Взгляните на стенные часы, Эдуард.

— Что вы сделали с машиной?

— Не играет роли. Который теперь час?

Я поднял взгляд на стену.

— Без восемнадцати десять.

— Прекрасно. Ровно без шестнадцати десять машина вернется на место.

— Откуда?

— Из прошлого. А точнее, из своего настоящего. В данный момент машина путешествует в будущее — в точку, отдаленную на две минуты от момента отправления.

— Но почему машина исчезла? И где она сейчас?

— Перемещается в четвертом измерении.

И Амелия сделала шаг вперед — туда, где только что стояла машина, и, помахав мне рукой, хладнокровно пересекла пустоту. Потом посмотрела на часы.

— А теперь отойдите назад, Эдуард. Машина сейчас появится в точности на прежнем месте.

-- Тогда отойдите и вы, — сказал я.

Схватив ее за руку, я оттащил ее ярда на три от того места, где прежде стояла машина. Мы оба не отрывали глаз от часов. Секундная стрелка медленно прыгала по кругу... минутная показала без шестнадцати десять, прошло еще четыре секунды — и машина времени вновь возникла из небытия.

— Полюбуйтесь! — торжественно воскликнула Амелия. — Что я вам говорила?!

Я тупо уставился на машину. Маховое колесо все так же неторопливо вращалось. Настал черед Амелии взять меня за руку.

— Хотите вы, Эдуард, или не хотите, а сесть в машину нам придется.

— Что-о? — переспросил я.

— Это совершенно необходимо. Дело в том, что на время испытаний сэр Уильям снабдил машину предохранительным устройством, которое автоматически возвращает ее к моменту старта. Устройство включится ровно через три минуты, так что, если нас не будет на борту, машина для нас навсегда потеряется в прошлом.

Я слегка нахмурился, однако спросил:

— Разве это устройство нельзя выключить?

— Можно, только я не собираюсь этого делать. Я намерена доказать вам, что машина — не розыгрыш.

— Послушайте, Амелия, да вы, оказывается, пьяны.

— Послушайте, Эдуард, вы тоже. За мной!

Прежде чем я успел остановить ее, Амелия подскочила к машине, нырнула под медные прутья рамы и уселась в седло. Чтобы справиться с этой задачей, ей пришлось приподнять юбки дюймов на пять; смею вас заверить, что подобное зрелище оказалось на мой взгляд куда более заманчивым, нежели любые путешествия во времени. К тому же она позвала меня:

— До возвращения машины осталось меньше минуты. Вы что, не поедете со мной?

Моим колебаниям сразу настал конец. Я вскарабкался на машину и примостился у Амелии за спиной, позади седла. По ее указанию я положил руки ей на талию и плотно прижался грудью к ее спине.

— А теперь следите за часами как можно внимательнее, — приказала она.

Я подчинился. Было без тринадцати десять. Секундная стрелка достигла верха циферблата, сместилась вправо, на четыре деления...

И застыла.

Потом начала прыгать в обратном направлении — сперва медленно, потом все быстрее.

— Мы движемся против течения времени,— прошептала Амелия, чуть задыхаясь.— Вы видите часы, Эдуард?

— Вижу,— ответил я, не отрывая глаз от стрелок.— Очень хорошо вижу!

Секундная стрелка пробежала назад четыре минуты, затем стала замедлять темп. Когда часы вновь показали без восемнадцати десять — плюс четыре секунды,— стрелка затормозила, остановилась совсем. И опять запрыгала обычным порядком, как ни в чем не бывало.

— Мы вернулись к тому мгновению, когда я дернула за рычаг,— сказала Амелия.— Ну что, поверили вы наконец, что машина времени — не надувательство?

Я все еще обнимал ее за талию, наши тела соприкасались теснее, чем я мог бы вообразить себе в самых смелых своих мечтах. Волосы Амелии нежно щекотали мне лицо, и я просто не мог думать ни о чем другом, кроме этой нежданной близости.

— Прокатите меня снова,— попросил я, мечтая лишь о том, чтобы растянуть этот блаженный миг.— Покажите мне будущее!

3

— Вам хорошо видно, что я делаю? — спросила Амелия. — Продолжительность путешествия устанавливается на этих шкалах с точностью до секунды. Я могу определить заранее, сколько оно продлится часов, дней или лет.

Пробудившись от пылких мечтаний, я выглянул из-за ее плеча. Оказывается, она обращала мое внимание на ряд крошечных циферблатов с обозначе-

ниями дней недели, месяцев, лет — и еще тут были циферблаты, отсчитывающие десятилетия, века и даже тысячелетия.

— Пожалуйста, не выбирайте столь дальние цели,— пошутил я, глядя на самый последний циферблат. — Я бы все-таки не хотел опоздать к поезду.

— Но мы же вернемся точно к моменту старта, даже если укатим на век вперед!

— Может, и так. Но не будем опрометчивы.

— Если вы нервничаете, Эдуард, можно ограничиться поездкой в завтра.

— Нет, нет, пусть это будет дальнейшее путешествие. Вы доказали мне, что машины времени можно не опасаться. Давайте отправимся в следующее столетие.

— Как хотите. Можно и дальше, если пожелаете.

— Меня интересует двадцатый век. Для начала двинемся на десять лет вперед.

— Только на десять? Это даже приключением не назовешь.

— Будем последовательны,— ответил я. Не причисляю себя к малодушным, но авантюристом тоже никогда не был.— Отправимся сначала в 1903-й год, затем в 1913-й и так далее с десятилетними интервалами до самого конца столетия. Вероятно, за такой срок что-нибудь да изменится.

— Согласна. Вы готовы?

— Готов,— ответил я, вновь обнимая ее за талию.

Амелия склонилась над приборами. Я видел, как она установила на шкале 1903-й год, но циферблаты с обозначениями месяцев и дней были расположены слишком низко, и я не мог их разглядеть. Она пояснила:

— Я выбрала 22 июня. Это первый день лета, так что будем надеяться, что погода окажется сносной.

Она положила руки на руль и напряженно выпрямилась. Я тоже собрал все свое мужество, гото-

вась к неведомому. И тут, к вящему моему удивлению, Амелия поднялась и отступила от седла на шаг.

— Пожалуйста, подождите меня минутку, Эдуард,— попросила она.

— Куда вы? — откликнулся я, признаться, не без тревоги.— Машина не уедет вместе со мной?

— Никуда она не денется, если не трогать рычаг. Только... Раз уж мы затеяли дальнейшее путешествие, я хотела бы взять с собой ридикюль.

— Зачем? — невольно вырвалось у меня.

Пожалуй, Амелия чуть-чуть смутилась.

— Честно сказать, сама не знаю. Просто я никогда и никуда не езжу без ридикюля.

— Тогда уж прихватите и капор, — рассмеялся я, тронутый столь неожиданным проявлением женской натуры.

Она поспешно выскочила за дверь. Секунду-другую я тупо таращился на приборы, затем, повинуясь внезапному импульсу, тоже слез с машины и сбегал в прихожую за соломенной шляпой. Уж если путешествовать всерьез, то с шиком! На обратном пути я зашел в гостиную, щедрой рукой плеснул портвейна в бокалы и захватил их с собой в лабораторию.

Амелия вернулась прежде меня и уже сидела в седле. Свой ридикюль она поставила на пол машины подле главного рычага, а на голове у нее был капор.

Я протянул ей бокал.

— Выпьем за успех нашего предприятия!

— И за будущее, — отозвалась она.

Каждый из нас отпил примерно полбокала, потом я отнес остатки портвейна на скамью у стены и взгромоздился на свое место позади Амелии.

— Ну вот, теперь мы и в самом деле готовы, — произнес я, проверяя, прочно ли сидит на голове моя бесподобная шляпа.

Амелия взялась за руль и потянула его на себя.

Машина времени резко накренилась, словно скользнула в разверзшуюся перед нею бездну, и я испуганно вскрикнул, напрягаясь в ожидании падения или удара.

— Держитесь! — сказала Амелия, в общем-то без нужды — я бы и так не отпустил ее ни за что на свете.

— Что происходит? — прокричал я.

— Мы в безопасности. Это эффект перехода в четвертое измерение.

Я открыл глаза и нерешительно осмотрелся — и, к своему удивлению, обнаружил, что машина по-прежнему прочно стоит на полу лаборатории. Зато стрелки на стенных часах кружились как сумасшедшие, и тут же, буквально на глазах, из-за дома вошло солнце и стремительно понеслось в зенит. Не успел я оценить по достоинству этот факт, как на землю снова упала тьма, будто на крышу набросили черное одеяло.

У меня перехватило дыхание — и вдруг я почувствовал, что нечаянно втянул в себя прядку длинных волос Амелии. И при всем безумии нашего путешествия на миг порадовался этой тайной близости.

Амелия крикнула:

— Вам страшно?

Увиливать было некогда.

— Страшно! — крикнул я в ответ.

— Держитесь крепче! Опасности нет!

Наши голоса звенели от возбуждения, а ведь можно было и не повышать их: в четвертом измерении царил тишина.

Вновь вошло солнце и почти сразу же село. Следующий отрезок темноты оказался короче, чем предыдущий, а следующий за ним отрезок дневного света еще короче. Машина времени набирала скорость, устремляясь в будущее.

Через некоторое время — нам почудилось, через какие-то десять-пятнадцать секунд — смена дня и ночи стала настолько быстрой, что мы потеряли способность ее различать; все окружающее окрасилось в серый сумеречный цвет. Детали лаборатории расплылись, словно в тумане, а солнце превратилось в огненную полосу, перечеркнувшую темно-синее небо.

Отвечая Амелии, я невольно выпустил изо рта прядку ее волос. Самые впечатляющие зрелища, самые немыслимые чудеса не могли сравниться с тем чувством, какое возбуждала во мне эта девушка. Подстегнутый, вне всякого сомнения, выпитым вином, я осмелел до того, что склонился к Амелии и вновь захватил ее волосы губами, а затем приподнял голову, чтобы ощутить, как они щекочут язык. Амелия не выразила явного протеста, тогда я выпустил изо рта одну прядку и захватил новую. Она все еще не останавливала меня. На третий раз я склонил голову набок, чтобы не мешала шляпа, и ласково, но решительно прижался губами к бархатной белой коже за ухом.

Эта вольность не встречала отпора ровно одно мгновение, потом Амелия резко выпрямилась, как если бы поразила чему-то, и воскликнула:

— Смотрите, Эдуард, машина притормаживает!

Над стеклянной крышей лаборатории солнце замедлило свой бег, и отрезки темноты между его появлениями снова стали отчетливыми, поначалу в виде мгновенных черных вспышек. Амелия принялась считать показания приборов:

— Мы в декабре, Эдуард! В январе... в январе 1903 года! Нет, уже в феврале...— Она называла месяцы один за другим, и паузы от месяца к месяцу становились длиннее. Наконец послышалось: — Июнь! Эдуард, мы почти у цели...

Я взглянул на стенные часы, желая удостовериться

ся, что Амелия не ошиблась, и тут заметил, что они почему-то остановились.

— Мы уже прибыли? — спросил я.

— Не совсем.

— Но часы на стене стоят!

Амелия едва удостоила объект моего внимания беглым взглядом.

— Никто не заводил их, вот они и встали.

— Тогда скажите мне, пожалуйста, когда мы приедем.

— Маховик вращается все тише... почти успокоился... Стоп!..

И с этим словом тишина четвертого измерения внезапно оборвалась. Где-то неподалеку от дома раздался сильный взрыв. Несколько потолочных рам от сотрясения лопнуло, на нас посыпались осколки стекла.

За прозрачными стенами стоял день, светило солнце. Но над садом стелился дым, и слышался треск горячей древесины.

5

За первым взрывом последовал второй, однако не такой близкий. Амелия вздрогнула и, с трудом повернувшись в седле, глянула мне в лицо.

— Куда же это нас занесло? — тревожно спросила она.

— Трудно сказать...

До нас донесся чей-то ужасный крик, и, точно это был условный сигнал, на крик отозвались эхом два других голоса. Грянул новый взрыв, громче предыдущих. Удар расколол еще большее число рам, осколки дождем зазвенели по полу. Одна из рам рухнула на машину времени, в каких-нибудь шести дюймах от моих ног.

Постепенно, как только наш слух приспособился к чудовищному смешению шумов, над всем возобладал один-единственный звук — низкий глубокий вой, постепенно поднимающийся, как фабричная сирена, и достигающий невысказанно высоких нот. Этот вой малопомалу подавил и треск огня, и крики людей. Едва утихнув, сирена принималась выть опять и опять.

— Эдуард! — Лицо Амелии стало белым как снег, и говорила она неестественно резким шепотом. — Что тут творится?

— Не могу себе и представить. Ясно одно: надо убираться восвояси. Отправляйте машину назад!

— Но я не знаю, как. Придется ждать автоматического возвращения.

— Как долго мы уже находимся здесь? — Прежде чем она успела ответить, раздался еще один оглушительный взрыв. — Тише, не шевелитесь! Долго нам тут не продержаться. Мы угодили в самый разгар войны.

— Войны? Но повсюду на земле мир!

— В наше время — да...

Я снова задал себе вопрос, давно ли мы попали в этот ад 1903 года, и проклял часы за то, что они не ходят. Скорей бы настал тот миг, когда система автоматического возврата бросит нас вновь сквозь тишину и покой четвертого измерения в наше благословенное, мирное время!

Амелия, перегнувшись в седле, зарылась лицом мне в плечо. Я не размыкал объятий и пытался как мог успокоить ее среди этой кошмарной сумятицы.

Окинув взглядом лабораторию, я поразился странным переменам, которые произошли в ней с тех пор, как я попал сюда впервые: там и сям какие-то обломки, и на всем, кроме самой машины времени, толстый слой грязи и пыли.

И вдруг краем глаза я уловил движение за стена-

ми лаборатории и, обернувшись, увидел кого-то, кто отчаянно бежал через лужайку к дому. Спустя секунду, разглядев бегущего чуть получше, я понял, что это женщина. Она приблизилась вплотную к стене лаборатории и прижалась лицом к стеклу. А позади женщины я заметил еще одного человека, тоже бегущего со всех ног.

— Амелия! — позвал я. — Смотрите!

— Что такое?

— Вон там!

Она повернулась в ту сторону, куда я указывал, но в это же мгновение свершились одновременно два события. Грохнул еще один раздирающий уши взрыв, и сопровождающее его пламя метнулось через лужайку, поглотив женщину, — и тут же машина времени дала головокружительный крен. На нас обрушилась тишина четвертого измерения, лаборатория вновь обрела прежний вид, и над крышей началась обратная смена дня и ночи.

Все еще сидя вполборота ко мне, Амелия ударилась в слезы. Это были слезы облегчения, и я молча обнимал ее, не мешая выплакаться. Немного успокоившись, она спросила:

— Так что же такое вы увидели, прежде чем мы отправились обратно?

— Ничего особенного, — ответил я. — Глаза меня обманули.

Ни при каких обстоятельствах я не стал бы описывать женщину, которую видел под стенами лаборатории. Она выглядела совершенно одичавшей: волосы всклокочены и спутаны, лицо окровавлено, одежда порвана в клочья, и из-под них виднеется обнаженное тело. И уж тем более я не представлял себе, как выразить самое страшное свое впечатление. Я узнал эту женщину. Как же было мне не узнать ее, если это

была Амелия, встретившая свой смертный час в адской войне 1903 года!

Я не сумел произнести ничего подобного. Точнее, я не хотел поверить тому, что видел собственными глазами. Но мои желания, в сущности, ничего не меняли: будущее было реальным, и реальной была уготованная Амелии судьба. В июне 1903 года, 22 числа, ее поглотит огонь в саду сэра Уильяма.

Девушка сжалась в моих объятиях, мне передавалась бьющая ее дрожь. Нет, я не мог отдать ее на волю этого жестокого рока!

Вот так, не отдавая себе отчета в неосмотрительности своих действий, я вознамерился перехитрить судьбу. Решение мое было простым: пусть машина времени забросит нас еще дальше в будущее, за черту этого чудовищного дня.

6

Мною словно овладело безумие. Я выпрямился так резко, что Амелия, которая опиралась на мою руку, подняла на меня удивленные глаза. А над нашими головами мерцали быстротечные дни и ночи.

Во мне бушевал пугающий меня самого неистовый поток противоречивых чувств, — очевидно, сказывалось влияние четвертого измерения, но допускаю, что подсознание уже готовило меня к дальнейшим моим поступкам. Я сделал шаг вперед, кое-как пристроив ногу на полу машины под самым седлом, и, придерживаясь за медный поручень, склонился к приборам.

— Эдуард, что у вас на уме?

Голос у Амелии срывался, и, едва успев задать вопрос, она снова заплакала. Я не ответил — все мое внимание поглотили циферблаты, от которых меня отделяли теперь считанные дюймы. В неверном свете мелькающих над нами дней я все-таки сумел убе-

даться, что машина мчится во времени назад. Мы уже вновь достигли 1902 года, и прямо на моих глазах стрелка на шкале перепрыгнула с августа на июль. Большой рычаг, расположенный строго по центру приборной доски, стоял почти вертикально, а прикрепленные к нему никелевые стержни устремлялись вперед, в хрустальное сердце машины.

Слегка приподнявшись, я присел на краешек седла. Амелии пришлось отодвинуться, чтобы дать мне место.

— Только не трогайте рычагов управления! — воскликнула она и нагнулась, пытаясь, видимо, взять в толк, что я затеял.

Я схватился обеими руками за велосипедный руль и потянул его на себя. Насколько я понял, это не произвело на машину ни малейшего впечатления: июль сменился июнем. Однако Амелию мой поступок встревожил не на шутку.

— Эдуард, не вмешивайтесь! — крикнула она во весь голос.

— Мы должны попасть еще дальше в будущее! — крикнул я в ответ и покачал руль, как делает велосипедист, проверяя исправность управления.

— Нет, нет! Машина обязательно должна вернуться к моменту старта!

Невзирая на все мои усилия, наше обратное движение продолжалось безостановочно. Амелия схватила меня за руки, силясь оторвать их от руля. Тут я заметил, что над каждым циферблатом есть маленькая металлическая кнопка, и коснулся одной из них. Оказалось, что кнопка вращается, и я понял, что именно таким образом машине задается программа. И по-видимому, именно так можно было прервать наше движение в прошлое; едва Амелия осознала, что я делаю, она утrojила свои усилия, чтобы удержать меня. Она попробовала дотянуться до моих пальцев,

а когда это ей не удалось, схватила меня за волосы и рванула их на себя.

Взвыв от боли, я отпрянул от приборов, потерял равновесие и покачнулся. Каблук моего правого ботинка задел за один из никелевых стержней, отходящих от главного рычага, и в тот же миг машина безжалостно завалилась набок, и все вокруг накрыла непроглядная мгла.

7

Лаборатория исчезла, смена дня и ночи прекратилась. Нас окружала совершеннейшая тьма и совершеннейшая тишина.

Амелия ослабила свою отчаянную хватку, и мы оба застыли в благоговейном трепете перед одолевшими нас стихиями. Лишь безудержное головокружение, которое теперь сочеталось с одуряющим покачиванием из стороны в сторону, свидетельствовало о том, что наше путешествие во времени продолжается.

Амелия придвинулась ко мне, обхватила меня руками и прижалась лицом к моей шее.

Машину качало все резче, и я слегка повернул руль, надеясь ее выровнять. Однако добился лишь того, что неприятности умножились: к бортовой качке, которая усиливалась с каждой секундой, добавилась еще более мучительная килевая.

— Я ничего не могу поделать, — признался я. — Просто не представляю себе, что можно предпринять.

— А что случилось?

— Из-за вас я ударил по рычагу ногой. И что-то сломал...

Тут мы оба сдавленно вскрикнули, потому что машина, как нам почудилось, перевернулась вверх дном. На нас внезапно обрушился свет, исходящий из ка-

кого-то одного ослепительного источника. Я зажмурился — свет был непереносимо ярким — и попытался, шевеля рычагом, хотя бы ослабить тошнотворные ощущения. Беспорядочные качания машины приводили к тому, что источник света танцевал вокруг нас как безумный и на приборы то и дело ложились непроницаемо черные тени.

И сам рычаг вел себя не так, как прежде. Полонка стержня словно бы распатала его, и стоило мне отпустить руль, как тот покосился сам собой, что вызвало новые колебания и шатания.

— Если бы найти этот сломанный стержень, — подумал я вслух и опустил свободную руку вниз: не удастся ли напарить на полу какие-нибудь обломки.

В то же мгновение машина дала такой резкий крен, что меня едва не выбросило за борт. К счастью, Амелия не разомкнула объятий, и с ее помощью я кое-как удержал равновесие.

— Спокойнее, Эдуард, — произнесла она мягко, словно утешая меня. — Пока мы в машине, нам ничто не грозит. Четвертое измерение гарантирует нам полную безопасность.

— Но мы можем наехать на что-нибудь!

— Ничуть не бывало. Для нас не существует препятствий, мы их просто не замечаем.

— Но что все-таки произошло?

Она объяснила:

— Никелевые стержни препятствуют произвольному смещению машины в пространстве. Перебив один из них, вы позволили машине двигаться в пространственных измерениях, и теперь мы стремительно удаляемся прочь от Ричмонда.

Ее слова повергли меня в ужас, а непрекращающееся ни на миг головокружение лишь подчеркивало размах тех грозных опасностей, которые поджидали нас впереди.

— Куда же мы попадем? — спросил я. — Кто знает, в какие дали занесет нас машина...

Амелия снова заговорила тем же увещательным тоном:

— Мы в безопасности, Эдуард. Пусть машина скачет как ей угодно, я не сомневаюсь, что отказали только рычаги управления. Нас по-прежнему окружает поле четвертого измерения, и двигатель по-прежнему работает бесперебойно. Правда, мы теперь перемещаемся в пространстве, судя по всему, пересекаем многие сотни миль, но даже если очутимся за тысячу миль от дома, система автоматического возврата благополучно доставит нас обратно в лабораторию.

— За тысячу миль?.. — повторил я, ошеломленный той скоростью, какую, видимо, развивала машина.

Амелия на мгновение сжала руки чуть сильнее.

— Не думаю, чтобы нас в самом деле занесло так далеко. Похоже, что мы на всех парах несемся по кругу.

Это, пожалуй, в какой-то мере смахивало на истину, поскольку ослепительная точка света не прекращала бешено кружиться вокруг нас. Заверения Амелии меня, естественно, подбодрили, но выматывающая душу качка продолжалась, и чем скорее наше приключение подошло бы к концу, тем лучше. А раз так, я решил сделать еще одну попытку найти злополучный поломанный стержень.

Я поделился с Амелией своим намерением, и она, подавшись немного вперед, взяла руль в свои руки. Ее помощь избавила меня от необходимости держаться за рычаг; я наклонился и принялся ощупывать пол машины, втайне опасаясь, не вылетел ли стержень за борт в момент особенно сильного толчка. Шаря по полу в неверном свете, я вдруг наткнулся

на ридикюль Амелии — тот стоял себе спокойненько там, где его поставили, на полу перед седлом. И секундой позже я нащупал искомое: деталька закатилась между ридикюлем и подножием седла и застряла там.

— Нашел! — провозгласил я, садясь и приподнимая стерженек так, чтобы Амелия тоже его увидела. — И вовсе он не сломан!

— Тогда почему же он вывалился?

Я присмотрелся внимательнее и обнаружил, что с обоих концов стерженька сделана винтовая нарезка, но крайние витки резьбы выделяются особым блеском — стержень просто вырвало из гнезда. Я обратил внимание Амелии на этот дефект, и она сказала:

— Теперь я вспоминаю, что сэр Уильям жаловался на мастеровых, выточивших какой-то из никелевых стержней не по чертежу. Вы сумеете поставить его на место?

— Попытаюсь.

Понадобилось, наверное, минут пять, чтобы при столь обманчивом освещении отыскать втулки с нарезными гнездами для стерженька, и еще гораздо больше, чтобы привести рычаг в удобное положение и попробовать вставить стерженек в гнезда.

— Он слишком короток! — воскликнул я в отчаянии. — Что я ни делаю, он все равно слишком короток...

— Но он крепится именно здесь, больше нигде!

В конце концов я догадался, что можно немного вывинтить втулки из рычага и до известной степени облегчить себе задачу. Когда мне удалось привести стержень в соприкосновение с обеими втулками, я с величайшим терпением стал ввертывать его в гнезда (к счастью, сэр Уильям сделал резьбу разносторонней, чтобы каждый оборот затягивал крепление в обеих втулках разом). И стерженек удержался, хоть и

еле-еле: мне при всем желании не удалось ввинтить его больше чем на полвитка.

Я устало выпрямился в седле, и руки Амелии вновь обвили меня. Машина времени все еще рыскала, но куда тише, чем до сих пор, а кружение ослепительного пятнышка света стало почти незаметным. В его резком сиянии мы боялись пошевелиться; с трудом верилось, что нам действительно удалось избавиться от невыносимой качки. Прямо передо мной вращалось во всю прыть маховое колесо, однако регулярная смена дня и ночи почему-то прекратилась.

— Вот теперь мы, по-моему, в безопасности, — заявил я, впрочем, без особой уверенности.

— Мы, должно быть, скоро остановимся. Когда машина застопорит, ни один из нас не вправе двинуться с места. Три минуты — и машина ляжет на обратный курс.

— И доставит нас обратно в лабораторию? — осведомился я.

Амелия поколебалась, прежде чем ответить, но все же произнесла:

— Да, разумеется.

Я понял, что она уверена в этом не больше меня.

Ни с того ни с сего машина времени опять круто накренилась, и у нас обоих перехватило дыхание. Я заметил, что маховое колесо замерло... услышал, как вокруг свистит воздух... почувствовал, как нас внезапно обдало холодом. До меня дошло, что мы больше не защищены четвертым измерением, что мы падаем куда-то, и я в полном отчаянии вновь схватился за рычаг...

— Эдуард!.. — вскричала Амелия у меня над ухом.

И это было последнее, что я услышал. Последовал страшный удар. Машина остановилась, и Амелию вместе со мной выбросило за борт, во тьму.

Я лежал в полной темноте, покрытый — мне казалось, с головы до ног — чем-то кожистым и сырым. Попытался подняться, но ничего не добился, только без толку подергал ногами и руками и провалился в трясину еще глубже. Какая-то пленка опустилась мне на лицо, и я отчаянно скинул ее, боясь задохнуться. И неожиданно закашлялся: мне не хватало воздуха, я всасывал его в легкие из последних сил. Как утопающий, я инстинктивно рванулся вверх, опасаясь, что иначе умру от удушья. Не попадалось ничего, за что можно было бы ухватиться, одна лишь мягкая, скользкая, влажная масса. Словно меня кинули головой вниз в огромную банку с водорослями.

Я падал, я понимал, что падаю, — и больше не сопротивлялся. Я совершенно отчаялся и, наверное, утонул бы в этой пропитанной влагой листве: куда бы я ни повернул голову, лицо покрывала та же омерзительная тина. Я ощущал во рту ее вкус — пресный, водянистый, с налетом железа.

Но тут неподалеку послышался вздох, и я закричал:

— Амелия!..

Голос мой прозвучал жутким хриплым карканьем, к тому же я опять закашлялся.

— Эдуард? — отозвался резкий испуганный шепот и тоже перешел в кашель.

До Амелии не могло быть больше трех-четыре ярдов, но я ее не видел и даже толком не знал, в каком направлении смотреть.

— Вы не ранены? — спросил я и еще раз кашлянул, но слабее.

— Машина времени... Мы должны вернуться на борт, Эдуард. Она вот-вот уйдет обратно...

— Но где она?

— Рядом со мной. Не могу до нее дотянуться, но чувствую ее ногой.

После некоторого колебания я решил, что Амелия слева от меня, и попытался подвинуться в ту сторону, барахтаясь в омерзительной тине, вытягивая руки в надежде зацепиться за какую-нибудь кочку или косягу.

— Где вы? — позвал я, силясь выжать из своего голоса хоть что-то, кроме жалкого сипенья.

— Я здесь, Эдуард. Ориентируйтесь на мой голос. — Амелия была теперь ближе ко мне, но слова ее звучали странно, сдавленно, словно она тонула. — Я поскользнулась... Не могу найти машину времени... Она же здесь, где-то здесь...

Я отчаянно рванулся к Амелии сквозь водоросли и почти сразу же столкнулся с ней. Мой локоть коснулся ее груди, и она сама схватила меня за руку.

— Эдуард! Надо немедленно найти машину!..

— Вы говорили, что она где-то здесь?

— Тут, близко... подле самых моих ног...

В поисках машины я отползал от Амелии и возвращался к ней, выкидывая руки то вправо, то влево. Сама Амелия каким-то образом выпрямилась и подо двинулась ко мне. Скользя и срываясь, кашляя и тяжело дыша, дрожа от холода, пронизывающего до костей, мы продолжали свои безнадежные поиски куда дольше трех минут. Ни она, ни я не могли смириться с мыслью, что три минуты — это все, что нам отпустила судьба.

Глава VI

В неведомой стране будущего

Наша борьба за жизнь неминуемо тянула нас вниз, и вскоре я нащупал под ногами твердую почву. Я тут же громко оповестил об этом Амелию и помог ей встать на ноги. И вновь пришлось бороться — теперь уже за то, чтобы сохранить равновесие, невзирая на опутавшую все тело тину. Мы оба промокли до нитки, а воздух был леденяще холоден.

Наконец мы высвободились из цепких растительных пут и выбрались на неровный каменистый грунт. Отошли от кромки водорослей на каких-нибудь пять шагов и рухнули в изнеможении. Амелию трясло от холода, и она не выразила протеста, когда я обвил ее рукой и притянул к себе, стараясь согреть. В конце концов я заявил:

— Нам нужно найти пристанище.

Я все время озирался в надежде заметить дома, но единственное, что удавалось увидеть при свете звезд, была явная пустошь. Отличительную ее черту составляла лишь растительная гряда — та самая, откуда мы еле-еле выбрались, — она возвышалась над нашими головами чуть не на сотню футов.

Амелия молчала, ее по-прежнему сотрясала дрожь. Я встал и начал стаскивать с себя сюртук.

— Пожалуйста, накиньте это на плечи.

— Но вы заоченеете до смерти.

— Вы промокли насквозь, Амелия.

— Мы оба промокли. Надо двигаться, иначе не согреться.

— Сейчас, — откликнулся я и вновь опустился рядом с нею. Сюртук остался на мне, но я расстегнул его и отчасти накрыл им Амелию, когда обнял ее за плечи. — Сначала надо немного отдышаться.

Амелия прижалась ко мне и спросила:

— Эдуард, где мы?

— Знаю не больше вашего. Где-то в будущем.

— Но почему так холодно? Почему так трудно дышать?

Я мог лишь поделиться с нею своей догадкой.

— Мы оказались на значительной высоте. Нас забросило в горный район.

— Однако земля здесь ровная!

— Следовательно, мы на плато, — не растерялся я. — А воздух разрежен из-за высоты.

— Пожалуй, я и сама пришла к подобному выводу, — сказала Амелия. — Прошлым летом я ездила в Швейцарию, и там на высоте дышать было так же трудно, как здесь.

— Но это безусловно не Швейцария.

— Подождем до утра, тогда и выясним наше местонахождение, — решительно произнесла Амелия. — Должны же где-нибудь неподалеку быть люди.

— А если мы за границей, что кажется вполне вероятным?

— Я знаю четыре языка, Эдуард, и еще несколько могу отличить от других. К тому же, все, что от нас потребуется, — это установить дорогу до ближайшего города, а уж там мы как-нибудь разыщем британского консула.

Но в течение всего разговора я ни на минуту не забывал страшную сцену, которую мне довелось мимолетно увидеть сквозь стены лаборатории.

— Мы убедились, что в 1903-м разразилась вой-

на, — сказал я. — Где бы мы ни были сейчас, в какой бы год ни попали, не может ли случиться, что она все еще не кончилась?

— Вы же видите: вокруг все тихо, никаких признаков военных действий. Но даже если идет война, мирных путешественников никто не тронет. На то есть консульства в каждом крупном городе мира.

При создавшихся обстоятельствах она держалась с удивительным оптимизмом, и это меня приободрило. В первый момент, когда я понял, что мы потеряли машину, меня охватило отчаяние. Как ни кинь, а перспективы у нас были, мягко говоря, сомнительными; Амелия, по-видимому, еще просто не осознала постигшее нас несчастье в полной мере. У нас было очень мало денег и ни малейшего представления о том, что творится в мире, о причинах, породивших войну 1903 года. Кто мог бы поручиться, что мы не очутились на вражеской территории и что нас, едва обнаружив, тут же не упрячут в тюрьму?

Пока что перед нами стояла насущная задача — дожить до утра вопреки холоду, — и она с каждой минутой представлялась все более неразрешимой. Нам повезло, что ночь выдалась безветренной, однако эта единственная милость судьбы не очень-то утешала. Почва у нас под ногами промерзла как камень, дыхание белыми облачками клубилось вокруг лиц.

— Надо двигаться, — снова предложил я. — Иначе мы схватим воспаление легких.

Амелия не возражала, и мы поднялись на ноги. Я принялся подпрыгивать на месте, но, должно быть, потерял много сил, даже не догадываясь об этом, — во всяком случае, я сразу же споткнулся. Амелии тоже пришлось несладко, и она пошатнулась, едва взмахнув раз-другой руками над головой.

— Что-то мне нехорошо, — признался я.

Мне опять не хватало воздуха.

— И мне.

— Значит, нам нельзя напрягаться.

Я в отчаянии огляделся по сторонам, однако вокруг по-прежнему не было видно ничего, кроме растительной стены, вырисовывающейся на фоне звезд. Убежище, которое предлагала эта стена, было, возможно, сырым и противным, но для нас с Амелией единственным. Так я и сказал своей спутнице. Она тоже не могла придумать ничего лучшего, и мы, держась за руки, вернулись под защиту «водорослей». На самом краю поднимался обособленный куст — или, скорее, пучок стеблей, — и я пробы ради ощупал его руками. Стебли показались мне сухими, а почва вокруг них — не столь каменной, как та, на которой мы только что сидели.

Меня осенила догадка, я отделил один стебель от остальных и переломил его. По пальцам тотчас же потекла ледяная влага.

— Растения выделяют сок на изломе, — сказал я, протягивая стебель Амелии. — Если забраться под навес листьев, не задевая ветвей, мы больше не вымокнем.

Сев на грунт лицом к зарослям, я начал потихоньку вползать в укрытие. Я полз методично и не торопясь и вскоре очутился в темном и безмолвном растительном коконе. Мгновением позже за мной последовала Амелия, подобралась ко мне вплотную и затихла.

Откровенно говоря, лежать под кустом — удовольствие ниже среднего, но все же это предпочтительнее, чем быть игрушкой ветров на равнине. Минуты шли, мы не шевелились, и я мало-помалу стал чувствовать себя лучше: видимо, в тесноте тепло наших тел улетучивалось не так быстро.

Я потянулся к Амелии — нас разделяло всего-то дюймов шесть, не больше, — и положил руку ей на

плечо. Ткань ее жакета была еще влажной на ощупь, но сама она, по-видимому, тоже немного согрелась.

— Разрешите, я обниму вас, — произнес я. — Не позволим холоду снова завладеть нами.

Я привлек ее к себе. Она пододвинулась без сопротивления, и мы оказались совсем рядом, лицом к лицу в совершенной тьме. Довольно было чуть шевельнуть головой, чтобы соприкоснуться носами; тогда я не выдержал и крепко поцеловал ее в губы.

Она тут же отстранилась.

— Пожалуйста, не злоупотребляйте своей силой, Эдуард.

— Как вы можете обвинять меня в этом? Нам надо сберечь тепло.

— Вот и давайте сберегать тепло, не больше. Я вовсе не хочу, чтобы вы меня целовали.

— Но я думал...

— Обстоятельства свели нас вместе. Однако не стоит забывать, что мы едва знаем друг друга.

Я не верил своим ушам. Дружеское поведение Амелии в течение всего дня я принимал как доказательство того, что и она равнодушна ко мне, и, несмотря на трагичность нашего положения, одной ее близости было достаточно, чтобы воспламенить мои чувства. Мне казалось, она не отвергнет моего поцелуя, но после такого отпора я сразу замолк, растерянный и уязвленный.

Три-четыре минуты спустя Амелия опять шевельнулась и легонько коснулась моего лба губами.

— Вы мне очень нравитесь, Эдуард, — сказала она. — Разве этого мало?

— Я думал... признаться, я был уверен, что вы...

— Что я сказала или сделала такого, что дало бы вам право предполагать с моей стороны чувство большее, нежели просто дружбу?

— Мм... ничего.

— Тогда, пожалуйста, не делайте глупостей.

Она обняла меня одной рукой и прижала к себе чуть плотнее, чем раньше. И в течение всей бесконечной ночи мы лежали почти без движения, едва разминая мышцы, когда они совсем затекут, и без сна — дремота если и приходила, то изредка и ненадолго.

Рассвет наступил внезапно. Только что мы лежали в темноте и безмолвии — и вдруг сквозь листву просочился слепящий свет. Мы разом встрепенулись, словно предчувствуя, что предстоящий день навсегда врежется в нашу память.

Это было нелегко, но мы все же поднялись и неуверенными шагами двинулись прочь от зарослей, навстречу солнцу. Ослепительно-белое, оно до сих пор еще цеплялось за горизонт. Небо над нами было темно-синим. На нем не появлялось ни облачка.

Мы отошли от зарослей ярдов на десять, затем обернулись, чтобы рассмотреть кусты, служившие нам пристанищем.

Амелия держала меня за руку — и тут сжала ее как клещами. Я тоже замер в изумлении: растительность простиралась насколько хватал глаз и вправо и влево. Она стояла почти ровной стеной — местами чуть-чуть выпячивалась вперед, а местами отступала назад. Кое-где заросли словно громоздились друг на друга, образуя как бы холмы высотой футов по двести и более. Впрочем, все это можно было, пожалуй, предугадать, исходя из ночных впечатлений, — но никто и ничто не подготовили нас к самой большой неожиданности: что каждый стебелек, каждый листик, каждый узелок на усиках, хищно змеящихся к нам по песку, окажется ярко кроваво-красного цвета.

Мы в изумлении взирали на эту стену багряных растений, не в силах подобрать слова, чтобы выразить свои чувства.

Верхняя часть зарослей и в особенности самый их гребень издалека выглядели гладкими и округлыми. Они действительно напоминали плавные волны холмов, хотя, разумеется, довольно было всмотреться в них, чтобы цельная на первый взгляд поверхность распалась на тысячи и миллионы веточек.

Ниже, в той части, которая служила нам укрытием, вид зарослей менялся. Здесь набирались сил растения помоложе, те, что, вероятно, совсем недавно поднялись из семян, выброшенных из недр этого живого вала. И мы оба, Амелия и я, одновременно поддались ощущению, что вал неотвратно надвигается на нас, выкидывая все новые побеги и с каждой минутой вздымая свой гребень выше и выше.

И тут, пока мы как зачарованные смотрели на эту немислимую стену, солнечные лучи и вправду пробудили ее к жизни: вдоль стены пронесся басовитый стон, сопровождаемый оглушительным хрустом. Колыхнулась одна веточка, следом другая, и вот уже ветки и стебли задвигались на всем протяжении живого утеса, словно танцуя какой-то бездумный танец.

Амелия снова сжала мне руку и указала на что-то прямо перед собой.

— Смотрите, Эдуард! Мой ридикюль! Надо достать его!..

Футах в тридцати над нашими головами в ровной на вид поверхности зарослей зияла большая дыра. Когда Амелия бегом устремилась к ней, до меня с запозданием дошло, что это, вероятно, то самое место, куда нас столь предательски вышвырнула машина времени.

А в нескольких шагах от дыры, зацепившись за стебель, висел ридикуль, совершенно несуразный в ореоле красной листвы.

Я бросился вперед и поравнялся с Амелией в тот самый миг, когда она намеревалась вломиться в чащу растений, подняв юбку почти до колен.

— Туда нельзя! — закричал я. — Растения пробуждаются к жизни!..

Не успел я договорить, как длинный ползучий побег подкрался к нашим ногам и выбросил семенной стручок, который тотчас же взорвался. В воздухе поплыло облачко мелких как пыль семян.

— Эдуард, мне настоятельно нужен мой ридикуль!

— Но вы же не сможете влезть наверх!

— Я должна.

— Придется вам как-нибудь обойтись без пудреницы и притираний.

Она бросила на меня быстрый гневный взгляд.

— Там не только пудреница. Там деньги. Фляжка с бранди. И многое другое...

Она очертя голову кинулась в глубь красных кустов, но какая-то ветка с треском очнувшись ото сна и, стремительно выпрямившись, впиалась в подол ее юбки. Ткань лопнула, Амелию развернуло и сбilo с ног. Она вскрикнула и упала. Поспешив ей на помощь, я торопливо увел ее подальше от злокозненных зарослей.

— Оставайтесь здесь. Я полезу сам.

Без дальнейших колебаний я нырнул в этот лес извивающихся, стонущих стеблей и стал пробираться в том направлении, где видел ридикуль в последний раз. Поначалу это было не слишком трудно: я быстро усвоил, какие стебли могут, а какие не могут выдержать мой вес. Когда растения достигли такой высоты, что закрыли небо у меня над головой, я начал взби-

раться вверх; не раз и не два я срывался и едва не падал, когда ветка, за которую я хватался, обламывалась под рукой, обдавая меня соком. Заросли находились в непрерывном движении, словно руки толпы, когда она волнуется, приветствуя кого-то. Подняв глаза, я вновь заметил ридикюль Амелии — тот покачивался на одном из стеблей футах в двадцати надомной. Но мне при всем желании удалось одолеть лишь три-четыре фута, а дальше просто не на что было опереться.

Внезапно неподалеку, в нескольких ярдах справа, раздался оглушительный треск; я поневоле втянул голову в плечи, в ужасе вообразив, что это «проснулся» один из самых крупных стволов, но причина оказалась куда проще: ридикюль сам собой соскочил со стебелька. Разумеется, я с радостью оставил тщетные попытки взобраться выше и бросился в гущу колышущихся нижних ветвей. Колыхались они буйно и довольно шумно; вдобавок один семенной стручок взорвался почти у самого моего уха, на время совершенно оглушив меня. Единственная мысль владела мной — поскорей бы завладеть ридикюлем и как-нибудь выбраться из этого ожившего кошмара. Не заботясь больше ни о чем — ни куда ставлю ногу, ни сколько стеблей сломаю, ни даже сильно ли вымокну, — я продрался меж растений, схватил свою добычу и поспешил выкарабкаться из зарослей на волю.

Амелия сидела прямо на камнях, и я швырнул ридикюль к ее ногам. Вопреки всякой логике, я был очень сердит на нее, хоть и сам понимал, что попросту прикрываю гневом пережитый страх.

Она поблагодарила меня, а я, отвернувшись, уставился на стену багровой растительности. Стена колыхалась еще сильнее, чем прежде, отовсюду высывались бунтующие ветки и стебли. Почва по краям была усеяна свежими розовыми побегам. Растения и впра-

вду надвигались на нас, медленно, но неумолимо. Я следил за ними минут пять без перерыва; зрелые экземпляры щедро поливали почву своим соком, орошая юные ростки.

Когда я вновь повернулся к Амелии, моя спутница вытирала лицо и руки фланелевой салфеткой, которую достала из ридикюля. А рядом на песке лежала фляга, и Амелия не замедлила протянуть ее мне.

— Хотите брэнди, Эдуард?

— Спасибо, не откажусь.

Спиртное смочило мне язык и сразу разогрело меня. Но я сделал всего один глоток, предчувствуя, что содержимое фляги придется растянуть надолго.

Солнце всходило все выше, и мы оба ощущали на себе его благодатные лучи. Очевидно, нас закинуло в район экватора, так как поднималось солнце круто вверх и излучало щедрое тепло.

— Эдуард, подойдите ко мне.

Я присел на корточки подле Амелии. Она выглядела на удивление свежей, и я обратил внимание, что она успела не только обтереть лицо увлажненной салфеткой, но и расчесать волосы. Однако ее туалет был в самом плачевном состоянии: рукав жакета оторван, на юбке в том месте, куда впиалась разъяренная ветка, зияла прореха, и вся одежда с головы до ног заляпана грязно-розовыми пятнами и потеками. Впрочем, оглядев себя самого, я убедился, что и мой новый костюм приобрел столь же непривлекательный вид.

— Не хотите ли привести себя в порядок?

Амелия протянула мне салфетку. Я принял у нее кусок фланели и вытер лицо и руки.

— Как это вы умудрились прихватить ее с собой? — восхищенно произнес я, наслаждаясь неожиданным умыванием.

— Я много путешествовала. Вот и вошло в при-

вычку готовиться к любым непредвиденным обстоятельствам...

И она показала мне несессер, где наряду с салфетками лежали квадратик мыла, зубная щетка, зеркальце, складные маникюрные ножницы и гребешок.

Я пощупал свой подбородок, которому, несомненно, скоро должна была понадобится бритва, — по такого непредвиденного случая Амелия все же не предусмотрела. За неимением бритвы я одолжил у нее гребешок и причесался, а затем позволил ей поправить мне усы.

— Ну вот, — сказала она, подворачивая последний волосок. — Теперь мы готовы вновь примкнуть к цивилизации. Но сначала следует позавтракать, чтобы подкрепить свои силы.

Порывшись в недрах ридикюля, она извлекла из него большую плитку шоколада.

— Не разрешите ли узнать, что еще скрывается в этой кладовой? — поинтересовался я.

— К сожалению, больше ничего такого, что могло бы сослужить нам службу. И эту плитку придется расходовать экономно, другой пищи у меня нет. Съедем каждый по два квадратика, а остальное сбержем до последней крайности.

Мы жадно сжевали свои порции и запили шоколад еще одним глотком бранди. Амелия защелкнула ридикюль, и мы решительно встали.

— Пойдем в ту сторону. — Она махнула параллельно зарослям.

— Почему же в ту, а не в эту? — откликнулся я, несколько удивленный ее категоричным тоном.

— Потому что солнце поднялось оттуда, — она показала в направлении пустыни, — значит, заросли тянутся с севера на юг. Мы уже убедились, что ночью здесь невыносимый холод, а потому у нас нет другого выхода, кроме как идти к югу.

Логика была поистине безупречной. Мы отшагали не менее десяти ярдов, прежде чем я сумел подыскать возражение.

— Вы исходите из посылки, что мы по-прежнему находимся в северном полушарии?

— Конечно. К вашему сведению, Эдуард, я уже пришла к определенному выводу насчет того, где мы очутились. Здесь так высоко и так холодно, что это наверняка Тибет.

— Если вы угадали, то мы движемся в сторону Гималаев, — сказал я.

— Как быть с Гималаями, подумаем, когда доберемся до них.

3

Вскоре выяснилось, что идти по каменистой равнине — дело отнюдь не легкое. По мере того как солнце поднималось к зениту, окружающие условия становились вполне терпимыми, а наша походка — наверное, благодаря чистому прохладному воздуху и высоте — приобрела даже определенную живость, и тем не менее мы быстро уставали и были вынуждены делать частые остановки.

Часа три мы выдерживали устойчивый темп — движение и отдых чередовались через равные промежутки времени. Ридикюль мы несли попеременно, но если меня ходьба взбадривала, Амелии каждый шаг давался все труднее: она тяжело дышала и постоянно жаловалась на головокружение.

Было и другое обстоятельство, удручавшее нас обоих: с той секунды, как мы пустились в путь, ландшафт не изменился ни на йоту. Растительная стена пересекала пустыню все таким же сплошным барьером, разве что порой чуть снижалась или, напротив, выдавалась вверх.

Солнце всходило все выше, расточая живительное тепло, и вскоре наша одежда совсем просохла. Однако лица у нас оставались незащищенными (капор Амелии был без полей, а я потерял свою шляпу в зарослях) и незамедлительно начали обгорать — мы оба одновременно почувствовали, что кожу неприятно пощипывает.

Пригревающее солнце вызвало новые метаморфозы в жизнедеятельности растений. Тошнотворные шевеления ветвей и взрывы стручков продолжались примерно час после восхода, а теперь стали редки, зато побеги тянулись к солнцу с поразительной быстротой и взрослые растения без усталости поили их соком.

С самого момента крушения меня преследовала одна назойливая мысль, и я понял, что пора дать ей огласку.

— Амелия, — сказал я, — это я полностью виновен в том, что мы попали в столь затруднительное положение.

— Что вы имеете в виду?

— Мне не следовало менять курс машины времени. Это был безответственный поступок.

— Вы виновны в случившемся не более моего. Пожалуйста, не будем говорить об этом.

— Но наша жизнь того и гляди окажется в опасности!

— Тогда мы встретим опасность рука об руку, — ответила она. — Если вы не перестанете корить себя, жизнь станет попросту невыносимой. Ведь это не вы, а я... я первая затеяла садиться в машину... Главная наша забота теперь... главное — вернуться к людям...

Я бросил на Амелию быстрый взгляд и увидел, как с лица у нее сбежала краска, а веки наполовину смежились. Мгновением позже она пошатнулась, беспомощно посмотрела на меня и упала, вытянувшись во весь рост на песке. Я бросился к ней.

— Амелия! — позвал я взволнованно, но она не шевельнулась.

Схватив ее за руку, я нащупал пульс: он был слабый и неровный.

Ридикюль оставался у меня, и я, повозившись с застежкой, открыл его. Я знал заведомо, что там должно быть что-либо подобное, и тем не менее пришлось перевернуть все содержимое, прежде чем на дне ридикюля отыскался крошечный флакончик с нюхательной солью. Свинтив колпачок, я помахал им у Амелии перед носом.

Реакция не заставила себя ждать. Амелия сильно закашлялась и попыталась отстраниться. Обняв девушку одной рукой за плечи, я помог ей сесть. Кашель не прекращался, на глаза у нее навернулись слезы. Тут я кстати вспомнил прием, который мне однажды показывали, и почти сложил Амелию пополам, мягко пригибая ей голову к коленям.

Через несколько минут она выпрямилась и посмотрела на меня осмысленным взглядом, но лицо у нее было по-прежнему бледным, а глаза все еще слезились.

— Мы слишком долго шли без пищи, — проговорила она. — У меня закружилась голова, ну и вот...

— Это, вероятно, высота, — я пришел ей на помощь. — Надо будет спуститься с плато при первой же возможности...

Порывшись в ридикюле, я достал плитку шоколада. Мы ведь едва почали ее, бóльшая часть была в целости, и я, отломив еще два квадратика, протянул их Амелии.

— Нет, нет, Эдуард, не надо.

— Съешьте, — настаивал я. — Вы слабее меня.

— Мы совсем недавно завтракали. Будем экономными. — И, отобрав у меня шоколадные квадратик, она решительно засунула их вместе со всей плиткой

обратно в ридикюль. — Вот что я действительно хотела бы, так это стакан воды. Жажда меня совершенно замучила.

— А вам не приходило в голову, что сок этих растений можно пить?

— Если мы не найдем воды, то рано или поздно придется это проверить.

— Знаете, — сказал я, — когда нас выпшвырнуло в заросли ночью, я нечаянно хлебнул немного сока. В общем-то он напоминает воду, только слегка горчит.

Спустя две-три минуты Амелия поднялась на ноги, пожалуй, не слишком уверенно, и заявила, что может идти дальше. На всякий случай я заставил ее сделать еще глоток брэнди. Но хотя мы шли медленнее, чем прежде, Амелия через несколько шагов пошатнулась снова. Сознания она на этот раз не теряла, но призналась, что ее тошнит. Мы отдыхали целых полчаса, а солнце упорно взбиралось по небосклону.

— Прошу вас, Амелия, съешьте немного шоколаду. Уверен, что единственная причина вашего недомогания — недостаток пищи.

— Я не более голодна, чем вы, — ответила она. — Дело вовсе не в голоде.

— Тогда в чем же?

— Не могу вам сказать.

— Но вам известна причина?

Амелия кивнула.

— Если вы сообщите ее мне, я постараюсь придумать, как вам помочь.

— Вы не можете мне помочь, Эдуард. Я сейчас приду в себя.

Я опустился перед девушкой на песок и положил руки ей на плечи.

— Амелия, мы просто не знаем, сколько нам еще идти. И мы никуда не дойдем, если вы больны.

— Я не больна.

— Мне кажется, что это не так.

— Я испытываю определенные неудобства, но я вполне здорова.

— Тогда будьте добры, держите себя в руках, — бросил я.

Моя озабоченность неожиданно для меня самого обернулась раздражением. Амелия помолчала немного, потом, опираясь на мою руку, поднялась и сказала:

— Ждите меня здесь, Эдуард. Я долго не задержусь.

Забрав у меня ридикюль, она медленно двинулась к зарослям. Осторожно протиснулась меж молодых кустиков на опушке, шагнула вглубь, к более высоким растениям. А достигнув их, обернулась, взглянула в мою сторону, затем пригнулась и скрылась из виду. Я встал спиной к Амелии, догадавшись наконец, что она ищет полного уединения.

Прошло пять минут, семь, десять — она не показывалась. Через четверть часа я начал беспокоиться. С тех пор как Амелия исчезла в зарослях, кругом повисла могильная тишина. Но, невзирая на растущую тревогу, я понимал, что уважение к спутнице обязывает меня подождать еще. Я ждал, судя по часам, более двадцати минут, когда до меня донесся неуверенный голос:

— Эдуард!..

Не в силах дольше сдерживаться, я бросился сквозь красные заросли напролом туда, где видел Амелию в последний раз. Меня терзала мысль, что на нее обрушилось какое-то страшное несчастье, — но никакое воображение не могло подготовить меня к тому, что открылось моему взору. Я замер как вкопанный и тут же отвел глаза: Амелия сняла с себя юбку и блузку и осталась в одном белье. Правда, она подняла

юбку перед собой, пытаюсь как-то заслониться от меня; в глазах у нее читались мольба, испуг и откровенное замешательство.

— Эдуард, у меня ничего не получается. Пожалуйста, помогите мне...

— Что случилось? — вскричал я в изумлении.

— У меня слишком тугий корсет. Я едва дышу. Но никак не могу развязать шнурки... — Она громко всхлипнула и продолжала: — Я не хотела, чтобы вы догадались, но я же не была одна ни минуты со вчерашнего дня. Я задыхаюсь от боли. Ради всего святого, помогите мне...

Не стану отрицать, что патетичность ее выражений меня слегка позабавила, но я подавил улыбку и шагнул вперед, чтобы очутиться у Амелии за спиной.

— Что я должен делать?

— Развязать шнурки. Они должны быть завязаны внизу бантиком, но я нечаянно затянула узел...

Присмотревшись, я понял, что она имеет в виду. Я вцепился в узел ногтями и распутал его, в общем, без особого труда.

— Ну вот, — произнес я, отворачиваясь. — Готово.

— Будьте добры, расшнуруйте меня, Эдуард. Я сама не смогу дотянуться.

Чувства, которые я жестоко подавлял в себе, вдруг вырвались наружу, и я воскликнул:

— Не хватает еще, чтобы я вас раздевал!

— Я прошу вас распустить шнурки, только и всего.

И пришлось мне, переборов себя, приступить к кропотливому труду — выдергивать шнурки из петель. Когда задача была наполовину решена и шнуровка корсета чуть-чуть ослабла, я воочию увидел, как туго он впивался в тело. Из верхних петель шнурки вылетели сами собой, и броня распалась на части. Амелия стащила ее с себя, а затем сердито отшвырнула прочь и обратилась ко мне:

— Не могу выразить, как я благодарна вам. Эдурд. Еще мгновение — и я, наверное, задохнулась бы.

Если бы она сама не повернулась ко мне, я считал бы свое пребывание с нею рядом совершенно неподобающим, но она позволила юбке упасть к ногам, открыв мне сорочку из легчайшего материала и высокую грудь. Я не сдержался и подался вперед, намереваясь заключить Амелию в объятия, но она отпрянула и к тому же загородилась юбкой как ширмой.

— А сейчас оставьте меня, — попросила она. — Одеться я сумею и без посторонней помощи.

4

Когда две-три минуты спустя Амелия вышла из зарослей, она была полностью одета, а корсет держала на весу, пропустив его между ручками ридикюля.

— Почему вы не захотели расстаться с ним совсем? — поинтересовался я. — Вряд ли вам требуются новые доказательства, что эту штуку носить нельзя.

— Можно, если не слишком долго, — возразила она, но вид у нее при этом был весьма смущенный. — Сегодня я отдохну от него, а завтра надену снова.

— Заранее предвкушаю, как завтра мне придется помогать вам, — заявил я вполне чистосердечно.

— Вашей помощи не потребуется. К завтрашнему дню мы вернемся в лоно цивилизации, и я найму себе служанку.

Краска смущения еще не сошла с ее лица, да и я не избавился от возбуждения, а потому считал возможным добавить:

— Если вы хоть как-то считаетесь с моим мнением, смею вас заверить, что ваша фигура отнюдь не нуждается в корсете.

— Ваше замечание неуместно. Пора продолжать путь.

Амелия двинулась вперед, и мне пришлось последовать ее примеру.

Происшествие с корсетом на время отвлекло нас от опасностей нашего положения; теперь мы заметили, что солнце продвинулось достаточно далеко на запад и заросли начали отбрасывать тень. Едва мы ступали на затененный участок, на нас сразу же веяло холодом.

После получаса размеренной ходьбы я собрался предложить передышку, но тут Амелия внезапно остановилась. Впереди лежала неглубокая низинка, и девушка не замедлила подойти к ее краю, а я следом.

— Нам предстоит разбить бивуак на ночь. Полагаю, надо заняться этим не откладывая.

— Вообще-то я не возражаю. Но не следует ли сперва продвинуться еще дальше на юг?

— Нет, это место подходит как нельзя лучше. Мы проведем ночь здесь.

— Под открытым небом?

— Ну, зачем же? У нас хватит времени до прихода ночи устроить настоящий лагерь. — Амелия изучала низинку самым внимательным образом. — Когда я была в Швейцарии, мне показывали, как возводить укрытия на случай крайней необходимости. Нам надо лишь немного углубить эту дыру и надстроить вокруг бортики. Если вы займетесь этим, я тем временем нарежу стеблей.

Мы препирались минуты две-три — я полагал разумным идти до тех пор, пока не начнет смеркаться, — но Амелия стояла на своем. Кончилось тем, что она сняла жакет и направилась к зарослям, а я присел на корточки и принялся выгребать песчаный грунт голыми руками. Однако прошло еще не меньше двух часов, прежде чем наш импровизированный лагерь стал удовлетворять хотя бы элементарным тре-

бованиям. Я расчистил низинку от самых крупных камней, а Амелия наломала пушистых ветвей, напоминающих папоротник. Ветви мы сложили в низинке стогом, словно намереваясь развести костер, но, разумеется, мы собирались не поджигать стог, а забраться внутрь, поближе к его основанию.

Солнце уже почти скрылось, и мы с Амелией вновь ощутили холод.

— По-моему, мы сделали все, что могли, — сказала она.

— Так не пора ли нам залезть в нашу нору?

Только теперь я по достоинству оценил мудрость Амелии, настоявшей на том, чтобы подготовиться к ночи заранее. Не остановись мы здесь, нам бы ни за что не успеть так основательно защититься от холода.

— Хотите пить?

— Спасибо, мне ничего не надо, — ответил я. Но я лгал — горло у меня пересохло с самого утра.

— Вы же и капли во рту не держали.

— Как-нибудь переживу ночь.

Амелия указала мне на длинный ползучий стебель из тех, что она не кинула в стог, а сложила в стороне. Отломив часть стебля, она протянула его мне со словами:

— Выпейте соку, Эдуард. Это не опасно.

— А если сок ядовит?

— Отнюдь нет. Я попробовала его еще когда возилась с корсетом. Он очень освежает и, по-моему, не дает никаких неприятных последствий.

Я поднес срез стебля к губам и неуверенно потянул в себя содержимое. Рот мгновенно наполнила холодная жидкость с каким-то острым привкусом, и я быстро ее проглотил. После одного-двух глотков привкус перестал казаться неприятным.

— Послушайте, это же точь-в-точь микстура, какую мне прописывали в детстве!

Амелия улыбнулась.

— Значит, вы тоже ее пили! А я-то гадала, заметите ли вы сходство...

— Только в детстве мне давали обычно еще и ложку меду, чтобы снять привкус.

— Ну что ж, на сей раз вам придется обойтись без меду.

Я ответил храбро:

— Как знать...

Амелия бросила на меня пронизательный взгляд, а потом смутилась, хоть и не так сильно, как раньше. Я отшвырнул напоивший меня стебель и помог ей забраться в убежище, уготованное нам на ночь.

Мы раскрываем истину

1

Довольно долгое время мы лежали тихо, не шевелясь. Хотя Амелия и постаралась выбрать самые сухие растения, мы вскоре обнаружили, что под тяжестью наших тел они все равно сочатся влагой. К тому же малейшее движение — и к нам проникали струйки наружного воздуха. Правда, я ухитрился немного подремать, но за Амелию не ручаюсь. Разбуженный холодом, который предательски подкрался к моим ногам, я понял, что она совершенно заоченела.

— Эдуард, неужели нам суждено умереть здесь? — только и спросила она.

— Не думаю, — ответил я без промедления. Признаться, минувшим днем подобная перспектива мне и самому приходила в голову, и я попытался заранее найти какие-то аргументы в утешение Амелии. — Не может быть, чтобы нам оставалось далеко идти.

— Но мы погибнем от голода!

— У нас еще есть шоколад. И, как вы справедливо заметили, сок этих растений питателен.

По крайней мере, это была правда: мой желудок настоятельно требовал твердой пищи, однако с тех пор, как я рискнул выпить соку, сил у меня заметно прибавилось.

— Если не от голода, то от холода. Долго я не выдержу.

Ее была дрожь, и я не мог не слышать, как во время разговора у нее стучат зубы. Наш бивуак пока что не оправдывал надежд.

— Пожалуйста, разрешите мне, — сказал я и, не дожидаясь ее согласия, придвинулся к ней и обнял ее за шею. Отпор, полученный накануне, еще не изгладился из моей памяти, и я испытал облегчение, когда Амелия с готовностью припала головой к моему плечу и положила руку мне на грудь. Тогда я приподнял колени, чтобы дать ей возможность поджать ноги. Но, устрояваясь поудобнее, мы невольно потревожили накрывающее нас одеяло листья и потратили немало времени, прежде чем сумели вновь расправить его.

Наконец, мы успокоились, слясь хотя бы восстановить то относительное тепло, каким располагали поначалу. Минуты шли за минутами — мы молчали, пока наша близость не стала сказываться и я не почувствовал себя немного уютнее.

— Эдуард, вы спите? — спросила Амелия совсем тихо.

— Нет, — отозвался я.

— Мне все еще холодно. Может, надо встать и нарезать еще листьев?

— По-моему, лучше просто лежать и не шевелиться. Тепло придет само собой.

— Обнимите меня.

То, что последовало за этой в общем-то невинной просьбой, я не сумел бы представить себе даже в самых смелых мечтах. Повинуясь порыву, я привлек Амелию к себе, в ту же секунду она обвила меня руками, и мы очутились в объятиях друг друга — настолько тесных, что я отбросил всякую осторожность.

Щека Амелии была прижата к моей щеке, и я вдруг ощутил, что эта бархатная щека ласково трется о мою! Я ответил тем же — и тут понял, что любовь

и страсть, которые я так старательно подавлял в себе все это время, вот-вот выйдут из-под контроля. В глубине души я знал наперед, что позже пожалею о своей несдержанности, но тут же забыл об этом: мои чувства требовали немедленного выхода. У самых моих губ оказался изгиб девичьей шеи, и, не пытаясь более противостоять судьбе, я прижался к этому нежному изгибу и поцеловал его с отменной пылкостью. Амелия в ответ обняла меня еще крепче, и мы оба совершенно перестали заботиться о сохранности нашего убежища.

Я чуть-чуть отстранился, Амелия повернула ко мне лицо и прильнула губами к моим губам. Я ответил так горячо, что чуть не задушил ее. Когда мы наконец прервали затянувшийся поцелуй, наши лица разделяли какие-нибудь полдюйма, и тогда я сказал с непритворной убежденностью:

— Я люблю вас, Амелия.

Она не отозвалась, лишь опять привлекла меня к себе, и мы снова целовались как безумные, не в силах остановиться. Амелия была для меня всем, мироздание словно прекратило существовать, и по крайней мере на время я совершенно перестал замечать необычность окружающей обстановки. Я хотел одного — чтобы так продолжалось вечно. И Амелия, судя по ее реакции, разделяла мои чувства.

И вдруг она отдернула руку, отвернулась от меня и громко заплакала.

Возбуждение разом спало, и я ощутил огромную усталость. Я как бы упал откуда-то с высоты, уткнувшись лицом во впадинку между шеей Амелии и ее плечом. Это продолжалось бесконечно долго: мы не шевелились, я дышал болезненно, с трудом, и мое дыхание в замкнутом пространстве обдавало меня жаром. Амелия плакала, и слезинки, капая у нее с виска, стекали одна за другой по моей щеке.

Я шевельнулся один-единственный раз, когда левую руку свела судорога, а затем вновь лежал тихо-тихо, защищая Амелию от холода своим телом.

Разум мой, казалось, совершенно бездействовал, желание оправдаться перед самим собой иссякло так же быстро, как и необузданная страстность. Иссякло и желание обвинять себя в чем бы то ни было. Губы слегка саднило, я еще чувствовал вкус поцелуев Амелии. Пряди ее волос щекотали мне лоб — я не отодвигался.

Проплакав несколько минут, она успокоилась. Чуть позже ее дыхание стало размеренным, и я понял, что она заснула. Я тоже мало-помалу почувствовал, что усталость, скопившаяся за день, дает себя знать, сознание затуманилось, и с течением времени я позволил себе забыться.

Не знаю, долго ли я спал, только вдруг снова отдал себе отчет, что бодрствую, так и не изменив положения тела за всю ночь. Неужели мы раньше никак не могли согреться? Теперь я буквально пылал огнем. К тому же я заснул в очень неудобной позе, и у меня отчаянно затекла спина. Безумно хотелось двинуть рукой, на мгновение выпрямиться, в довершение бед жесткий воротничок рубашки врезался мне в шею, а медная запонка больно впиалась в гортань. Однако я боялся разбудить Амелию и продолжал лежать в надежде, что меня опять сморит сон.

Вопреки ожиданию и невзирая на все наши приключения, настроение у меня было довольно бодрое. Если вдуматься как следует, наши шансы на жизнь оставались зыбкими; Амелия, видимо, тоже понимала это. Если мы не доберемся до жилья в ближайшие сутки, то скорее всего найдем свою смерть здесь, на плато.

И тем не менее я не мог, не в силах был вычеркнуть из памяти тот миг, когда невзначай заглянул в будущее Амелии. Я знал, что если Амелия окажется в Ричмонде в 1903 году, она неизбежно погибнет в пламени, охватившем дом сэра Уильяма. Возможно, я действовал тогда неосознанно, но свои безответственные эксперименты с машиной времени я предпринял именно с целью защитить Амелию от ее судьбы. Это, правда, повлекло за собой наше нынешнее затруднительное положение, зато совесть моя была спокойна.

Где бы мы ни оказались, какой бы год ни шел на Земле, я твердо решил, что мне делать. Отныне я буду считать главной задачей своей жизни проследить, чтобы Амелия не вернулась в Англию до тех пор, пока этот ужасный день 1903 года не канет в вечность.

Я уже объяснился ей в любви, и она, кажется, ответила мне взаимностью; после этого мне не так уж трудно будет поклясться ей в том, что моя любовь безгранична, и предложить выйти за меня замуж. Согласится ли она на мое предложение, я, разумеется, ручаться не мог, но многое зависело от моей настойчивости и терпения. А если Амелия станет моей женой, то должна будет считаться с моей волей. Да, конечно, она явно благородных кровей, а моя родословная куда скромнее, — но ведь до сих пор, возражал я себе, это никак не влияло на наши отношения. Амелия — девушка эмансипированная, и если наша любовь — не обман, различие в происхождении не должно повредить нашему счастью...

— Эдуард, вы не спите? — прошептала она мне на ухо.

— Нет. Я разбудил вас?

— Тоже нет. Я проснулась сама и довольно давно. А теперь услышала, как вы вздохнули.

— Что, уже светает? — спросил я.

— По-моему, еще темно.

— Я, наверное, должен подвинуться. Боюсь, я и так вас почти раздавил.

Ее руки, все еще обнимавшие меня за шею, на мгновение сжались чуть сильнее.

— Пожалуйста, оставайтесь на месте.

— Мне вовсе не хотелось бы удерживать вас силой.

— Это я вас удерживаю. Вы, оказывается, очень неплохо заменяете собой одеяло.

Я слегка приподнялся, почти касаясь лицом ее лица. Вокруг нас в темноте шуршали, перешептывались листья. Я торжественно произнес:

— Амелия, я должен кое-что вам сказать. Я всей душой люблю вас.

И вновь ее руки сжались чуть сильнее, опуская мою голову вниз, пока наши щеки не соприкоснулись.

— Эдуард, милый, — ласково проговорила она.

— Вы больше ничего не хотите мне сказать?

— Только одно... Мне очень жаль, что так случилось.

— Вы меня не любите?

— Не знаю, Эдуард.

— Прошу вас, будьте моей женой. — Я не видел, но почувствовал, как она покачала головой. Но вслух она ничего не ответила. — Вы выйдете за меня, Амелия?..

Она продолжала молчать, и я ждал, не в силах скрыть волнение. Амелия лежала теперь неподвижно, руки ее были сомкнуты у меня за спиной, но оставались спокойными и безучастными.

— Просто не могу представить себе жизни без вас, Амелия, — сказал я. — Мы знакомы, в сущности, так недавно, а кажется, будто я знал вас всегда.

— Мне тоже так кажется, — откликнулась она почти неслышно, каким-то безжизненным голосом.

— Тогда прошу вас — выходите за меня замуж. Когда мы доберемся до населенных мест, то разыщем британского консула или священника-миссионера и сможем пожениться немедленно.

— Не надо говорить о таких вещах.

Я спросил, совершенно упав духом:

— Вы мне отказываете?

— Ну пожалуйста, Эдуард...

— Вы уже обручены с другим?

— Нет, и я вам не отказываю. Но, по-моему, не следует говорить об этом, пока наши перспективы не определились. Мы даже не знаем, в какой стране находимся. А следовательно...

Она запнулась. Ее слова звучали неуверенно и неубедительно.

— А завтра, — настаивал я, — когда мы узнаем, куда нас занесло, у вас отыщется какой-нибудь другой предлог? Я ведь спрашиваю вас только об одном: любите ли вы меня так же, как я люблю вас?

— Не знаю, Эдуард.

— Я люблю вас больше самой жизни. Можете ли вы сказать то же обо мне?

Внезапно она повернула голову и на секунду коснулась моей щеки губами. Потом заявила:

— Вы мне очень-очень нравитесь, Эдуард.

Мне пришлось довольствоваться этим. Я приподнял голову и потянулся к ее губам. Поцелуй был милотным, она тут же отстранилась.

— Мы вели себя глупо, — сказала она. — Не стоит повторять прежних ошибок. Обстоятельства вынудили нас провести ночь вместе, однако мы не должны злоупотреблять доверием друг друга.

— Ну что ж, если вы так на это смотрите...

— Мой дорогой, с чего вы взяли, что нас никто

не обнаружит? Разве мы не могли очутиться в чьих-то частных владениях?

— До сих пор вы не высказывали подобных предположений.

— Действительно не высказывала, но наше уединение может оказаться обманчивым.

— Сомневаюсь, что кому-либо придет на ум всматриваться в кучу листьев!

Амелия рассмеялась и снова обняла меня.

— Надо спать. Не исключено, что впереди у нас еще долгий путь.

— Вам по-прежнему удобно в таком положении?

— Вполне. А вам?

— Меня мучает воротничок, — признался я. — Вы не сочтете невежливым, если я сниму галстук?

— До чего же вы чопорны! Разрешите, я сделаю это сама. Ов, должно быть, почти удушил вас.

Я чуть-чуть приподнялся, и Амелия ловкими пальцами распустила узел и расстегнула не только переднюю, но и заднюю запонку. Как только она справилась со своей задачей, я принял прежнюю позу, и ее руки вновь сомкнулись у меня за спиной. Я прижался к Амелии щекой, легонько поцеловал ее в мочку уха и стал ждать, когда ко мне вернется сон.

3

Разбудил нас не восход солнца — полог листвы с успехом защищал нас от света и тот превращался в почти неощутимый багровый сумрак, — а треск и стоны, вновь донесшиеся из близлежащих зарослей. Еще минуты две-три мы не решались разорвать объятий, инстинктивно стремясь сохранить тепло и взаимную нежность минувшей ночи. Наконец мы сбросили с себя покров из красных листьев и выбрались из своего убежища в сияние дня, на безжалостный солнцепек.

И не без удовольствия потянулись, разминая руки и ноги после долгой ночной неподвижности.

Наш утренний туалет был короток, а завтрак еще короче. Мы обтерли лица фланелевыми салфетками Амелии и расчесали волосы. Каждый из нас получил по два квадратика шоколада и запил их глотком растительного сока. Затем мы собрали наши скромные пожитки и приготовились продолжать путь. Я обратил внимание, что Амелия по-прежнему несет корсет между ручками ридикюля.

— Почему бы вам не оставить его здесь? — спросил я, подумав, как было бы хорошо, если бы ей никогда больше не пришлось надевать эту сбрую.

— А это? — откликнулась она, доставая из ридикюля мой воротничок и галстук. — Прикажете оставить их тоже?

— Разумеется, нет, — ответил я. — Как только мы выйдем к людям, мне опять придется их носить.

— Тогда мы поняли друг друга.

— Разница в том, — сказал я, — что мне не нужна служанка. Впрочем, у меня ее никогда и не было.

— Если ваши намерения в отношении меня действительно серьезны, вы, Эдуард, должны быть готовы к тому, что на вас ляжет и обязанность нанимать прислугу.

Амелия произнесла эти слова самым обычным сдержанным тоном, но одно то, что она упомянула о моем предложении, заставило мое сердце забиться чаще. Я отобрал у нее ридикюль и взял ее за руку. Она мельком взглянула на меня и, как мне показалось, слегка улыбнулась, но тут мы двинулись в путь и поневоле были вынуждены смотреть прямо перед собой. Стена зарослей вновь ожила и содрогалась будто в муках; мы старались держаться от нее подальше, на безопасном расстоянии.

Зная заведомо, что большую часть отмеренного на

сутки пути надо одолеть до полудня, мы шли скорым шагом, останавливаясь на отдых через равные промежутки времени. Как и накануне, высота затрудняла дыхание, и говорить на ходу почти не удавалось. Однако на остановке я все же поднял вопрос, который занимал меня со вчерашнего дня.

— Как вы думаете, в какой год мы попали?

— Не имею ни малейшего представления. Все зависит от того, насколько вы сдвинули рычаги управления машиной.

— Я и сам не ведал, что творю. Помню, что схватился за циферблат, который отмеряет месяцы, и это произошло летом 1902 года. Но большого рычага я не трогал, пока не сломался никелевый стержень, и теперь ломаю себе голову: а что, если система автоматического возвращения не была нарушена и мы очутились в своем родном 1893 году?

Амелия задумалась на секунду-другую, потом сказала:

— Не думаю. Если бы только вы не сломали стержень! В этот момент автоматическое возвращение прервалось и возобновилось движение к той цели, которая была задана первоначально. Вероятно, автоматика пришла в действие снова лишь после того, как эта цель была достигнута. Тогда-то мы и потеряли машину. С другой стороны, раз вы крутили месячный циферблат, сама цель тоже могла измениться. Сильно ли вы его повернули?

Я попытался вспомнить.

— Пожалуй, на несколько месяцев вперед.

— Все равно ничего нельзя сказать наверняка. Мне кажется, что мы в одном из трех возможных времен. Или мы, как вы предположили, очутились в 1893 году, только за несколько тысяч миль от дома, или авария оставила нас в 1902 году, в той его минуте, какая была на циферблатах в момент, когда пере-

ломился стержень... Или же, наконец, мы передвинулись вперед на те самые несколько месяцев и находимся сейчас, допустим, в последних числах 1902 или в самом начале 1903 года. В любом случае очевидно одно: нас забросило на значительное расстояние от Ричмонда.

Все эти допущения были равно непривлекательными: они означали, что кошмарный день в июне 1903 года еще впереди. Мне, естественно, отнюдь не улыбалось разъяснять Амелии вытекающие отсюда последствия, поэтому я поспешил переключиться на иную занимавшую меня тему.

— Если мы теперь вернемся в Англию, — спросил я, — возможно ли, чтобы мы встретили самих себя?

Амелия переспросила:

— Как понять ваше «если вернемся в Англию»? Разве не разумеется само собой, что мы вернемся немедленно, как только сумеем?

— Да, да, конечно, — торопливо отозвался я, мысленно осыпая себя упреками за то, что сформулировал вопрос именно таким образом. — Стало быть, это не праздное любопытство: предстоит ли нам вскоре встретить самих себя?

Амелия нахмурилась.

— Не думаю, — произнесла она, помолчав. — Мы путешествовали во времени — этот факт столь же неоспорим, как и тот, что мы путешествовали в пространстве. И если только я не ошибаюсь в корне, мы оставили мир 1893 года так же далеко позади, как Ричмонд. В настоящий момент в Англии нет ни Амелии Фицгиббон, ни Эдуарда Тернбулла.

— Что же тогда, — подхватил я, поскольку предвидел ее ответ, — подумал сэр Уильям о нашем исчезновении?

Амелия неожиданно улыбнулась.

— Чего не знаю, того не знаю. Да и не думаю, что

он вообще заметил мое отсутствие до истечения двух-трех суток. Он человек, сосредоточенный всецело на своих замыслах. А когда выяснилось, что я исчезла, он, вероятно, связался с полицией, чтобы меня занесли в списки пропавших без вести. Это он, по крайней мере, считал своим долгом.

— Вы говорите о нем с такой холодностью! Уверен, что сэр Уильям был весьма озабочен вашим исчезновением.

— Я просто излагаю факты так, как представляю их себе. Я знаю, что он готовил машину времени к исследовательской экспедиции и, не опереди мы его, стал бы первым в истории путешественником в будущее. Машина в лаборатории, сэр Уильям нашел ее в целости и сохранности, — вернувшись отсюда, она встала в точности на то же место, будто ее и не трогали, — и он продолжил осуществление своих планов, не обращая внимания на окружающее.

— А если бы сэр Уильям заподозрил истинную причину нашего исчезновения, разве он не попытался бы отыскать нас с помощью той же машины?

Амелия решительно покачала головой.

— Учтите два обстоятельства. Первое: для этого он должен был бы уяснить себе, что мы самовольно использовали машину. И второе: даже если бы он заметил это, он должен был бы догадаться, где именно нас искать. Первое почти невозможно, поскольку машину по всем внешним признакам никто не трогал, а второе и вовсе невысказано: у машины нет памяти, она не ведет записи своих маршрутов, в особенности сделанных в автоматическом режиме.

— Значит, нам придется самим искать дорогу домой?

Амелия пододвинулась ближе и взяла меня за руку.

— Вот именно, — только и сказала она.

Солнце миновало зенит, и стена зарослей стала вновь отбрасывать тень, а мы все шли и шли вперед. И тут, как раз когда появилась настоящая необходимость передохнуть, я вдруг схватил свою спутницу за локоть и указал прямо перед собой.

— Глядите, Амелия! — крикнул я. — Вон там, на горизонте!..

Открывшееся нашему взору зрелище было самым желанным из всех, какие только мы могли себе вообразить. Впереди появилось что-то металлическое, полированное, отражавшее солнечный свет нам в глаза. По устойчивости блеска можно было судить, что он никак не может исходить от естественного источника, например от моря или озера. Он был делом человеческих рук, первым признаком цивилизации.

Мы поспешили навстречу сиянию, но оно, как нарочно, в тот же миг исчезло.

— Что случилось? — забеспокоилась Амелия. — Нам что, померещилось?

— Каков бы ни был источник света, он передвинулся, — ответил я. — Об обмане зрения не может быть и речи.

Хотелось броситься вперед со всех ног, но высота по-прежнему давала себя знать, и пришлось довольствоваться обычным равномерным шагом. Через две три минуты мы вновь заметили отраженный свет и поняли окончательно, что это не заблуждение. Тогда мы наконец вняли здравому смыслу и позволили себе короткий отдых, съели остаток шоколада и выпили соку столько, сколько смогли. Подкрепившись, мы зашагали дальше в том направлении, откуда шло прерывистое сияние, полагая, что наша затаившаяся вынужденная прогулка вот-вот закончится.

Однако миновал еще час, прежде чем мы прибли-

зились к источнику света достаточно, чтобы рассмотреть его; к тому времени солнце переместилось дальше по небосклону и блеск перестал резать глаза. В пустыне высилась металлическая башня — именно ее крыша и служила отражателем солнечных лучей. В разреженной атмосфере расстояния обманчивы, и, хотя мы разглядывали башню довольно долго, понадобилось подойти к ней почти вплотную, чтобы по-настоящему оценить ее размеры. Впрочем, вблизи стало видно, что башня не одинока и что на некотором отдалении от нее находятся три или четыре такие же.

Общая высота ближней башни составляла футов шестьдесят. Что же касается конструкции, то единственное, с чем я могу сравнить ее, — это с огромной вытянутой булавкой: тонкую центральную опору венчала круглая, замкнутая со всех сторон платформа. Описание мое, разумеется, не вполне точно — хотя бы потому, что у башни была не одна опора, а три. Они стояли очень близко друг к другу и поднимались к платформе строго параллельно; мы с Амелией заметили эту тройственность, лишь когда очутились прямо под башней. Все три опоры прочно уходили в грунт, но, подняв голову, я сразу же понял, что платформу можно поднимать и опускать: опоры оказались сочлененными в нескольких местах и были выполнены из телескопических труб.

Платформа, венчающая башню, в поперечнике достигала, пожалуй, десяти футов, а в высоту — семи. С одной стороны виднелось нечто напоминающее большое овальное окно, но если это и было окно, то из темного стекла, и рассмотреть что-либо за стеклом с того места, где мы стояли, не удавалось. Платформа висела над опорой на подвеске наподобие карданной, и именно подвеска позволяла ей покачиваться сбоку на бок, что и вызывало отражение света, при-

влекшее наше внимание. Покачивание продолжалось и теперь, но, кроме этого, на башне и вокруг нее не было заметно ни малейших признаков жизни.

— Эй, кто там наверху! — позвал я и почти сразу же повторил свой клич.

То ли меня не расслышали, то ли голос мой ослабел куда больше, чем я предполагал, только на мой призыв не последовало никакого ответа.

Пока я разглядывал башню, Амелия вдруг обогнала меня на несколько шагов, устремив свой взор в сторону зарослей. Мы вынужденно отделились от растительной стены, чтобы подойти к башне, но только теперь я уразумел, что стена отступила: она не просто оказалась дальше, чем можно было ожидать, но при том еще и снизилась. И самое главное — у подножия стены работали люди, много людей.

Амелия повернулась ко мне, и на ее лице читалась нескрываемая радость.

— Эдуард, мы спасены! — воскликнула она, подбегая ко мне, и мы от души обнялись.

Как же было не радоваться, если мы получили неоспоримые доказательства того, о чем так долго мечтали: местность обитаема. Я хотел сразу же броситься к людям, но Амелия остановила меня:

— Сначала надо привести себя в порядок.

Порывшись в ридикюле, она отдала мне воротничок и галстук. Я нацепил их на шею, а Амелия, присев на корточки, занялась своим лицом, потом попыталась фланелевой салфеткой счистить с платья самые броские пятна, оставленные соком, и, наконец, расчесала волосы. Я испытывал крайнюю нужду в бритве, но со щетиной, увы, приходилось мириться.

Тревожила нас не только неопрятность в одежде, но и еще одно прискорбное обстоятельство. Долгие часы, проведенные на солнцепеке, не прошли для нас бесследно; по правде говоря, мы оба довольно сильно

обгорели. Лицо Амелии приобрело пунцовый оттенок (мое, по ее уверению, было не лучше), и, хотя она нашла в своем ридикюле баночку с кольдкремом и попыталась смягчить кожу, ожоги причиняли ей значительные страдания.

Когда мы подготовились к встрече, она сказала:

— Я возьму вас под руку. Мы не знаем, кто эти люди, и для нас очень важно произвести на них благоприятное впечатление. Если мы будем вести себя с достоинством, к нам и отнесутся соответственно.

— А как быть с этой штукой? — я указал на корсет, который по-прежнему открыто свисал между ручек ридикюля. — Полагаю, сейчас самая пора с ней расстаться. Если мы хотим сделать вид, что просто прогуливаемся после обеда, ваша ноша выдаст нас с головой.

Амелия нахмурилась, очевидно, не зная, как поступить. В конце концов она расправила корсет и опустила его на грунт, прислонив к одной из опор башни.

— Оставим его здесь, — решила она. — Поговорим с этими людьми, потом я смогу вернуться за ним.

Подойдя ко мне, она взяла меня под руку, и мы вместе двинулись в направлении работающих людей. И опять убедились, что в прозрачном разреженном воздухе зрение обмануло нас: заросли были еще дальше от нас, чем представлялось от подножия башни. Один раз я обернулся через плечо — платформа наверху башни по-прежнему размеренно качалась.

Приблизившись к рабочим — ни один из них пока что не заметил нас, — я обратил внимание на встревожившее меня обстоятельство. Еще не вполне разобравшись, в чем дело, я даже высказал Амелии что-то по этому поводу, но, когда мы подошли ближе, у меня отпали последние сомнения: в большинстве

своем люди — а среди них были и мужчины, и женщины — работали почти совершенно обнаженными.

Я остановился как вкопанный и отвернулся.

— Дальше мне лучше идти одному, — произнес я. — Будьте добры, подождите меня.

Амелия, которая отвернулась от рабочих вслед за мной, поскольку я схватил ее за руку, теперь посмотрелась к ним повнимательнее.

— Очевидно, я менее застенчива, чем вы. От чего это вы стараетесь меня оградить?

— Они не соблюдают приличий, — пробормотал я в большом смущении. — Мне лучше поговорить с ними без вашего участия.

— Ради всего святого, Эдуард! — воскликнула Амелия, не скрывая гнева. — Мы чуть не погибли от голода, а вы допекаете меня дурацкими приличиями!

Она выпустила мою руку и двинулась вперед одна. Я бросился за ней, хоть мои щеки и пылали от замешательства. Амелия не раздумывая направилась к ближайшей группе рабочих: десятка два мужчин и женщин подсекали красные растения длинными ножами.

— Эй, ты! — обратилась она к крайнему из рубщиков, перенося на него спровоцированный мною гнев. — Ты говоришь по-английски?

Человек тотчас обернулся и уставился на нее в немом изумлении — этого мгновения мне достало, чтобы увидеть, что он очень высок, что кожа у него обожжена до красноватого оттенка и что на нем нет никакой одежды, кроме грязной набедренной повязки, — а затем пал Амелии в ноги. В тот же миг и все остальные, кто работал вокруг, побросали ножи и рухнули на грунт вниз лицом.

Амелия подняла на меня глаза, и я убедился, что ее повелительная мапера исчезла так же быстро, как

и появилась. Амелия явно струсила, и я поспешил подойти и встать с нею рядом.

— Что случилось? — спросила она шепотом. — Что такого я натворила?

— Очевидно, вы перепугали его до икоты.

— Извините меня, — обратилась Амелия к лежащим уже гораздо мягче. — Кто-нибудь из вас говорит по-английски? Мы очень голодны, и нам нужен ночлег...

Никто не проронил ни слова.

— Попробуйте на другом языке, — предложил я.

— Excusez-moi, parlez-vous français? — спросила Амелия. И, не дождавшись ответа, прибавила: — ¿Habla usted Español? — Затем она испробовала немецкий и итальянский.

— Никакого толку, — повернулась она ко мне. — Они ничего не понимают.

Я приблизился к тому из рабочих, к которому Амелия обратилась вначале, и опустился на корточки рядом с ним. Он приподнял лицо и уставился на меня слепыми от страха глазами.

— Встаньте, — сказал я, сопровождая свои слова жестами, понятными и ребенку. — Ну-ка, старина, поднимайтесь на ноги...

Я протянул руку, чтобы помочь ему. Он недоуменно вытаращился в ответ, но спустя минуту все же поднялся и замер передо мной, понурив голову.

— Мы не сделаем вам ничего дурного, — продолжал я, вкладывая в эту фразу всю симпатию, на какую был способен, но без всякого успеха. — Чем вы, собственно, здесь занимаетесь?..

И я многозначительно глянул в сторону зарослей. На сей раз ответ не заставил себя ждать: мужчина повернулся к остальным, выкрикнул что-то неразборчивое и тут же, наклонившись, схватился за оброненный нож.

Я отступил на шаг, полагая, что сейчас мы подвергнемся нападению, но, право же, трудно было ошибиться сильнее. Рабочие повскакали на ноги, подобрали свои ножи и принялись за прерванную работу, подсекая и перерубая растения как одержимые.

Амелия тихо произнесла:

— Эдуард, это просто темные крестьяне. Они по ошибке приняли нас за надсмотрщиков.

— Значит, надо выяснить, кто же такие настоящие надсмотрщики.

Мы задержались, наблюдая за работой, еще на минуту-другую. Мужчины срезали длинные стебли и разделяли их на более или менее равные куски футов по двадцать длиной. Шедшие следом женщины очищали стебли от ветвей, а если попадались плоды или семенные стручки, то отделяли их. Стебли отбрасывались в одну сторону, листья и плоды — в другую. С каждым ударом ножа растения брызгали соком, сок обильно капал и из нарубленных стеблей. Вся почва перед зарослями была буквально залита им, и рубщики трудились по щиколотку в грязи.

Мы с Амелией двинулись дальше, стараясь держаться на безопасном расстоянии от работников и ступать на относительно сухие участки. Вскоре нам стало ясно, что пролитый сок не расходуется впустую: стекая из-под ног рубщиков, он постепенно собирается в деревянные желоба, вкопанные в грунт, и бежит по ним.

— Определили вы, какой это язык? — поинтересовался я.

— Они говорили слишком быстро. Гортанный язык. Быть может, русский.

— Но не тибетский, — не преминул подчеркнуть я, и Амелия рассердилась:

— Я высказала свою догадку, исходя из характера ландшафта и явно значительной высоты над уров-

нем моря. Бессмысленно строить новые гипотезы о нашем местоположении, пока мы не встретились с местными властями...

Двигаясь вдоль зарослей, мы сталкивались со все бóльшим числом крестьян, однако все они работали самостоятельно, без надсмотрщиков. Условия их труда были ужасающими: там, где скапливалось много людей, пролитый сок собирался в огромные лужи, и иные из несчастных стояли в грязной жиже по пояс. Амелия пришла к выводу — и я вынужден был с ней согласиться, — что здешние порядки открывали широкий простор для реформ.

Примерно через полмили мы достигли точки, где деревянный желоб пересекался с тремя другими, также берущими начало в зарослях. Здесь сок скапливался в бассейне, откуда несколько женщин с помощью примитивного ручного устройства перекачивали его в систему оросительных каналов. С того места, где мы находились, можно было видеть, что обширные участки возделанных полей изрезаны каналами вдоль и поперек. Вдали высились еще две металлические башни.

Чуть погода мы заметили, что рубщики срезают растения уже не на плоском грунте, а на склоне; мы продолжали держаться на почтительном от них расстоянии и все же сумели разглядеть, что за красными зарослями скрывается водный поток шириной примерно в три сотни ярдов. Подлинный его масштаб открывался взору лишь там, где растения были сведены начисто; к северу, в том направлении, откуда мы пришли, они стискивали русло настолько, что местами совершенно загораживали воду. Ширина самих зарослей достигала без малого мили, а на противоположном берегу потока поднималась такая же растительная стена и такая же толпа крестьян атаковала ее, и не составляло труда понять, что если они и

вправду намерены расчистить берега на всем их протяжении, действуя вручную, одними ножами, то с подобной задачей им не справиться на протяжении многих поколений.

Мы с Амелией рискнули подойти к воде поближе и вскоре оставили крестьян позади. Почва здесь была вся в выбоинах и ямках, оставленных, вероятно, корнями растений, темную воду не тревожила даже минометная рябь. То ли река, то ли канал — неспешное течение едва воспринималось глазом, а берега были осыпными, неровными. Казалось бы, эти признаки указывали на естественный характер потока, но его примизна не соответствовала такому допущению.

Затем мы миновали еще одну металлическую башню, поставленную у самого края воды, и, хотя с каждой минутой удалялись от рубщиков, воюющих с зарослями, людей вокруг нас не убывало. Они везли тележки, груженные свежесрезанными стеблями; несколько раз нам навстречу попадались группы крестьян, вышагивающих на работу, а слева от нас, на полях, трудились пахари.

Честно сказать, нам обоим до смерти хотелось подойти к пашне и попросить поесть — там не могло не отыскаться какой-нибудь грубой пищи, — однако первое наше прямое соприкосновение с крестьянами научило нас осторожности. Мы рассудили, что неподалеку обязательно встретится поселение, пусть даже обыкновенная деревня. И действительно, вскоре впереди показались два обширных строения, и мы сразу прибавили шагу, предвкушая скорое избавление от бед.

5

Едва переступив порог ближнего строения, мы тут же поняли, что это своего рода склад: почти во всю его длину громоздились огромные кипы срезанных

растений, аккуратно разложенных по сортам. Мы с Амелией обошли весь нижний этаж здания в тщетных поисках кого-нибудь, с кем можно было бы поговорить, но, увы, нам попадались лишь те же крестьяне. И все они — и мужчины и женщины — совершенно игнорировали нас, сосредоточенно занимаясь каждый своим делом.

Пришлось покинуть склад тем же путем, каким мы попали сюда, — через исполинскую металлическую дверь, распахнутую настежь и удерживаемую в этом положении при помощи хитроумной системы блоков и цепей. Выйдя наружу, мы направились ко второму строению, отдаленному от первого ярдов на пятьдесят. На полпути между ними стояла очередная металлическая башня. Мы были как раз под ней, когда Амелия вдруг схватила меня за руку и воскликнула:

— Эдуард, прислушайтесь!

Издали донесся звук, ослабленный разреженным воздухом, и мы не сразу сумели определить его источник. Но вот Амелия отстранилась от меня и шагнула в ту сторону, где виднелся длинный металлический рельс, фута на три приподнятый над почвой. С приближением к рельсу звук стал отчетливее — не то скрежет, не то вой, — и, всмотревшись, мы различили приближающееся с юга самодвижущееся устройство.

— Эдуард, — спросила Амелия, — уж не железнодорожный ли это состав?

— С одним-единственным рельсом? — отозвался я. — И без локомотива?

И все же, едва устройство замедлило ход, стало ясно, что это не что иное, как поезд. В поезде оказалось девять вагонов, и передний почти без шума остановился точно перед нами. Мы не сводили с этого зрелища изумленных глаз: все выглядело так, слов-

но вагоны нормального поезда оторвались от паровоза. Но удивительно было не только это. Вагоны оказались некрашеными, их оставили в первоначальном металлическом виде, и кое-где на стенках проступила ржавчина. Более того, и сама форма вагонов повергла нас в недоумение: они были совершенно круглые, вернее трубчатые. Из девяти вагонов лишь два — передний и задний — отдаленно напоминали те, к которым мы с Амелией привыкли у себя на родине. Иными словами, только в двух вагонах из девяти были двери и окна, и, когда поезд затормозил, из этих вагонов спустились немногие пассажиры. А семь остальных представляли собой полностью запечатанные металлические трубы — ни окон, ни видимых дверей.

Я заметил человека, который спустился вниз с самой передней лесенки; в торце первого вагона были прорезаны окна, и я догадался, что именно отсюда этот человек управлял поездом. Я обратил на него внимание Амелии, и мы принялись наблюдать за водителем с большим интересом.

С первого взгляда становилось ясно, что он не из крестьян: держался он уверенно и авторитетно, и на нем было аккуратно подогнанное серое форменное платье — туника или длинная рубаха без всяких украшений и брюки. Впрочем, точно так же были одеты и другие пассажиры, которые, сойдя с поезда, собрались вокруг центральных вагонов. Лицом и сложением они, однако, ничем не отличались от крестьян: все были очень высокими и кожа у всех имела красноватый оттенок.

Водитель подошел ко второму вагону и повернул прикрепленную сбоку большую металлическую рукоять. Тотчас же в стенках всех семи закрытых вагонов прорезались широкие двери и медленно поплыли вверх, словно стальные жалюзи. Пассажиры, сошед-

шие с поезда, выжидающе столпились подле этих дверей. И через несколько секунд мы стали свидетелями весьма постыдной сцены.

Оказалось, что закрытые вагоны были битком набиты крестьянами, мужчинами и женщинами вперемешку, и, едва двери поднялись, люди беспорядочно посыпались вниз, мгновенно заполнив все пространство вокруг поезда. Высадившиеся ранее расхаживали среди них, помахивая какими-то короткими тростями или палками; на первый взгляд нам почудилось, что это просто палки, и только потом стало ясно их ужасное предназначение. Внутри каждой такой тросточки был скрыт, очевидно, электрический аккумулятор; с помощью этих приспособлений надзиратели сгоняли крестьян в шеренги, и тот несчастный, кого хотя бы вскользь задевали тростью, тут же получал чувствительный удар током, сопровождаемый резкой зеленой вспышкой и громким шипением. От удара бедняга неминуемо падал, прижав руки к пораженному месту, и его силой поднимали на ноги его же товарищи.

Вряд ли надо говорить, что владельцам этих дьявольских инструментов не составило труда навести в толпе порядок.

— Мы обязаны немедленно положить этому конец, — решительно заявила Амелия. — Тут обращаются с людьми как с рабами!

По-моему, она и вправду была готова кинуться на надзирателей, но я схватил ее за руку.

— Надо сперва разобраться, что тут происходит, — сказал я. — Подождем более подходящего момента для вмешательства.

Смятение длилось еще две-три минуты, затем крестьян погнали к зданию, куда мы еще не заходили. Тут я увидел, что двери центральных вагонов постепенно возвращаются на место, а тот, кто вел поезд, не спеша направился к дальнему его концу.

— Скорее, Амелия, — произнес я, — залезайте в вагон! Поезд сейчас отправляется.

— Но ведь дальше нет пути!

— Вот именно. Вы что, не понимаете? Поезд тронется в обратном направлении.

Без дальнейших колебаний мы подскочили к поезду и поднялись в пассажирское отделение — то, которое было ближе к нам. Ни один из надзирателей с электрическими бичами не удостоил нас вниманием, и не успели мы забраться внутрь, как поезд неторопливо тронулся.

Признаюсь, я ожидал, что вагоны окажутся неустойчивыми, — да и как могло быть иначе при единственном рельсе? Но едва поезд набрал ход, я убедился, что движется он на удивление плавно. Не было слышно даже стука колес, из-под пола доносилось лишь равномерное легкое жужжание. Но в наибольший восторг нас сразу же привело то обстоятельство, что вагон отапливался. Снаружи становилось холодно — солнце клонилось к закату.

Скамьи для сидения не слишком отличались от тех, к каким мы привыкли дома, хотя в вагоне не было ни коридора, ни купе. Внутреннее его пространство оказалось не разгорожено, и каждый мог свободно перемещаться по вагону из конца в конец между голых металлических скамей. Мы с Амелией выбрали места у окна, обращенного в сторону водного потока. Кроме нас в вагоне не было никого.

На протяжении всего пути — а он и занял-то меньше получаса — ландшафт за окном не претерпел существенных изменений. Железная дорога по большей части следовала вдоль берега; мы заметили, что кое-где берег укреплен кладкой. Мои подозрения, что это не река, а грандиозный канал, как будто подтверждались. По воде плыли на веслах редкие лодочки, а над водой время от времени выгибались мос-

ты. Через каждые четыреста-пятьсот ярдов навстречу попадалась металлическая башня.

Прежде чем достигнуть места назначения, поезд сделал лишь одну остановку. С нашей стороны железнодорожного полотна здесь находилось поселение не больше того, где мы садились, однако за окнами с противоположной стороны виднелась огромная промышленная зона с высоченными трубами, извергающими густые облака дыма, и доменными печами, отбрасывающими желто-красные отсветы на темное небо. Луна уже взошла, но за плотными дымами ее не было видно.

В вагоны загнали небольшую партию крестьян; в ожидании, пока поезд возобновит движение, Амелия приоткрыла дверь и бросила взгляд в направлении, куда мы ехали.

— Смотрите, Эдуард, — воскликнула она, — впереди город!

Я высунулся из вагона по ее примеру и в лучах заходящего солнца увидел, что впереди, в каких-нибудь полутора-двух милях, высится множество крупных, беспорядочно сгрудившихся строений. Подобно Амелии, я испытал при этом большое облегчение: самоочевидная жестокость сельской жизни в этих широтах вызывала у меня отвращение. В то же время городская жизнь, даже в чужой стране, по своему характеру знакома другим горожанам; кроме того, в городе наверняка найдутся ответственные представители власти, которых мы, собственно, и ищем. Куда бы нас ни закинуло, как бы жестоки ни были местные порядки, мирные путешественники вправе рассчитывать на снисходительное обхождение, и, как только мы с Амелией придем к какому-то соглашению (что само по себе составляет проблему, которую мне еще предстоит решить), нас по морю или по суку переправят в Англию. Я машинально похлопал себя по

груди, желая удостовериться, что мой бумажник по-прежнему там, где ему и положено находиться, — во внутреннем кармане сюртука. Если нам суждено вскоре вернуться в Англию, то небольшая сумма, какой мы располагаем, — а мы еще раньше установили, что у нас на двоих два фунта пятнадцать шиллингов и шесть пенсов, — должна послужить в глазах консула свидетельством искренности наших заверений.

Вот какие отрадные мысли были у меня на уме, пока поезд мерно приближался к городу. Солнце наконец закатилось, и на нас опустилась ночь.

— Смотрите, Эдуард, вечерняя звезда! И до чего яркая!

И Амелия показала на огромную бело-голубую звезду почти над самым горизонтом, неподалеку от той точки, где скрылось солнце. Рядом, неправдоподобно маленькая, виднелась луна в первой четверти.

Я разглядывал эту звезду во все глаза, припоминая, что рассказывал сэр Уильям о планетах, составляющих нашу Солнечную систему. Это несомненно одна из них, прекрасная в своем одиночестве, вероятно, недостижимо далекая...

Тут Амелия сдавленно вскрикнула, и у меня в тот же миг сердце сжалось от страха.

— Эдуард, — прошептала она, — на небе две луны!..

Таинственность всего окружающего, которой мы долго не придавали значения, теперь обратилась в неоспоримую явь. В ужасе мы с Амелией уставились друг на друга, с запозданием отдавая себе отчет в том, что с нами случилось. Множество примет этих мест промелькнуло у меня в сознании: буйный рост багровых зарослей, разреженный воздух, ледящий холод ночью и испепеляющий солнечный жар в дневные часы, неправдоподобная легкость шага, темно-синее небо, краснокожие жители, дух враждебности,

произывающий все окрест... И вот мы увидели две луны и одновременно вечернюю звезду — и эта последняя загадка переполнила чашу, поставила под удар глубочайшую нашу уверенность, что мы находимся на своей родной планете. Машина сэра Уильяма перенесла нас в будущее, однако вопреки нашему намерению она еще и забросила нас в бездны пространства. Да, возможно, великий ученый действительно построил машину времени, но она оказалась и машиной пространства, и теперь мы с Амелией были поставлены перед необходимостью принять кошмарную правду: каким-то немислимым образом нас перенесло на иную планету, на планету, где наша Земля играет роль глашатая ночи. Я вглядывался вниз, в воды канала; слепящая точка света — света Земли — отражалась от темной поверхности, а я все глубже погружался во тьму отчаяния и безмерного испуга. Как же было не отчаяться и не испугаться, если мы вдруг очутились на Марсе, этой планете войны!

Глава VIII

Город скорби

1

Я пересел на скамью, где сидела Амелия, и она взяла меня за руку.

— Можно было догадаться уже давно, — тихо прошептала она. — Ведь мы оба в глубине души понимали, что это не Земля, только не хотели признаться себе в этом.

— Откуда было нам знать? С кем когда-либо случилось что-нибудь подобное?

— Путешествовать во времени тоже никому не случалось, а тем не менее мы приняли такую возможность с первого объяснения.

Нас слегка качнуло, и мы почувствовали, что поезд начинает тормозить. Я вновь выглянул в окно: на фоне стекла рисовался профиль Амелии, а над безводной пустыней сияло яркое пятнышко света.

— С чего мы взяли, что это Земля? — спросил я. — В конце концов, никому из нас никогда...

— Разве вы не понимаете этого сами, Эдуард? Разве не слышите внутренний голос? Разве вам не кажется все здесь чуждым и враждебным? А с другой стороны, разве не притягивает вас инстинктивно этот далекий свет? Там наш дом, и мы оба ощущаем это.

— Что же нам теперь делать?

В эту секунду поезд еще притормозил, и через окна на противоположной стороне вагона я увидел, что

он вползает в большое, плохо освещенное депо. С нашей стороны за окнами выросла стена, отгородив нас от неба и от горестных воспоминаний.

— По-моему, у нас нет выбора,— отозвалась Амалия.— И вообще не так важно, что именно сделаем мы, важно, что сделают с нами.

— Вы считаете, что нам угрожает опасность?

— Возможно... как только они осознают, что мы не принадлежим к их миру. Как, по-вашему, что произошло бы на Земле с человеком, который явился бы к нам с другой планеты?

— Не имею ни малейшего представления,— признался я.

— Стало быть, бессмысленно гадать, что нам уготовано здесь. Будем надеяться на лучшее. Будем верить, что, несмотря на их примитивное общество, с нами обойдутся достойно. Я вовсе не жажду провести остаток своих дней как животное.

— Я тоже. Но разве такая угроза для нас реальна?

— Мы же видели, как они обращаются с рабами. Если нас примут за этих несчастных, то, можете не сомневаться, тут же погонят на работу.

— Однако до сих пор нас принимали за надсмотрщиков,— напомнил я ей.— Вероятно, какая-то особенность в одежде или какие-то черты нашей внешности сыграли нам на руку.

— Тем не менее надо быть осторожными. Кто может знать, с чем мы здесь столкнемся?

На словах мы, пожалуй, сохраняли присутствие духа, на деле же не располагали ни малейшими средствами повлиять на собственную судьбу; наше будущее зависело от множества случайностей, и в придачу мы вышли из испытаний, уготованных нам в пустыне, растерзанными, усталыми и голодными. Я прекрасно представлял себе, что на долю Амалии

выпало не меньше невзгод, чем на мою, а я был буквально в изнеможении. Речь у нас обоих звучала невнятно, и, какие бы мы ни предпринимали попытки укротить свои чувства, сознание того, куда нас забросила машина времени, оказалось для нашего морального состояния последним ударом.

До меня донесся шум — рабов высаживали из поезда, слышалось пощелкивание электрических бичей, что лишний раз неприятно напомнило нам о ненадежности нашего положения.

— Поезд, наверное, скоро тронется, — сказал я, чуть подталкивая Амелию, чтобы заставить ее подняться. — Мы прибыли в город, здесь и надо искать убежища.

— Мне не хочется никуда идти.

— Ничего не поделаешь, надо.

Перейдя на другую сторону вагона, я открыл первую попавшуюся дверь и бросил быстрый взгляд вдоль состава. Рабов, вероятно, высаживали с противоположной стороны, поскольку тут никого не было, если не считать одной-единственной смутной фигуры, которая неторопливо брела куда-то прочь от меня. Я вернулся к Амелии, по-прежнему безучастно сидевшей на скамье.

— Еще несколько минут — и поезд опять отправится туда, откуда мы прибыли. Вы что, решили провести еще одну ночь в пустыне?

— Конечно же, нет. Просто мне слегка не по себе от мысли, что мы сейчас очутимся в городе.

— Нам необходимо поесть, Амелия, — сказал я, — и найти хоть какое-то место, где можно выспаться в безопасности и тепле. Тот факт, что мы в городе, должен обернуться в нашу пользу: город велик, и нас не заметят. Мы уже вышли с честью из многих передряг, и не думаю, что предстоящие испытания страш-

нее прежних. Завтра попытаемся установить, какими правами мы здесь располагаем.

Амелия вяло покачала головой, но, к моему облегчению, нехотя поднялась на ноги и последовала за мной. Я подал ей руку, чтобы помочь спуститься на платформу, и она оперлась на меня. Однако ее рука показалась мне безжизненной и бессильной.

2

Звук бичей эхом доносился до нас с другой стороны состава; мы поспешили вперед, на свет, струящийся из-за угла. Марсианин, которого я заметил раньше, куда-то скрылся.

Обогнув угол, мы увидели перед собой высоченную дверь, глубоко утопленную в кирпичной стене и выкрашенную в белый цвет. Над дверью была вывеска, подсвеченная каким-то образом сзади, а на вывеске — надпись из закорючек, совершенно мне непонятных. Именно вывеска, а не сама дверь приковала к себе наше внимание поначалу — ведь это было наше первое знакомство с письменным языком марсиан.

Секунд десять мы разглядывали вывеску — черные буквы на белом фоне, но на том поверхностное сходство с земными алфавитами и кончалось, — а затем я вновь повлек Амелию вперед. Надлежало не медля ни минуты найти тепло и пищу: в депо, куда беспрепятственно проникал ночной воздух, становилось невыносимо холодно.

Ручки на двери не оказалось, и я было забеспокоился: не обманет ли инопланетный механизм наших надежд? Опыта ради я толкнул дверь от себя и обнаружил, что с одного боку она чуть-чуть поддается. Но, очевидно, я порядком ослабел за время скитаний по пустыне: повернуть дверь на петлях мне не

хватало сил. Амелия пришла мне на помощь, и только вдвоем мы кое-как сумели приоткрыть дверь настолько, чтобы протиснуться внутрь, но едва мы отпустили ее, тяжелая створка со стуком вернулась на прежнее место.

Мы очутились в небольшом, не длиннее пяти-шести ярдов, коридорчике, который заканчивался новой дверью. Сам коридор был совершенно пустым, если не считать ослепительной лампы на потолке. Мы подошли ко второй двери и, навалившись, открыли ее — далось это с не меньшим трудом, а затем дверь так же быстро замкнулась за нами.

— Ушам больно, — вдруг сказала Амелия, — их словно заложило.

— Со мной такая же история, — подтвердил я. — Наверное, возросло давление воздуха.

Мы попали во второй коридорчик, ничем не отличающийся от первого. К счастью, Амелия вспомнила прием, которому ее обучили в Швейцарии, и показала мне, как ослабить неприятные ощущения в ушах, зажав пальцами нос.

За третьей дверью плотность воздуха еще более возросла.

— Кажется, — сказал я, — здесь наконец можно дышать.

Оставалось диву даваться, как мы умудрились выжить столь долгое время в разреженной наружной атмосфере.

— Теперь нельзя перенапрягаться, — предупредила Амелия. — У меня уже кружится голова.

Как бы ни хотелось нам продолжить свой путь, мы задержались в коридорчике еще на несколько минут. Подобно Амелии, я в более насыщенном воздухе ощущал легкое головокружение, и это ощущение усиливалось едва заметным запахом озона. Кончики пальцев покалывало, обновленная свежим кислоро-

дом кровь чуть не бурлила, и в сочетании с пониженным марсианским притяжением — которое во время скитаний по пустыне казалось следствием большой высоты — все это вызывало обманчивый прилив энергии. Безусловно обманчивый, ибо силы у нас обоих явно были на пределе: Амелия ссутулилась, веки у нее почти смежились. Я обнял ее за плечи.

— Пойдемте. Вероятно, нам теперь не придется далеко идти.

— Мне все еще страшно.

— Нам ничто не может угрожать,— заверил я Амелию, хотя в глубине души разделял ее страхи.

Последствия затруднительного положения, в которое мы попали, просто невозможно было предвидеть. А где-то под сердцем уже проступала инстинктивная дрожь ужаса перед окружающим — странным, необъяснимым, непередаваемо враждебным.

Мы медленно двинулись вперед, кое-как протиснулись сквозь следующую дверь, и вот перед нами открылась прилегающая к вокзалу часть марсианского города.

3

За дверью, через которую мы вышли, была улица. Прямо перед нами поднимались два дома. На первый взгляд они показались нам мрачными черными громадами — так привыкли мы уже к наготе марсианской пустыни,— но при более внимательном рассмотрении мы поняли, что они ничуть не крупнее обыкновенных частных домиков земных горожан. Дома стояли на отдалении друг от друга, наружные их стены украшал затейливый лепной орнамент; в каждом было по одной широкой двери и по нескольку окон.

Чтобы подобное описание не создавало впечатления красоты и элегантности, придется добавить, что

оба здания, представших нашему взору, находились в состоянии полного разрушения и упадка. В правом из них стена частично обвалилась, дверь болталась на одной петле. Полы были засыпаны каменной крошкой и всяким хламом, и нам сразу же стало ясно, что здесь годами никто не жил. Те стены, что еще кое-как держались, растрескались и осыпались, и я не сумел обнаружить никаких доказательств тому, что уцелела хотя бы крыша.

Зато, посмотрев вверх, я увидел над городом чистое небо; у себя над головой я отчетливо различал звезды. Как ни странно, воздух здесь был таким же плотным, как в коридорах, а температура оказалась куда выше, чем та, что едва не погубила нас в пустыне.

Улица, на которую мы попали, была освещена: по обеим ее сторонам на определенном расстоянии друг от друга возвышались башни, такие же, как мы видели в пустыне, но теперь нам стало хотя бы отчасти понятно их назначение — на полированной крыше каждой башни располагался мощный источник света, слегка покачивающийся вместе с верхней платформой. Лучи, перебегающие с места на место, казались странно зловещими; как резко они отличались от теплого безмятежного света газовых фонарей, к какому мы привыкли! Однако самый факт, что марсиане освещают свои улицы по ночам, ободрил нас как нечто родственное человеку.

— Куда нам идти? — спросила Амелия.

— Надо выйти в центр города, — сказал я. — Ясно, что этот квартал давно заброшен. Предлагаю двигаться прочь от вокзала до тех пор, пока мы не встретим людей.

— Людей? Вы имеете в виду — марсиан?

— Кого же еще, — отозвался я, взяв ее за руку с подчеркнутой уверенностью. — Мы ведь уже обра-

щались к ним, правда, не ведая, кто они. Они очень похожи на нас, так что нет нужды их бояться.

Не дожидаясь ответа, я увлек Амелию за собой, и мы торопливо пошли по улице направо. Достигнув угла, мы повернули и очутились на другой улице, похожей на первую, только гораздо длиннее. Здесь по обеим сторонам тоже стояли дома, украшенные столь же прихотливо, но с легкими отличиями в архитектуре, достаточными, чтобы избежать повторения внешнего облика. И эти дома тоже пришли в упадок, так что невозможно было судить, каким целям они прежде служили. Но если не обращать внимания на запустение, эта улица вполне могла бы сделать честь какому-нибудь курортному городку в Англии.

Довольно долго мы не встречали других пешеходов, хотя на одном из перекрестков, бросив взгляд вдоль поперечной улицы, успели заметить промелькнувший самодвижущийся экипаж. Экипаж умчался слишком стремительно, что не позволило уловить какие-либо детали, но у нас осталось впечатление изрядной скорости и назойливого грохота.

И вдруг, когда мы приближались к группе строений, где горели отдельные огни, Амелия дернула меня за руку и указала на маленькую улочку справа.

— Смотрите, Эдуард,— тихо произнесла она.— Вон у того дома — марсиане.

На улице было несколько освещенных зданий; от одного из них, что Амелия и подметила, только что отошли четыре или пять марсиан. Я сразу же повернул к ним, но Амелия замерла в нерешительности.

— Не надо ходить туда,— сказала она.— Откуда мы знаем...

— Вы предпочитаете голодать? — вскричал я, хотя храбрость моя была чисто напускной.— Надо же нам понять, как живут марсиане, иначе мы не сможем найти себе еду и пристанище на ночь.

— Но не разумно ли проявить бóльшую осмотрительность? Чистое безрассудство — очертя голову лезть в ловушку, из которой потом не выбраться.

— Мы уже попали в ловушку, — напомнил я, затем намеренно придал своему голосу самый убедительный тон. — Амелия, дорогая, наше положение совершенно отчаянное. Может, вы и правы, считая, что подходить к марсианам — отъявленная глупость, но другого решения я просто не вижу...

Поначалу Амелия не реагировала на мои слова, она стояла рядом со мной и не отнимала руку, однако рука ее висела безжизненной плетью. Мне даже померещилось, что моя спутница вот-вот опять лишится чувств — она слегка пошатнулась, но тут же подняла на меня глаза. В это мгновение качающийся луч света с одной из башен упал прямо на ее лицо, и я осознал, какой у нее усталый, измученный вид. Она сказала:

— Вы, конечно, правы, Эдуард. Разумеется, в пустыне мы бы не выжили. А раз нельзя вернуться в пустыню, остается одно — смешаться с коренными марсианами.

Я ободряюще сжал ей руку, и мы не торопясь направились к зданию, где видели марсиан. Когда мы подошли ближе, из дверей высыпала еще одна компания и двинулась по улице прочь от нас. Один из марсиан бросил взгляд в нашу сторону; в этот момент на наших лицах скрестились два световых луча, и он должен был отчетливо нас разглядеть, но не выразил никакого недоумения и удалился вслед за остальными.

У входа в здание мы задержались, и я какое-то время наблюдал за уходящими марсианами. Всех их отличала забавная, чуть прыгающая походка; несомненно, она была следствием более низкого притяжения, и столь же несомненно, что нам с Амелией так-

же предстояло приобрести этот навык, как только мы немного приспособимся к местным условиям.

— Неужели придется войти внутрь? — спросила Амелия.

— Не могу предложить ничего другого, — откликнулся я и первым преодолел три низкие ступеньки перед входом.

Навстречу нам попалась еще одна группа марсиан; они пропрыгали мимо, будто и не заметив нас. В полусвете их лица казались смутными пятнами, зато с близкого расстояния нельзя было не оценить их роста. Все они были по меньшей мере на полголовы выше меня.

За дверью оказался коридорчик, освещенный лишь слабыми отблесками света, что просачивался изнутри, а затем мы очутились в огромной, залитой огнями комнате, такой огромной, что она, наверное, занимала все здание. Мы остановились у двери, осторожно озираясь и давая глазам привыкнуть к свету.

Сперва мы не могли ни в чем разобраться: мебель в комнате была разбросана без всякого порядка, да и состояла по большей части из каких-то трубчатых лесов. С лесов на канатах свисали — затрудняюсь найти лучшее название — «гамаки», большие куски ткани или резины, не достающие до пола фута на два. В гамаках и возле гамаков лежали и стояли несколько десятков марсиан.

Если не считать крестьян-рабов, которые, как нетрудно было догадаться, занимали низшую ступень социальной лестницы, это были первые марсиане, кого мы увидели вблизи, — марсианские горожане, по своему положению равные тем, кто взмахивал электрическими бичами. Именно они управляли этим обществом, избирали его вождей, устанавливали его законы. Именно в их среде нам предстояло жить — не

удивительно, что, невзирая на переутомление и вызванную им рассеянность, мы с Амелией рассматривали марсиан с искренним интересом.

4

Я уже отмечал, что средний марсианин весьма высокого роста; но что особенно бросалось в глаза, а для нас имело решающее значение — это несомненное сходство, чтобы не сказать подобие, марсиан с людьми, населяющими Землю.

Впрочем, говорить о среднем марсианине так же сложно, как и о среднем землянине: даже в самые первые мгновения, разглядывая обитателей комнаты, мы с Амелией обратили внимание на внешние отличия между ними. Одни из них были выше, другие ниже; одни были совсем худыми, другие не в меру полными; одни носили пышные прически, другие были лысыми или лысеющими. Преобладал красноватый оттенок кожи, но и эта особенность у одних была выражена сильнее, чем у других.

Если не забывать об этом, то, по моим наблюдениям, среднего марсианина, взрослого, мужского пола, можно приблизительно описать так.

По земным меркам в нем оказалось бы росту примерно шесть с половиной футов. Брюнет или темный шатен (мы ни разу не видели ни рыжих, ни блондинов). Если взвесить его на земных весах, они показали бы, вероятно, фунтов двести. Грудь широкая, с хорошо развитой мускулатурой. На лице есть растительность — тонкие брови и жидкая борода; некоторые мужчины гладко выбриты, но это скорее исключение, чем правило. Глаза большие, широко расставленные, необычайно бледные по окраске. Нос широкий и плоский, губы выпуклые, мясистые. В общем на первый взгляд марсианские лица кажутся непри-

ятными, жестокими, начисто лишенными эмоций. Позже, когда я и Амелия пожилы с марсианами достаточно долго, мы оба научились различать оттенки выражений, хотя так и не сумели избавиться от сомнений, правильно ли мы их истолковываем.

(Описание, приведенное выше, относится только к жителям городов. Рабы принадлежат, в сущности, к той же расе, но вследствие бесконечных лишений почти все, кого мы видели, вырастают худыми и тщедушными.)

Марсианки — а в комнате, куда мы попали, были и женщины и дети, — подобно своим земным сестрам, физически несколько уступают мужчинам. Вместе с тем почти все марсианки, каких мы встречали, оказывались заметно выше Амелии, хотя она, как я уже говорил, гораздо выше средней земной женщины. Зато на всем Марсе не сыщется особы женского пола, которую землянин мог бы счесть красавицей, и я подозреваю, что понятие женской красоты на Марсе попросту лишено смысла. Мы ни разу даже не почувствовали, что женщин на Марсе ценят за их физическую привлекательность; напротив, события передко подталкивали нас к выводу, что у марсиан, подобно иным представителям животного царства, роли полов в этом отношении распределены прямо противоположным образом.

Дети же, почти без исключения, были очаровательны, как очаровательны все малыши. Их лица, округлые и живые, еще не расплылись в ширину и не приобрели приплюснутости, столь неприятной у взрослых. В точности как земные дети, они вели себя шумливо и непоседливо, но взрослые, кажется, совсем не сердились, а относились к ним на редкость заботливо и терпимо. И нам, признаться, нередко сдавалось, что дети — единственная радость, доступная людям в этом мире: нам не случалось слышать, чтобы взрос-

лые смеялись, если только не находились в компании детей.

Вот я и упомянул о той особенности марсианской жизни, которая не сразу бросилась нам в глаза, но со временем делалась все более очевидной. Если говорить без обиняков, я и не представлял себе, что разумные существа могут оказаться поголовно такими удрученными, печальными и откровенно несчастными, как марсиане.

Дух уныния господствовал в комнате, куда мы с Амелией вступили, и, по всей вероятности, именно в этом заключалось наше спасение. Типичный марсианин, какого я описал выше, настолько поглощен своими несчастьями, что буквально перестает воспринимать окружающее. Ничем другим я не могу объяснить тот факт, что мы с Амелией могли свободно передвигаться по городу, не привлекая ничего внимания. Ведь даже в ту секунду, когда мы вошли в комнату и застыли в ожидании криков тревоги или возбуждения, хоть какой-то реакции на свое вторжение, немногие марсиане удостоили нас самым беглым взглядом. Не представляю себе, чтобы появление марсианина у нас на Земле было воспринято с таким же безразличием.

Возможно, именно этой общей подавленностью объяснялось и то, что в комнате царила почти полная тишина. Двое-трое марсиан беседовали вполголоса, остальные же стояли или сидели в угрюмом молчании. Правда, тут и там носились дети, но больше никто не шевелился — родители и те следили за детьми издали. К нам доносился несогласный хор голосов, состоящий, казалось, из одних сопрано. Разумеется, мы не понимали ни слов, ни общего смысла того, о чем говорилось, — хотя слова и сопровождались довольно сложными жестами, — однако, право же, кого

угодно обескуражило бы то обстоятельство, что высокие и сильные существа щебечут фальцетом.

Мы с Амелией замерли у порога, не уверенные ни в марсианах, ни в себе. Я взглянул на нее, и вдруг ее лицо — усталое, перепачканное, но такое милое — стало для меня символом всего, что мне желанно и знакомо. Она подарила мне ответный взгляд; напряжение двух последних дней не прошло для нее бесследно, и все же она улыбнулась и, как прежде, сплела свои пальцы с моими.

— Они самые обыкновенные люди, Эдуард.

— Вы по-прежнему боитесь их?

— Не знаю... мне кажется, они не причинят нам зла.

— Раз они могут жить в этом городе, сможем и мы. Надо только подглядеть, как они организуют свою повседневную жизнь, и во всем следовать их примеру. Кажется, они не считают нас чужаками.

В эту минуту несколько марсиан отошли от гамаков и вприпрыжку направились в нашу сторону. Я немедленно вывел Амелию обратно за дверь, на улицу, под неверный свет качающихся фонарей. Отойдя шагов на десять, мы обернулись, гадая, что предпримут марсиане. Через мгновение вся группа вывалилась на улицу и, даже не взглянув на нас, поскакала в том же направлении, куда раньше ушли другие. Мы повременили с полминуты, потом на безопасном расстоянии последовали за ними.

5

Едва мы вышли из помещения, стало ясно, что там было теплее, и это нас приободрило. В глубине души я побаивался, что коренные марсиане совершенно равнодушны к холоду, однако здание отапливалось до вполне приемлемой температуры. Я от-

нюдь не испытывал уверенности, что хотел бы ночевать в общей спальне, и тем более не желал такого ночлега для Амелии, и все-таки мы теперь знали наверняка, что если пренебречь условностями, то найдется, где преклонить голову в тепле и относительно комфорт.

Идти оказалось недалеко. Марсиане, за которыми мы следовали, вышли на перекресток, присоединились к группе, пришедшей с другой стороны, и все вместе скрылись в ближайшем к углу строении. Оно было обширнее, чем все, какие мы видели до сих пор, и, насколько удавалось судить в прерывистом свете прожекторов на башнях, проще по архитектуре. В окнах горели огни, а, подойдя ближе, мы услышали изрядный шум, доносящийся изнутри.

Амелия с преувеличенной жадностью втянула ноздрями воздух.

— Мне чудится запах еды,— сказала она.— И звон посуды.

— А мне чудится,— отозвался я,— что вы принимаете желаемое за действительное.

Как бы то ни было, настроение у нас обоих явно поднялось, и эта перемена, пусть даже мимолетная, доказывала, что Амелия разделяет мои вновь обретенные надежды на будущее.

На сей раз, приблизившись к зданию, мы не колебались ни секунды — так воодушевил нас первый удачный опыт,— а решительно отворили широкие двери и вошли в большой, ярко освещенный зал.

С первого взгляда стало ясно, что это такое: по всей площади пола параллельными рядами были расставлены длинные столы, и каждый стол окружала толпа пирующих марсиан. На столах громоздились блюда с яствами, воздух был насыщен испарениями и густыми запахами, а степы содрогались от громких криков. В дальнем конце зала, вероятно, располага-

лась кухня: десяток-полтора марсианских рабов были заняты тем, что раскладывали кушанья по тарелкам и блюдам и выставляли их на возвышении у стены.

Марсиане, за которыми мы следовали, без промедления направились к возвышению и выбрали себе еду.

— Наши беды позади, Амелия, — воскликнул я. — Вот и ужин, бери сколько хочешь.

— По-вашему, мы можем есть эту пищу без опаски?

— А вам она кажется ядовитой?

— Откуда нам знать? Мы не марсиане, наше пищеварение может действовать иначе, чем у них...

— Во всяком случае, я не намерен заморить себя голодом по собственной трусости. И кроме того, на нас смотрят...

Это была правда: в доме-спальне мы простояли минут пять и нас никто не заметил, здесь же наша неуверенность сразу привлекла к себе внимание. Я взял Амелию под локоть и подвел ее к возвышению.

Я изголодался настолько, что еще поутру думал: дайте мне самую несъедобную вещь, и я ее немедленно проглочу. Однако за минувшие часы лютей голод поутих, сменившись чувством тошноты, и влечение к еде стало отнюдь не таким неукротимым, как можно было ожидать. Более того, едва мы подошли к возвышению вплотную, выяснилось, что марсианская пища при всем своем обилии выглядит не слишком аппетитно, и я испытал непостижимый приступ брезгливости. Пища здесь, как правило, была жидкой или полужидкой и подавалась в массивных супницах или чашах. И хотя во время наших странствий мы встречали отдельные поля, где возделывали злаки, основу питания местных жителей составляли, по видимому, багровые растения: во многих супницах в

огромном числе плавали красные стебли и листья. Впрочем, на одной-двух тарелках лежало нечто напоминающее мясо (хотя и недоваренное), а сбоку были нарезаны кусочки чего-то, что держи крестьяне хоть какой-нибудь скот, могло бы сойти за сыр. В довершение всего на возвышении стояли стеклянные кувшины с яркими жидкостями, и марсиане обильно поливали ими свою пищу.

— Давайте отведаем как можно больше блюд, но понемножку, — шепнула Амелия. — Тогда, если где-то и скрыта отрава, опасность будет невелика.

На большие, тусклого металла тарелки мы положили столько пищи, сколько они могли вместить. Разок-другой я рискнул понюхать, что беру, но, мягко говоря, не получал удовольствия.

С тарелками в руках мы двинулись к боковым столам, подальше от основной массы марсиан. Правда, за столом, который мы выбрали, также сидело несколько едоков, но мы, миновав их, направились к дальнему его концу. Сиденья представляли собой длинные низкие скамьи, по скамье с каждой стороны стола. Мы с Амелией сели рядом; в странной этой столовой нам было очень не по себе, хоть марсиане, едва мы отошли от дверей, вновь перестали обращать на нас внимание.

Каждый из нас отведал по кусочку пищи: вкусной ее назвать было нельзя, но она по крайней мере была горячее и несравнимо более приятной, чем пустой желудок. Спустя минуту Амелия произнесла вполголоса:

— Эдуард, долго мы так не продержимся. До сих пор нам просто везло.

— Не будем сейчас пускаться в споры. Мы оба вымотаны до предела. Найдем какое-то пристанище на ночь, а планы будем строить поутру, на свежую голову.

— Какие планы? Прятаться, прятаться, прятаться — и так всю жизнь?..

Мы стойчески продолжили ужин, невзирая на постоянный горький привкус сока, знакомый нам еще с пустыни. Мясо оказалось не лучше: по внешнему виду оно, пожалуй, напоминало говядину, но было сладким и лишенным запаха. А «сыр», который мы отложили напоследок, непереносимо кислил.

Однако события, которые разыгрывались вокруг, то и дело отвлекали нас от гастрономических размышлений.

Я уже упоминал, что обычнейшее для марсиан состояние — глубокая скорбь; за столами шли громкие разговоры, но веселья не было и в помине. Прямо перед нами одна из марсианок вдруг наклонилась вперед, оперлась широким лбом на скрещенные руки, и слезы хлынули у нее из глаз неудержимым потоком. Чуть позже в дальней от нас части зала какой-то марсианин резко вскочил на ноги и принялся расхаживать меж столов, взмахивая длинными руками и что-то выкрикивая странно высоким голосом. В конце концов он подошел к стене и, продолжая кричать, стал молотить по ней кулаками. Этот поступок, по крайней мере, привлек внимание его собратьев, несколько марсиан поспешили к крикуну и окружили его, очевидно, пытаясь успокоить, но он оставался неутешен.

И, словно уныние было заразительным, через каких-нибудь пять секунд после этого по комнате прокатилась такая волна всеобщего плача, что Амелия обратилась ко мне с вопросом:

— А не может случиться так, что чувства выражаются здесь иначе, чем у нас? Например, когда они плачут, то на самом деле смеются?..

— Что-то не похоже, — ответил я, исподтишка наблюдая за рыдающим марсианином,

Тот голосил еще минуты две, потом внезапно повернулся спиной к своим друзьям и выбежал из зала, закрыв лицо руками. Остальные подождали, пока он не исчез за дверьми, и вернулись на свои места с самым угрюмым видом.

Мы подметили, что большинство марсиан охотно прихлебывают какое-то питье из стеклянных кувшинов, расставленных на каждом столе. Питье было прозрачное; я поначалу решил, что это вода, и только попробовав «воду» на вкус, понял свою ошибку. Это оказался освежающий и в то же время крепкий алкогольный напиток, крепкий настолько, что уже после первого глотка я ощутил приятное головокружение.

Я предложил капельку напитка Амелии, но она лишь пригубила его и сказала:

— Слишком злая штука. Нам нельзя терять власть над собой.

Я уже успел нацедить себе вторую порцию, но Амелия не дала мне больше пить. И вероятно, правильно сделала, — вскоре мы увидели, что многие марсиане быстро впадают в состояние опьянения. Они сделались более шумными и беззаботными, чем прежде. Раз или два даже послышался смех, хотя звучал он слишком резко и истерично. Алкогольное питье потреблялось во все больших количествах, и кухонная прислуга тащила новые и новые кувшины. Одну из скамей опрокинули, и все, кто сидел на ней, упали беспорядочной кучей на пол, а группа марсианок поймала двух молодых рабов и зажала их в углу; что произошло потом, мы в общем хаосе не разобрали. Из кухни выбежали еще рабы, и даже не рабы, а в большинстве своем юные рабыни. К нашему глубочайшему изумлению, они не только выбежали в зал совершенно обнаженными, но и расселись среди своих хозяев, обнимая и соблазняя их.

— По-моему, нам пора идти,— обратился я к Амелии.

Прежде чем ответить, она еще какое-то время следила за развитием событий, затем согласилась:

— Да, пора. Все это в высшей степени безнравственно.

Мы, не оборачиваясь, двинулись к двери. Опрокинулась еще скамья, а за нею целый стол; это сопровождалось треском битого стекла и громкими выкриками марсиан. От атмосферы мрачного уныния не осталось и следа.

Но не успели мы достигнуть двери, как из зала донесся раскатистый, леденящий кровь звук, помимо воли заставивший нас обернуться. Резкий хриплый окрик раздался, видимо, где-то в дальнем конце зала, но с такой силой, что перекрыл общий гомон. Эффект, произведенный этим окриком на марсиан, был поистине драматическим: прекратилось всякое движение, пирующие растерянно уставились друг на друга. В тишине, которая воцарилась вслед за этим бесцеремонным окриком, вновь слышались чьи-то рыдания.

— Пойдемте отсюда, Амелия,— сказал я.

Мы выбежали из здания, взволнованные происшедшим; мы ничего не поняли, однако испугались не на шутку.

На улицах оставалось еще меньше народу, чем раньше, но огни с башен по-прежнему расчерчивали мостовые и тротуары, словно пересчитывая тех, кто бродит в ночи, когда все остальные сидят под крышей.

Я повел Амелию прочь от квартала, где марсиане собрались на свой странный пир, в ту часть города, где мы проходили прежде и где было меньше огней. Внешность, как известно, часто бывает обманчива: тот факт, что в каком-то строении не видно огней и изнутри не доносится шума, еще не означал, что оно

покинуто. Мы прошли с полмили, прежде чем решились войти в один из таких темных и безмолвных домов. А внутри пылал яркий свет, и всюду шел пир. И мы увидели... нет, я не могу, я не вправе описывать, что мы увидели. Амелия, разумеется, также не испытывала желания созерцать подобное распутство, и мы поторопились уйти. Примириться с этим миром, вычеркнуть из памяти тот, который пришлось оставить, мы были по-прежнему не в состоянии.

Когда мы поравнялись с очередным зданием, я сперва заглянул туда один... но внутри меня поджидали лишь безлюдье и грязь; что бы ни находилось здесь раньше, все погибло в пламени пожара. Следующим по порядку оказался еще один дом-спальня, заполненный марсианами, и мы отправились дальше, не привлекая внимания его обитателей.

Это продолжалось довольно долго — мы переходили от дома к дому в поисках пустующей спальни и, признаться, уже начали думать, что таких просто не существует. В конце концов нам повезло, мы наткнулись на комнату, где висели свободные гамаки, заняли два из них и забылись глубоким сном.

Глава IX

Наши наблюдения

1

В течение последующих дней и недель мы с Аме-
лией обследовали марсианский город со всей возмож-
ной тщательностью. Правда, нас очень связывало то,
что мы по необходимости ходили пешком, и только
пешком, однако наши наблюдения вскоре позволили
нам прийти к довольно определенным выводам отно-
сительно того, каковы размеры города, сколько в нем
жителей, где расположены главные городские досто-
примечательности и так далее. В то же время мы по
мере сил старались разобраться в самих марсианах, в
образе их жизни, но, признаться, не слишком преус-
пели в своих намерениях.

В первой обнаруженной нами пустующей спальне
мы провели две ночи, а затем перебрались в другую,
расположенную гораздо ближе к центру города и
совсем неподалеку от столовой. Эта спальня тоже
пустовала, но прежние хозяева оставили нам в на-
следство кое-какие мелкие пожитки и тем обеспечи-
ли относительный комфорт. Наши гамаки на Земле,
наверное, показались бы невыносимо жесткими —
ткань, из которой их делали, была грубой и непо-
датливой, — но в условиях более слабого марсианско-
го притяжения они вполне годились для отдыха. Вме-
сто постельных принадлежностей мы пользовались
широкими подушками-мешками, набитыми чем-то

мягким, — они напоминали стеганные перинки, какими пользуются в некоторых европейских странах.

Нашли мы и тусклые желто-серые балахоны, брошенные владельцами, и стали носить их поверх нашего платья. Разумеется, они были нам великоваты, но дополнительный слой материи поверх одежды делал нас как бы крупнее и позволял легче сойти за марсиан.

Амелия, подражая прическам марсианок, стянула волосы тугим узлом на затылке, а я решил отпустить бороду; каждые два-три дня Амелия подстригала ее маникюрными ножницами, чтобы она походила на куцые бороденки марсиан.

В те дни наружность имела для нас первостепенное значение: мы прекрасно понимали, что внешне отличаемся от жителей Марса. В этом смысле вынужденные двухдневные скитания по пустыне пошли нам на пользу — ведь солнечные ожоги, при всей их мучительности, придали нашим лицам оттенок сродни марсианскому. Когда по прошествии нескольких дней загар начал бледнеть, мы как-то раз даже выбрались за город, в пустыню, и три-четыре часа на безжалостном солнцепеке вернули нашей коже, пусть временно, желанную красноту.

Но я забегая вперед: чтобы вы поняли, как нам удалось выжить в этом городе, надо сперва подробно его описать.

2

На четвертый или пятый день нашего пребывания в городе Амелия окрестила его Городом Запустения; основания для этого вам, вероятно, уже ясны.

Город Запустения был расположен на пересечении двух каналов. Один из каналов, тот, на берег которого нас высадила машина времени, пролегал точно с

севера на юг. Второй подходил к первому с северо-запада и после пересечения, где была возведена сложная система шлюзов, продолжался на юго-восток. Город примыкал к тупому углу, образованному каналами, южная и восточная его стороны спускались к воде; здесь находились пристани и доки.

Насколько можно было судить, город занимал площадь порядка двенадцати квадратных миль, однако сравнивать его на этом основании с какими-то земными городами нецелесообразно, ибо Город Запустения имел в плане почти идеально круглую форму. Более того, марсиане куда раньше землян дошли до остроумной мысли полностью отделить промышленную зону города от жилой: городские здания строились исключительно для удовлетворения повседневных нужд населения, а все предприятия выносились в особые районы за городской чертой.

Вблизи города располагались два индустриальных центра: больший, который мы видели из окна поезда, размещался на севере, меньший приютился на берегу канала, уходящего на юго-восток.

Что касается населения, Город Запустения оказался поразительно мал; собственно, именно это обстоятельство и побудило Амелию дать городу столь нелестное название.

Было очевидно, что город возводили в расчете на многие тысячи жителей: здания были многочисленны, незастроенные участки редки. Но бросалось в глаза и то, что сегодня заселена лишь незначительная часть города, а целые его районы оставлены на произвол судьбы. В таких районах многие строения обветшали и обрушились, улицы были завалены каменным крошевом и заржавленными железными балками.

Не потребовалось много времени, чтобы обнаружить, что по ночам освещаются лишь населенные улицы; хотя мы обследовали город в дневные часы,

по частенько натыкались на кварталы, пришедшие в упадок, где осветительных башен не было и в помине. Заходить в эти кварталы ночью у нас не хватало духу: мало того, что тут было темно, пустынно и страшно, — именно такие кварталы патрулировались быстроходными экипажами, которые проносились по улицам со зловещим воем, настороженно бросая перед собой лучи прожекторов.

Бдительное полицейское патрулирование послужило для нас первым предвестием того, что и городские марсиане страдают под игом какого-то драконовского режима.

Мы терялись в догадках о причинах, вызвавших сокращение населения. Сначала мы решили, что это явление кажущееся, вызванное постоянным отливом рабочей силы в связи с чудовищным размахом индустриального производства за городом. В дневное время промышленные зоны легко было видеть невооруженным глазом — они извергали густой дым сотнями труб, а ночью эти зоны были ярко освещены, и, следовательно, работа там продолжалась; вот мы и предположили, что большинство горожан занято на предприятиях, где трудятся круглые сутки по сменам. Однако когда мы получше присмотрелись к городской жизни, то убедились, что совсем немногие из марсиан, принадлежащих к правящему классу, хотя бы изредка выходят за городскую черту, а, значит, большинство промышленных рабочих относятся к сословию рабов.

Я уже говорил, что городу была придана форма круга. Обнаружили мы это чисто случайно через несколько дней, а позже сумели проверить свою догадку, поднявшись на одно из самых высоких зданий.

Впервые догадка пришла к нам при довольно занятых обстоятельствах. На второй или на третий день жизни в Городе Запустения мы с Амелией направи-

лись через весь город на север с намерением проверить, не удастся ли преодолеть примерно милю пустыни, отделяющую нас от крупнейшего из двух индустриальных центров.

Мы выбрались на улицу, ведущую строго на север и, по-видимому, постепенно выходящую в пустыню. Улица эта пролегла среди населенных кварталов, где было много наблюдательных башен. Подойдя к той, которая стояла ближе всего к пустыне, я заметил, что венчающая башню платформа больше не качается, и обратил на это внимание своей спутницы. Мы даже засомневались, стоит ли продолжать путь, но Амелия рассудила, что не видит в том беды.

Тем не менее, едва мы миновали башню, как стало окончательно ясно, что тот или те, кто скрывается внутри, умышленно развернули платформу с целью держать нас под надзором, и темное овальное окно слепо уставилось нам вслед. Впрочем, никаких действий в отношении нас с башни не предприняли, и мы двинулись дальше, но с неприятным чувством, что за нами наблюдают.

Эта немая слежка поневоле вывела нас из себя, и тут мы вдруг, к вящему своему ужасу, буквально налетели на границу города; граница являла собой прозрачную или почти прозрачную стену, перегородившую улицу от края до края. Не удивительно, что сперва мы посчитали стену стеклянной, только это было вовсе не стекло, да и вообще ни один из известных нам материалов. Можно было, пожалуй, предположить, что это какое-то энергетическое поле, возбуждаемое при посредстве электрического тока. Поле вело себя совершенно инертно, и под бдительным оком наблюдательной башни мы предприняли примитивные попытки его исследовать. Понять нам удалось только то, что это непроницаемый и невидимый барьер, холодный на ощупь.

Пристыженные, мы поспешили вернуться тем же путем, что и пришли. Позже мы прокрались в заброшенные кварталы и открыли, что стена существует и там. Не потребовалось много времени, чтобы удостовериться, что стена окружает весь город, не только перерезая улицы, но и прячась позади строений. Еще позже, проведя разведку с крыши, мы уяснили себе, что за пределами этого невидимого круга стоят буквально считанные здания.

Не могу не признать, что первой до истины додумалась Амелия: она связала существование стены с тем несомненным фактом, что плотность да и температура воздуха в черте города заметно выше, чем снаружи. Амелия высказала предположение, что невидимый барьер — не просто стена, а в действительности полусфера, накрывающая город словно куполом. Именно потому, как заявила моя ученая спутница, давление воздуха удастся поднять до приемлемого уровня, а солнечные лучи, пронизывая преграду, создают под ней условия, близко напоминающие условия оранжереи.

3

Тем не менее Город Запустения отнюдь не был тюрьмой. Выйти за его пределы представляло собой задачу не более сложную, чем войти в город извне. В наших разведывательных экспедициях мы обнаружили несколько мест, где можно было без затруднений пройти сквозь брешь в стене и попасть в разреженную атмосферу пустыни.

Одну такую брешь мы отыскивали с самого начала — вереницу дверей и коридоров на железнодорожном вокзале; подобные же устройства находились на пристанях, расположенных вдоль каналов, причем иные проходы, предназначенные для транспортировки ввозимых в город материалов, достигали внушительных

размеров. В конце основных улиц, ведущих в сторону промышленных зон, также были построены специальные проходы для населения.

Но самое интересное заключалось в том, что патрульные экипажи могли проезжать прямо сквозь стену не только без задержки, но и без ощутимой утечки воздуха из города. Мы видели это собственными глазами, и не один раз.

Теперь я должен по ходу повествования непременно рассказать о конструкции этих экипажей, ибо среди множества чудес, с которыми мы познакомились на Марсе, эти экипажи принадлежали к числу самых замечательных.

Главнейшее их отличие от земных экипажей состояло в том, что, не в пример нашим инженерам, марсианские изобретатели обошлись в своих поисках совершенно без колеса. С тех пор как я убедился в быстроходности марсианских средств сообщения, я был обречен на бесплодные раздумья о том, насколько же далеко продвинулись бы земляне в своем развитии, откажись мы от навязчивой идеи колеса! Скажу больше: единственным колесным экипажем, какой мы встретили на Марсе, оказалась примитивная ручная тележка, которую катили рабы; вот как невысоко ценят марсиане подобный способ передвижения!

Первым увиденным нами марсианским экипажем (не считая поезда, в котором мы приехали, хотя, полагаю, поезд также не имел колес) был тот, который пронесся вдалеке, когда мы впервые брели по улицам города. Второй экипаж мы заметили утром следующего дня; этот тоже молниеносно промчался мимо, оставив после себя невнятное ощущение быстроты и громкого шума. Однако позже мы повстречали экипаж, движущийся с более умеренной скоростью, а еще позже видели экипажи, стоящие на месте.

Утверждать, что марсианские экипажи *ходят*, было

бы не вполне точно, но лучшего слова я просто не подберу. В углублениях под корпусом (который в соответствии со своим назначением выглядел более или менее привычно для нас) располагались ряды металлических *ног* — длинных или коротких, в зависимости от тех функций, какие экипажу предписывалось выполнять. Ноги были смонтированы группами по три и связаны трансмиссией со скрытой где-то в недрах корпуса силовой установкой.

Движение этих ног выглядело до смешного живым и в то же время строго автоматическим: в каждый заданный момент грунта касалась лишь одна нога из каждой тройственной группы. В движении ноги как бы сокращались и удлинялись; те, что висели в воздухе, перемещались вперед и принимали на себя тяжесть экипажа, и тогда в свою очередь приподнималась третья нога.

Самым большим экипажем, какой нам довелось рассмотреть вблизи, была машина для буксировки грузов: она опиралась на два параллельных ряда ног — по шестнадцать групп в каждом ряду, по три ноги в каждой группе. Машины, которые использовались для патрулирования города, были гораздо меньше и имели всего восемнадцать ног — два ряда по три группы.

Каждая нога, как обнаружилось при ближайшем рассмотрении, состояла из нескольких десятков аккуратно выточенных дисков, уложенных друг на друга наподобие стопки медных монет и каким-то образом сцепленных при помощи электричества. Поскольку каждая нога была заключена в прозрачную оболочку, не составляло труда наблюдать их в действии, но как осуществляется контроль за движением, оставалось выше нашего понимания. Однако в эффективности этих машин сомневаться не приходилось: мы часто встречали патрульные экипажи, пронося-

щиеся по улицам со скоростью, которая далеко превосходила возможности самых лучших лошадей.

4

Но еще большей загадкой, чем конструкция экипажей, были те, кто управлял ими.

В том, что внутри экипажей есть кто-то живой, не возникало и тени сомнения: много раз мы наблюдали, как рядовые марсиане беседуют с водителем или с пассажирами и те отвечают им сквозь металлическую решетку, врезающую в борт машины. Яснее ясного было и то, что водители пользуются чрезвычайным авторитетом; прохожие, когда к ним обращались из экипажей, сразу же принимали приниженный, а то и подобострастный вид и разговаривали почтительным шепотом. Но самих водителей мы ни разу не видели, экипажи оставались закрытыми со всех сторон, — по крайней мере, кабина водителя всегда бывала закрыта наглухо. Взгляд упирался в плоскость темного стекла, поставленную впереди экипажа: по видимому, за этим стеклом сидел или стоял водитель. Стекла точь-в-точь походили на те, что являлись непременной принадлежностью наблюдательных башен, и мы решили, что башнями и экипажами управляют марсиане одного и того же ранга.

Надо еще сказать, что отнюдь не все экипажи выполняли столь прозаические функции, как, возможно, показалось из моих слов.

Повседневно сталкиваясь с множеством странных картин и явлений, мы с Амелией волей-неволей пытались отыскать земные параллели тому, что видели. И потому вполне вероятно, что иные допущения, сделанные нами в то время, не соответствуют истине. Предположить, что грузовые экипажи играют роль подвод, было относительно просто — ведь они на наших глазах совершали работу, вполне аналогичную

земпой. Но для некоторых машин земных эквивалентов просто-напросто не существовало. Например, для машины, которую марсиане использовали при ремонте наблюдательных башен.

Одна такая башня стояла как раз напротив дома-спальни, где мы поселились, и ее было хорошо видно прямо из наших гамаков. Мы уже прожили в доме, наверное, дней восемь, когда Амелия обратила внимание, что с башней что-то случилось: ее верхняя платформа перестала покачиваться с боку на бок. А ночью на башне впервые не включился свет.

Но уже на следующее утро у подножия башни затормозил большой экипаж, и перед нами развернулась ремонтная операция, которую я не могу не назвать совершенно фантастической.

Упомянутый экипаж принадлежал к типу, какой мы до сих пор видели в городе два-три раза, и то издали: низкая длинная машина, а наверху многоногого кузова свалена в беспорядке масса поблескивающих труб. Как только экипаж остановился у наблюдательной башни, эта гора металла вдруг приподнялась, и оказалось, что у нее пять змеистых, составленных из дисков ног и еще не менее двух десятков гибких рук, напоминающих щупальца.

Затем, к нашему изумлению, механизм спустился из кузова на мостовую, лязгая и звеня всеми своими суставчатыми конечностями, и преодолел несколько ярдов до основания башни поступью, необыкновенно похожей на движения паука. Мы смотрели во все глаза, силясь понять, как и кто распоряжается этим чудищем, но либо оно обладало собственным разумом, либо каким-то непостижимым образом подчинялось водителю экипажа, только вблизи «паука» безусловно никого не было. Достигнув подножия башни, чудище вытянуло щупальце и коснулось выступающей металлической пластинки на одной из опор, и спустя мгно-

вание мы заметили, что верхняя платформа снижается. Очевидно, снизиться она могла лишь до какого-то предела; когда от мостовой до платформы осталось футов двадцать, дьявольское устройство охватило опоры своими щупальцами, сжало их в ужасных объятиях и медленно поползло вверх — ни дать ни взять паук, взбирающийся по паутине.

Едва паук подобрался к цели, он устроился на опорах попрочнее, скрестив ноги, и немедля запустил щупальца в мелкие отверстия на днище платформы, явно обследуя внутренний механизм в поисках испортившейся детали.

Мы с Амелией пристально наблюдали за всей этой операцией, оставаясь невидимыми внутри здания. С момента появления многоногого экипажа до его отбытия прошло каких-то двадцать минут, но, когда железное чудище вернулось на свое место в кузове, платформа уже опять поднялась на первоначальную высоту и принялась снова покачиваться с боку на бок, будто и не портилась никогда.

5

До сих пор я почти ничего не сказал о том, как мы ухитрились жить в этом городе отчаяния, и не собираюсь пока об этом говорить. Нас обуревали разнообразные и весьма серьезные заботы, и во многих отношениях они были для нас важнее, чем то, что мы видели вокруг. Однако, прежде чем перейти к дальнейшему повествованию, я должен со всей ясностью обрисовать наше положение. Все мы зависим от окружающей среды, и, как ни грустно, мы с Амелией не вдруг заметили, что стали во многом сами похожи на марсиан. Отчаяние, переполняющее их жизнь, проникло и в наши души.

Сколько мы ни бродили по городу, один мучивший нас вопрос по-прежнему оставался без ответа: мы так и не могли взять в толк, чем обыкновенный марсианин занимается изо дня в день.

К тому времени мы уже получили известное представление о присущих Марсу социальных разграничениях. Низшим общественным слоем, вне всякого сомнения, являлись рабы, которых заставляли выполнять всю тяжелую и унижительную физическую работу, необходимую для существования любого цивилизованного общества. Затем следовали горожане, которым было доверено надзирать за рабами. Еще выше на социальной лестнице стояли те, кто управлял многоногими машинами, да, вероятно, и остальными механическими устройствами.

Более всего интересовали нас горожане — ведь именно среди них мы жили изо дня в день. Как ни странно, отнюдь не все они имели какое-то постоянное занятие. К примеру, надсмотрщиков требовалось сравнительно немного (нам передко случалось видеть, как один-два надсмотрщика, вооруженные лишь электрическими бичами, с успехом командуют сотнями рабов). И хотя экипажи и машины в городе встречались в большом числе, но еще больше было людей, проводящих дни в неприкрытой праздности.

В часы прогулок мы с Амелией собрали целый ряд доказательств тому, что марсиане сплошь и рядом не знают, как убить время. Ночные попойки были, если угодно, следствием двух причин: отчасти их затевали с целью утолить бесконечную скорбь, отчасти просто от скуки. Мы нередко становились свидетелями ссор, иногда дело доходило до драки, хотя надо признать, что спорщики и драчуны мгновенно бросались враспынную при появлении патрульного экипажа. Были

и другие признаки, указывающие, что народу некуда деть свою энергию, не на что направить мысли. В середине дня, когда солнце поднималось прямо над головой (мы пришли к выводу, что город расположен почти на самом марсианском экваторе), тротуары заполняли лежащие мужчины и женщины, надумавшие понаслаждаться теплом.

Может статься, объяснение всему этому заключалось в том, что они, по крайней мере некоторые из них, обычно трудятся в близлежащих промышленных зонах, а те, что слоняются по городу, в настоящий момент находятся в отпуске?

Так или иначе, нам обоим очень хотелось осмотреть эти зоны и по возможности установить характер не прекращающейся там ни днем ни ночью кипучей деятельности. И вот однажды, дней через пятнадцать после нашего прибытия на Марс, мы с Амелией решили покинуть город и обследовать меньший из двух промышленных комплексов. Мы уже установили, что туда ведет накатанная дорога; правда, ездили по ней в основном экипажи грузового типа, но попадались и пешеходы — как горожане, так и рабы. Следовательно, подумали мы, если мы рискнем прогуляться пешком, то не привлечем ничего особого внимания.

Мы вышли из-под купола через герметизированные коридоры и очутились на загородном просторе. Наши легкие сразу же занули, с трудом выцеживая из атмосферы крохи кислорода, и мы оба принялись жаловаться на неумеренность климата — на холод, скудость воздуха и безжалостное сияние солнца.

Шли мы медленно, помня по опыту, как изматывает в этих условиях любая физическая нагрузка, и за полчаса покрыли чуть больше четверти расстояния до промышленной зоны. Но уже здесь можно было почувствовать фабричные дымы и запахи, хотя ника-

кого шума и лязга, обычно связанного с производством, нам расслышать не удавалось.

Мы остановились на отдых, и тут Амелия коснулась моей руки и показала на юг.

— Что там такое, Эдуард?

Я взглянул в указанном направлении.

Мы двигались в сторону промышленной зоны, почти точно на юго-восток параллельно каналу, однако на противоположной его стороне, вдали от заводов, виднелось нечто, по первому впечатлению напоминающее гигантский трубопровод. Но если это трубопровод, почему он не связан совершенно ни с чем и смотрит на нас открытым концом?

Продолжения трубы мы разглядеть не могли — оно пряталось за промышленными постройками. Вполне вероятно, что сама конструкция и не обратила бы на себя нашего внимания, но примечательным казался тот факт, что вокруг открытого ее конца кипела напряженная работа. Место, где мы остановились, от трубы отделяли, наверное, мили две, но в прозрачном воздухе можно было различить, что вокруг нее копошатся десятки, если не сотни рабочих.

По договоренности мы отдыхали минут пятнадцать — настолько отвыкли от разреженной атмосферы, — но и тогда, когда тронулись дальше, поневоле то и дело поглядывали в сторону «трубопровода».

— А не может это быть какое-нибудь ирригационное сооружение? — высказал я догадку, подметив, что труба тянется с запада на восток и как бы соединяет два расходящихся канала.

— С жерлом таких размеров?..

Пришлось согласиться, что мое предположение маловероятно: фигуры, находящиеся рядом с трубой, по сравнению с ней выглядели муравьями. Внутренний диаметр трубы был, вероятно, порядка двадцати

футов, да еще и металл, из которого ее сделали, достигал в толщину восьми-девяти футов.

Задавшись целью рассмотреть загадочную конструкцию получше, мы сошли с дороги и побрели напрямиком на юг по битому камню и песку пустыни. Моста через канал в этом месте не было, в обе стороны, сколько хватал глаз, тянулся ровный береговой откос, но труба уже достаточно приблизилась, чтобы взглянуть на нее без помех.

Выяснилось, что она вытянулась в длину примерно на милю. С этой более выгодной позиции мы видели теперь и дальний ее конец, нависший над небольшим озером. Озеро было несомненно искусственным — это можно было понять по его прямым и к тому же укрепленным берегам; в результате если не вся, то по крайней мере половина трубы оказывалась над водой. А на берегах озера возвышались два внушительных здания одно против другого, и труба проходила между ними как раз посередине.

Мы сели рядом на берегу канала и стали следить за тем, что происходит. В данный момент рабочие у ближнего конца трубы занимались тем, что извлекали из ее недр какой-то большой предмет или аппарат. Когда его наконец вынули, то спустили по настилу на песок. Очевидно, при этом возникли определенные трудности, так как откуда-то пригнали еще рабочих на помощь.

Через полчаса аппарат был благополучно извлечен и отодвинут от жерла на известное расстояние. Как только задача была решена, всех, кто работал подле трубы, как ветром сдуло. Прошло еще две-три минуты, и я сделал неожиданное открытие.

— Смотрите, Амелия! — воскликнул я. — Она поднимается!

Ближайший к нам конец трубы начал отрываться от грунта. Одновременно дальний ее конец стал по-

немногу опускаться в воду. В зданиях по краям озера, очевидно, располагались машины, приводящие всю систему в движение: через эти здания проходила ось вращения трубы, и до нас долетал рев и грохот спрятанных внутри машин, а сквозь отверстия в стенах вырывался зеленый дым.

Труба поднималась вверх минуту, от силы две, — невзирая на ее исполинские размеры, движение осуществлялось плавно и равномерно. Когда она встала под углом градусов сорок пять к горизонту, грохот машин прекратился, последнее облачко зеленого дыма ушло прочь. Было около полудня, солнце пылало прямо над нашими головами.

А труба в новом своем положении приобрела — в том не оставалось сомнений — вид гигантской пушки, нацеленной в небо.

Вода в озере успокоилась, рабочие, хлопотавшие вокруг, по всей вероятности, попрятались в приземистых строениях, разбросанных неподалеку. Только мы с Амелией, так и не понявшие смысла всех этих приготовлений, продолжали сидеть как ни в чем не бывало.

Первым признаком того, что пушка выстрелила, была белая пена, вскипевшая вдруг по всей поверхности озера. Мгновением позже мы почувствовали, как содрогнулась и задрожала почва, на которой мы сидим, и воды канала перед нами из края в край всколыхнулись рябью.

Я кинулся к Амелии, обхватил ее за плечи и повалил на откос. Она неуклюже упала на бок, но я и сам бросился следом, прикрыв ей лицо своим плечом, а голову руками. Мы ощущали сильнейшие сотрясения почвы, словно она вот-вот разверзнется в землетрясении, а потом на нас обрушился такой сокрушительный гром, будто мы очутились в самом сердце грозы.

Буйство стихий стремительно достигло апогея и

кончилось так же внезапно, как началось. В ту же секунду до нас донесся затяжной, пронзительный взрыв — все вокруг зарокотало и завывало, будто тысяча паровозных свистков грянула нам в уши. Вой начался сразу на самой высокой ноте и быстро сошел на нет.

Когда все успокоилось, мы снова сели и не сговариваясь усталились на пушку по ту сторону канала. От снаряда — если он вообще существовал — не осталось никакого следа, зато из пушечного дула извергалось самое большое облако пара, какое я когда-либо видел в своей жизни. Оно было ослепительно-белым и сверкало над жерлом, сохраняя почти правильную круглую форму и непрерывно разрастаясь благодаря новым и новым клубам, вырывавшимся изнутри. Менее чем за минуту пар затмил солнце, и сразу стало холодно. С нашего наблюдательного пункта нам было видно, что тень накрыла чуть не всю планету до самого горизонта. Очутившись прямо под облаком, мы не могли определить его толщину, но по глубине тени догадывались, что она весьма значительна.

Мы поднялись на ноги. Пушка уже вновь начала опускаться; в недрах зданий, где крепилась ее ось, опять загрохотали машины. Рабы и надсмотрщики потихоньку выбирались из своих убежищ.

Без всяких колебаний мы зашагали обратно к городу, мечтая как можно скорее вернуться к его относительно комфорту. В тот же миг, как солнце скрылось, окружающая температура упала гораздо ниже точки замерзания. Поэтому мы не слишком удивились, когда двумя-тремя минутами позже заметили, что вокруг порхают первые снежинки, а вскоре легкий снегопад превратился в истый буран, густой и слепящий.

Поднять глаза вверх нам удалось лишь однажды,

и тут мы убедились, что туча, откуда падал снег, — то самое облако пара, которое изверглось из пушки! — закрыла теперь почти все небо.

Мы чуть не прозевали тот пункт, где можно войти в город, — так глубока была укутавшая дорогу снежная пелена. Зато мы впервые воочию увидели незримое прежде защитное поле, которое накрывало город: на купол толстым слоем налип снег.

Через несколько часов почва у нас под ногами содрогнулась снова, а потом опять и опять. Всего мы насчитали двенадцать взрывов с интервалами примерно по пять-шесть часов. В конце концов солнечные лучи прорвались сквозь тучи и растопили снег, облепивший купол, и тем не менее эти дни остались в нашей памяти как сумрачные и жуткие. И, судя по многим признакам, среди жителей Города Запустения так полагали отнюдь не мы одни.

7

На этом пока прервем рассказ о тайнах марсианского города. Описывая их, я по необходимости должен был представить Амелию и себя самого эдакими туристами, пытливо и беспристрастно глазающими по сторонам подобно любому путешественнику в чуждальных землях. Однако в действительности, хотя нас и занимало то, что мы видели, до беспристрастности нам было очень и очень далеко: надо ли говорить, что нас более всего тревожила наша собственная судьба.

Мы редко касались самого главного, разве что косвенно, — не потому, что не думали об этом, а потому, что понимали: затрагивай или не затрагивай эту большую тему, ничего утешительного все равно не изобретешь. Мы никогда не сумеем вернуться на Землю — это, увы, была непреложная истина. В сущности, она лежала в основе всех наших мыслей и поступ-

ков, мы отдавали себе отчет, что нельзя вечно играть в прятки с собой, но в открытую планировать пребывание в Городе Запустения на весь остаток жизни означало окончательно примириться со своей участью.

Ближе всего мы подошли к тому, чтобы прямо взглянуть правде в глаза, в тот день, когда впервые осознали, как далеко продвинулась в своем развитии марсианская наука. Полагая, что в столь передовом обществе будет не слишком сложно достать необходимые материалы, я даже рискнул обратиться к Амелии с предложением:

— Надо найти какое-то место, где можно устроить лабораторию.

Она посмотрела на меня с насмешкой:

— Вы что, надумали заняться науками?

— Мне пришло на ум, что мы могли бы попытаться соорудить вторую машину времени.

— А вы имеете хоть малейшее представление о том, как она работает?

Я покачал головой.

— Признаюсь, я надеялся, что это известно вам как ассистентке сэра Уильяма.

— Дорогой мой, — ответила Амелия, на миг нежно взяв мою руку в свои, — я ведаю об этом не больше вашего.

Мысль о машине пришлось оставить. До той минуты она была моей последней надеждой, но я уже узнал Амелию достаточно хорошо, чтобы уловить подоплеку, скрытую за ее словами. Я понял, что она и сама взвешивала подобную идею и сделала категорический вывод: воссоздать шедевр сэра Уильяма у нас нет ни единого шанса из миллиона. И потому, не пускаясь более в обсуждение дальнейших планов, мы просто день за днем влачили свое существование, и каждый втайне от другого сознавал: возвращение

на Землю невысказано. Настанет день, когда мы должны будем сказать друг другу правду, но покамест мы оттягивали этот день, как только могли.

Если нам не удавалось обрести душевное равновесие, что уж говорить о физических потребностях организма! Двухдневные скитания по пустыне, судя по всему, не принесли нам особого вреда, хотя я и страдал одно время легким насморком. А вот после первого марсианского ужина ни я, ни Амелия не сумели справиться с тошнотой, и последующая ночь выдалась для нас обоих очень мучительной. С той поры мы взяли за правило принимать пищу в небольших количествах. По соседству с нашим домом-спальней находились три столовые, и мы посещали все три поочередно.

Как я уже упоминал, мы спали в здании, где не было других жильцов. Гамаки казались достаточно широки для двоих, и я, не в силах забыть, что произошло между нами ранее, намекнул Амелии, что, быть может, нам станет теплее, если мы разделим один гамак.

— Здесь вам не пустыня, Эдуард, — последовал ответ, и с того дня мы спали отдельно.

Ее отпор больно задел меня: хотя мои намерения в отношении Амелии по-прежнему оставались достойными и честными, у меня были все основания полагать, что мы отнюдь не чужие друг другу. Но я обещал себе подчиниться ее воле.

В дневное время мы сохраняли самые теплые дружеские отношения. На прогулках она нередко брала меня за руку или под руку, а вечером, прежде чем я отворачивался, чтобы дать ей возможность раздеться, мы обменивались целомудренным поцелуем. Говоря по совести, при этом во мне вспыхивали желания, которые никак нельзя было назвать достойными и честными, и я боролся с искушением вновь обратиться

к ней с просьбой выйти за меня замуж. Просьба была, разумеется, неисполнимой — где же, в самом деле, найти на Марсе церковь? Это также оставалось вопросом, который волей-неволей приходилось отложить до того часа, когда мы смирились со своей судьбой.

Самое же главное — нас поминутно терзали сожаления об утраченной родине. Что до меня, то я проводил целые дни, вспоминая своих родителей и горюя о том, что никогда их больше не увижу. Случалось мне задумываться и о совершенных пустяках. Например, я ощущал непреодолимую уверенность в том, что оставил в своей комнате в пансионате миссис Тейт зажженную лампу. В то воскресное утро, когда мне предстояло отправиться в Ричмонд, я пребывал в таком приподнятом настроении, что, похоже, выходя из дому, не прикрутил фитиль. Мне до раздражения ясно помнилось, как я, встав с постели, зажигаю лампу... но неужели я все-таки не погасил ее? Напрасно я пытался урезонить себя тем, что сейчас, восемь или девять лет спустя, мои сомнения совершенно несущественны. Как я ни гнал их, они упорно возвращались и не давали мне покоя.

Амелия тоже казалась погруженной в свои мысли, хотя о характере этих мыслей можно было только гадать. Она даже силилась не подавать виду, что занята собой, и проявляла живой интерес ко всему, что творится в городе, но затем мы оба подолгу впадали в молчание, и паузы были красноречивее слов. Внутренняя неуравновешенность Амелии доходила до того, что временами она начинала разговаривать во сне; речь ее в таких случаях становилась по большей части бессвязной, но изредка она произносила мое имя, а иногда имя сэра Уильяма. Однажды я улучил момент и как мог тактичнее спросил ее об ее сновидениях, но она ответила, что не запоминает снов.

Через несколько дней после того, как мы обосновались в городе, Амелия поставила перед собой задачу изучить марсианский язык. У нее всегда были, как она считала, способности к языкам, и даже то, что она не располагает никакими сведениями ни о словаре, ни о грамматике местных жителей, не лишило ее оптимизма. Существуют, уверяла она, простейшие ситуации, в которых можно разобраться без труда, и надо лишь прислушаться к тому, что говорят вокруг, чтобы создать элементарный запас слов. Разумеется, это принесло бы нам величайшую пользу, поскольку вынужденная немота резко ограничивала наши возможности.

Прежде всего Амелия взялась за истолкование письменного языка марсиан — тех немногочисленных вывесок, которые встречались нам в городе.

Вывески и в самом деле можно было пересчитать по пальцам. Какие-то надписи красовались у каждого выхода из города, какие-то слова были выведены на бортах отдельных многоногих экипажей. И тут Амелия сразу же столкнулась с серьезными трудностями, ибо, по ее наблюдениям, ни один знак в этих надписях ни разу не повторялся. Хуже того, марсиане, судя по всему, пользовались для своих вывесок шрифтами разного рисунка, и в результате Амелия так и не сумела усвоить хотя бы одну-две буквы марсианского алфавита.

Тогда она обратила свое внимание на устную речь, но трудностей и тут не убавилось. Главная из них состояла в множественности интонаций. Даже если отвлечься от того, что голосовые связки марсиан были настроены на тон, гораздо более высокий, чем привычно для земного слуха (оставшись наедине, мы с Амелией неоднократно пытались воспроизвести этот

тон, но достигали лишь комического эффекта), — живая речь изобиловала множеством интонационных тонкостей и оттенков. Иногда марсианский выговор звучал по земным представлениям очень жестко, а то и просто неприятно, иногда становился несравнимо музыкальнее и мягче. Одни марсиане говорили с каким-то сложным присвистыванием, другие затягивали гласные и подчеркивали взрывные согласные.

Еще в большей степени задача осложнялась тем, что марсиане, все без исключения, сопровождали свою речь замысловатыми движениями рук и головы, и в довершение наших бед обращались к различным собеседникам в разном интонационном ключе. Что же касается рабов, то они, как нам казалось, говорили на особом, отличном от горожан диалекте.

Пять-шесть дней безуспешных стараний привели Амелию к печальному выводу, что сложность языка (или языков) превосходит ее способности. Тем не менее до самой последней минуты, проведенной нами вместе в Городе Запустения, она не оставляла попыток классифицировать отдельные звуки, и я искренне восхищался ее упорством.

Впрочем, был в обиходе марсиан один звук, в значении которого сомневаться не приходилось. Звук этот — общий для всех языков, для всех рас Земли; тот же смысл он, как выяснилось, имел и на Марсе. Вскоре нам предстояло услышать его не один, а много раз — жуткий, неудержимый вопль ужаса.

9

Мы прожили в Городе Запустения недели две, когда разразилась эпидемия. Сперва мы оставались в неведении, что случилось, хотя и замечали некоторые признаки надвигающейся беды, не понимая ее причины. Например, как-то вечером нам показалось, что

в столовой меньше марсиан, чем обычно, но мы уже настолько притерпелись к странностям чужого мира, что ни один из нас не усмотрел в этом ничего плохого.

На следующий день мы стали свидетелями выстрела снежной пушки (так мы ее окрестили), и она приковала к себе все наше внимание без остатка. Однако к концу того периода, когда на город с утра до вечера падал снег, уже никто не смог бы усомниться, что жизнь серьезно разладилась. Мы видели на улицах нескольких мертвых или впавших в беспамятство марсиан, а визит в одну из соседних спален подтвердил, что многие ее обитатели больны. Даже неутомимая деятельность экипажей претерпела явные изменения: во-первых, их стало меньше, а, во-вторых, один или два из них использовались теперь как кареты скорой помощи.

Надо ли говорить, что, как только мы с Амелией полностью осознали характер происходящего, мы постарались держаться подальше от обитаемых кварталов города. К счастью, никто из нас не обнаружил никаких симптомов болезни; насморк, возникший как следствие простуды, продолжался у меня чуть дольше, чем дома, по и только.

В Амелии пробудился дремлющий в каждой женщине инстинкт сострадания, совесть склоняла ее немедленно отправиться на помощь страждущим, но поступить так было бы в высшей степени неразумно. Мы постарались всячески обособить себя от нового несчастья, и жили надеждой, что болезнь скоро пройдет.

Видимо, зараза оказалась все же не слишком стойкой. Правда, переболел чуть ли не каждый второй, а однажды мы прикинули число тел, погруженных в многоногий экипаж, и поняли, что погибших тоже не мало. Но дней через пять жизнь постепенно возвратилась в обычную колею. Если и произошла какая-то

перемена, то лишь единственная; всеобщая скорбь стала еще более глубокой, и мы впервые почувствовали, что у марсиан есть на то весомые основания: в городе, и раньше малонаселенном, стало, увы, еще меньше народу, однако экипажи вернулись к нормальному патрулированию и перевозке грузов, и мертвые на улицах больше не попадались.

И вот тогда-то, когда мы совсем уверили себя, что все вошло в норму, настала ночь зеленых взрывов.

Глава X

Нашествие

1

Я проснулся с первым же взрывом, но, еще не стряхнув с себя сон, решил, что это опять стреляет снежная пушка. За те несколько ночей, что она действовала, мы уже успели привыкнуть к толчкам и отдаленному грохоту. Но звук, который разбудил меня, казался иным.

— Эдуард!

— Я не сплю,— откликнулся я.— Что, снова пушка?

— Нет, это что-то другое. И, кроме того, была вспышка. Осветило всю комнату.

Я промолчал, так так усвоил, что всякие догадки о событиях, свидетелями которых мы здесь становимся, обречены на провал. Прошло минут пять, город оставался недвижим.

— Мало ли что бывает, — сказал я. — Давайте спать.

— Слушайте!..

Где-то вдалеке по спящему городу, зловеще завывая, пронесся патрульный экипаж. Мгновением позже мы услышали второй экипаж — этот промчался ближе, всего в нескольких кварталах от нашего укрытия.

И тут комнату на миг залил ослепительный, мертво-зеленый свет. Он выхватил из мрака Амелию, которая сидела в гамаке, завернувшись в перинку. Через секунду-другую до нас долетел взрыв — он

произошел где-то за городом, но сила его была чудовищной.

Амелия выбралась из гамака, как обычно, не без труда, и направилась к ближайшему окну.

— Видно что-нибудь?

— По-моему, где-то пожар,— ответила она. — Трудно сказать наверняка. Кажется, что-то горит зеленым пламенем.

Я тоже собрался встать, желая взглянуть на необычный пожар своими глазами, но Амелия остановила меня.

— Пожалуйста, не подходите к окну,— попросила она.— Я не одета.

— Тогда потрудитесь накинуть на себя что-нибудь. Я тоже хочу видеть, что творится.

Она отпрянула от окна и поспешила туда, где сложила на ночь свою одежду, и в ту же минуту комнату вновь заполнил яркий зеленый свет. Мельком и невольно я различил контуры женского тела, но заставил себя отвести глаза в сторону, чтобы не смущать Амелию. Через две секунды раздался новый громкий взрыв, много ближе и сильнее, и пол ходуном заходил у нас под ногами.

— Я надела рубашку, Эдуард,— послышался голос Амелии.— Можете составить мне компанию.

Я обычно спал, не снимая марсианского одеяния, так что мне ничто не мешало выскочить из гамака и присоединиться к ней у окна. Амелия оказалась права — к востоку от нас тянулась полоса зеленого света. Полоса эта не была ни слишком широкой, ни особенно яркой, однако в самой середине зелень становилась насыщеннее, и это в самом деле наводило на мысль о пожаре. На наших глазах полоса потихоньку бледнела, но тут рядом с ней вспыхнул новый взрыв, и я оттащил Амелию от окна. На сей раз сотрясение оказалось еще мощнее, и нас начал одолевать страх.

Амелия вознамерилась было снова выглянуть в окно, но я обнял ее за плечи и вынудил остаться на месте. Снаружи перекликались сирены, потом опять последовали вспышка зеленого света и грохот взрыва.

— Возвращайтесь к себе, Амелия, — распорядился я. — По крайней мере в гамаках можно не опасаться, что пол провалится у нас под ногами.

К моему удивлению, Амелия и не подумала возражать, а торопливо вскарабкалась в ближайший гамак. Я бросил последний взгляд в сторону взрывов, мимо наблюдательной башни, которая торчала у самого нашего дома; зеленое пламя разливалось все шире. Словно нарочно подгадав к этому моменту, мне в глаза полыхнула очередная зеленая вспышка, сопровождаемая сильным толчком, и я тоже поспешил к гамакам.

Оказалось, что Амелия сидит на краю того гамака, где обычно ночевал я.

— Кажется, сегодня мне действительно будет спокойнее с вами, — произнесла она, не утаив от меня предательской дрожи в голосе.

Я тоже чувствовал себя оробевшим не на шутку: сила этих взрывов могла перепугать кого угодно, и, хотя до них было достаточно далеко, ничего подобного я не слышал во всей своей жизни.

В темноте я с трудом различал силуэт своей спутницы. Кое-как нащупал край гамака — и тут Амелия сама протянула мне руку. В этот миг опять полыхнула вспышка, еще более ослепительная, чем прежние. Взрывная волна, докатившись до нас, казалось, поколебала самый фундамент здания. И я, отбросив всякую сдержанность, залез в гамак и обнял Амелию. Она прильнула ко мне, и на время мы совершенно забыли про таинственные взрывы снаружи.

А взрывы продолжались, то реже, то чаще, без малого два часа кряду, и, будто подстегнутые ими, сире-

ны марсианских экипажей звучали с удвоенной и учетверенной силой — одна за другой машины с шумом пронеслись по улицам.

Так прошла ночь, и ни один из нас не сомкнул глаз. Мое внимание дробилось между недоступными взору событиями, которые разыгрывались за окнами, и моей дорогой Амелией, доверчиво прижавшейся ко мне. Я так любил ее, что даже эта временная близость была для меня бесценной.

Наконец, наступил рассвет, и перекличка сирен затихла. Правда, солнце взошло на час раньше, чем они взвыли в последний раз, но потом воцарилась полная тишина, и мы с Амелией решили выбраться из гамака и одеться.

Подойдя к окну, я посмотрел на восток... но ничто не напоминало о взрывах, если не считать бледного пятнышка дыма, плывущего по небу у самого горизонта. Я уже хотел отвернуться от окна и сообщить Амелии о том, что увидел, как вдруг обратил внимание, что наблюдательная башня, стоявшая у нашего дома, куда-то исчезла. Тогда я бросил взгляд вдоль улицы — и понял, что и остальные башни, давно ставшие для нас неотъемлемой частью городского пейзажа, все как одна скрылись из виду.

2

Город после ночного кошмара казался неестественно спокойным, и, когда мы вышли из дома-спальни на разведку, нами владели вполне обоснованные дурные предчувствия. Если раньше атмосфера города была словно преисполнена горьких ожиданий, то нынешняя тишина давила, как предвестие неизбежной гибели. Город Запустения не отличался особенным весельем, но теперь он просто вымер. Время от времени мы замечали следы ночных происшествий —

глубокие царапины на мостовой в тех местах, где экипажи поворачивали на слишком высокой скорости, а возле одной из спален на мостовой высилась гора брошенных возчиками вещей.

Обеспокоенный всем этим, я спросил Амелию:

— Как, по-вашему, мы не ошиблись, выйдя на улицу? Не безопаснее ли было оставаться дома?

— Должны же мы взять в толк, что случилось.

— Даже с риском для жизни?

— Дорогой мой, — сказала она, — спрятаться в этом мире нам негде.

В конце концов мы добрались до здания, на которое однажды поднимались с целью уяснить себе размеры города. И на этот раз мы тоже решили взобраться на крышу — оттуда положение, как мы надеялись, станет понятнее. Но вид с крыши рассказал нам не больше того, что мы уже знали: нигде никакого движения. Внезапно Амелия показала на восток и воскликнула:

— Так вот куда отправили все башни!

На границе видимости, далеко за кольцом защитного купола, просматривалась вереница каких-то высоких мачт. Если это действительно были наблюдательные башни, то их исчезновение из города сразу же объяснялось. Сколько их там было, подсчитать не представлялось возможным, но по осторожной оценке — не меньше ста. Они выстроились в линию, по видимому оборонительную, заслоняя собой город с той стороны, где ночью происходили взрывы.

— Эдуард, как, по-вашему, не началась ли здесь война?

— Вполне вероятно. Неспроста в городе создалась обстановка, которую никак не назовешь беззаботной.

— Но мы ни разу не встречали солдат!

— Ну что ж, быть может, встретим сегодня.

Я пребывал в самом мрачном состоянии духа, от-

давая себе отчет, что обстоятельства наконец-то вынуждают нас подчиниться неизбежности. Я не видел для нас иного выхода, кроме как навеки слиться с марсианской жизнью. Если этому городу суждено стать театром военных действий, то двух чужаков, таких, как мы с Амелией, несомненно, разоблачат, и притом в самом близком будущем. Сколько бы мы ни прятались, нас неминуемо обнаружат, а, обнаружив, примут за шпионов или лазутчиков. Остается одно: объявиться властям, и поскорее, и объединиться с местным населением в радости и в горе.

Поскольку лучшего наблюдательного пункта мы бы все равно не нашли, то решили не трогаться с места, пока обстановка хоть чуть-чуть не прояснится. Продолжать активную разведку никому из нас не хотелось; все вокруг было пропитано запахом разрушения и смерти.

Нам не пришлось долго ждать: еще когда мы только заметили на горизонте линию наблюдательных башен, обороняющих город, нашествие — неведомо для нас — уже началось. О том, что происходило вне городского купола, я могу лишь строить догадки, но, осмысливая ход событий, беру на себя смелость утверждать, что самую первую оборонительную линию составляли марсианские войска, располагающие только ручным оружием. Этим несчастных разбили в два счета, и немногие уцелевшие бросились обратно в город искать хотя бы временного убежища в его пределах. Происходило все это, еще пока мы брели по улицам к нашему нынешнему наблюдательному пункту.

Дальнейшие события приняли двойкий характер.

Во-первых, мы наконец уловили внизу какое-то движение: в город возвращались разбежавшиеся защитники. Во-вторых, башни подверглись нападению. Атака длилась считанные минуты. Противник был

вооружен каким-то генератором тепловых лучей; едва их направляли на башни, те почти мгновенно начинали плавиться. Мы наблюдали за гибелью башен в языках пламени: тепловой луч повергал их одну за другой, и они разваливались со взрывом.

Если я своим описанием внушил вам мысль, что башни были совершенно беспомощными, то спешу добавить: это не совсем так. Когда, значительно позже, я обозревал поле битвы, то отдал себе отчет, что они оборонялись, пусть безуспешно, но мужественно, и сумели разрушить несколько экипажей нападавших.

Рука Амелии скользнула в мою ладонь, и я ответил ободряющим пожатием. Я возлагал тайные надежды на купол, уповая на то, что агрессоры не сумеют преодолеть эту преграду.

Мы слышали смятенные крики. На улицах появлялось все больше народу, как горожан, так и рабов; они бежали затаенными, диковинными прыжками и отчаянно озирались вокруг, пытаясь найти спасение в лабиринте улиц.

Внезапно одно из зданий на окраине города вспыхнуло ярким факелом, и до нас долетела новая волна криков. Пламя охватило соседний дом, и еще один... И тут наших ушей коснулся новый звук — низкий вой, он то поднимался, то спадал и совершенно не походил ни на один из шумов, к которым мы успели привыкнуть. Я догадался:

— Они проникли под купол!

— Что же нам делать?

Голос Амелии казался спокойным, но я почувствовал, что она крепится из последних сил, чтобы не впасть в панику. Ее рука, стиснутая в моей, дрожала, ладонь взмокла от пота.

— Останемся на крыше, — решил я. — Здесь не более опасно, чем в любом другом месте.

Внизу на улицах марсиан стало еще больше, некоторые из них повывбегали из домов, где до того прятались. Я подметил, что среди спасающихся бегством есть раненые; один бессильно повис на руках товарищей, и ноги его волочились по мостовой.

Откуда ни возьмись появился патрульный экипаж и быстро помчался по улицам в сторону сражения. Проезжая мимо отступавших марсиан, он замедлил ход, и я услышал голос водителя, который, по-видимому, обратился к ним с призывом вернуться на поле брани. На этот призыв никто не обратил внимания: марсиане продолжали в беспорядке отступать, и экипаж убрался восвояси. Вновь раздался ужасный вой, а вскоре мимо нашего здания в том направлении, где шла схватка, пронеслись еще четыре-пять многоногих экипажей. Тем временем на окраине города огонь пожирал все новые дома.

К югу от нас пророкотал мощный взрыв. Обернувшись, я увидел, что и там теперь поднимается пламя и дым. Сомневаться не приходилось: захватчики прорвались в город уже и с той стороны!

Положение представлялось мне отчаянным — я нигде не видел даже подобия организованной обороны, и уж тем более не могло быть и речи о каком-либо сопротивлении новой угрозе.

С востока послышался раскатистый, скрежещущий гул, а следом снова вой, и ему немедля стал вторить такой же зов, неотличимый от первого. Марсиане, собравшиеся подле нашего здания, откликнулись на это воплями ужаса, и их голоса звучали еще пронзительнее, чем прежде.

И вот наконец мы увидели агрессора своими глазами.

Большой бронированный экипаж опирался на два ряда суставчатых ног, прикрытых с обеих сторон металлическими пластинами. Высоко над кормой гор-

чал серый стальной орудийный ствол шести, а то и восьми футов длиной; посредством осевого устройства, на котором он был установлен, ствол мог поворачиваться в любом направлении по усмотрению водителя. Едва мы успели рассмотреть врага, ствол развернулся, и строение на противоположной стороне улицы мгновенно скрылось в клубах пламени. Раздался ужасающий скрежет, словно рвали на части листы железа.

Агрессор подступил к нам уже совсем близко, до него оставалось не более двухсот ярдов открытого пространства. Даже не притормозив, он проскочил перекресток и изверг новый заряд адской энергии, и тотчас же пламя поглотило здание столовой, где мы нередко обедали.

— Эдуард! Смотрите!

Амелия показывала вниз: по поперечной улице к захватчику устремились пять городских патрульных экипажей. Мне сразу бросилось в глаза, что они вооружены такими же, как у противника, тепловыми орудиями, хотя и меньшего калибра; как только агрессор очутился на линии огня, два ведущих экипажа дали залп.

Эффект оказался молниеносным. С оглушительным грохотом вражеская машина разлетелась на куски, осколки засвистели во все стороны. Я еще успел заметить, что один из нападающих городских экипажей опрокинулся под действием отдачи,— и тут взрывная волна ударила по дому, на крыше которого находились мы с Амелией. К счастью, мы успели пригнуться, иначе нас неизбежно сбило бы с ног. Парапет обрушился внутрь, едва не раздавив меня, крыша за нами частично провалилась. В течение нескольких секунд только и слышно было, как град металлических обломков грохочет по окрестным стенам и мостовым.

Четверка неповрежденных патрульных экипажей без промедления понеслась дальше, огибая своего поверженного собрата и топчя останки врага. Пять-шесть секунд — и вот они уже скрылись из виду, спеша навстречу главным вражеским полчищам.

Выпавшая нам передышка длилась недолго.

Зловеще сочетая лязг металлических ног с душевраздирающим воем, в центр города со стороны южного прорыва вторглись четыре новых бронемашины захватчиков. Они двигались на огромной скорости, время от времени стреляя по еще уцелевшим домам. Дым, вырывавшийся из подожженных зданий, стлался теперь над самыми нашими головами; стало трудно не только что-нибудь видеть, но и дышать.

В отчаянии озирались мы по сторонам в надежде, что подоспеет кто-нибудь из защитников города, но они не показывались. Лишь толпы обезумевших марсиан носились по улицам.

Три агрессора с ревом промчались мимо нас и растворились в дыму улиц, ведущих на север. Последняя из машин, приблизившись к месту гибели своего сородича, притормозила и замерла у кучи оплавленного металла. Постояла минуту-другую, потом не торопясь зашагала прямо на нас. Спустя мгновение она вновь остановилась, на сей раз буквально под нашим наблюдательным пунктом. Мы с Амелией, затаив дыхание, глядели вниз. И вдруг у меня вырвалось:

— О боже, Амелия! Не смотрите туда!

Поздно. Она тоже успела увидеть невероятную картину, приковавшую мое внимание. И нам на какой-то миг почудилось, что все хаотические звуки нашего шествия разом смолкли: мы лишились слуха и речи, таращась на вражескую машину.

Вне всякого сомнения, ее проектировали и строили специально для подобных целей. Как я уже говорил, на корме у нее возвышался сеющий смерть гене-

ратор тепловых лучей, а перед генератором скрючился механический паук — увеличенная копия того, которого мы наблюдали за ремонтом башни. Сейчас он не шевелился, его жуткая механическая жизнь временно приостановилась.

А самую переднюю часть экипажа занимала кабина, где находился водитель; спереди, сзади и с боков ее защищала толстая броня. Но сверху кабина оставалась открытой, и именно сверху мы с Амелией по воле случая заглянули в нее.

То, что мы увидели, не было человеческим существом; впрочем, об этом можно бы, наверное, догадаться и раньше. Совершенно очевидным представлялось, что это органическое, а не механическое существо, поскольку кожа у него пульсировала и волновалась омерзительной рябью. Оно было тусклого серо-зеленого цвета; основная часть тела, округлая, слизистая и вздутая, достигала пяти футов в поперечнике. Мелких деталей нам разглядеть не удалось, если не считать более светлого пятна в нижней трети тела, отдаленно напоминающего дыхало у китов. Но мы отчетливо видели щупальца... Они лежали безобразной грудой впереди тела, извиваясь и перекатываясь на самый тошнотворный манер. Позже мне довелось узнать, что этих пагубных отростков насчитывается шестнадцать, но в первый момент нам в нашем гипнотическом оцепенении померещилось, будто вся кабина заполнена извивающимися, вселяющими ужас конечностями.

Оторвавшись от мерзостной картины, я перевел взгляд на Амелию.

Она смертельно побледнела и почти смежила веки. Когда я положил руку ей на плечо, она вздрогнула, словно к ней притронулся не я, а это отвратительное чудовище.

— Во имя всего святого, — прошептала она. — Что же с нами будет?..

Я ничего не ответил, глубочайшая тошнота лишила меня слов, спутала все мысли. Я лишь снова посмотрел вниз, на кошмарное создание, и отметил, что за истекшие секунды чудовище навело свой тепловой генератор прямо в середину дома, где мы укрывались.

Мгновением позже последовал громopodobный взрыв, и нас окутало дымное пламя.

3

В величайшем испуге, поскольку при взрыве за нашими спинами обрушилась еще бóльшая часть крыши, мы кое-как поднялись на ноги и на ощупь устремились к лестнице, по которой совсем недавно взбирались сюда. С нижних этажей валил густой дым, сопровождаемый невыносимым жаром.

Амелия судорожно вцепилась мне в руку — что-то провалилось под самыми нашими ногами, и фонтан пламени и искр взлетел футов на пятьдесят над головой. Однако лестница была сложена из того же камня, что и стены здания, и все еще держалась, хотя жар бил из лестничной клетки, как из пекла.

Прикрыв нос и рот рукой и сощутив глаза до предела, я ринулся вниз, буквально волоча Амелию за собой. С огромным трудом мы одолели две трети пути, но тут оказалось, что лестничный пролет разрушен, и пришлось не бежать, а неуверенно нащупывать опору среди иззубренных обломков ступеней. Здесь пожар наделал бед более всего: дышать было нечем, мы не видели ни зги и не ощущали ничего, кроме немилосердной жары разверзшейся вокруг нас огненной геены. Каким-то чудом нижние марши лестницы остались в целости, и мы вновь бросились во всю

прыть... и наконец выбрались на улицу, задыхаясь от слез и кашля.

Амелия обессиленно опустилась на мостовую; мимо промчались несколько марсиан, они давились криком, причитая на все лады тонкими, визгливыми голосами.

— Бежим, Амелия! — заорал я истошно, пытаюсь перекрыть окружающий гвалт и сумятицу.

Собрав все свое мужество, она попыталась встать. Держась за меня одной рукой, а другой прижимая к себе свой драгоценный ридикюль, она последовала за мной в том же направлении, куда устремились марсиане. Десяток шагов, мы добежали до угла пылающего здания, и...

Амелия сдавленно вскрикнула и вцепилась мне в руку: сзади на нас надвигался экипаж агрессора, до того скрытый дымовой завесой. Одной мысли об его отвратительном водителе было довольно, чтобы подстегнуть нас; мы не то свернули, не то свалились за угол — с тем лишь, чтобы обнаружить другую вражескую машину, загораживающую нам путь! Она нависла над нами громадой пятнадцати-, а может, и двадцатифутовой высоты.

Марсиане, обогнувшие угол до нас, тоже никуда не ушли: одни съезжились на мостовой, другие, совершенно потеряв голову, метались из стороны в сторону в поисках спасения.

В кузове исполинского экипажа ожил блестящий паукообразный механизм — он приподнялся на своих металлических ногах, и его длинные суставчатые руки уже тянулись к нам жуткими в своей неторопливости плетями.

— Бегите! — крикнул я Амелии. — Ради бога, спасайтесь!..

Она не отозвалась; ее рука, впившаяся мне в запястье, вдруг ослабла, ридикюль выскользнул из

пальцев, и не успел я сообразить, в чем дело, как она распростерлась на мостовой в глубоком обмороке. Склонившись над ней, я попытался привести ее в чувство — тщетно.

Потом я поднял на миг глаза и увидел, что ужасный паук прокладывает себе дорогу сквозь толпу марсиан, лязгая ногами и неистово размахивая металлическими щупальцами. Под их ударами многие неудачливые беглецы падали навзничь, корчась в агонии.

Я нагнулся к своей спутнице — в обмороке ее фигурка сразу сжалась и словно молила меня о защите. Затем Амелия перекатилась на спину и запрокинула незрячее лицо. Оставалось одно: опуститься с нею рядом и попытаться прикрыть ее своим телом.

И тут одно из металлических щупалец дотянулось до меня, хлестнуло, обвил шею, и меня пронзил электрический разряд несказанной силы. Все тело содрогнулось в конвульсиях, и меня отшвырнуло от Амелии прочь.

Падая на мостовую, я ощутил, как щупальце отдернулось, срывая с шеи полосу кожи.

Я лежал парализованный, безвольно откинув голову к плечу.

А машина шагнула дальше, оглушая и калеча всех подряд. Я увидел, как щупальце обхватило Амелию за талию, как заряд электричества вырвал ее из беспомощности и как исказилось болью ее лицо. Она вскрикнула, страшно и жалостно.

Я увидел, как адская машина сгребла ужаленных током и потащила в своих блестящих щупальцах всех разом — и тех, кто оставался в сознании и пытался бороться, и тех, кто был недвижим.

Машина возвращалась к породившему ее экипажу. С того места, где я лежал, мне была видна кабина управления, и, к вящему своему ужасу, я внезапно взглянул в глаза одному из омерзительных существ,

затеявших это нашествие. Сквозь прорезь в броне на меня уставилось широкое, свирепое лицо, лишенное всего человеческого. Большие бесцветные глаза равнодушно взирали на развернувшуюся бойню. Это были немигающие, безжалостные глаза.

Паукообразный механизм взгромоздился обратно на свое место в кузове, втащив за собой щупальца. Захваченные марсиане бились в оковах узловатого, трубчатого металла, не в силах вырваться из этой передвижной тюрьмы. Среди них была и Амелия, придавленная сразу тремя щупальцами с такой беспощадностью, что все ее тело мучительно изогнулось. Она пришла в сознание и смотрела прямо на меня.

Но я был не способен издать ни звука, просто следил, как открывается ее рот, и слышал, как ее голос прорезает разделяющее нас пространство шириной в несколько ярдов. Она звала меня по имени, снова, и снова, и снова.

Я лежал неподвижно, кровь хлестала из раны на шее; еще минута, и экипаж агрессора удалился своим неестественным шагом, прокладывая себе дорогу по битому кирпичу среди дымящихся развалин опустошенного города.

Глава XI

Полет в небесах

1

Не знаю, долго ли я лежал в параличе, но, наверное, не менее двух-трех часов. Толком не помню почти ничего: невыносимые физические страдания переплелись с муками полнейшей беспомощности. Довольно было представить себе хотя бы на минуту вероятную судьбу Амелии, чтобы ввергнуть мою душу в пучину бессильной ярости.

Лишь одно воспоминание остается ясным и незагуманенным: прямо у меня перед глазами оказался труп. Я сперва его не заметил, столь необузданными, всезаслоняющими были терзавшие меня мысли; однако позже он будто занял все мое поле зрения. В паутине исковерканного металла запуталось мертвое чудовище. Оно погибло при взрыве, сокрушившем экипаж, и та часть тела, какую я мог видеть, превратилась в безобразную кровавую массу. Мне удалось разглядеть также кончики двух-трех щупалец, сплетенных смертью.

Глухая ненависть и отвращение не помешали мне испытать удовлетворение при мысли, что существа, столь могущественные и жестокие, сами тоже смертны.

Наконец, я почувствовал, что в мое тело возвращается жизнь: стало покалывать пальцы рук, затем пальцы ног. Вскоре боль охватила руки и ноги целиком, и я обнаружил, что опять способен контролиро-

вать свои мышцы. Попытался пошевелить головой и, хотя она тут же пошла кругом, понял, что могу слегка приподнять ее.

Как только стало возможно двинуть рукой, я дотронулся до шеи и ощупал рану. Она была длинной и рваной, но кровь уже свернулась. По всей вероятности, дело обошлось поверхностным повреждением, иначе я умер бы за считанные секунды.

После нескольких безуспешных попыток я ухитрился сесть, потом с грехом пополам поднялся на ноги и, преодолевая головокружение, огляделся.

На всей улице я был единственным живым существом. На мостовой вокруг меня лежало до десятка марсиан; я не осматривал их всех, но те, кого я осмотрел, вне всякого сомнения, были мертвы. Через улицу, на другой ее стороне, стоял разбитый экипаж со своим бездыханным хозяином. А в трех-четырех ярдах от меня валялось то, что отозвалось в душе острой болью, — ридикюль Амелии.

С тяжелым сердцем я подошел поближе, поднял его и заглянул внутрь. Я ощутил укол совести, словно исподтишка выведывал у Амелии ее секреты, но в ридикюле было сложено все имущество, каким мы располагали, и мне было вовсе не безразлично, сохранилось ли оно в целости. Видимо, в ридикюле никто ничего не трогал, и я быстро закрыл его — слишком многое там напоминало мне об утраченной любви.

Гибель чудовища все еще занимала меня, невзирая на страх и ненависть к нему. Почти помимо воли я приблизился к исковерканному экипажу, держа ридикюль в руке, и остановился в каких-нибудь пяти-шести футах от ужасных остатков, помимо своей воли зачарованный отвратительным зрелищем.

Потом я отступил на шаг-другой, не узнав, в сущности, ничего нового; но что-то удерживало меня здесь, какое-то смутное чувство, что я проглядел не-

что важное. Я перевел взгляд с погибшего чудовища на искалеченный экипаж, в котором оно сидело. До сих пор я полагал само собой разумеющимся, что это один из экипажей, вторгшихся в город. Но теперь, присмотревшись, вспомнил о патрульном экипаже, перевернувшемся при взрыве, и вдруг понял, что это он и есть!

В то же мгновение, словно по наитию, я в полной мере уяснил себе смысл того, что водители всех городских экипажей всегда оставались безвестными невидимками... и отшатнулся от обломков, полный изумления и ужаса, испуганный, пожалуй, как никогда в жизни.

2

Через несколько минут, когда я, еще не придя в себя, брел по улицам, впереди неожиданно появился новый экипаж. Водитель, вероятно, заметил меня, потому что сразу затормозил. Я увидел, что это городской экипаж грузового типа и что в кузов набилось не меньше двух, а то и трех десятков марсиан.

Я уставился на кабину управления, стараясь не думать о существе, укрывшемся за темным овальным стеклом. Из металлической решетки прозвучал резкий, дребезжащий голос. Я не шелохнулся, хотя в душе был недалеко от паники: я и представления не имел, как поступить, что меня ожидает. Голос прозвучал снова, как мне показалось, сердито и повелительно.

Тут только я сообразил, что кое-кто из сидящих в кузове, свесившись через борт, тянет ко мне руки. Значит, от меня ждут, что я присоединюсь ко всей группе; я подошел к грузовику и был без промедления взят на борт.

Как только я, по-прежнему сжимая в руке риди-

кюль, очутился в открытом кузове, экипаж тронулся дальше.

Мое окровавленное лицо сразу же привлекло к себе общее внимание. Несколько марсиан поспешили обратиться ко мне с вопросами и, несомненно, ждали от меня какого-либо ответа. На мгновение я снова впал в панику, опасаясь, что мне наконец придется сознаться в инопланетном происхождении...

Но в ту же секунду меня посетило счастливое озарение. Я приоткрыл рот, издал сдавленный хрип и показал на свою раненую шею. Марсиане заговорили опять, но я лишь смотрел на них без всякого выражения и знай себе хрипел в надежде внушить, что полностью лишился дара речи.

Нежелательного внимания хватило еще на десять-пятнадцать секунд, а затем соседи утратили ко мне интерес. Вскоре водитель заметил целую группу уцелевших и вновь остановил экипаж. К нам на борт поднялось еще трое мужчин и одна женщина. Очевидно, им посчастливилось избежать лап захватчиков, поскольку раненых среди них не оказалось.

Экипаж продолжал рыскать по улицам; время от времени водитель выпускал сквозь решетку неприятный протяжный клич. Я находил утешение в том, что попал в компанию пусть марсианских, но все-таки человекообразных существ, хотя мне так и не удалось выкинуть из головы страшную мысль, что у рычагов управления экипажем притаилось чудовище.

Неспешная поездка по городу затянулась еще часа на два, и народу в кузове постепенно все прибавлялось. Время от времени мы встречали и другие экипажи, выполняющие аналогичную миссию, и на этом основании я сделал вывод, что нашествие позади. Отыскав в задней части кузова свободный уголок, я опустился на пол, держа на руках ридикюль Амелии, будто ребенка.

Меня мучили сомнения: было ли то, чему мы стали свидетелями, нашествием в полном смысле слова? Агрессор немедля убрался, оставив город в дыму и развалинах, и все происшедшее скорее напоминало какую-то стычку местного значения или карательную экспедицию. Мне вспомнились выстрелы снежной пушки; а что, если снаряды были выпущены по городам врага? В таком случае мы с Амелией ввалились на сцену в пьесе, где для нас не было ролей, и если не мы оба, то по крайней мере она пала невинной жертвой чужих страстей...

Я тут же отогнал от себя эти думы: невыносимо было и представить себе Амелию во власти чудовищ.

Однако чуть позже меня осенила другая догадка, доставившая мне, признаться, несколько неприятных минут. Не ошибся ли я, предполагая, что враг убрался восвояси? А что, если наш экипаж ведет один из победителей?

Какое-то время я взвешивал в уме такую возможность, потом вспомнил, как разглядывал мертвое чудовище. Уж оно-то бесспорно выступало на стороне защитников города, да и те марсиане, среди которых я находился сейчас, отнюдь не выказывали такого же страха, как их товарищи в минуты боя. Возможно ли, чтобы отвратительные чудовища захватили власть повсюду, в каждом городе Марса?

Впрочем, размышлять об этом мне было уже недосуг: кузов наполнился, и грузовик двинулся размеренным ходом на окраину города. Нас высадили возле большого здания и ввели внутрь. Рабы приготовили пищу, и я вместе с другими подкрепился тем, что поставили передо мной. Позже нас перегнали в один из немногих сохранившихся домов-спален и распределили по гамакам. Я провел ночь, стиснутый со всех сторон: меня поместили в один гамак с четырьмя марсианами мужского пола.

Последовал долгий промежуток времени (настолько тягостный, что я насилу заставляю себя писать о нем), когда меня причислили к одной из рабочих команд, призванных восстанавливать поврежденные улицы и дома. Дела было невпроворот, а население еще поредело, и конца дням, которые я вынужденно проводил подобным образом, в обозримом будущем не предвиделось.

О побеге нечего было и думать. Чудовища стерегли нас денно и нощно; мнимые городские свободы, которые позволили нам с Амелией безмятежно наблюдать за местной жизнью, отошли в область предания. Населенной оставалась теперь лишь крошечная часть территории города, и эту часть не только патрулировали экипажи, но и охраняли наблюдательные башни — все, что не погибли в схватке. Наверху башен также засели чудовища, по-видимому, способные часами торчать в задранных к небу кабинах, сохраняя полную неподвижность.

В город пригнали большое число рабов, которым, естественно, поручали самые обременительные и удручающие задания. Но и на мою долю выпало немало тяжелой работы.

В определенном смысле я даже радовался тому, что труд поглощает все мои силы: это помогало мне не думать слишком уж неотступно об участи Амелии. Я поневоле желал ей смерти — настолько невыносимо было думать об опасностях, которым она подвергалась, если оставалась живой во власти этих кошмарных существ. Вместе с тем я не разрешал себе ни на минуту поверить в то, что она умерла. Она должна была выжить, — ведь она была опорой и оправданием моего собственного существования. Амелия занимала мои думы, какне бы события ни разворачивались во-

круг, а по ночам я лежал без сна, осыпая себя упреками и отыскивая за собой неисчислимые вины. Я так любил ее, так страдал, что буквально не проходило ночи, когда бы я не рыдал в своем гамаке.

Слабым утешением было сознавать, что марсиане терпят равные со мной лишения; не утешало меня и то, что я наконец понял причину их вечной скорби.

4

Вскоре я потерял счет дням, и все-таки ручаюсь: минуло не менее шести земных месяцев, прежде чем в моих обстоятельствах произошла драматическая перемена. Но однажды без всякого предупреждения меня и еще десяток мужчин и женщин вдруг отделили от остальных и погнали из города. Нас по обыкновению сопровождал управляемый чудовищем экипаж.

Поначалу я думал, что нас гонят в одну из промышленных зон, однако, покинув защитный купол, мы вскоре направились на юг и перешли по мосту через канал. Спустя некоторое время впереди замаячило задранное вверх дуло снежной пушки.

Очевидно, она избежала повреждений в день вооруженного столкновения — или ее успели основательно починить, — только вокруг пушки кипела такая же напряженная работа, как и тогда, когда мы с Амелией разглядывали ее в первый раз. Сердце у меня оборвалось: мне отнюдь не улыбалась перспектива гнуть спину в разреженной атмосфере вне города. И хотя я не был единственным, кто тяжело дышал на марше, однако урожденные марсиане могли все же, по-видимому, приноровиться к труду на вольном воздухе лучше меня. Даже ридикюль Амелии, который я таскал за собой повсюду, здесь стал для меня тяжелой обузой.

Нас подогнали вплотную к другим работающим,

то есть к самому пушечному жерлу. К этой минуте я оказался на грани обморока — так трудно было дышать. Когда мы наконец остановились, я убедился, что не одинок в своих муках: все, не сговариваясь, бессильно опустили на грунт. Я поступил так же, пытаюсь унять бешеные удары сердца.

Я до такой степени был поглощен своими невзгодами, что совершенно не приглядывался к окружающему. В сознании запечатлелось лишь огромное черное жерло, зияющее в каких-нибудь двадцати ярдах, да обступившая нас толпа рабов. Больше я ничего не видел и не слышал.

А между тем неподалеку остановились два горожанина и принялись рассматривать нас с известным любопытством. Осознав это, я в свою очередь ответил им пристальным взглядом и понял, что они во многих отношениях отличаются от всех, кого мне довелось встречать на этой планете. Во-первых, они держались на редкость авторитетно, а во-вторых, резко выделялись среди остальных необычной одеждой — черными туниками, скроенными почти на военный манер.

Вероятно, мой испытующий взгляд привлек ко мне излишнее внимание — оба марсианина без промедления приблизились ко мне и что-то сказали. Продолжая разыгрывать роль немого, я в ответ тупо вытаращил глаза. Большим терпением они не отличались: один тут же протянул руку и рывком поднял меня на ноги. Затем меня оттолкнули в сторону, где особняком стояли трое рабов. Подойдя к основной массе рабочих, обладатели черных туник вытащили из толпы молодую рабыню и заставили ее присоединиться к нашей группе.

С нарастающим беспокойством я отметил, что наша пятерка стала центром всеобщего внимания. Многие марсиане так и сверлили нас глазами, но едва двое

в черпом вновь приблизились к нам, остальные мигом отвернулись, предоставив нас нашей собственной судьбе, какова бы она ни была.

Прозвучал приказ, и рабы покорно побрели прочь от своих товарищей. Я последовал за ними, все еще сисясь ничем не проявить своего отличия от марсиан. Нас подвели к машине, которая сперва показалась мне экипажем исполинских размеров. Впрочем, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что это не одна, а две машины, соединенные воедино.

Обе машины имели цилиндрическую форму. Бóльшая из них представляла собой самое причудливое устройство из всех, какие мне только довелось видеть на Марсе. Длина ее достигала, пожалуй, футов шестидесяти, диаметр — примерно двадцати футов, вернее, он нигде не превышал двадцати футов, вписываясь в цилиндр такого диаметра. У основания машины во множестве располагались пучки механических ног, но в целом ее поверхность была гладкой, если не считать нескольких пробитых в корпусе отверстий, из которых временами сочилась вода. От дальнего конца машины отходила гибкая труба, которая бежала по пустыне вплоть до берега канала, кое-где образуя кольца и петли.

Меньшую из двух машин описать гораздо легче: любой землянин опознал бы ее без труда. Мне она показалась такой знакомой, что сердце вновь неистово запрыгало в груди: это был снаряд, предназначенный для стрельбы! Гладкий цилиндр с одной стороны заканчивался коническим, заостренным носом. Сходство с артиллерийским снарядом было поразительным — с той только разницей, что на Земле никогда не изготавливали снарядов такого калибра. Из конца в конец марсианский снаряд тянулся не менее чем на пятьдесят футов при неизменном диаметре порядка двадцати футов.

Внешнюю поверхность снаряда отполировали с такой тщательностью, что ее блеск в ярком солнечном свете резал глаза. Ровность поверхности нарушалась лишь в одном месте — на тупом заднем конце снаряда. Здесь располагались четыре выступа; когда мы подошли поближе, я понял, что это четыре тепловых генератора, таких же, какие чудовища применяли в бою. Генераторы были размещены симметрично: один в центре, три других — равносторонним треугольником вокруг центрального.

Двое в черных туниках подогнали нас к люку, прорезанному в носовой части корпуса снаряда. Тут я замер в нерешительности: до меня наконец дошло, что нас заставляют забраться внутрь. Рабы тоже замаялись, и марсиане угрожающе подняли электрические бичи. Не успели мы и глазом моргнуть, как ток поразил одного из рабов в плечо и тот, взыв от боли, повалился навзничь.

Два его товарища тотчас склонились над пострадавшим, кое-как поставили его на ноги, и мы, не теряя более ни секунды, поспешили по наклонному металлическому трапу в чрево снаряда.

5

Так начался мой полет в небесах Марса.

На борту снаряда собралось семь человеческих существ: я, четверо рабов и двое марсиан в черной форме, руководившие полетом.

Внутри снаряд был разделен на три отсека. В носовой части располагалась небольшая кабина, где в течение рейса находились два пилота. Сразу за ней, отделенный от пилотов металлической переборкой, помещался второй отсек — именно сюда препроводили рабов и меня. Сзади отсек перегораживала толстая стальная стена, полностью отделяющая главную,

кормовую часть снаряда от остальных помещений. Именно там, на корме, скрывались ненавистные чудовища и их смертоубийственные машины. Но это я обнаружил позже — в свой черед объясню, каким образом, — а пока попытаюсь описать тот отсек, где очутился я сам.

По чистой случайности я оказался последним среди тех, кого загнали на борт, и потому мне пришлось встать вплотную к переборке. Два пилота выкрикивали какие-то инструкции тем, кто остался снаружи, это продолжалось добрых пять минут, и у меня хватило времени на то, чтобы осмотреться как следует.

Наш отсек был, в сущности, почти голым. Некрашенные металлические стены в соответствии с формой снаряда изгибались по кругу, так что пол, на котором мы стояли, постепенно сливался с потолком. Сверху вниз — надеюсь, я объясняю понятно — свешивались пять трубчатых камер, на вид сделанных из какой-то прозрачной ткани. А у стены, отделяющей наш отсек от кормового, высилось нечто, поначалу принятое мною не то за большой шкаф, не то за изолированную каютку с плотно прикрытой двустворчатой дверью. Мне бросилось в глаза, что рабы норовят держаться от нее подальше, и я, хоть и не имел понятия, что там за дверью, последовал их примеру.

Носовая кабина была совсем небольшой, даже просто тесной, но меня поразила не теснота, а количество размещенного здесь научного оборудования. Разобраться во всем этом арсенале мне было, естественно, не по силам, но нашелся там и инструмент, назначение которого не требовало разъяснений.

Упомянутый инструмент представлял собой обширную стеклянную панель, установленную прямо перед местами пилотов. Каким-то образом панель освещалась изнутри, и на ней появлялись изображения, как если бы несколько волшебных фонарей ввели в

действие одновременно. Не удивительно, что картины, запечатленные на панели, сразу же приковали к себе мое внимание.

Самая большая из них показывала панораму впереди; точнее, в тот момент, когда я впервые увидел панель, большой экран целиком занимала машина, присоединенная к носу снаряда. Рядом располагались картины, показывающие, что происходит по сторонам снаряда и позади него. Был экран, изображающий тот самый отсек, где находились мы, и я различил свою собственную фигурку, притулившуюся к переборке. Секунду-другую я махал себе рукой, наслаждаясь новизной ощущения. Последний из экранов показывал, по моему предположению, внутренний вид главного отсека, но здесь изображение оставалось затемненным, и я не разобрал никаких деталей.

Другие инструменты не вызвали у меня такого глубокого интереса; самые крупные были сосредоточены перед двумя гибкими, прозрачными трубчатыми камерами, свешивающимися с потолка кабины точно так же, как в нашем отсеке.

Наконец пилоты у люка отдали все инструкции и отступили на шаг. Один из них принялся вращать колесо с рукоятью, и дверца люка медленно поползла вверх, пока не сомкнулась с корпусом снаряда. Когда это произошло, мы оказались отрезаны от единственного источника дневного света, и включилось искусственное освещение. Двое в черном более не удостаивали нас вниманием, занявшись своими приборами.

Я посмотрел на своих товарищей по несчастью. Девушка и один из мужчин сидели на корточках на полу; второй говорил о чем-то тихо и увещающе с тем, кого хлестнули бичом. Бедняга был в самом плачевном состоянии: его неудержимо трясло, и он совершенно не владел своим лицом — глаза заволокло, из уголка рта капала слюна.

Обратив снова свой взгляд к экранам, я заметил, что теперь, с включением искусственных огней, стал виден и главный отсек. Здесь, по первому впечатлению в немыслимой тесноте, лежали чудовища. Я насчитал их по крайней мере пять, и каждое уже заползло в кокон из прозрачной ткани — такой же, как у пилотов и у нас, только больше размером. В подвешенном состоянии эти кошмарные создания представляли собой зрелище слегка комичное, но от того не менее гадкое.

На других экранах я наблюдал за тем, что творится вокруг снаряда; с закрытием люка работа огнюдь не прекратилась. Сотни две, если не три марсиан, по большей части рабы, оттаскивали прочь тяжелое снаряжение, которое ранее располагалось вблизи пушечного жерла.

Минуты тянулись нескончаемой чередой — внутри снаряда не происходило ничего нового. Пилоты в кабине управления увлеченно проверяли приборы. И вдруг, неожиданно для меня, пол под ногами покачулся, и, глядя на экраны, я понял, что мы медленно движемся назад. Экран, который воссоздавал вид позади снаряда, подсказал мне, что нас медленно толкают по наклонной плоскости вверх, все ближе и ближе к дулу снежной пушки.

6

Этой операцией управлял, по-видимому, тот многогогий экипаж, который был присоединен к носу снаряда. Как только корпус снаряда вошел в пушечное жерло, я обратил внимание одновременно на два обстоятельства. Во-первых, температура в отсеке сразу же снизилась, словно металл, из которого отлили пушку, был искусственно охлажден, а теперь высасывал тепло из снаряда; во-вторых, направленный

вперед экран показал, что экипаж, контролирующий наше движение, извергает мощные фонтаны воды. Приспособление, разбрызгивающее воду, вращалось вокруг оси экипажа, а следом за ним крутились и водяные струи. Это я разглядел, пока снаряд входил в жерло, однако спустя считанные секунды мы продвинулись так глубоко, что контролирующий экипаж и сам достиг края ствола и окончательно заслонил от нас дневной свет.

Теперь, хотя внутри ствола там и сям горели электрические светильники, экраны почти погасли. За металлическими стенками снаряда чуть слышно шипела бьющая струями вода.

Температура в отсеке продолжала падать. Вскоре меня охватил такой же холод, как в ту ночь, которую мы с Амелией провели в пустыне, и, не притерпись я к этому мерзлomu, чуждому миру, я подумал бы, что неминуемо окоченею. У меня даже начали стучать зубы, когда из решетки в кабине управления послышался звук, которого я инстинктивно научился бояться, — резкий, лающий голос чудовищ. И тут же один из пилотов потянул на себя какую-то ручку, и в отсеке моментально пахнуло теплом.

Нашему спуску по стволу снежной пушки, казалось, не будет конца. Если в первые минуты двое в кабине были заняты напряженной работой, то теперь и у них не осталось никакого занятия, кроме как ждать завершения операции. Я коротал время, разглядывая на экране чудовищ в главном отсеке; то из них, что, если верить экрану, разместилось ближе других ко мне, казалось, смотрит прямо на меня своими безжизненными, лишенными всякого выражения глазами.

Когда спуск наконец завершился, это произошло самым обыденным образом. Мы попросту достигли дна ствола — там уже была наморожена толстая ле-

дяная подушка, преградившая нам дальнейший путь,— и остановились, выжидая, чтобы контролирующий экипаж покончил со своей задачей и перестал набрызгивать воду. Судя по экрану заднего вида, снаряд повис всего в нескольких дюймах под толщей льда.

Остальная часть операции прошла гладко и, считая с этого момента, очень быстро. Контролирующий экипаж отделился от снаряда и пошел обратно вверх по стволу. Избавившись от своей многотонной ноши, хитроумный механизм развил гораздо более высокую скорость и спустя две-три минуты выбрался из жерла наружу.

На переднем экране теперь виднелся ствол во всю его длину, вплоть до крошечного светлого пятнышка в самом конце. Изнутри весь ствол был покрыт равномерным толстым слоем льда.

7

Из решетки вновь раздался хриплый лай чудовищ, и четверка рабов — моих товарищей по несчастью — встрепелась, готовая к повиновению. Они поспешили к гибким камерам, подхватив раненого под руки. В кабине двое пилотов также забрались в камеры, подвешенные перед пультом управления, и мне стало ясно, чего от меня ждут.

Окинув отсек беглым взглядом, я облюбовал прозрачную камеру, расположенную удобнее других,— из нее можно было продолжать наблюдение за кабиной,— только этой камерой, как на грех, уже завладел один из рабов. Не желая терять выгодный наблюдательный пункт, я дернул его за плечо и сердито замахал руками. Раб привычно съежился от страха и без задержки отодвинулся к другой камере.

Подхватив ридикюль Амелии, я залез внутрь

сквозь разрез в ткани, невольно задавая себе вопрос: что-то еще уготовила мне судьба? Ткань камеры свисала вокруг меня свободными складками, как занавесь. Откуда-то сверху поступал свежий воздух, и, хотя движения были очень стеснены, вытерпеть эту стесненность оказалось вполне возможным.

Камера ограничивала мое поле зрения, и все же три экрана оставались по-прежнему на виду: те, что смотрели вперед и назад по оси снаряда, и один из боковых. Этот последний сейчас, разумеется, был затемнен — он и не мог показать ничего, кроме стенок ствола.

Внезапно снаряд начал сильно вибрировать, и в тот же миг я почувствовал, что меня запрокидывает назад. Естественно, я сделал попытку отступить на шаг, чтобы сохранить равновесие, однако прозрачная ткань спеленала меня, как младенца. Только теперь я отчасти постиг назначение прозрачных камер: по мере того как дуло задиралось вверх, ткань обволакивала меня и служила мне опорой. И чем круче поднимался ствол, тем плотнее становился окруживший меня кокон, а когда наклон достиг максимума, я вообще потерял способность шевелиться. Я почти лежал, большую часть моего веса приняла на себя камера: мои ноги все еще касались пола носками, однако пушка отклонилась от горизонтали на добрых сорок пять градусов.

Едва снаряд перестал накреняться, как экран заднего вида озарился ослепительной вспышкой и я ощутил мощный толчок. Огромная, неотвратимая тяжесть навалилась мне на плечи, и обволакивающая меня ткань натянулась еще более. Но, несмотря на это, ускорение мяло и давило меня своей исполинской рукой.

После первого толчка давление оставалось единственным ощутимым свидетельством нашего движе-

ния, поскольку лед в стволе был уложен с величайшей тщательностью и отполирован как зеркало. На экране заднего вида крошечную тьму прорезали четыре ослепительно-белых луча; впереди пятнышко дневного света, обозначающее жерло пушки, приближалось с каждым мгновением. Поначалу его приближение было почти незаметным, но уже через несколько секунд оно рванулось нам навстречу со все возрастающей скоростью.

И вдруг мы вылетели из дула, и давление ускорения вмиг пропало, а по трем экранам, за которыми я мог наблюдать, побежали яркие картины. На заднем экране я какое-то время еще различал снежную пушку, стремительно уменьшающуюся в размерах; из ее дула извергалось огромное облако пара. На боковом экране бешено мелькали в непрерывном кружении суша и небо, а передний не показывал ничего, кроме густой синевы.

Вообразив, что теперь можно без риска для жизни покинуть защитный кокон, я попытался выбраться из него, но обнаружил, что по-прежнему связан по рукам и ногам. Перед глазами у меня все завертелось, я испытал жестокое головокружение, словно падал с большой высоты, и, наконец, испытал полной мерой ужас полнейшей беспомощности; я воистину был заперт в этом снаряде, как в тюрьме, и обречен кувыркаться в небесах, не способный даже пошевелиться.

Я смежил веки и сделал глубокий вдох. Воздух, поступающий в камеру, был прохладен и свеж, и это укрепляло меня в мысли, что смерть мне еще не грозит.

Потом я вдохнул второй раз, и третий, принуждая себя успокоиться.

В конце концов я набрался мужества и вновь открыл глаза. Насколько мне удалось заметить, внутри

снаряда ничто не изменилось. Только изображения на всех трех экранах стали одинаковыми — все три воспроизводили лишь синеву неба; правда, на заднем экране виднелись еще и какие-то предметы, летящие вслед за снарядом. Сперва я не понимал, что бы это могло быть, но затем, присмотревшись, узнал в них генераторы тепла, которые плавили и испаряли лед в пушечном стволе. Теперь их без сожаления отправили за борт; значит, решил я, они нам больше не понадобятся.

Еще через десять-пятнадцать секунд стало очевидно, что снаряд медленно вращается вокруг своей оси: на боковом экране вдруг показался горизонт, повернулся и уплыл в сторону. Вскоре весь экран заполнили виды планеты, снятые сверху, однако мы шли на такой высоте, что разобрать подробности было почти невозможно. У меня создалось впечатление, что мы летим над безводным горным районом, где не так давно разразилась война: ландшафт уродовали огромные кратеры. А чуть позже, как только снаряд сделал еще четверть оборота, на экран вернулось синее небо.

Затем горизонт появился на переднем экране, и я сделал вывод, что снаряд набрал предельную высоту. Видимо, мы перешли в горизонтальный полет, хотя вращение вокруг оси продолжалось, о чем свидетельствовал тот факт, что изображение на экране утомительно кружилось. Но, должно быть, пилоты, управляющие снарядом, знали способ остановить эту карусель: до моего слуха донеслось резкое, многократно повторенное шипение, и мало-помалу горизонт выровнялся.

Признаться, я уже пришел к заключению, что раз мы в небесах, толчков больше не предвидится; поэтому, когда минут пять спустя раздался громкий взрыв и по всем экранам пробежала яркая зеленая вспыш-

ка, я встревожился не на шутку. Вспышка была мгновенной, но за ней немного погодя последовала вторая. Наглядевшись на похожие вспышки в те часы, что предшествовали нашествию, я было испугался, что мы попали под обстрел врага, но внутри снаряда от взрыва к взрыву сохранялось полное спокойствие.

Частота взрывов нарастала, пока они не загремели буквально ежесекундно, совершенно оглушив меня. Затем на время все смолкло, и я не мог не заметить, что траектория полета круто пошла вниз. На мгновение передо мной на переднем экране мелькнул силуэт огромного города, потом сполохи зеленого огня снова заплясали вокруг снаряда, теперь уже без перерывов, и все померкло в их ореоле. В разгар слепящего сияния, шума и рева я вдруг почувствовал, как меня все туже обхватывает прозрачная ткань... Последним моим ощущением было невыносимо резкое торможение, за которым последовал страшный удар.

Глава XII

Что я увидел после посадки

1

Экраны померкли, ткань защитных камер опала, и воцарилась тишина. Пол под нами был сильно наклонен в сторону носа, и, выбравшись из складок камеры, я упал и больно стукнулся о переборку, едва смея верить, что снаряд опять находится на поверхности планеты. Четверо рабов так же выпали из своих камер, и все мы сгрудились у переборки, еще не в силах унять дрожь потрясения, вызванного полетом.

В одиночестве мы оставались, увы, недолго. За переборкой раздались голоса, и в следующее мгновение вошел один из пилотов; он также двигался не очень уверенно, но держался на ногах, а в руке сжимал электрический бич.

К моему удивлению и гневу, он сразу же поднял свое дьявольское оружие и визгливым голоском выкрикнул какое-то распоряжение. Разумеется, я ничего не понял, но на рабов это возымело поразительное действие. Один из них даже ухитрился подняться на ноги и прокричал что-то в ответ, но тут же получил удар бичом и опять свалился.

А пилот-распорядитель продолжал орать. Он указал сперва на раба, которого хлестнули перед посадкой в снаряд, затем на того, кто был ужален только что, затем на третьего из мужчин, на девушку и в завершение на меня. Выкрикнув еще что-то, он вновь ткнул в каждого из нас пальцем в том же порядке и

наконец умолк. И словно в подкрепление его полномочий, из решетки донесся отвратительный лай чудовищ, эхом отозвавшийся в тесном стальном отсеке.

Раб, на которого указали первым, лежал ни жив ни мертв на полу, там, куда выпал из защитной камеры, и теперь девушка и тот раб, что единственный остался невредим, наклонились над ним, силясь поднять его на ноги. Несчастный был в сознании, но, как и другой пострадавший, по-видимому, совершенно не владел своим телом. Я тоже подошел поближе, желая помочь, но моей помощью пренебрегли.

Теперь общее внимание обратилось в сторону отдельной каюты, о которой я уже упоминал ранее. В течение всего полета ее дверь оставалась плотно закрытой, и я полагал, что там какая-нибудь безобидная аппаратура. Но едва девушка рывком потянула дверь на себя, выяснилось, что я, мягко говоря, заблуждался.

Вследствие наклонного положения снаряда дверь мгновенно распахнулась настежь, и мне стало видно, что находится внутри. Внутреннее пространство каютки по размеру не превышало шкаф, еле-еле на одного человека. И там, прикрепленные к стальному остову, торчали пять захватов наподобие наручников, выполненных с такой жестокой точностью, которая сразу же наводила на мысль о хирургической операции.

Поднятого на ноги раба неуклюже подталкивали ко входу в каютку; голова у него болталась как тряпичная, колени подгибались. Тем не менее какие-то проблески сознания, видимо, брезжили в его замутненном мозгу: едва до него дошло, куда его собираются впихнуть, он принялся сопротивляться как мог. Конечно, силы оказались неравными, и после минутной борьбы раба кое-как впихнули в каютку, заставив при этом выпрямиться в полный рост.

Как только большую часть тела втиснули в пределы шкафа, захваты сомкнулись сами собой. Сначала были скованы руки, потом ноги и шея. С губ раба слетел низкий стон, и он отчаянно заворочал головой, пытаясь вырваться из плена. Тогда девушка быстрым движением замкнула дверь у бедняги за спиной, и его слабые стоны стали едва слышны.

Потом наступила жуткая тишина, и я взглянул на остальных. Они устали в пол, избегая смотреть друг другу в глаза. Пилот-распорядитель по-прежнему стоял у переборки с бичом наизготовку.

Миновали мучительные пять минут, и тут, неожиданно до ужаса, дверь каютки распахнулась, и раб вывалился оттуда на пол, прямо нам под ноги.

Я наклонился и взгляделся в его черты — ведь он рухнул совсем рядом со мной. Он был несомненно без сознания, а возможно, и мертв. Там, где захваты сжимали тело, виднелись ряды круглых ранок, каждая диаметром примерно в восьмую долю дюйма. Из ранок — как на запястьях и щиколотках, так и на шее — сочилась кровь. Именно сочилась, а не текла; тело казалось белым как снег, словно кровь высосали из него до капли.

Я все еще смотрел на несчастную жертву, а к каютке уже поволокли второго пораженного электрическим бичом. Этот сопротивлялся еще слабее — удар током был нанесен совсем недавно; не прошло и десяти секунд, как его тело обхватили неумолимые захваты. Дверь закрылась.

Пожалуй, более всего меня поражала безропотность, с какой рабы принимали уготованную им участь. Двое оставшихся, мужчина и девушка, молча ждали, пока у их товарища полностью выкачают кровь. Я просто диву давался, как можно сносить подобную жестокость, но, видно, власть чудовищ была

настолько сильна, что марсианские горожане вынужденно содействовали этому изуверству.

Я даже не смотрел на пилота с бичом, надеясь в душе, что он потеряет ко мне интерес. Когда, минутой позже, раба выпустили из каютки и он безжизненно упал на пол, я последовал примеру других и хладнокровно убрал тело в сторону, чтобы ничто не загромождало дорогу к роковому шкафу.

Раб, который еще оставался в живых, вошел в каютку добровольно, захваты сомкнулись, и я поспешил затворить дверь. Марсианин с бичом окинул нас с девушкой внимательным взглядом и, по-видимому решив, что мы способны покончить с собой без его надзора, неожиданно вернулся к себе в кабину.

Сообразив, что обстоятельства дают мне пусть крохотную, но все же надежду на спасение, я взглянул на девушку: безучастная ко всему, она опустилась на пол, прислонившись спиной к переборке. Наконец-то мне предоставилась возможность думать и действовать самостоятельно, и я лихорадочно обвел отсек глазами. Насколько удавалось судить, выйти отсюда можно было только одним способом — через люк возле самой пилотской кабины. Изогнутый потолок и пол были абсолютно гладкими, если не считать замков, к которым крепились прозрачные камеры.

Подойдя на цыпочках к переборке, я полюбопытствовал, что делают марсиане в черном. Они повернулись ко мне спиной, занятые каким-то прибором на пульте управления. В двух шагах от себя я видел колесо с рукоятью — это устройство открывало и закрывало люк, — но отомкнуть его, не привлекая внимания пилотов, нечего было и думать.

Дверь смертоносного шкафа вновь распахнулась настежь, выбросив очередную жертву; бескровная рука мертвого раба задела девушку и упала ей на колени. Заслышав шум, марсиане отвернулись от

пульта, и я едва успел спрятать голову за переборкой. Девушка посмотрела на меня в упор, и я на миг растерялся — такой отчаянный страх исказил ее черты. Тем не менее она, не произнеся ни звука, ступила в каютку, оставив меня наедине с тремя трупам.

Я затворил за ней дверь, не заглядывая внутрь, потом отошел в уголок отсека, где еще не было мертвецов, и меня вырвало.

2

Нет, я положительно не мог дольше оставаться в этом зловещем отсеке, где все дышало смертью. Не помня себя, я перешагнул через груды тел и кинулся за переборку с одним намерением — расправиться с теми, кто содействовал этой чудовищной бойне.

Никогда прежде я не испытывал такой ослепляющей, всепоглощающей ярости и такого омерзения. Движимый ненавистью, я буквально перелетел через кабину и изо всех сил нанес удар по затылку тому из марсиан, который оказался ближе ко мне. Он сложился пополам и тут же рухнул, раскроив себе лоб об острый угол какого-то инструмента. Электрический бич выпал у него из рук и покатился по полу; я немедленно схватил оружие.

Второй марсианин сидел на полу и за две-три секунды, прошедшие с момента моего появления, успел лишь повернуть ко мне недоумевающее лицо. Я свирепо взмахнул бичом и хлестнул его по ключице; он послушно согнулся и осел на бок. Неторопливо и хладнокровно я подошел к нему вплотную и прижал бич ему к виску. Он судорожно дернулся раз, другой, потом затих. Я взглянул на его сообщника, распростертого в полубессознательном состоянии на полу.

Не довольствуясь кровоточащей раной во лбу, я еще попотчевал его бичом, потом отшвырнул ужасное оружие и отвернулся. Внезапно мною вновь овладела дурнота, и я потерял сознание. Последнее, что я еще помню,— стук безжизненного тела рабыни, которое выпало из шкафа у меня за спиной.

Глава XIII

Великая битва

1

Мой обморок, по-видимому, сам собой перешел в сон, так как несколько последующих часов совершенно выпали у меня из памяти. Когда же я наконец очнулся, то голова была ясная, только в течение первых минут отказывалась припоминать ужасные события, свидетелем которых мне довелось стать. Впрочем, едва я приподнялся, как увидел трупы двух марсиан в черном и происшедшее всплыло в памяти во всех подробностях.

Я бросил взгляд на часы. Я по-прежнему заводил их, поскольку обнаружил, что длина марсианского дня почти совпадает с земным, и, хотя знать точное время мне было ни к чему, часы оставались полезным инструментом для измерения его отрезков. Не сохрани я часов, я бы и не узнал, что пробыл на борту снаряда более двенадцати часов. Теперь каждая минута, проведенная в заточении, служила болезненным напоминанием о том, что я видел и сделал, потому я без промедления подошел к люку и попытался открыть его. Я же внимательно следил за тем, как его закрывали, вот и решил, что довольно будет повторить действия пилотов в обратном порядке. Однако обнаружилось, что это не так; колесо повернулось на дюйм-другой и заклинилось. Я силился сдвинуть его с мертвой точки добрые пять минут, прежде чем оставил свои потуги за полной их несостоятельностью.

Тогда я стал озираться по сторонам, впервые реально осознав, что могу и не найти отсюда выхода. При этой страшной мысли я на мгновение поддался панике и заметался в тесном пространстве кабины, как загнанный зверь. Но, к счастью, здравый смысл все же возобладал, и я принялся за тщательный и систематический осмотр своей тюрьмы.

Прежде всего я осмотрел пульт управления в надежде, что сумею разобраться, как включается панель с экранами, и выясню, где же мы очутились после посадки. Не добившись в этом успеха (вероятно, сотрясение при посадке повредило приборы), я переключил свое внимание на те рычаги и кнопки, которые использовались во время полета.

Хотя на непросвещенный взгляд пульт управления представлялся хаотическим нагромождением разного рода рукоятей и штурвалов, я вскоре подметил, что определенные инструменты вынесены внутрь прозрачного противоперегрузочного кокона. А так как в полете марсианские пилоты находились именно здесь, логика подсказывала, что отсюда они могли и управлять траекторией снаряда.

Раздвинув ткань руками (сейчас, когда полет закончился, она свисала свободными складками), я принялся изучать инструменты один за другим. Они были сконструированы очень прочными — наверное, чтобы могли выдержать большие нагрузки при выстреле и финальном падении, — и устроены несложно. Располагались они на своеобразном возвышении, укрепленном на полу кабины. О назначении приборов со стрелками я не взялся бы и гадать, но главное место занимали две металлические рукояти. Одна из них поразительно напоминала рукоять на машине времени сэра Уильяма: она была укреплена на шарнирах и могла двигаться вперед, назад и в обе стороны. Пробы ради я коснулся ее пальцами, потом отвел

немного от себя. Тотчас же в дальнем конце корпуса послышался гул, и снаряд слегка задрожал.

Вторую рукоять венчал набалдашник из ярко-зеленого вещества. Эта, по-видимому, могла перемещаться лишь в одном направлении — вниз; но едва я тронул ее рукой, снаружи раздался сильнейший взрыв, снаряд внезапно резко покачнулся, и я не устоял на ногах.

Поднимаясь с пола, я вдруг понял, что обнаружил устройство, вызывающее зеленые вспышки, те, которые регулировали нашу скорость при посадке. Только теперь до меня наконец дошло, что механизмы на борту по-прежнему действуют, просто на время выключены, и я решил, что гораздо разумнее и безопаснее будет не баловаться с ними, а сосредоточить усилия на собственном спасении.

Вернувшись к люку, я возобновил попытки пошевелить колесо. К немалому моему удивлению, оно пошло гораздо свободнее, и люк даже приоткрылся на несколько дюймов, прежде чем заклинился опять. При этом сквозь щель на пол потекла струйка мелких камешков и сухого песка. Сперва я пришел в искреннее недоумение, но потом понял, что при ударе во время посадки большая часть снаряда, и в первую очередь нос, могла зарыться глубоко в грунт.

Обдумав все хорошенько, я тщательно закрыл люк, вновь направился к пульту управления и, перебив страх, вновь нажал на рукоять с зеленой верхушкой. Через несколько секунд, слегка оглохнув и не слишком твердо держась на ногах, я вторично приблизился к люку; его опять заело, но зазор стал шире, чем в первый раз.

Потребовалось еще четыре толчка, прежде чем люк открылся настолько, чтобы в кабину хлынула целая лавина камней и песка, а следом поток дневного

света. Я не стал медлить, лишь подхватил ридикюль Амелии и протиснулся сквозь образовавшуюся щель на свободу.

2

После долгого карабка по рыхлому песку, отталкиваясь от махины снаряда как от опоры, я наконец вылез на верх грунтового вала.

Моему взору предстала такая картина: снаряд при падении вырыл огромную яму, в которой теперь и покоился. Вокруг ямы вздымалась крутая насыпь выброшенной в стороны почвы, и над всем этим плавал едкий зеленый дым, — по всей вероятности, итог моих собственных усилий. Мне трудно было судить о том, глубоко ли засел снаряд в песке при первоначальном ударе, однако я все же мог догадаться, что изрядно сдвинул его с места, пока выбирался на волю.

Обойдя насыпь по бровке, я очутился возле кормовой части снаряда, которая не только не ушла в грунт, но, напротив, нависала над нетронутой почвой. Чудовища оставили нараспашку громадный люк, занимавший все дно снаряда, и главный отсек — как я теперь убедился, он занимал две трети корпуса — был совершенно пуст: ни самих чудовищ, ни созданных ими машин. Нижняя кромка люка отстояла от песка всего на фут-полтора, так что попасть внутрь оказалось легче легкого. Надо ли говорить, что именно это я и сделал.

Всего пять-десять минут понадобилось на то, чтобы обойти отсек, похожий на пещеру, и полюбопытствовать, какие следы пребывания чудовищ он сохранил, — и тем не менее миновал почти час, прежде чем я окончательно простился со снарядом.

Как выяснилось, мой предварительный подсчет оказался точным: в отсеке помещалось действительно

пять чудовищ. Кроме того, на борту находилось несколько экипажей — я обнаружил множество перемычек и захватов, которые крепили их во время полета.

В глубине отсека, у стены, разделяющей снаряд надвое, я натолкнулся на обширный полог, размер и форма которого со всей несомненностью свидетельствовали о том, что чудовища кроили его для себя. Не без внутреннего трепета я заглянул под полог... и тут же отпрянул. Да, именно отсюда управляли высасывающим кровь шкафом в отсеке для рабов: мне бросился в глаза набор игл, ланцетов и пипеток, соединенных прозрачными трубками с большим стеклянным резервуаром, где все еще плескалось целое озеро крови. Именно здесь, при посредстве этого механизма чудовища-вампиры отнимали жизнь у человеческих существ!

Отбежав к разверстому краю отсека, я выдохнул из легких скопившееся там зловоние. Я был до глубины души потрясен увиденным и буквально дрожал от отвращения.

И все-таки чуть позже пришлось добровольно вернуться в утробу снаряда. Надо было осмотреть разнообразное оборудование, оставленное чудовищами, — и тут, в процессе обследования, я сделал открытие, что все усилия, приложенные мною к освобождению, были затрачены попусту. Оказывается, стенки снаряда были двойными, и от главного отсека начинался лабиринт узких проходов, прорезавших корпус почти во всю его длину. Карабкаясь по этим проходам, я в конце концов попал через люк в полу, которого раньше почему-то не заметил, в кабину управления.

Трупы двух марсиан служили достаточным напоминанием о том, что мне довелось пережить на борту снаряда, и я поторопился вернуться в главный отсек. И совсем было собрался спрыгнуть на почву пустыни, когда меня осенило, что в этом полном опасностей ми-

ре не худо бы иметь в руках хоть какое-нибудь оружие. Я обыскал весь отсек в поисках любого предмета, который отвечал бы этой цели; выбирать было, в общем, не из чего, поскольку все переносное имущество чудовища забрали с собой... Но, по счастью, я вовремя вспомнил о ланцетах за пологом.

Наполнив легкие свежим воздухом, я поспешил к зловещей занавеси. Как оказалось, ланцеты удерживаются на своих местах простыми зажимами; мой выбор остановился на лезвии примерно девяти дюймов длиной. Отвернув зажим, я вытер его досуха о ткань ближайшего противоперегрузочного кокона и бережно уложил в ридикюль Амелии.

И вот наконец я покинул транспортный снаряд марсиан и вышел на просторы пустыни.

3

Куда же теперь податься, где найти укрытие? Мне было известно, что неподалеку расположен другой город — я видел его на экране во время посадки, — но в каком направлении вести поиски, я не имел ни малейшего представления.

Прежде всего я взглянул на солнце. Оно стояло почти в зените. Сначала это озадачило меня: снаряд запустили в середине дня, да я еще проспал несколько часов. И только потом до меня дошло, что мы улетели очень далеко от места старта. Летели мы на запад, следовательно, я попал в тот же самый день, но на противоположной стороне планеты!

Однако всего важнее было то, что в моем распоряжении еще оставалось часов пять-шесть до заката.

От снаряда я направился напрямиком к обнажению скальных пород, отстоящему от ямы ярдов на пятьсот. Это была самая высокая точка, какую я сумел высмотреть, и мне подумалось, что с нее можно будет обозреть весь район.

Признаться, я не обращал особого внимания на то, что меня окружает, мои глаза были прикованы к почве у меня под ногами. Чудесное спасение не придало мне бодрости, я был вновь охвачен унынием — чувством, давно мне знакомым: оно владело мной с того самого дня в Городе Запустения, когда у меня похитили Амелию. Трезво рассуждая, не произошло никаких событий, которые бы прямо напомнили мне о ней. Но всякий раз, когда обстоятельства позволяли мне отвлечься от каких-то неотложных бед, мысли мои неминуемо обращались к горестной утрате.

Вот почему я прошел, наверное, полпути к скалам, прежде чем заметил, что творится вокруг. Не составляло большого труда понять, что здесь совершили посадку не один, а много снарядов. В моем поле зрения их насчитывался добрый десяток, а немного поодаль стояли в ряд три многоногих наземных экипажа. Самих чудовищ, равно как и тех марсиан, которые их сюда доставили, видно не было, хотя я прекрасно понимал, что чудовища, вероятно, успели укрыться за броневыми панцирями своих экипажей.

В полном одиночестве тащился я по бурому песку, не привлекая ничьего интереса. Чудовища, как правило, не вникали в дела людей, а меня нимало не беспокоили их заботы. Мною руководила надежда установить местонахождение города, и я ничтоже сумняшеся продолжал свой путь в сторону скал. Достигнув их, я на мгновение задержался и еще раз огляделся. Камень, из которого были сложены скалы, отличался хрупкостью, и, едва я наступил на него, из-под ног так и брызнули осколки и чешуйки.

Я удвоил осторожность и, пока взбирался, помогал себе удерживать равновесие, балансируя ридикюлем. Футая в двадцати над поверхностью пустыни мне встретился широкий уступ, и я немного передохнул. Осмотрелся по сторонам — пустыня была испещрена

безобразными кратерами, выкопанными снарядами при посадке, и из каждого кратера торчали тупо срезанные, распахнутые настежь днища. Но, как я ни напрягал зрение, нигде не вырисовывалось и подобия города. Подхватив ридикюль, я стал карабкаться выше, стремясь обогнуть скалу и выйти на ее противоположный склон.

Каменная гряда оказалась гораздо обширнее, чем думалось поначалу, и, чтобы добиться поставленной цели, потребовалось минут пять, если не шесть. Здесь скала выветрилась еще более, и каждое движение было связано с риском. Я обогнул большой скальный выступ, пробираясь буквально на ощупь по узкой полочке, — и, миновав препятствие, замер в недоумении.

Прямо передо мной, полностью заслонив от меня пустыню, выросла верхняя платформа наблюдательной башни!

Я пришел в такое изумление, увидев ее здесь, что даже не подумал о возможной опасности. Башня стояла неподвижно; темное овальное окно смотрело в противоположную от меня сторону, так что чудовище, если оно сидело внутри, заметить меня не могло.

Немного дальше, в том направлении, куда я лез, скалу прорезала глубокая расщелина. Я наклонился над ней, опираясь на руку, и взглянул вниз; от поверхности пустыни меня отделяло теперь не менее пятидесяти футов, а расщелина шла отвесно. Спуститься я мог только тем же путем, каким забрался сюда. Я застыл в нерешительности, не зная, что предпринять.

В сущности, у меня не было и тени сомнения в том, что там, в недрах платформы, затаилось живое чудовище; но почему оно очутилось в этом укромном месте, под сенью скалы, я не мог догадаться. Я вспомнил все, что узнал о башнях в городе: в обычное,

мирное время их передко оставляли без присмотра, и тогда они действовали автоматически. А что, если и с этой башней случилось так же? Безусловно, неподвижность платформы уже свидетельствовала в пользу предположения, что водителя там нет. Но главное — самим своим присутствием она сводила на нет смысл моего многотрудного подъема. Мне во что бы то ни стало нужно было выяснить, где расположен город, а в той единственной точке, откуда я мог его увидеть, перспективу загородила невесть откуда взявшаяся башня.

И вдруг, взглянув на платформу еще раз, я подумал: а нельзя ли обратить это досадное препятствие себе на пользу?

Мне никогда раньше не приходилось бывать в такой близости от башни, и я с любопытством рассматривал детали ее конструкции. У основания платформы шла площадка — вернее, выступ — дюймов двадцати или немного больше в глубину; на этом выступе вполне мог держаться человек, причем держаться увереннее, чем я в своем нынешнем положении. Над выступом поднимался корпус самой платформы — широкий плоский цилиндр с покатою крышей; насколько я мог судить, высота цилиндра возрастала с семи футов сзади до десяти впереди. Крыша была слегка выпуклой и в тыльной своей части увенчана перильцами футов трех высотой. На задней стенке цилиндра выступали три металлические скобы — по всей вероятности, с их помощью чудовища забирались внутрь платформы и вылезали наружу, так как в крыше был вырезан огромный люк, сейчас закрытый.

Не долго думая я схватился за скобу и, подтянувшись, влез на крышу, а ридикуль закинул туда же перед собой. Потом встал и, осторожно шагнув к перильцам, сжал их рукой. Теперь, наконец, ничто не заслоняло мне вид на пустыню.

Передо мной развернулась картина, какой никогда еще не видели глаза человека.

Я уже писал, что большая часть поверхности Марса — плоская равнина, подобная пустыне; правда, с борта снаряда во время полета мне случилось наблюдать и горные районы. Но я и представить себе не мог, что кое-где в пустыне, нарушая однообразие унылой равнины, вздымаются одинокие горы такой высоты и мощи, что на Земле их просто не с чем сравнить.

Именно такая громада предстала перед моим удивленным взором.

Теперь, чтобы не сбить вас с толку, необходимо сразу же уточнить: первое мое впечатление от этой горы было куда скромнее, ее размеры вообще показались мне не стоящими внимания. Весь мой интерес был сосредоточен на том, что я искал, — город лежал от меня примерно в пяти милях. В кристально чистом марсианском воздухе он просматривался как на ладони, и я сразу отметил, что по своим масштабам он во много раз превосходит Город Запустения.

Только тогда, когда я твердо усвоил, в каком направлении мне двигаться и какое расстояние придется преодолеть, я устремил взгляд за пределы города, в сторону гор, у подножия которых он раскинулся.

Сперва мне, признаться, померещилось, что это даже не отдельная гора, а округлое плоскогорье: его вершина не прорисовывалась с полной четкостью, а становилась в выси еще более расплывчатой и туманной. Лишь когда глаза немного приспособились к расстоянию, я догадался: ощущение нечеткости вызвано тем, что я смотрю параллельно склону. В действительности же гора настолько грандиозна, что большая ее часть уходит за горизонт, а высота соперничает с изгибом поверхности планеты. Где-то далеко-далеко, на самой границе видимости, я едва различал вышук-

лость, которая, вероятно, и была вершиной, — белый конус с облаком дыма над вулканическим кратером.

По первому впечатлению казалось, что высота горы не превышает двух-трех тысяч футов; но если принять в расчет кривизну поверхности планеты, то смею заверить, что точнее будет взять цифру совершенно иного порядка: от десяти до пятнадцати *миль* над уровнем пустыни! Подобные масштабы, можно прямо сказать, лежали за гранью восприятия человека с Земли, и прошло минут десять, не менее, прежде чем я смог окончательно поверить в то, что вижу.

Я уже собирался перелезть обратно на скалу и спуститься вниз, когда краем глаза уловил по левую от себя руку какое-то движение. По пустыне в направлении города медленно вышагивал один из многоногих экипажей. Чуть позже обнаружилось, что экипаж не один, их несколько десятков, — вероятно, те самые, которые были доставлены сюда в снарядах, разбросанных там и сям по пустыне. Мало того, кроме экипажей я различил многие десятки наблюдательных башен: иные стояли подле экипажей, иные укрылись в тени скал наподобие той башни, которую оседлал я, — а скальных обнажений между мною и городом было немало.

Я давно уже понял, что полет, в котором мне по воле пришлось участвовать, являлся предприятием военного характера, ответной вылазкой в отместку за нашествие на Город Запустения. Только мне представлялось, что объектом вылазки станет какой-либо второстепенный неприятель: исходя из силы агрессора, я никак не думал, что потерпевшие поражение дерзнут на прямое контрнаступление. Однако я ошибался. Город, на который нацелились экипажи, был огромен, и довольно было еще раз пристально взглянуть в его сторону, чтобы уяснить себе, до какой степени он защищен. Внешние его границы, к примеру,

прикрывал настоящий лес наблюдательных башен; местами они ограждали купол так густо, словно вокруг него возвели частокол. А пустыня близ города так и кишела боевыми экипажами; они выстраивались в четкие порядки, как черные железные солдаты перед парадом.

И всему этому воинству противостоял жалкий отряд атакующих, в чей лагерь забросил меня случай! Я насчитал во всем отряде каких-нибудь шестьдесят многоногих наземных экипажей и около пятидесяти башен.

Картина предстоящей битвы настолько завороживала меня, что я на миг совершенно запамятовал, где нахожусь. В самом деле, я позволил себе гадать о том, какова боевая роль наблюдательных башен, совершенно выпустив из виду то обстоятельство, что теперь мне надо лишь оставаться на месте — и все прояснится. Наиболее логичной представлялась мне догадка, что многоногие экипажи устремятся в атаку на город, в то время как башни останутся охранять снаряды, в которых мы прилетели.

До поры казалось, что так оно и есть. Экипажи медленно, но неуклонно продвигались к городу, а башни — те, что не прятались вблизи скал, — одна за другой поднимали свои платформы до полных шестидесяти футов над почвой.

Я решил, что мне лично следует отступить на исходные позиции, и повернулся к скалам, впрочем, не отпуская перилец. И тут случилось нечто, чего я при всем желании предвидеть не мог. Справа от меня послышался легкий шум, и я оглянулся в недоумении. Из-за отвесной стены скал на простор пустыни вынырнула еще одна наблюдательная башня.

Башня шла. Три ее опоры служили ногами, и эти ноги, сверхъестественно сгибаясь, сереступали под платформой!

Я и ахнуть не успел, как башня, на которой я находился, вдруг накренилась и словно упала вперед. Все башни, сколько их ни было вокруг, выдернули ноги-опоры из песка и устремились следом за наземными экипажами.

Спрыгивать с платформы и искать безопасности на скалах было уже поздно: от скал меня отделяли добрых двадцать футов пустоты. Я сжал перильца изо всех сил, а шагающая наблюдательная башня уносила меня все дальше навстречу битве.

4

Что толку было теперь упрекать себя за непредусмотрительность: фантастическая машина уже шагала со скоростью двадцать миль в час и разгонялась все более. Ветер свистел в ушах, волосы развевались, глаза слезились.

Наблюдательная башня, которая прошла у скал рядом с моей, держалась на несколько ярдов впереди, но ход мы сохраняли равный. Благодаря этому я сумел рассмотреть, как треножники ухитряются переставлять свои внешне неуклюжие ноги-опоры. В сущности, они были всего-навсего увеличенной копией суставчатых ног наземных экипажей, но в данном случае впечатление достигало в своей чужеродности ошеломляющей силы. Когда башня шла полным ходом, то в любой отдельно взятый момент почвы касались одновременно лишь две ноги, и то на самый короткий срок. Вес башни постоянно перемещался с одной ноги на другую, а две ненагруженные ноги, освободившись, взмывали вверх и вперед. Верхняя платформа на ходу слегка наклонялась вправо, но из самой равномерности ее движения вытекало, что под платформой скрыто какое-то устройство, гасящее мелкие толчки на неровностях почвы. Конечно же, на

своим ненадежным насесте я чувствовал себя далеко не безопасно, но покамест перильца, сжатые мертвой хваткой, давали мне достаточную уверенность, что простая качка меня вниз не сбросит.

Тем не менее, пока острота момента не миновала, я клял себя за недогадливость: следовало сообразить, что башни должны быть маневренными. Правда, до сих пор мне ни разу не доводилось видеть их в движении, но ведь все мои прошлые домыслы о назначении этих башен просто не выдерживали критики!

Между тем скорость башен все нарастала. Они широкой дугой приближались к вражескому городу.

В авангарде развернутым строем шли экипажи. С обеих сторон их шеренгу замыкали четверки башен. Позади, второй шеренгой протяженностью около полумили, двигались еще десять наземных экипажей, а за ними враспынную — все остальные башни, включая и ту, на которой съезжился я в страхе за свою драгоценную жизнь. Мы неслись с такой скоростью, что ноги машин вздымали тучи песка и пыли, и укусы песчинок, поднятых шагающими впереди, жгли мне лицо. Моя башня мчалась безостановочно и ровно, двигатель мощно гудел.

Прошло, наверное, не более минуты, а мы уже достигли наивысшей скорости, какую в состоянии развить паровой локомотив, и движение стало равномерным. О том, чтобы слезть с платформы, спастись бегством, не могло быть теперь и речи; оставалось лишь держаться и надеяться, что «лошадь» не сбросит.

Если я и избежал падения, то чудом: неожиданно у самых моих ног разверзлась широченная брешь. Я едва успел отскочить в сторону, благословляя судьбу за то, что машина движется так плавно, и, потрясенный, следил за тем, как из отверстия на хитроумной подвеске выдвигается громоздкая металлическая

конструкция. Когда она просвистела мимо, чуть не задев меня по лицу, я, к ужасу своему, заметил, что венчает всю систему рычагов жерло генератора тепла. Но, по счастью, генератор подняли и установили фу-тах в восьми над крышей башни, если не выше.

Башни, что шли впереди нас, также выдвинули свои генераторы; мы мчались по пустыне, как в безудержной и фантастически странной кавалерийской атаке.

Песок, выброшенный из-под ног передовых экипажей, почти ослепил меня, и какое-то время я не различал ничего, кроме силуэтов двух башен впереди моей. Затем строй экипажей раздвинулся в стороны, туча пыли внезапно осела. Моему взору открылась панорама прямо по курсу. И оказалось, что маневр ведущих экипажей бросил нас без подготовки в самую гущу боя.

Теперь мне были хорошо видны машины обороняющихся, вышедшие из города нам навстречу. Что это были за машины! Наземных экипажей среди них почти не попадалось, защитники города самоуверенно выступили против нас на своих башнях. Я с трудом верил собственным глазам. Эти боевые машины превосходили те, что сражались в нашем лагере, чуть не вдвое, достигая по крайней мере ста футов в высоту.

Ближайшую из башен неприятеля отделяло от нас менее полумили, и это расстояние с каждой секундой сокращалось.

В безмолвном изумлении я взирал на этих титанов, шагающих к нам, казалось, без малейших усилий. На своих трех ногах они несли уже не простые платформы, а сложнейшие механизмы исполинских размеров. Число этих механизмов было очень велико, а назначение мне неведомо. В том месте, где на башнях меньшего размера зияло темное овальное стекло, располагался ряд многогранных иллюминаторов, мер-

дающих на солнце. По бокам с платформ свисали суставчатые руки, как у паукообразных ремонтных машин; на полном ходу «руки» угрожающе раскачивались, а в каждом сочленении немисливо длинных ног при каждом движении вспыхивали ярко-зеленые вспышки.

Мгновение ока — и неприятель обрушился прямо на нас. Башня, наступающая справа от меня, выпустила заряд из теплового орудия, но безрезультатно. Секундой позже по механическим колоссам противника выстрелили и другие башни, воюющие на нашей стороне. Я насчитал с десятков попаданий — о них свидетельствовали ослепительные блики пламени на стенках верхних платформ врага, — но ни одна из боевых машин не была повержена. Они продолжали натиск, поливая нас огнем, покачиваясь с боку на бок, легко танцуя на своих тонких стальных ногах по каменистой почве.

Я вдруг почувствовал зуд во всем теле, над головой послышалось какое-то потрескивание. Я поднял глаза — генератор тепла окружило странное сияние; видимо, башня вела стрельбу по защитникам города. На то, чтобы взглянуть вверх, понадобилась ровно секунда — но ее оказалось довольно, чтобы боевые треножки врага миновали наши порядки, не прекращая огня. Башня, на которой я находился, тут же круто свернула вправо.

Началась серия ударов и контрударов, выпадов и увиливаний, заставивших меня замирать от страха за свою жизнь и от восторга перед дьявольским совершенством этих машин.

Минутой раньше я сравнивал наш стремительный бег с кавалерийской атакой, но вскоре осознал, что это была лишь прелюдия к настоящему сражению. Треножки не только владели способностью к молниеносному перемещению; в ближнем бою они демон-

стрировали маневренность, какой я прежде никогда и нигде не видел.

Моя башня попадала в самое пекло битвы ничуть не реже, чем любая другая. Водитель то бросал ее из стороны в сторону, то раскручивал платформу, то нырял, то подпрыгивал и не терял равновесия — и стрелял, стрелял, стрелял. Тепловые орудия непрерывно испускали смертоносную энергию, и в яростной схватке кружащихся, скачущих башен лучи сверлили воздух, описывали петли, силились прожечь бронированные бока вражеских платформ. Однако защитники города уже не вели беглый огонь, а, танцуя на своих боевых машинах и сея смятение в наших рядах, наносили неотразимые удары с необыкновенной точностью.

Битва была неравной. Мало того что башни моего лагеря по сравнению с гигантскими треножниками горожан выглядели карликами, они еще и уступали им числом. Казалось, что на каждую башню-малютку приходится не менее четырех гигантов, и разрушительный жар их лучей уже нанес нам ощутимые потери. Одна за другой наши башни подвергались ударам сверху; иные из них с шумом взрывались, иные просто опрокидывались, умножая ловушки и опасности и без того изрытого участка, где разыгрывалась баталия. Видно, пришла пора окончательно прощаться с жизнью; я с полной ясностью осознал, что, если только фортуна не переменится, меня собьют самое позднее через десять-пятнадцать секунд.

Надо ли говорить о невероятном облегчении, которое я испытал, когда башня, на которой я находился, внезапно круто развернулась и поспешила прочь от места схватки. В разгар боя единственное, что мне оставалось, — сжимать перильца до боли в суставах, но едва непосредственная угроза миновала, как я обнаружил, что трясусь от пережитого страха.

Времени прийти в себя мне не дали. Башня и не думала отступить по-настоящему, а, спешно обогнув поле боя по краю, присоединилась к двум другим, которые в свою очередь отделились от остальных. И мы без промедления снова бросились в атаку, следуя, очевидно, заранее разработанному тактическому плану.

Сомкнутым строем все три башни подступили к ближайшему из колоссов-треножников неприятеля. Три орудия ударили как одно, скрестив свои лучи на верхней части двигателя. Тотчас последовал негромкий взрыв, боевая машина бесконтрольно повернулась вокруг своей оси и рухнула, молотя по воздуху стальными конечностями. Умная тактика привела меня в такой восторг, что я против воли испустил радостный клич!

Однако уничтожить одного противника — еще не значит выиграть сражение, и водители наблюдательных башен прекрасно это понимали. Вся троица снова кинулась в гущу боя, направляясь ко второй намеченной жертве. И снова атака с тыла, и снова, введя в действие тепловые лучи, башни-малютки расправились с врагом столь же быстро и результативно, как и в первый раз.

Но такая удачливость не могла длиться вечно. Не успела вторая поверженная машина развалиться на части, как перед нами выросла еще одна. Эта не позволила отвлечь себя безобидными выстрелами с других башен — да их и осталось на поле боя совсем немного. Едва мы устремились к ней, как жерло ее теплового орудия нацелилось прямо на нас.

Все дальнейшее произошло за считанные доли секунды — и тем не менее я могу воссоздать происшедшее в таких подробностях, словно события длились минуты и часы. Я уже говорил, что мы атаковали фалангой из трех башен; я находился на крайней

справа. Тепловой луч с боевой машины врага хлестнул по центральной башне — и та мгновенно взорвалась. Сила взрыва была столь велика, что, не швырнув меня на телескопические рычаги подвески генератора, я несомненно свалился бы вниз. И сама моя башня была повреждена взрывной волной. Это стало ясно в следующий миг, когда платформа страшно накренилась и закачалась, а я приник к телескопическим рычагам, с секунды на секунду ожидая удара о почву, — падение представлялось мне пеминуемым.

Но третья из атакующих башен уцелела и отважно двинулась на своего высоченного противника; тепловой луч плясал по его лобовой броне, не оказывая на нее никакого впечатления. Это была последняя, отчаянная атака — чудовище, управлявшее башней, несомненно ждало собственной гибели в любой момент. Боевая машина била по смельчаку из теплового орудия, но тот продолжал шагать как ни в чем не бывало и с самоубийственной точностью ударил врага по ногам. Как только две машины соприкоснулись, последовал мощный электрический разряд, и оба треножника рухнули набок, судорожно взмахивая неуправляемыми конечностями.

По правде говоря, во время этого столкновения я боролся за собственную жизнь, припав к опорам теплового генератора, пока башня, ставшая моим пристанищем, кое-как выбиралась из боя.

После первого потрясения, вызванного взрывной волной, водитель моей башни — опытный и безжалостный — сумел восстановить какой-то контроль над машиной. Выматывающая душу качка прекратилась, и, хотя поступь стала неровной — я обязательно сверзился бы с платформы, если бы не вцепился в основание генератора мертвой хваткой, — башня целеустремленно захромала прочь с поля боя.

Не прошло и минуты, как сражение, которое все

еще не закончилось, осталось далеко позади, и страх, сжимавший мне сердце, начал потихоньку расслаиваться. Лишь тогда я сообразил, что вся битва, если не считать негромкого гула моторов и эпизодического лязга гибнущих боевых тренажников, проходила в мертвом молчании.

5

Не знаю, сильно ли была повреждена прихрамывающая башня, но всякий раз, когда она опиралась на какую-то одну из трех ног, раздавался непривычный скрежещущий звук. Вероятно, это была не единственная поломка: в работе двигателя ясно слышались перебои. Мы оставили поле боя весьма стремительно, набрав в атаках и контратаках значительную инерцию, но теперь наш ход замедлился. Я не располагал средствами измерения скорости, но скрежет поврежденной ноги доносился все реже и воздух в ушах давно уже не свистел.

Поначалу наш бросок через пустыню перенес меня довольно близко к городской черте, за что я был только благодарен, однако теперь мы направлялись все дальше от города, к стене красных зарослей.

Меня не оставляла мысль о том, каким же образом я слезу с верха башни. Не исключено, что чудовище, управляющее ею, пожелает устранить неисправность, а для этого вылезет из своего укрытия. Если так, то мне отнюдь не улыбалось очутиться где бы то ни было поблизости. А впрочем, мог ли я предпринять что-либо для своего спасения до полной остановки башни?

Вдруг я почувствовал, что мою левую руку оттягивает какой-то груз, и впервые с той минуты, как башня ринулась в бой, осмотрел себя: оказалось, что я по-прежнему держу ридикюль Амелии. Как я не

выронил его в пылу битвы, и сам не могу взять в толк; наверное, некий инстинкт заставлял меня беречь его. Я осторожно сменил позу, переложив ридикуль в другую руку. При этом я неожиданно вспомнил про ланцет, который засунул на дно ридикуля, и извлек его на свет, смекнув, что он может мне пригодиться.

Башня почти совсем потеряла ход; медленно-медленно ковыляла она через зону орошения, где росли зеленеющие злаки. До багровых джунглей оставалось менее двухсот ярдов, а у подножия красной стены, рубя стебли и выпуская из них сок, копошились рабы. Рабов было больше, чем в любой из групп, какие мне довелось встречать в Городе Запустения или вблизи него; несчастные трудились, утопая в вязкой грязи, в обе стороны вдоль зарослей, сколько хватал глаз. Наше появление не прошло незамеченным: я подметил, что многие украдкой взглядывают в нашу сторону и тут же поспешно отворачиваются, продолжая работу.

Поврежденная нога-опора издавала ужасный скрежет — он буквально раздирал уши всякий раз, когда опора принимала на себя вес башни, и я понимал, что далеко нам так не уйти. И действительно, башня вдруг остановилась, три ее ноги бессильно разъехались. Я перегнулся через край платформы, раздумывая, нельзя ли воспользоваться передышкой и сползти вниз по одной из них — ведь они теперь стояли наклонно.

Едва спало напряжение битвы, мои мысли приняли более практическое направление. На время меня самого охватила боевая лихорадка — я даже искренне восторгался отвагой, с какой горстка экипажей и башен атаковала превосходящие силы защитников города. Но к поступкам марсианских чудовищ нельзя было подходить с земными мерками; в их междоусобной войне я оставался посторонним, и то, что по воле слу-

чая оказался в одном из враждующих лагерей, не следовало рассматривать как повод для симпатий. Существо, управлявшее этой башней в бою, снискало мое уважение своей храбростью — и тут же, пока я замешкался на крыше платформы, готовясь к побегу, доказало мне свое коварство и зверскую жестокость.

Я вновь услышал потрескивание над головой и понял, что это опять заговорило тепловое орудие. Сперва я испугался, не преследует ли нас одна из боевых машин неприятеля, но потом понял, куда направлен смертоносный луч. Вдали, по правую руку от меня, над красными зарослями взметнулись пламя и дым. Я видел, как луч всей своей мощью обрушивался на рабов, и те безжизненно падали в вязкую грязь. Но мало того — чудовище, не удовольствовавшись этим зверством, принялось водить орудием из стороны в сторону, захватывая лучом все более широкое пространство.

Пламя взвивалось и плясало, словно возникая само по себе: невидимые лучи с одинаковой яростью пожирали растительность и рабов. Там, где пагубный жар падал на ручьи и озера пролитого сока, к небу вздымались облака пара. Многие рабы, услышав крики пострадавших, пытались спастись бегством, но трясина, в которой они погрязли, не выпускала их, не давала возможности отскочить или отползти. Кое-кто успевал упасть ничком в грязь, но остальных постигала мгновенная смерть.

Это неопишуемое варварство продолжалось, наверное, секунды две-три, прежде чем я вмешался, чтобы положить ему конец.

С той самой поры, как я осознал в полной мере злую волю, с которой чудовища распоряжаются своим могуществом, моя душа преисполнилась отвращением и ненавистью к ним. Не оставалось места сомнениям, спорам о добре и зле: чудовище на охромевшей башне

расчетливо и свирепо вымещало свою злобу на беззащитных человеческих существах!

Я сделал глубокий вдох, отвернулся от кошмарного зрелища и, подавив брезгливость, потянулся к металлическому люку, врезанному в покатую крышу платформы. Пошевелил ручку, но тщетно: казалось, замок заклинило.

Я бросил взгляд через плечо. Тепловой луч попрежнему крался вдоль зарослей, наслаждаясь омерзительной бойней... Но рабы, что находились ближе к губительной башне, уже успели заметить меня и беспомощно махали мне руками, пытаюсь уклониться от луча и выбраться из трясины.

Ручек такого типа я на Марсе еще не видел и тем более не трогал, но замок не мог быть чересчур мудреным: ведь чудовище справлялось с ним без посторонней помощи, своими неуклюжими щупальцами. Тут меня осенило, и я повернул ручку в противоположную сторону — так, как на Земле обычно закрывают двери. Ручка сразу же шевельнулась, и крышка люка откинулась.

Почти все внутреннее пространство платформы было заполнено телом чудовища; отвратительный серо-зеленый не то мешок, не то пузырь вздувался и пульсировал и еще влажно поблескивал, словно от пота.

В непередаваемой ненависти я взмахнул длинным лезвием и воткнул его прямо в середину обширной спины. Нож будто провалился, и, выдернув его для нового удара, я убедился, что он не нанес губчатым тканям чудовища никакого вреда. Я вонзил его снова, с тем же результатом.

Однако мерзкое существо если не пострадало от моих ударов, то по крайней мере ощутило их. Клювоподобный рот издал хриплый крик, и — я просто не успел увернуться — одно из щупалец скользнуло ко

мне и обвилось вокруг моей груди. Застигнутый врасплох, я оступился, щупальце потянуло меня вперед и, не дав мне опомниться, вжало между стальной стенкой платформы и омерзительной тушей самого чудовища.

Правда, захватить ту мою руку, которая сжимала нож, чудовищу не удалось, и я в отчаянии бил по змее-щупальцу еще и еще. Чудовище хрипло орало в страхе, а быть может, и от боли. В конце концов удары ланцетом возымели свое действие: хватка щупальца ослабла, и я увидел кровь. Ко мне подобралось второе щупальце, но в этот самый миг мне удалось отсечь первое напрочь; кровь хлестнула из раны фонтаном. Однако новое щупальце отыскивало руку с ножом и обвило ее; на мгновение меня одолел страх, потом я догадался переложить лезвие в другую руку. И, поскольку запомнил уязвимую точку, отсек щупальце за какие-нибудь несколько секунд.

Мало-помалу усилия щупалец да и мои собственные старания переместили меня в переднюю часть платформы, и я очутился с чудовищем лицом к лицу.

Здесь щупальца, казалось, заполняли собой все пространство — ко мне устремились десять, а то и двенадцать живых канатов. Не могу передать, до чего омерзительным было их прикосновение! Каждое щупальце само по себе не отличалось силой, но в сочетании их прикосновения и пожатия производили такое же впечатление, как если бы я угодил в середину клубка змей. Прямо передо мной раскрывался и закрывался клювоподобный рот, вскрикивая от боли или от гнева; один раз клюв ухватил меня за ногу, но оказался совсем немощным и не сумел даже прокусить одежду.

А поверх всего взирали, наблюдая за каждым моим движением, огромные, ничего не выражающие глаза.

Мне пришлось тяжело, обе мои руки были скованы, и хоть я по-прежнему сжимал нож, пользоваться им больше не мог. Тогда я стал пинать чудовище ногами, целясь в основания шупалец, в крикливый рот, в глаза-тарелки, в любое место, до которого только мог дотянуться. После долгой борьбы мне удалось высвободить руку с ножом, и я принялся с новой яростью хлестать им по мерзкой туше, каким бы боком она ко мне ни поворачивалась.

Это, наверное, и был поворотный пункт нашей схватки: начиная с него, я верил, что могу победить. Передняя часть тела чудовища оказалась не столь студенистой, как все остальное, а следовательно, ее легче было поранить. Каждый нанесенный мною удар вызывал теперь обильное кровотечение, и вскоре платформа превратилась в форменный ад: окровавленные, иссеченные щупальца, а над ними истошные хрипы умирающего монстра.

Наконец я ухитрился всадить ланцет чудовищу прямо между глаз, и оно с последним глухим стоном испустило дух. Щупальца обвисли и упали на пол, клювоподобный рот раскрылся и исторг облако ядовитых миазмов, а огромные, лишенные век глаза безжизненно уставились на мир сквозь затемненное овальное стекло.

Я тоже мельком взглянул за окно и убедился, что, пусть на время, положил бойне предел. Из зарослей больше не вырывалось пламя, хотя там и сям что-то дымилось; уцелевшие рабы выбирались из трясины на сухое место.

6

С содроганием я отбросил прочь окровавленный нож и, кое-как выкарабкавшись из-под обмякшей туши, дотянулся до люка. Это оказалось вовсе не легким

делом, потому что руки были скользкими от крови и слизи, но в конце концов я вылез на крышу и с наслаждением вдохнул разреженный воздух: по сравнению с мерзкими запахами чудовища он был прекрасен. Ридикюль по-прежнему лежал там, где я оставил его, — у края крыши. Я подобрал свое имущество и, чтобы освободить для предстоящей работы обе руки, накиннул одну из длинных ручек ридикюля себе на шею.

Затем я посмотрел вниз. Насколько можно было судить, все рабы, пережившие избиение, побросали свои инструменты и теперь брели по грязи по направлению к башне. А те, кто уже выбрался на сухую почву, бежали ко мне, размахивая длинными тонкими руками и выкрикивая что-то высокими пронзительными голосами.

Самой прямой — один согнутый сустав — и прочной из трех ног-опор башни показалась мне та, что находилась ближе всего ко мне. С величайшим трудом я перекинул тело через край площадки и ухитрился сжать стальную опору между колен. Потом отпустил руки, сжимавшие край платформы, и обхватил ими шероховатый металл опоры. Сверху сюда просочилась кровь, и, хотя она быстро высыхала на солнце, захват представлялся ненадежным, а металл предательски скользким. Сперва очень осторожно, затем, припоровившись, все более уверенно я стал съезжать по ноге вниз, а ридикюль нелепо покачивался у меня на груди.

Достигнув поверхности, я огляделся и увидел, что вокруг собралась изрядная толпа рабов; они следили за моим спуском и, по-видимому, ждали случая приветствовать меня. Я снял ридикюль с шеи и выступил им навстречу. Они сразу же попятились и что-то заверещали в тревоге. Только тут я обратил внимание, что моя одежда и даже кожа пропитаны кровью чу-

довища; за те две-три минуты, что я пробыл на солнце, палящий зной превратил кровь в пленку, и она стала издавать неприятный запах.

Рабы приумолкли, воцарилась тишина.

И тогда я заметил, что одна рабыня рьяно пробивается ко мне, нетерпеливо расталкивая толпу. Я обратил внимание, что она ниже остальных ростом и светлее кожей. Да, она была, как и все, заляпана грязью и одета в лохмотья, но я не мог не заметить, что у нее голубые глаза, блестящие от слез, а волосы разметаны по плечам...

Амелия, дорогая моя Амелия вырвалась из толпы и стиснула меня в объятиях с таким пылом, что я едва устоял на ногах!

— Эдуард! — исступленно повторяла она, покрывая мое лицо поцелуями. — О Эдуард! Какой вы храбрый!

Меня захлестнуло столь сильное волнение, что на время я потерял дар речи. Наконец, задыхаясь от счастливых слез, я выдал одну-единственную фразу:

— Мне удалось сбересть ваш ридикуль.

Я просто не знал, что еще сказать.

Глава XIV

В лагере для рабов

1

А мелия жива, и я тоже! Жизнь снова приобретала смысл! Мы не видели никого и ничего вокруг, не обращали внимание на окружающее зловоние, забыли про обступивших нас марсианских рабов. Опасности и тайны, подстерегающие нас в этом мире, больше не имели значения: мы снова были вместе!

Так мы простояли, недвижно и безмолвно, минут пять, а то и десять. Мы немного всплакнули, обнимая друг друга все крепче и крепче; мне даже пришло в голову, что нам теперь вообще не разъединиться, что ощущение полного, всепоглощающего счастья сплавит нас в единый организм.

Разумеется, это не могло продолжаться вечно — каждая секунда приближала нас к необходимости прервать наши объятия. Настал момент, когда мы более не могли пренебрегать ропотом рабов, явно предупреждающих нас о чем-то, и нехотя отступили друг от друга, впрочем, не переставая держаться за руки.

Бросив взгляд в сторону далекого города, я заметил одну из гигантских боевых машин, вышагивающую по пустыне в нашем направлении. Амелия обвела глазами ряды рабов.

— Эдвига! — позвала она. — Ты здесь?..

Из толпы выступила маленькая марсианка, в сущности, совсем ребенок, по земным меркам не старше

двенадцати лет. Она сказала (по крайней мере, мне послышалось, что сказала):

— Да, Амелия?

— Передай другим, чтобы не мешкая вернулись к работе. Мы вдвоем отправимся в лагерь.

Девочка сделала несколько замысловатых движений рукой и головой, добавила два-три пронзительных, свистящих слова, и толпа буквально в одно мгновение рассосалась.

— Быстрее, Эдуард, — произнесла Амелия. — Водитель той машины непременно захочет выяснить, кто и как убил его собрата.

Я последовал за Амелией в сторону низкого потемневшего строения близ зарослей. Спустя минуту к нам присоединился марсианин в одежде горожанина. В руках он держал электрический бич. Я недоверчиво покосился на него, и Амелия, естественно, это заметила.

— Не бойтесь, Эдуард, — сказала она. — Он нас не обидит.

— Вы уверены?

Вместо ответа она протянула руку, и марсианин передал ей свое оружие. Амелия осторожно приняла его, подержала передо мной на вытянутой ладони, затем вернула владельцу.

— Мы теперь не в Городе Запустения. Я установила здесь иные социальные порядки.

— Похоже, что так, — ответил я. — А кто такая Эдвина?

— Одна из маленьких рабынь. У нее природные способности к языкам, как у большинства марсианских детей, и я познакомила ее с начатками английского.

У меня в голове вертелось еще множество вопросов, Но Амелия шла таким широким шагом что я, пытаясь поспеть за ней, совершенно запыхался. Мы

подошли к строению, и только тут, на пороге, я сумел задержаться и оглянулся. Боевая машина остановилась у искалеченной башни, на которой я недавно путешествовал, и осматривала ее.

Внутри здания вели четыре коротких коридорчика, и, пройдя их, я с огромным облегчением почувствовал, что давление возросло. Надсмотрщик-горожанин удалился восвояси и оставил нас наедине, но меня еще долго душили припадки кашля, вызванного быстрой ходьбой. Немного придя в себя, я вновь заключил Амелию в объятия, все еще не в силах поверить в счастливую звезду, воссоединившую нас. Она ответила мне с прежним пылом, но затем отстранилась.

— Дорогой мой, мы оба в грязи. А здесь можно помыться.

— Мне очень хотелось бы переодеться, — признался я.

— Из этого ничего не выйдет, — заявила Амелия. — Придется вам выстирать свое платье во время мытья.

Она повела меня в дальнюю часть барака, где над головой выдавалась вперед конструкция из труб. Достаточно было повернуть кран, и оттуда извергались струйки жидкости — не воды, а, по всей вероятности, разбавленного сока растений. Оказывается, рабы, вернувшись из зарослей, принимают здесь душ; известив меня об этом, Амелия скрылась в соседней кабине, чтобы помыться без помех.

Струйки были холодными, тем не менее я с наслаждением обливался снова и снова; сняв с себя одежду, я тщательно выкрутил ее, чтобы избавиться от впитанного тканью зловония. Придя, наконец, к заключению, что ни кожу, ни одежду отчистить лучше просто невозможно, я завернул кран и попытался высушить свой костюм, хорошенько выжав его. Затем натянул брюки, но ткань отсырела, набрякла и ее

прикосновение к телу отнюдь не доставляло удовольствия. За неимением другого выхода пришлось отправиться на поиски Амелии в таком виде.

В стену у выхода из душевых кабин была вделана большая металлическая решетка. Перед ней стояла Амелия, держа истрепанное платье на весу в потоке теплого воздуха. Я тут же отвернулся.

— Несите свою одежду сюда, Эдуард, — сказала она.

— Когда вы кончите сушиться сами, — ответил я, слиясь не выдать голосом своего волнения: Амелия была совершенно раздета.

А она спокойно положила платье на пол, подошла ближе и встала ко мне лицом.

— Эдуард, мы давным-давно не в Англии. Вы схватите пневмонию, если будете расхаживать в сырых штанах.

— Со временем они высохнут.

— В марсианском климате вы задолго до того заработаете серьезную болезнь. На то, чтобы высохнуть, уйдут считанные минуты.

Она прошла мимо меня в душевую кабину и вернулась с остальной моей одеждой.

— Брюки я высушу потом, — сказал я.

— Нет, сейчас, — отрезала она.

Я простоял секунду-другую в полной растерянности, затем нехотя подчинился. Держа брюки перед собой как завесу, я придвинулся к потоку тепла с таким расчетом, чтобы он обдувал их. Мы держались на некотором расстоянии друг от друга, и, хотя я дал себе слово не смущать Амелию нескромными взглядами, само ее присутствие (она значила для меня так много, с нею вместе было столько выстрадано!) заставляло меня нарушить свое обещание и несколько раз бросить взгляд в ее сторону. Она была так прекрасна, и, даже нагая, держалась с такой грацией и достоин-

ством, что ситуация, которая, бесспорно, привела бы в смятение самого передового из наших земных соседей, здесь представлялась почти невинной.

Владевшие мною запреты понемногу слабели, и спустя минуту-другую я утратил способность сдерживаться. Выронив из рук свой наряд, я стремительно шагнул к Амелии, прижал ее к груди, и мы замерли в долгом поцелуе.

2

Кроме нас, во всем бараке никого не было. До заката оставалось еще часа два, и раньше того рабы вернуться не могли. Когда одежда высохла и мы снова надели ее, Амелия провела меня по всему строению и показала, в каких условиях они живут. Условия эти оставляли желать лучшего, в бараке не было никаких удобств: жесткие гамаки теснились вплотную один к другому, пищу, не говоря уж о ее качестве, приходилось есть в сыром виде, а об уединении и думать было нечего.

— И вы тоже живете подобным образом? — спросил я.

— Сначала жила так же, — ответила Амелия. — Пока не поняла, что являюсь здесь довольно влиятельным лицом. Вот, взгляните, где я теперь сплю...

Она привела меня в угол общей спальни. На первый взгляд гамаки и тут располагались столь же тесно, но стоило Амелии потянуть за веревку, пропущенную через блок над головой, как часть гамаков поднялась и образовала своеобразную ширму.

— В дневное время мы не поднимаем их — на случай, если явится с проверкой какой-нибудь новый надсмотрщик, — но, если мне хочется уединиться... Одно движение — и у меня собственный будуар!

Она пригласила меня к себе, и вновь, теперь уже

в уверенности, что ничьи глаза нам не помешают, я поцеловал Амелию с нежным чувством.

— По-моему, вы неплохо устроились, — заметил я наконец.

Амелия прилегла поперек гамака, а я опустился на пересекающую пол ступеньку.

— Надо не падать духом ни при каких обстоятельствах.

— Амелия, расскажите, что с вами случилось после того, как вас схватила та ужасная машина.

— Меня пригнали сюда.

— Только и всего? Возможно ли, чтобы этим делом и ограничилось?

— Я бы не хотела пережить все заново, — заявила она. — Ну, а с вами-то, с вами что произошло? Каким чудом вы после многомесячного отсутствия явились к нам верхом на наблюдательной башне?

— Предпочел бы сперва послушать ваш рассказ.

И мы по очереди принялись излагать друг другу то, что оба горячо стремились узнать. Главное — ни с одним из нас не случилось самого худшего, уж в этом-то мы теперь могли быть уверены. Амелия начала первой, поведав о своем путешествии из Города Запустения в этот лагерь для рабов.

Рассказывала она лаконично, по-видимому опуская многие подробности: то ли хотела избавить меня от самых неприятных впечатлений, то ли не желала напоминать о них себе. Путешествие заняло много дней, по большей части в крытых экипажах. Узники были лишены элементарных санитарных удобств, кормили их всего раз в сутки. Тогда же Амелии довелось, как и мне на борту снаряда, увидеть, как питаются сами чудовища. В конце концов ее и всех остальных, кто сумел пережить дорожные невзгоды, в общей сложности человек триста, — воистину, машины-пауки агрессоров в тот давний день, когда они напали

на Город Запустения, не теряли времени даром — в самом плачевном состоянии доставили сюда и отрядили на работу в красных зарослях под надзором марсиан из близлежащего города.

Тут я решил, что Амелия закончила свое повествование, и пустился в пространный пересказ собственных приключений. У меня накопилось, чем поделиться, и я не скупился на подробности. Когда я перешел к описанию смертоносного шкафа, установленного на борту снаряда, от меня не потребовалось ничего смягчать: Амелия и сама видела дьявольское изобретение в действии. Тем не менее, выслушав мой рассказ, она слегка побледнела.

— Пожалуйста, не задерживайтесь на этом.

— Как! Разве эта сторона здешней жизни вам не знакома?

— Разумеется, знакома. Только не надо живописать свои наблюдения с такой страстью. Варварский инструмент, который мы видели, используется здесь повсюду. Такой же точно есть и здесь, в бараке.

Я остолбенел от неожиданности, горько сожалея, что вообще затронул эту тему. Амелия сказала, что каждый вечер шесть, а то и больше рабов приносятся в жертву ненасытному шкафу.

— Но это же возмутительно! — воскликнул я.

— А почему, как вы думаете, угнетенные этого мира столь малочисленны? — с горячностью ответила мне Амелия. — Потому что лучших сынов народа лишают жизни ради того, чтобы благоденствовали чудовища!

— Не стану больше говорить об этом, — пообещал я и приступил к завершающей части своего рассказа.

Я поведал о том, как мне удалось выбраться из снаряда, описал битву, свидетелем которой стал, и наконец не без понятной гордости стал описывать, как сумел одолеть и убить чудовище в башне. Этот

мой рассказ Амелии, видимо, пришелся по сердцу, и я вновь не поскупился на эпитеты. Осуждения они не встретили; более того, когда я добрался до конца повествования и чудовище испустило дух, Амелия захлопала в ладоши и засмеялась.

— Вы должны повторить свой рассказ сегодня же вечером, — решила она. — У моего народа это вызовет большое воодушевление.

— Как вы сказали? У *вашего* народа?

— Дорогой мой, вы должны понять, что я осталась в живых отнюдь не по чистой случайности. Оказалось, что мне уготована роль долгожданного вождя, который, если верить легендам, избавит их от угнетения.

3

Немного позже нас прервали рабы, возвращающиеся в барак после дневных трудов, и обмен впечатлениями пришлось на время отложить.

Рабы входили внутрь через два герметизированных коридора, и с ними надсмотрщики-марсиане, которые, как я понял, имели отдельные комнаты в том же здании. У некоторых надзирателей были электрические бичи, но, переступив порог, они безбоязненно отбрасывали свое оружие прочь.

Я уже писал, что самое обычное для марсианина настроение — полнейшее уныние, и несчастные рабы не составляли исключения. Правда, теперь, когда я столько пережил и узнал, когда собственными глазами — и не далее как сегодня — видел учиненную чудовищем бойню, я относился к ним с большим пониманием, чем прежде.

После возвращения рабов в бараке наступил период общего оживления, когда они смыли с себя накопившуюся за день грязь и им подали пищу. С тех

пор как я ел в последний раз, прошло много часов, и, хотя в сыром виде красные стебли были малосъедобны, я набрал себе столько, сколько вместили руки.

Во время ужина к нам присоединилась маленькая рабыня, которую Амелия звала Эдвиной. Меня поразило, как хорошо сумела девочка овладеть английским, и вместе с тем позабавило, что она, не осилив иных каверзных согласных, тем не менее переняла у Амелии ее интонации. (Приводя в своем повествовании слова Эдвины, я не стану и пытаться передать фонетически ее единственный в своем роде акцент, я буду переводить их на правильный английский язык; но, признаться, поначалу ее речь казалась мне совершенно невразумительной.)

От моего внимания не ускользнуло, что, пока мы ужинали (столов не было и в помине, мы все сидели на корточках на полу), рабы держались от Амелии, да и от меня на почтительном расстоянии. Самое большее, на что они отваживались, — бросить в нашу сторону взгляд украдкой, и только Эдвина села подле нас и вела себя в нашем обществе как равная.

— Но ведь они несомненно должны были к вам привыкнуть? — обратился я к Амелии.

— Они смущаются не меня, а вас. Вы ведь тоже персонаж из легенды.

Тут Эдвина, которая слышала мой вопрос и уразумела его, произнесла:

— Ты знаменитый бледный карлик. — Я нахмурился и посмотрел на Амелию: не пояснит ли она мне, что это значит? А Эдвина продолжала: — Наши мудрецы рассказывали о бледном карлике, который сойдет к нам с боевой машины.

— Понятно, — ответил я и улыбнулся, вежливо наклонив голову. Потом, когда Эдвина отодвинулась и не могла меня слышать, я поинтересовался: — Но если вы, Амелия, играете для этих людей роль мес-

сии, почему вам приходится работать вместе с ними?

— Это не прихоть. Надсмотрщики в большинстве своем привыкли ко мне, но если вдруг из города явится новичок, ему сразу бросится в глаза, что я не работаю вместе со всеми. К тому же в легендах прямо сказано, что тот, кто поведет народ за собой, выйдет из его среды. Иначе говоря, из рабов.

— Вероятно, мне следовало бы послушать эти легенды, — заявил я.

— Эдвина с удовольствием перескажет их вам.

— Вы упомянули о надсмотрщиках. Как случилось, что их здесь перестали бояться?

— Потому что мне удалось внушить им истину: у всех человеческих существ на Марсе — один общий враг. Поймите, Эдуард: я не просто играю уготованную мне роль. Я действительно убеждена, что революция назрела. Чудовища правят людьми, разделяя их, натравливая одну часть народа на другую. Рабы страшатся надзирателей, поскольку думают, что за теми стоит могущество чудовищ. Горожане поддерживают существующую систему, поскольку пользуются известными привилегиями. Но, как мы с вами убедились, эта система служит исключительно интересам чудовищ. Единственное, что им нужно от людей, — это наша кровь, и рабство — самый легкий способ ее получить. Мне оставалось лишь доказать надзирателям — которые, кстати, тоже знакомы с легендами, — что чудовища враждебны любому человеческому существу.

Пока мы беседовали вдвоем, рабы вынесли остатки пищи, однако спустя секунду словно оцепенели: снаружи неожиданно ворвался звук — ужасающая пронзительная сирена, эхом отозвавшаяся по всему барраку. Амелия сильно побледнела, отвернулась и ушла в свой угол. Я последовал за ней и застал ее в слезах.

— Эта сирена... — сказал я. — Она на самом деле означает то, что мне подумалось?

— Они пришли за своими жертвами, — ответила Амелия, и ее рыдания возобновились с удвоенной силой.

4

Не стану описывать последовавшую затем жуткую сцену, хочу только пояснить, что рабы завели в своей среде своеобразные правила, основанные на жребии, и шестеро горемык проследовали в комнатушку, где был установлен шкаф-убийца, в мертвой тишине.

Амелия призналась, что никак не ожидала появления чудовищ в лагере именно в этот вечер: близ зарослей осталось не мало трупов, и она надеялась, что сегодня чудовища удовольствуются кровью, выкачанной из этих уже бездыханных тел.

5

За Амелией и за мной прислали Эдвину.

— Мы хотим слышать приключения бледного карлика, — обратилась она к Амелии. — Это поднимет наш дух.

— Неужели мне надо выступать перед ними? — спросил я. — Я просто не знаю, что говорить. И потом, как они поймут меня?

— Они ждут вашего рассказа. Ваше появление было очень эффектным, и они хотят услышать все из ваших уст. Эдвина будет вашей переводчицей.

— А вам случалось проделывать это самой?

Амелия кивнула.

— Мне сообщили об этом ритуале, когда я учила Эдвину говорить по-английски. Как только она овладела достаточным запасом слов, мы подготовили ма-

ленькую речь, и с того дня я стала их признанным вождем. Вас не примут здесь окончательно до тех пор, пока вы не пройдете тот же ритуал.

— Но обо всем ли можно им рассказать? Говорили вы им, что мы с Земли?

— Нет, я чувствовала, что меня не поймут, и говорить об этом не стала. Земля упоминается в их легендах — они называют ее «теплый мир», — но лишь как небесное тело. Так что тайну нашего земного происхождения я им не выдала. Между прочим, Эдуард, я думаю, настало время нам с вами отдать себе отчет, что родины нам больше не видать. У нас нет ни малейшей возможности вернуться. С того дня, как я попала в этот лагерь, я успела смириться со своей судьбой. Мы теперь оба марсиане.

Я обдумывал ее слова в молчании. Не могу сказать, чтобы такой поворот событий мне особенно нравился, но я уяснил себе ее точку зрения. Пока мы цепляемся за ложную надежду, мы не сможем как следует приспособиться к новой жизни. Наконец я решил:

— Ладно, я расскажу им, как прилетел сюда в снаряде, как взобрался на наблюдательную башню и как разделался с чудовищем.

— Если вы хотите соответствовать своему мифическому образу, Эдуард, то, боюсь, вам придется применить глаголы посильнее, чем «разделался».

— А Эдвина поймет меня?

— Поймет, если вы будете сопровождать слова подобающими жестами.

— Но ведь они своими глазами видели, как я спускался с башни, покрытый кровью!

— Важен сам ритуал рассказа. Просто повторите им то же, что рассказывали мне.

Эдвина выглядела самой счастливой из всех марсианок, каких я когда-либо видел.

— Мы услышим приключения бледного карлика? — повторила она.

— Раз вы этого хотите, — ответил я.

Мы встали и последовали за Эдвиной в общую спальню. Часть гамаков убрали, и рабы сидели на полу. При нашем появлении они поднялись на ноги и принялись ритмично подпрыгивать. Зрелище было довольно комичное — и не слишком успокоительное, — но Амелия шепнула мне, что так марсиане выражают наивысший энтузиазм.

В глубине комнаты, у стены, я заметил шестерых горожан. Ясно было, что они еще не вполне заодно с рабами, но и безотчетного страха, как в Городе Запустения, они у своих подопечных не вызывали.

Амелия утихомирила толпу, подняв над головой руку с растопыренными пальцами. Когда волнение улеглось, она сказала:

— Мой народ! Сегодня мы видели, как этот человек умертвил одного из тиранов. Сейчас он пришел к нам, чтобы поведать о своих подвигах.

Эдвина переводила, не отставая от Амелии, — произносила короткие слоги и сопровождала их сложными движениями обеих рук. Когда они обе умолкли, рабы запрыгали снова, сопровождая прыжки резкими звуками — не то визгом, не то свистом. Я пришел в замешательство — этому, казалось, не будет конца. Тогда Амелия шепнула:

— Поднимите руку.

Я уже жалел, что согласился на ее уговоры и пришел сюда, но послушно поднял руку, и, к моему удивлению, мгновенно наступила тишина. Я смотрел на этот странный народ — на долговязых краснокожих инопланетян, к которым забросила нас судьба и среди которых нам суждено теперь доживать свой век, — и пытался найти подходящие для обращения к ним слова. Но в помещении по-прежнему стояла мертвая

тишина, и я не без робости стал описывать, как меня загнали на борт снаряда. Эдвина тут же начала вторить моим словам своим необычным, пересыпанным жестами переводом.

Сперва я говорил нерешительно, боясь, как бы не сболтнуть лишнего. Слушатели хранили молчание. По мере того как я входил во вкус и стал уснащать свой рассказ подробностями, перевод Эдвины приобретал все большую выразительность, и, подхлестнутый этим, я дал волю своему воображению, не оставиваясь перед преувеличениями.

Битва в моем изображении превратилась в непрерывный лягг сталкивающихся металлических гигантов, в сплошную череду ужасных криков и — наиболее правдоподобная деталь — нескончаемое сверканье тепловых лучей. Кое-кто из рабов вновь вскочил на ноги и принялся увлеченно прыгать. Когда же рассказ подошел к критической точке — к тому моменту, когда кровожадное чудовище повернуло тепловой луч против народа, — все слушатели уже были на ногах, а жесты Эдвины приобрели самый драматический характер.

Не скрою, описывая свои подвиги, я, пожалуй, отсек больше шупалец, чем их было в действительности, и вообще убить чудовище стало куда сложнее, чем на самом деле, однако я считал своим долгом придерживаться духа событий, не связывая себя требованиями нудной подлинности.

Закончил я свое повествование среди всеобщих восторженных криков и картинных слаженных прыжков. Я бросил взгляд на Амелию: довольна ли она? Но прежде чем мы сумели перекинуться словом, нас обступила толпа. Марсиане взяли нас в кольцо, подталкивая и подпихивая, — я принял эти толчки за новые проявления энтузиазма. Однако нас повлекли, настойчиво и твердо, в одном направлении — к углу,

выгороженному Амелией для себя; когда мы приблизились к гамакам, образующим перегородку, возбуждение достигло апогея. Нас еще немного потрепали — не больно, скорее добродушно — и втолкнули за разделительный барьер.

Крики снаружи сразу же стихли, как по команде.

Взбудораженный оказанным мне приемом, я привлек Амелию к себе. Она была возбуждена не менее моего и отвечала на мои поцелуи с большой готовностью и пылом. Поцелуи раз от раза становились все продолжительнее, и во мне вопреки моей воле проснулись те естественные желания, которые я столь долго подавлял; тогда я с неохотой оторвался от ее губ и ослабил объятия, ожидая, что она отстранится. Но Амелия продолжала обнимать меня.

Из-за перегородки вновь донеслись голоса рабов. Они не то что запели, скорее затянули вереницу тихих нот без мелодии. Это странное пение убаюкивало, навевало сладостный покой.

— Что же дальше? — спросил я через несколько минут.

Амелия ответила не сразу. Потом прижалась ко мне еще теснее и проговорила:

— Неужели вам надо подсказывать, Эдуард?

Кровь бросилась мне в лицо.

— То есть... быть может, есть какой-то обряд, который мы должны соблюсти? — произнес я.

— Только тот, что предписан нам легендой. В ночь, когда бледный карлик спустился с башни... — Остальное она прошептала мне на ухо.

Какое счастье, что она не могла видеть мое лицо: глаза у меня были плотно зажмурены, и я почти не дышал от возбуждения.

— Амелия, мы не можем. Мы не женаты.

Это была последняя дань условностям, которые до того правили всей моей жизнью.

— Мы теперь марсиане, — сказал Амелия. — Мы не обязаны блюсти земные обычаи.

И пока марсианские рабы за тысячей перегорожкой тянули пронзительными голосами свою унылую песню, мы отбросили все, что еще уцелело в нас от англичан и подданных Земли. Эта ночь как бы благоговела нас на наши новые роли и обязанности вождей угнетенного марсианского народа.

Глава XV

Замышляется революция

1

С момента нашего пробуждения рабы обращались к нам обоим — к Амелии и ко мне — с покорностью и почтением. Тем не менее, поскольку наша жизнь строилась теперь в соответствии с легендами, а они настаивали, чтобы мы работали вместе со всеми в красных зарослях, большую часть дня пришлось провести в холодной грязи по колено. Эдвина работала рядом с нами; в ее вежливом, но неотступном внимании было нечто тягостное для меня, однако пользу она, без сомнения, приносила большую.

Рубкой стеблей мы с Амелией почти не занимались. Не успели мы добраться до зарослей, как нас стали одолевать рабы и надсмотрщики, жаждущие встречи с теми, кому суждено возглавить восстание. Вслушиваясь в вопросы и ответы, которые старательно, хотя подчас и невразумительно, переводила Эдвина, я понял, что уверения Амелии о близости революции возникли отнюдь не на пустом месте. Иные из надсмотрщиков явились из города, и от них мы узнали, сколь тщательно разрабатываются планы свержения чудовищ.

День выдался насыщенный, и радостно было сознавать, что мы наконец объединили этих людей, подняли их против ненавистных владык. Амелия намеренно и неоднократно напоминала всем о моем героич-

ческом подвиге, свершенном накануне. Часто повторялась ставшая крылатой фраза: *тираны смертны*.

Однако, смертные или нет, чудовища пока еще отнюдь не перевелись и представляли собой постоянную угрозу. В течение дня к зарослям нередко подступал какой-нибудь из огромных боевых треножников, и тогда всякую заговорщическую деятельность приходилось на время прекращать, притворяясь, что мы, как и все остальные, заняты рубкой стеблей и ничем иным.

Выждав момент, когда мы остались вдвоем, я спросил Амелию, к чему продолжать этот тягостный труд, если подготовка к восстанию зашла уже так далеко. Она ответила, что на заготовке стеблей занято абсолютное большинство рабов и, если ее прекратить до того, как революция свершится, чудовища немедленно заподозрят неладное. А кроме того, в этом случае пострадают прежде всего сами рабы: ведь растения для них — единственный продукт питания.

— А кровавые жертвоприношения? — осведомился я. — Неужели нельзя прекратить хотя бы их?

Амелия пустилась в объяснения: да, отказаться давать чудовищам кровь — единственный верный способ победить их, и на протяжении многих лет марсиане неоднократно пытались отменить этот страшный обычай. При каждом таком столкновении чудовища карали слушников быстро, жестоко и повсеместно. Последняя попытка, месяца два назад, завершилась тем, что чудовища перебили больше тысячи рабов. Кровавый террор не ослабевал ни на минуту, и даже сейчас, в дни подготовки к мятежу, отвергнуть ежедневные жертвы было, увы, невозможно.

Впрочем, в самом городе угроза свержения укоренившихся порядков стала вполне реальной. Рабы и горожане наконец начали объединяться, там и сям возникали ячейки добровольцев — мужчин и женщин,

которые в назначенный час по команде пойдут в атаку на заранее определенные цели. Наибольшую опасность представляли собой боевые машины: пока несколько генераторов тепловых лучей не окажутся в руках восставших, треножки будут неуязвимы.

— Почему же мы не в городе? — спросил я. — Если ты действительно руководишь восстанием, то делать это несомненно легче оттуда...

— Разумеется. В мои планы входило вновь отправиться в город завтра поутру. Сам увидишь, как далеко мы продвинулись в своих приготовлениях.

Затем нас опять потревожили посетители — на сей раз делегация надсмотрщиков, занятых в одной из промышленных зон. Они сообщили нам через Эдвину, это им удалось разработать целую программу саботажа, и выпуск продукции в цехах сократился наполовину.

Так прошел день, и к вечеру, когда мы вернулись в барак, я был и возбужден и измучен. Просто в голове не укладывалось, как это Амелии удалось использовать месяцы, прожитые среди рабов, с таким толком! Кругом царила атмосфера приподнятого, целеустремленного ожидания... и еще безотлагательной спешности. Я не раз своими ушами слышал, как Амелия убеждала марсиан поторопиться, чтобы как можно скорее перейти к решительным действиям.

После умывания и еды мы с Амелией удалились в свой отдельный, принадлежащий теперь нам обоим угол. Когда мы остались наедине, я спросил: какая нужда в особой спешке? Ведь чем тщательнее подготовка, тем больше шансов на успех.

— Видишь ли, Эдуард, — отвечала Амелия, — самое важное — точно выбрать срок. Надо напасть на них тогда, когда они неподготовлены и слабы. Сейчас самое подходящее время.

— Но они сейчас в расцвете своего могущества! —

вскричал я в изумлении. — Нельзя же не видеть этого!

— Дорогой мой, — возразила Амелия, — если мы не выступим против чудовищ в ближайшие дни, дело угнетенных этого мира будет проиграно навсегда.

— Не могу понять почему. До сих пор чудовища пользовались безраздельной властью. На каком основании ты считаешь, что сейчас они не сумеют противостоять восстанию?

И вот какой ответ дала мне Амелия — ответ, собранный по крупицам из преданий и легенд; недаром она прожила среди марсиан так долго.

2

Марс по возрасту много старше Земли, и древние марсиане развили науку и основали цивилизацию много тысячелетий назад. Как и на Земле, на Марсе были свои империи и войны; как и земляне, марсиане были честолюбивы и дальновидны. Лишь в одном отношении Марс, к несчастью, резко отличался от Земли: он значительно уступал ей по размерам. В результате первоэлементы, необходимые для поддержания разумной жизни — воздух и вода, — постепенно утекали в пространство, притом с такой скоростью, что древние марсиане осознали печальную истину: их цивилизации суждено погибнуть не позже чем через тысячу марсианских лет. И в распоряжении ученых не было никаких средств остановить постепенное умирание родной планеты.

Не найдя прямого решения задачи, марсиане пошли другим, окольным путем. Они задумали создать новую расу, используя клетки, взятые из мозга ученых древности, — расу, единственной характеристикой которой стал бы огромный интеллект. Так с течением времени появились первые чудовища. Амелия полагала, что на это ушло не менее нескольких сотен лет.

Первые жизнеспособные чудовища находились в полной зависимости от людей: они не умели передвигаться, нуждались в периодических переливаниях крови домашних животных и были подвержены любым инфекциям. Но поскольку им дали средства к самовоспроизводству, они на протяжении поколений развили в себе сопротивляемость болезням и умение переползать с места на место, хотя и с большим трудом. Едва эти существа обрели относительную независимость от внешнего мира, перед ними поставили задачу отыскать выход из положения, угрожающего сохранению жизни на Марсе.

Одного не предвидели древние ученые: чудовища действительно обладали огромным интеллектом, но наряду с этим отличались крайней жестокостью и, раз уж взялись за решение научной проблемы, не терпели никаких препон на избранном пути. И самые интересы человечества, которым чудовища в конечном итоге служили, неизбежно отступили для них на задний план по сравнению с проблемой как таковой. А затем, шаг за шагом, марсиане были порабощены теми, кого сами же породили.

Шли столетия, монстрам требовалось все больше крови. Со временем кровь животных вообще перестала их удовлетворять. Так возник обычай жестоких жертвоприношений, которому мы стали свидетелями.

На начальных этапах эволюции чудовища при всей своей безжалостности еще не были символом всех зол; напротив, они принесли миру немало добра. Это они предложили прорыть каналы, орошающие сухие экваториальные районы, и руководили осуществлением проекта. А чтобы свести к минимуму испарение воды в пространство, они вывели растения с высоким содержанием воды в стеблях, которые можно было высадить как кормовую культуру по берегам каналов. Более того, именно им принадлежит откры-

тие высокоэффективного источника тепла для снабжения энергией городов (позднее этот источник видоизменили для выбрасывания тепловых лучей); они же изобрели купола из электрических полей, которые сохраняли плотность атмосферы над поселениями.

Однако с течением времени часть чудовищ отчаялась найти решение главной проблемы. Другие же их собратья продолжали настаивать на том, что задача в принципе разрешима и что, как бы ни изменились взаимоотношения чудовищ и людей, работу необходимо довести до конца. Ожесточенная борьба между сторонниками противоположных точек зрения затянулась на целый век и переросла в вооруженный конфликт, который не угас и поныне. Хуже того, военные действия год от года обостряются, так как теперь предметом спора сделались сами люди: их число неуклонно сокращается, и чудовища обеспокоены, как бы не остаться без пищи.

Сейчас войну друг с другом ведут два лагеря: чудовища из соседнего города, крупнейшего на Марсе, которые убеждены, что скорую гибель планеты предотвратить невозможно, и чудовища из трех других городов — в том числе Города Запустения, — которые полны решимости вести поиски дальше. Но ведь, с человеческой точки зрения, одно ничуть не лучше другого: рабство останется рабством при любом исходе борьбы.

И все-таки разница есть: сегодня чудовища этого города более уязвимы. Они готовятся к переселению на иную планету и настолько заняты приготовлениями, что цепи рабства ослабли, как никогда. Переселение должно начаться через два-три дня; улетают не все чудовища, многие остаются здесь, и если восстание вообще может увенчаться успехом, то именно в те дни, когда чудовища всецело поглощены своей затеей.

Когда Амелия закончила свой рассказ, я вдруг заметил, что у меня дрожат руки и что, несмотря на привычный для барака холод, лицо и ладони покрылись испариной. Довольно долго я просто не мог найти подходящих слов, чтобы выразить овладевшее мной смятение. Наконец я спросил:

— Амелия, есть у тебя хотя бы приблизительное представление о том, на какую именно планету они собираются переселиться?

Она ответила нетерпеливым жестом.

— Не все ли равно? Пока они заняты своей экспедицией, они уязвимы для нападения. Если мы пропустим такой случай, другого может не представиться.

Я вдруг заметил в Амелии черты, каких не примечал до разлуки. Она, правда на свой манер, стала суровой до нетерпимости. Но по зрелом размышлении я осознал, что кажущаяся суровость объясняется одной-единственной причиной: мы заставили себя смириться со своей судьбой, и это лишило ее чувства жизненной перспективы.

Движимый сочувствием и любовью, я спросил:

— Амелия, ты что, и в самом деле стала настоящей марсианкой? Или ты не боишься того, что может случиться, если эти чудовища вторгнутся на Землю?

Высказанная мною догадка явилась для нее таким же потрясением, какое чуть раньше испытал я сам. Лицо у нее посерело, глаза внезапно наполнились слезами. Она всхлипнула, поднесла ладонь к губам... Потом вдруг рванулась мимо меня, за перегородку, стремглав пробежала через общую спальню. А добежав до дальней стены, закрыла лицо руками, и ее плечи затряслись от рыданий.

Мы провели беспокойную ночь, а утром отправились, как и предполагали ранее, в город.

Нас сопровождали трое марсиан: Эдвина, поскольку мы по-прежнему не могли обойтись без переводчика, и два надсмотрщика-марсианина, небрежно помахивающие электрическими бичами. Никому из марсиан мы и словом не обмолвились о вечернем разговоре; для всех наша цель не изменилась — мы намеревались посетить ячейки заговорщиков в самом городе.

На деле же меня более всего занимали мои собственные мысли, а Амелия, как я понимал, мучилась в тисках противоречивых чувств. В поезде, мерно движущемся в сторону города, мы оба хранили молчание, и это не прошло незамеченным: обычно мы были куда разговорчивее. Время от времени Эдвина показывала за окном какие-то достопримечательности, но, что до меня, я не ощущал к ним ни малейшего интереса.

Прежде чем мы покинули лагерь для рабов, я ухитрился переброситься с Амелией еще десятком фраз наедине.

— Мы должны вернуться на Землю, — твердо сказал я. — Если эти чудовища высадутся там, невозможно себе и представить, какие беды они причинят.

— Но по силам ли нам остановить их?

— Значит, ты согласна, что нам так или иначе необходимо попасть на Землю?

— Да, конечно. Но как?

— Если они полетят в снарядах, — принялся рассуждать я, — мы должны тайком пробраться на борт. Путешествие не займет более суток, в крайнем случае более двух, — столько-то мы продержимся. А попав на Землю, обратимся к властям и предупредим их.

Для импровизированного плана этот был доста-

точно хорош, и Амелия в принципе не возражала против него. Ее душу терзали сомнения совсем другого рода.

— Эдуард, я просто не вправе покинуть этих людей именно сейчас. Я подбила их на выступление, а теперь возьму и брошу в критическую минуту...

— Могу оставить тебя с ними.

Мои слова прозвучали подчеркнuto холодно.

— Нет, нет! — Она взяла меня за руку. — Я по-прежнему верна Земле. Здесь я лишь ответственна за то, что сама же и начала.

— Так вот в чем соль твоих сомнений! — взорвался я. — Ты дала толчок революционным событиям. Ты всколыхнула народ. Но это его борьба за свободу, а не твоя. В любом случае ты не в состоянии руководить восстанием одна — его ведут представители инопланетной расы, которых ты едва понимаешь, и говорят они на языке, которым ты не владеешь. Если они готовятся к выступлению, а ты до сих пор не видела даже основных приготовлений, значит, твоя роль свелась, в сущности, к чисто номинальной.

— Да, наверное, ты прав...

Однако и сегодня, в поезде, она была погружена в раздумье, и я понимал, что не должен торопить ее — она придет к правильному выводу сама.

Два надсмотрщика-марсианина с гордостью указали нам на одну из промышленных зон, раскинувшихся за окнами поезда. В зоне, по-видимому, почти никто не работал, ни над одной из труб не поднимался дым. Вокруг стояло несколько боевых машин, суетились бесчисленные многоногие экипажи. Эдвина пояснила, что именно в этой зоне были совершены первые акты саботажа. И со стороны чудовищ не последовало никаких репрессивных мер: различные происшествия выглядели цепочкой не связанных друг с другом случайностей.

Что касается меня, то, повторяю, мною владели совсем иные мысли, и я обдумывал их с самых разных сторон. Восстание, значившее так много для Амелии, меня занимало лишь постольку-поскольку: его задумывали и начинали без меня. Не услышь я о том, что чудовища замышляют переселение с Марса, я наверняка тоже ввязался бы в заговор, боролся бы на стороне восставших, а может, и рисковал бы ради них своей жизнью. Но за все недели и месяцы, проведенные на Марсе, меня ни на мгновение не покидала внутренняя боль, чувство оторванности от Земли, тоска по дому. Мне отчаянно хотелось вернуться в привычный с детства мир, в ту его часть, которую я считал своей родиной.

Мне недоставало Лондона — со всем его многолюдьем, шумами и грубыми запахами, и я истосковался по виду зелени. Ничего нет на свете краше английского сельского пейзажа весной; и если раньше я принимал его за нечто само собой разумеющееся, то заведомо больше такой ошибки не повторю. Здесь вокруг меня лежал мир враждебных красок — серых городов, рыжей почвы, багровой растительности. Найдись на всем Марсе хотя бы один старый дуб, один кочковатый луг, одна речная долина в диких цветах, — и я в конце концов мог бы привыкнуть к здешней жизни, но ведь ничего этого не было и в помине! И тот факт, что чудовища располагают средствами добраться до Земли, значил для меня бесконечно много: передо мной раскрывалась дорога до мой.

Я предложил Амелии тайком пробраться на борт одного из нацеленных на Землю снарядов, однако это была очень рискованная идея. Не говоря уж о том, что нас могут обнаружить во время полета или что возникнет какая-либо иная непредвиденная опасность, — мы прибудем на Землю вместе с самыми

лютыми, самыми безжалостными врагами, каких человечество встречало за всю свою историю!

Естественно, чудовища не делились с нами своими намерениями, но у нас не было никаких оснований полагать, что они отправляются на Землю с миссией мира. А принимать участие в нападении на родную планету, даже самое пассивное, мы с Амелией просто не имели права. Более того, наш долг повелевал нам любой ценой предупредить соотечественников о планах марсиан.

Оставался единственный выход, и с той секунды, когда он впервые промелькнул в моем сознании, его простота и дерзость сделали соблазн неотразимым.

Я был на борту снаряда; я видел его в полете; я осматривал пульт управления.

Мы с Амелией должны украсть один из снарядов и вылететь в нем на Землю сами, без марсиан!

5

В город мы прибыли беспрепятственно, и наши марсианские сообщники повели нас по улицам.

Малочисленность населения здесь бросалась в глаза не столь явно, как в Городе Запустения. Покинутых строений попадалось меньше, и бесспорная военная мощь чудовищ гарантировала жителей от любых нашествий. Отличие от Города Запустения заключалось также в том, что предприятия располагались в городской черте — наряду с вынесенными в обособленные зоны — и над улицами стлалась дымная пелена, которая еще резче обострила мою тоску по Лондону.

Впрочем, времени на осмотр города почти не было: нас сразу же провели в один из домов-спален. Здесь, в маленькой комнатке окнами во двор, мы встретились с руководителями повстанческих групп.

При нашем появлении марсиане принялись с энтузиазмом подпрыгивать вверх-вниз, как обычно. Помимо воли я проникся сочувствием к этим бедным закабаленным людям и разделил их радость от того, что свержение власти чудовищ становится все более реальной перспективой.

С нами обращались примерно так, как с членами королевской семьи в Англии, и я вдруг отдал себе отчет, что и мы с Амелией начали вести себя почти по-королевски. наших ответов ожидали с величайшим почтением, и, несмотря на вынужденную немоту, мы удостоивали кивком и улыбкой каждого марсианина, объяснявшего нам через Эдвину свою задачу в предстоящих сражениях.

Из этой спальни нас потащили в другую, и там картина повторилась. Все выглядело именно так, как я и сказал Амелии: она побудила марсиан к действию и повлиять на дальнейший ход событий уже не могла. Мною овладели усталость и нетерпение, и когда нас повели по третьему адресу, я шепнул Амелии:

— Мы тратим время без толку.

— Приходится поступать сообразно тому, чего от нас ждут. Уж в этом по крайней мере мы можем пойти им навстречу.

— Надо бы осмотреть город получше. Пока что мы не знаем даже, в каком направлении искать снежные пушки.

Не считаясь с тем, что нас теперь сопровождали шестеро марсиан и каждый из них пытался обменяться с ней через Эдвину хоть несколькими словами, Амелия выразила свои чувства утомленным пожатием плеч.

— Я не могу сейчас уйти, — сказала она. — Что, если тебе отделиться от нас?

— А кто мне будет переводить?

Тут Эдвина потянула Амелию за руку и указала на строение, к которому мы приближались и где, по всей вероятности, располагалась очередная группа заговорщиков. Амелия покорно улыбнулась и кивнула.

— Лучше бы нам не расставаться, — произнесла она.—Можно спросить Эдвину, и она выяснит все, что тебя интересует.

Через некоторое время мы вошли в здание, где в полутемном подвале нас приветствовали десятка четыре взбудораженных марсиан. Улучив момент, я сумел отвлечь Эдвину от Амелии на достаточный срок, чтобы втолковать ей, чего я хочу. Она не выразила по этому поводу никакого любопытства, просто передала мое пожелание одному из присутствующих горожан. Вскоре тот отделился от остальных и вышел из подвала.

6

Мы уже готовы были двинуться дальше по заданному нам маршруту, когда посланный вернулся, ведя за собой двух молодых марсиан в черной форме, отличающей тех, кто управляет снарядами.

При виде их я едва не отшатнулся. Из всех себе подобных, каких я встретил здесь, те, кого научили летать на снарядах, казались мне наиболее приближенными к чудовищам, и потому я никак не ожидал увидеть их в числе доверенных лиц в канун свержения старого порядка. Но факт оставался фактом: этих двоих допустили чуть ли не в штаб повстанцев.

Совершенно неожиданно для меня моя шальная идея получила солидное подкрепление. В мои намерения входило подобраться к снежным пушкам хитростью, переодевшись самому и переодев Амелию, и попытаться совладать с рычагами своим умом. Но если я сумею внушить этим двоим, чего мы хотим, они

просто покажут мне, как управлять снарядом, или даже отправятся на Землю вместе с нами!

— Я хочу, — объявил я Эдвине, — чтобы эти люди отвели меня на свою летающую военную машину и показали, как с ней обращаться.

Сперва она повторила мое пожелание слово в слово, потом, когда я убедился, что она поняла меня правильно, передала его по назначению. Один из марсианских пилотов произнес что-то в ответ.

— Он хочет знать, куда ты собираешься направиться, — сказала Эдвина.

— Скажи ему, что я намерен похитить снаряд у чудовищ и улететь на нем в теплый мир.

Эдвина отозвалась без промедления:

— Ты собираешься улететь один, бледный карлик, или заберешь Амелию с собой?

— Мы хотим улететь вместе.

Реакция Эдвины оказалась совсем не такой, на какую я рассчитывал. Она повернулась к толпе заговорщиков и разразилась длинной речью, то и дело присвистывая и размахивая руками. Не успела она закончить, как несколько марсиан подскочили ко мне, скрутили мне руки и лишили всякой возможности шевельнуться, прижав к стене лицом. Амелия успела лишь прокричать через комнату:

— Что такого ты сказал им, Эдуард?

7

Прошло не меньше десяти минут, прежде чем Амелия добилась моего освобождения. Эти десять минут не доставили мне удовольствия: обе руки были варварски заведены за спину. Невзирая на свою хрупкую внешность, марсиане оказались очень сильны.

Когда меня наконец отпустили, мы с Амелией под конвоем двух марсиан удалились в примыкающую к

подвалу каморку. Назначив конвой, марсиане невольно сыграли нам на руку: без Эдвины они не могли нас понять, а мне только и нужно было что поговорить с Амелией без помех.

— Ну, а теперь будь любезен рассказать, что, собственно, произошло, — начала она.

— Меня осенила новая идея, как вернуться на Землю. Я пытался претворить ее в жизнь, а марсиане это неправильно истолковали.

— Что ты сказал им?

Я вкратце обрисовал ей свой план: выкрасть один из снарядов заранее, не дожидаясь, пока чудовища развяжут войну против землян.

— И ты сумеешь управлять такой машиной? — недоверчиво спросила она.

— Не предвижу особых трудностей. Я осматривал пульт управления. Мне хватит нескольких минут, чтобы окончательно во всем разобраться.

Амелия взглянула на меня с явным сомнением, но ответила просто:

— Пусть даже так, однако ты сам видел, как ониотреагировали на твою идею. Они не отпустят меня, и все. Входит ли это в твои планы?

— Ты же сама заявила, что не останешься здесь.

— Будь на то моя воля, не останусь.

— Значит, мы должны как-то их уговорить, — заявил я.

Двое наших конвойных беспокойно пошевелились. А когда, увлеченный разговором, я тронул Амелию за руку, они так и кинулись вперед, защищая ее от меня.

— Нам лучше вернуться к остальным, — сказала Амелия. — Ты уже убедился, они не доверяют тебе.

— Но мы ничего не решили! — возразил я.

— Пока не решили. Предоставь это мне — тогда, пожалуй, мы сумеем их уломать.

Обстоятельства научили меня правильно истолковывать выражения марсианских лиц; когда мы вернулись в подвал, я сразу ощутил, что ко мне относятся еще враждебнее, чем раньше. Несколько марсиан бросились к Амелии, приветственно подняв руки, меня же бесцеремонно отшвырнули в сторону. Те двое, что стерегли нас, остались подле меня и вынудили держаться от нее особняком. Амелию радостно обступили, к ней подбежала Эдвина. Обмен возбужденными репликами затянулся на добрые пять минут.

В общем гомоне я не мог различить слов, но неотрывно наблюдал за Амелией. Она одна среди всех хранила спокойствие и хладнокровие: внимательно вслушивалась в переводы Эдвины, невозмутимо ждала, пока очередной марсианин, нервозно присвистывая, закончит очередную речь. Невзирая на напряженность момента, впечатление Амелия производила удивительное: мне представилась возможность взглянуть на нее и более проникновенно, и более отстраненно. Фантастические приключения толкнули нас в объятия друг друга, а теперь наша близость становилась причиной разлуки. Никогда еще глубочайшее несходство между марсианами и людьми Земли не проявлялось с такой очевидностью, как в эту минуту. И тем не менее одно для меня было несомненно: если Амелии не дадут улететь со мной, я останусь с ней на Марсе.

Наконец порядок восстановился, и Амелия, сопровождаемая Эдвиной, вышла на середину комнаты и повернулась лицом к толпе. Два моих стража по-прежнему оттесняли меня от них. Амелия подняла вверх правую руку, растопырив пальцы, и наступила тишина.

— Мой народ, случившееся обязывает меня раскрыть вам тайну моего происхождения. — Она говорила негромко и неторопливо, оставляя Эдвине время

на перевод. — Я не делала этого раньше потому, что легенды обещали вам свободу из рук тех, кто, как и вы, был поработчен от рождения. Я же работала вместе с вами и терпела лишения вместе с вами, и вы признали во мне вождя, но рождена я была свободной.

Толпа ответила на это мгновенным взрывом возбуждения, но Амелия продолжала как ни в чем не бывало:

— Недавно я выяснила, что существа, поработившие вас, те, кого вы вскоре одолеете в доблестном бою, намерены навязать свое господство другому миру — тому, который известен вам как теплый мир. Но вам не известно — я вам этого не говорила, — что я сама прибыла из теплого мира, прилетела с неба на корабле, подобном тем, какие строят ваши поработители.

Тут ее речь прервал новый взрыв шума в рядах марсиан.

— Нас уже ничто не может остановить: наша решимость столь же велика, как и наша храбрость. Но если хотя бы несколько чудовищ ускользнут на другой мир, кто может поручиться, что они не вернуться, выждав удобный час? К тому времени восстание пойдет на убыль, и чудовища без труда закабалят вас снова.

Чтобы наше дело одержало полный успех, надо убедиться, что чудовища истреблены все до последнего. Вот почему совершенно необходимо, чтобы я отправилась в свой собственный мир и предупредила его жителей о вынашиваемых агрессором планах. Человек, которого вы зовете бледным карликом, и я передадим им такое предупреждение, поднимем народ теплого мира на отражение этой угрозы, как подняли вас. А затем, как только позволят обстоятель-

ства, я вернусь к вам, чтобы разделить с вами радость свободы!

Я понял, что Амелии удалось отвести худшие подозрения марсиан: трое или четверо среди них даже принялись с воодушевлением подпрыгивать. Однако у нее нашлось еще что сказать:

— Вы должны также отбросить недоверие к человеку, которого вы зовете бледным карликом. Его геройский подвиг призван послужить вам примером. Он, и только он, доказал, что чудовища смертны. Так пусть его дерзкая вылазка станет первой зарницей свободы!..

Теперь марсиане — все до единого — прыгали и пронзительно вопили, и я усомнился, можно ли будет в таком шуме вообще что-нибудь расслышать. Но Амелия взглянула на меня и тихо сказала, и я различил каждое слово, как будто в комнате стояла полная тишина:

— Вы должны верить ему и любить его, как верю и люблю я.

Тут я бросился к ней через всю комнату и схватил ее в объятия, не обращая внимания на восторженные, радостные крики, какими встретили мой поступок марсиане.

Глава XVI

Мы спасены!

1

Добившись, что марсиане наконец-то поняли и одобрили наш план действий, мы с Амелией вторую половину дня провели врозь. Она продолжила обход заговорщических групп, а я с двумя марсианами отправился обследовать снежную пушку и снаряд. Эдвина пошла с нами — ведь мне предстояло выслушать массу всевозможных объяснений.

Пушки размещались за городской чертой, но, чтобы добраться до них, не пришлось даже пересекать открытое пространство. Каким-то хитроумным способом чудовища придали электрическому силовому полю форму туннеля, и теперь мы двигались к нашей цели в тепле, дыша воздухом, пригодным для дыхания. Туннель вел в сторону горы; самой горы, правда, видно не было, но впереди ясно вырисовывались окружающие пушку исполинские строения.

Навстречу нам попадалось немало пешеходов и экипажей. Такое оживленное движение было мне на руку. Хоть меня и одели в черную форменную туннику, кличка «карлик» служила достаточным напоминанием о моей необычной по местным понятиям внешности.

Там, где защитный туннель вновь расширялся в купол, в непосредственной близости к пушкам, мы попали под прямое наблюдение чудовищ. Они сидели в специальных сторожевых будках за слегка затем-

ненными стеклянными экранами, осматривая всех проходящих широко расставленными, лишенными выражения глазами.

Чтобы нас не остановили, мы прибегли к заранее согласованной уловке. Вместе с двумя марсианами я вытолкнул Эдвину вперед, словно ее вели на какой-то жестокий эксперимент. Один из марсиан выхватил свой электрический бич и принялся им размахивать самым убедительным образом.

В зоне, примыкающей к пушкам, было больше чудовищ, чем я встречал где-либо на Марсе, но, раз мы благополучно миновали сторожевую будку, на нас уже не обращали внимания. Как правило, эти гнусные существа ездили с места на место в многоногих экипажах, но я заметил и нескольких, которые медленно, с усилием передвигались, опираясь на щупальца. Подобное зрелище явилось для меня полной неожиданностью — я полагал, что без механических помощников чудовища совершенно беспомощны. Правда, в рукопашной схватке с человеком они и в самом деле были беспомощны: когда четверка щупалец использовалась в качестве неуклюжих, как у гигантского краба, ног, движения существа становились замедленными и затрудненными.

И все-таки самый большой и неотвязный страх внушали мне здесь не чудовища. Еще по дороге из города мне бросились в глаза исполинские размеры видневшихся впереди строений, но только сейчас, когда мы очутились среди них, я до конца осознал, какие колоссальные орудия и машины создала марсианская наука. Рядом с этими зданиями я ощущал себя муравьем на городской улице.

Мои провожатые пытались объяснить мне назначение каждого здания, но словарь Эдвины был ограничен, и я улавливал суть объяснений лишь в самых общих чертах. Насколько я понял, различные части

боевых машин производились на отдаленных заводах, а затем доставлялись сюда для сборки и ходовых испытаний. В одном из зданий — по самой скромной оценке, оно достигало трехсот футов в высоту — я сквозь огромные распахнутые двери сумел разглядеть несколько боевых треножников в процессе сборки: самый дальний из них представлял собой подвешенный на блоках каркас, к которому снизу прилаживали одну из суставчатых опор, в то время как ближняя к нам боевая машина казалась вполне завершенной — платформа ее покачивалась обычным порядком, а вокруг отлаживались и испытывались вспомогательные узлы и механизмы.

В этих исполинских цехах работали как чудовища, так и марсиане, и у меня создалось впечатление, что они сосуществуют друг с другом вполне мирно. Я не заметил никаких признаков рабовладения, и мне впервые пришло в голову, что, быть может, отнюдь не все двуногие существа на Марсе будут горячо приветствовать восстание.

Пройдя десятка два цехов, мы выбрались на обширное открытое пространство, и тут я остановился как вкопанный, буквально утратив дар речи.

Передо мной предстали плоды несравненной индустриальной мощи. Выровненные, как солдаты в строю, ряд за рядом лежали снаряды. Они были совершенно неотличимы друг от друга, словно их выточили одни и те же руки на одном и том же станке. Каждый был отделан и отполирован до зеркального золотистого сияния; ничто не нарушало чистоты линий. Каждый достигал в длину примерно трехсот футов: заостренные носы расширялись, переходя в огромные цилиндры, а круглые днища позволяли представить их величину вполне наглядно. Мне вспомнилось, как я поражался размерам снаряда, запущенного чудовищами из Города Запустения, но тот в срав-

нении с этими казался детской игрушкой. Трудно было в подобных обстоятельствах доверять оценкам на глаз, но, проходя мимо ближайшего из снарядов, я вдруг понял, что его диаметр превышает девяносто футов!

Мои провожатые прошествовали мимо как ни в чем не бывало, и спустя мгновение я последовал за ними, от изумления то и дело вытягивая шею. Я старался вычислить, сколько же здесь снарядов, но занимаемая ими площадь была столь обширной, что я не мог поручиться даже, все ли снаряды видел. Каждый ряд насчитывал, пожалуй, более сотни цилиндров, замерших в ожидании, и я прошел восемь таких рядов.

А затем, едва мы миновали последний ряд, я оказался лицом к лицу с самым поразительным из всех марсианских зрелищ.

Именно здесь грандиозный вулкан впервые заявлял о себе поднимающимся ввысь склоном. Именно здесь чудовища, правящие этим ненавистным городом, установили свои снежные пушки.

Пушек было пять. Четыре из них были примерно такими же, как в Городе Запустения, только без поворотных осей, поддерживающих эти оси построек, и озера, поглощающего избыток тепла: здесь жерло пушки покоилось непосредственно на склоне. Отпадала нужда и в трудоемкой процедуре втискивания снаряда в пушку через дуло: с помощью сети железнодорожных путей и могучего затвора снаряды подавались прямо в казенную часть ствола.

Однако не эти орудия привлекли мое неотрывное внимание: как бы ни были они мощны и совершенны, их полностью затмевала пятая снежная пушка.

В то время как обычные пушки тянулись в длину примерно на милю и имели жерла диаметром около двадцати футов, у этой, расположенной в центре,

внешний диаметр ствола явно превышал сто футов! Что касается длины... она простиралась дальше, чем можно было различить невооруженным глазом, возносилась вверх по склону горы, то покоясь на почве, то — там, где уклон оказывался менее выраженным, — взбираясь на гигантские виадуки, то устремляясь в глубокие ущелья, высверленные взрывами в теле скал. Казенник этой пушки сам по себе походил на металлическую гору — огромный выпуклый кусок черной брони, достаточно толстый и достаточно прочный, чтобы выдержать страшное давление пара, который образуется из мгновенно плавящегося льда и выталкивает снаряд в небеса. Казенник нависал над всем полигоном, убедительно свидетельствуя о научном могуществе и безмерном мастерстве, подвластных проклятым чудовищам.

Именно эта пушка, эти сотни блистающих снарядов предназначались для вторжения на Землю.

2

Один из снарядов уже был подан в ствол, и мои провожатые подвели меня к металлическому трапу, который прильнул к массивному корпусу пушки, как ажурная подпора к стене величественного храма. С головокружительной высоты трапа я мог охватить взглядом сгрудившиеся машины и позади них неширокую полоску пустыни, отделяющую полигон от близлежащего города.

Заканчивался трап у прохода, ведущего внутрь ствола, а затем мы очутились в тесном туннеле. Температура сразу же резко упала. Эдвина, переводя слова одного из марсиан, объяснила мне, что внутренность пушки уже выстилают льдом и что не пройдет и полусуток, как его наморозят и отполируют на всем ее протяжении.

Туннель вывел нас прямо к входному люку снаряда. Естественно, я предполагал, что увижу копию того снаряда, в котором недавно летал, только увеличенную, однако сходство на поверку сводилось лишь к самым общим чертам.

Через люк мы попали в носовую кабину управления, а оттуда отправились в обход по всему снаряду. Как и те, что я видел раньше, он был разделен на три основные секции: кабину, отсек, отведенный для перевозки рабов, и кормовой отсек, предназначенный для самих чудовищ и их ужасных боевых машин. Оба отсека соединял шкаф. Уж он-то ничем не отличался от тех шкафов-убийц, с которыми я познакомился прежде, хотя один из моих провожатых счел нужным пояснить, что в полете чудовища будут усыплены с помощью снотворного и их потребности в пище тем самым сведутся к минимуму. У меня не возникло особого желания вникать в детали планов, какие чудовища подготовили на этот счет, и мы без промедления перешли в кормовой, главный отсек.

Здесь я воочию увидел весь заготовленный чудовищами арсенал. В отсеке насчитывалось пять боевых тренажников с отсоединенными и аккуратно сложенными ногами-опорами и платформами, сплюсненными так, чтобы занимать как можно меньше места. На борту было также несколько многоногих экипажей, десятка два, если не больше, тепловых генераторов и тьма-тьмущая всевозможного снаряжения, упакованного в огромные ящики. Ни я сам, ни мои провожатые не имели даже отдаленного представления о том, что именно в них находится. Там и тут по стенам свисали камеры из прозрачной ткани, которые должны были поглощать толчки при запуске и посадке.

В общей сложности мы пробыли в этом отсеке не так уж долго, однако я увидел достаточно, чтобы понять: те машины и приборы, что поместились здесь,

сами по себе оправдывали мое намерение лететь на Землю. Каким бесценным даром могли бы они стать для наших ученых!

Кабина управления в передней части снаряда представляла собой обширный зал, почти повторяющий контуры заостренного носа. Снаряд был подан в ствол таким образом, что пульт и кресла пилотов стояли на полу, но, как мне объяснили, в полете снаряду придадут вращение, чтобы компенсировать силу тяжести. (Это было выше моего понимания, и я решил, что Эдвина не справилась с переводом.) По сравнению со стесненными условиями, в которых находились пилоты того, прежнего снаряда, кабина напоминала настоящий дворец — ее создатели, бесспорно, позаботились о том, чтобы предоставить пилотам некоторые удобства. Здесь имелось вдоволь обезвоженной пищи, небольшой шкаф и даже душевая система наподобие той, какой мы пользовались в лагере для рабов. Правда, расположена она была, как и гамаки для отдыха, весьма странным образом — на потолке, футах в восьмидесяти над нашими головами. Но мне сказали, что во время полета преодолеть эти восемьдесят футов не составит труда. За неимением иного выхода пришлось поверить этому на слово.

Приборов на пульте было просто не сосчитать, и, когда я увидел их многоцветный рой и вспомнил о том, какой громадой стали они управляли, мне попереволе пришло на ум нагоняющее страх сравнение: ведь до сих пор мне никогда не доводилось вести экипаж более хитроумный, чем тележка, запряженная смиренным пони!

Марсиане втолковывали мне премудрости своего ремесла, не скупясь на подробности, только я улавливал очень и очень немного. На переводы Эдвины — это было ясно — полагаться было нельзя, но даже тогда, когда я почти не сомневался в их точности, я

попросту не мог постигнуть сути описываемых понятий и научных идей!

К примеру, мне показали большую стеклянную панель — сейчас на ней не было никакого изображения — и сказали, что в полете она воспроизводит панораму перед носом снаряда. Это я уразумел легко — видимо, здесь все совпадало со снарядами меньшего калибра. Однако вскоре выявились и малопонятные различия. Марсиане настойчиво твердили о «цели» — она имела какое-то отношение к ряду металлических кнопок, торчащих ниже экрана. Далее, мне внушали, что курс к «цели» поддерживается нажатием на рукоять с зеленым набалдашником, которая, как я знал по опыту предыдущего полета, высвобождала заряды зеленого огня в носовой части снаряда. В конце концов мне оставалось лишь одно — положиться на то, что непонятное так или иначе выяснится в полете.

Марсиане продолжали свои объяснения до тех пор, пока у меня голова не пошла кругом. Впрочем, моим наставникам все же удалось дать мне общее представление о том, что может и должно случиться: так, например, самый запуск был пилоту не подвластен, им командовали извне, из здания у подножия пушки; а главное — я в общих чертах уразумел, в какой мере смогу управлять снарядом на пути к «цели».

По словам марсиан, чудовища были намерены осуществить первый запуск не раньше чем через четыре дня. Следовательно, в нашем распоряжении оставалось еще немало времени на то, чтобы спастись бегством прежде, чем чудовища начнут нашествие. И я с искренней радостью объявил своим провожатым, что хочу как можно быстрее вернуться в город: теперь, когда дорога была открыта, я не испытывал ни малейшего желания оставаться на Марсе хоть на минуту дольше, чем того требовали обстоятельства.

Ночь мы с Амелией провели в одном из городских домов-спален. До того нам вновь не дали обменяться больше чем двумя-тремя словами: Эдвина все время крутилась поблизости. Но наконец мы забрались в гамак и тогда уже сумели поговорить вдосталь, хоть и вполголоса. Мы лежали, прижавшись друг к другу; из всех обязанностей, навязанных нам легендами, эту вынести, на мой взгляд, было легче всего.

— Ты осмотрел снаряд? — поинтересовалась Амелия.

— Да. По-моему, тут не возникнет серьезных трудностей. Правда, пушки со всех сторон окружены чудовищами, но те озабочены только своими приготовлениями.

Я рассказал ей обо всем, что видел: о том, какое множество снарядов готово к тому, чтобы обрушиться на Землю, и о своих наблюдениях внутри уже заложенного в пушку снаряда.

— Так сколько же чудовищ будет участвовать во вторжении? — спросила Амелия.

— В снаряде, с которым отправимся мы, их будет пять. Я был не в силах пересчитать все снаряды... но их, безусловно, несколько сотен.

Амелия помолчала минуту, потом сказала:

— Знаешь, о чем я думаю, Эдуард? А нужно ли теперь восстание? Если переселение чудовищ и в самом деле примет такие масштабы, много ли их вообще останется на Марсе? Быть может, это поголовное бегство с планеты?

— Признаться, мне это и самому приходило в голову.

— Раньше мне казалось, что сборы чудовищ в дорогу — лучший момент для того, чтобы застать их

врасплох, но какая ирония судьбы, если через несколько дней здесь просто некого будет свергать!

— Зато на Земле их окажется видимо-невидимо, — сказал я. — Теперь-то ты понимаешь, как важно вылететь на Землю раньше чудовищ?

Чуть позже Амелия сообщила:

— Восстание начнется завтра.

— Неужели марсиане не могут подождать?

— Не могут. Запуск нашего снаряда явится сигналом к выступлению.

— И мы не в состоянии их удержать? Если бы они только согласились подождать...

— Ты видел лишь малую долю тех сил, которые они привели в готовность. Гнев народа неукротим. Я подожгла бикфордов шнур, и взрыв последует через каких-нибудь пять-шесть часов...

Больше мы ни о чем не говорили, но я был уже не в силах заснуть. Неужели мы и в самом деле коротаем последнюю ночь в этом несчастном мире или нам не суждено вырваться отсюда до конца наших дней?

4

Заснули мы в обстановке тревожного затишья, а когда проснулись, обнаружили, что все изменилось. Разбудили нас звуки, от которых у меня по спине побежали мурашки страха, — завывания сирен чудовищ и эхо отдаленных взрывов. Первой моей мыслью, подсказанной печальным опытом, было: пока мы спали, началось новое нашествие! Но как только мы выпрыгнули из гамака и увидели опустевшую спальню, нам стало ясно, что борьбу ведут враждующие силы внутри города. Марсиане не стали ждать!

Мимо здания прошествовал боевой треножник, и стены отозвались на его шаги ощутимой дрожью. Эд-

вина, до того прятая за дверью, подбежала к нам, едва увидела, что мы бодрствуем.

— Где остальные? — спросила Амелия.

— Ушли ночью.

— Почему нам не сказали?

— Они решили, что вы теперь хотите только одного — улететь на машине.

— Кто это начал? — вмешался я, подразумевая светопредставление за стенами здания.

— Это началось ночью, когда ушли остальные.

И мы благополучно проспали уличный шум и смятение? Такое допущение казалось маловероятным. Я подошел к двери и выглянул на улицу. Треножник удалился восвояси, хотя его бронированная платформа еще виднелась над крышами соседних домов. Вдали поднимался столб черного дыма, а слева от меня полыхал небольшой пожар. За несколько кварталов грянул еще один взрыв; дыма я не разглядел, зато спустя секунду расслышал режущую слух переключку двух боевых машин.

Я вернулся к Амелии.

— Пожалуй, нам лучше отправиться к пушкам. Возможно, мы еще сумеем проникнуть в снаряд.

Она кивнула в ответ, и мы двинулись туда, где мои вчерашние провожатые оставили для нас две черные туники. Когда мы напялили их на себя и настроились продолжать путь, Эдвина смерила нас взглядом, исполненным нескрываемых сомнений.

— Ты идешь с нами? — отрывисто спросил я.

Я устал от ее пронзительного голоска и недостовренности ее переводов. Интересно, сколькими ошибками в полученных нами сведениях мы обязаны исключительно ее неточным толкованиям...

— Ты хочешь, чтобы я пошла? — обратилась она к Амелии.

Амелия и сама колебалась.

— Как, по-твоему?

— Она будет нам нужна?

— Да, если понадобится с кем-нибудь поговорить.

Какое-то время я обдумывал создавшееся положение. Я не доверял Эдвине, но она оставалась единственной ниточкой, связывающей нас с местным населением, и — по крайней мере в этом ей не откажешь — задержалась с нами и тогда, когда ушли все остальные. В конце концов я пришел к решению:

— Она может сопровождать нас до подножия пушки.

С тем мы и тронулись дальше, промедлив лишь одно мгновение, чтобы захватить с собой ридикюль Амелии.

Как мы ни торопились, однако не могли не заметить, что поднятое марсианами восстание разрушений пока не принесло или принесло совсем небольшие, на отдельных участках. Улицы отнюдь не обезлюдели, но сказать, что они кишат народом, тоже было нельзя. Кое-где марсиане собирались маленькими группами под охраной боевых машин, в отдалении завывали сирены. Лишь подойдя ближе к центру города, мы столкнулись с прямыми доказательствами мятежа. Каким-то образом несколько боевых треножников удалось опрокинуть, и они беспомощно лежали поперек мостовой, вполне успешно заменяя собой баррикады: поваленная набок башня уже не могла подняться и преграждала путь экипажам.

Когда мы приблизились к тому месту, где электрическое силовое поле вытягивалось туннелем в сторону снежных пушек, то поневоле обратили внимание на внушительное скопление чудовищ и их машин. До десятка многоногих экипажей и пять боевых треножников стояли плотным строем, подняв наизготовку генераторы тепла.

Мы замерли в неуверенности. Но сколько ни

всматривались, нигде не было видно ни одного живого марсианина — лишь несколько обугленных тел валялись у стены здания. Вероятно, здесь совсем недавно происходила стычка, и чудовища доказали свое превосходство. А что, если еще шаг — и нас ожидает та же судьба?

Но, невзирая на понятную нерешительность, я отчетливо понимал, что необходимо добраться до снаряда как можно скорее, пока обстановка не ухудшилась еще более.

— Наверное, лучше повременить, — прошептала Амелия.

— По-моему, надо идти дальше, — тихо ответил я. — В этой форме нас вряд ли остановят.

— А как быть с Эдвиной?

— Ей придется остаться здесь.

Но, несмотря на всю мою напускную решимость, внутренне я не мог бы ни за что поручиться. Как раз в эту минуту на наших глазах один из боевых треножников переместился в сторону, угрожающе поводя своим тепловым орудием, и, запустив металлические руки-змеи в окна соседнего дома, принялся искать что-то — очевидно, проверял, не спрятался ли там кто-нибудь. Спустя мгновение он отступил и удалился прочь с завидной скоростью.

Вдруг Амелия воскликнула:

— Смотри, Эдуард!

Из окна противоположного здания нам подавал знаки какой-то марсианин — его длинные руки ходили кругами, как крылья мельницы. Бросив осторожный взгляд на треножники, мы подбежали к нему, и они с Эдвиной торопливо обменялись двумя-тремя фразами. Тут я узнал его: это был один из тех, с кем мы встречались накануне. Наконец Эвина перевела:

— Он говорит, что дальше могут идти только те,

кто управляет летающими боевыми машинами. Там вас ждут двое, которые были с вами вчера.

Что-то в ее словах, вернее, в том, как она произнесла их, заронило мне в душу смутное подозрение, но за неимением четких улик я и сам не понимал, почему.

— Ты идешь с нами? — спросила Амелия.

— Нет. Я остаюсь, чтобы сражаться.

— Тогда где же те двое? — спросил я.

— В летающей боевой машине.

Я отвел Амелию в сторону.

— Что же нам делать?

— Надо идти. Восстание может осложнить ситуацию еще более, и тогда не исключено, что мы вообще не сумеем никуда улететь.

— Откуда нам знать, не заманивают ли нас в ловушку? — спросил я.

— Но кому это может понадобиться? Если мы перестанем доверять народу, тогда мы просто пропали.

— То-то меня и тревожит, — признался я.

Марсианин, махавший нам руками, уже исчез в глубинах здания, да и Эдвина, по-видимому, едва сдерживала желание последовать за ним. Я бросил взгляд через плечо на боевые порядки чудовищ, но не заметил там никакого движения.

— Прощай, Эдвина, — сказала Амелия.

Она подняла руку и растопырила пальцы; девочка-марсианка ответила ей таким же жестом.

— Прощай, Амелия, — произнесла Эдвина, повернулась и скрылась в дверном проеме.

— До чего же холодно вы расстались, — заметил я. — Особенно если принять во внимание, что ты вождь восстания...

— Сама не понимаю, в чем дело.

— И я не понимаю. Но думаю, что надо как можно скорее добраться до снаряда.

Мы подходили к боевым треножникам с изрядным трепетом, опасаясь худшего буквально на каждом шагу. Но нас никто не остановил, и вскоре мы, прокравшись под задранными к небу платформами башен, уже шагали по туннелю в направлении пушек. Признаюсь, я сильно сомневался в благоприятном исходе нашего предприятия; меня очень тревожил предстоящий придиричивый осмотр со стороны чудовищ, охраняющих подступы к цехам и арсеналу. Терзающее меня беспокойство усилилось, когда три-четыре минуты спустя из города донеслись новые взрывы и я разглядел до десятка боевых машин, которые промчались по улицам с включенными тепловыми генераторами, изрыгающими пламя.

— Как ты думаешь, — обратился я к Амелли, — дознались чудовища о нашей роли в мятеже? Неспроста твоя юная подруга явно не хотела оставаться с нами.

— У нее не было формы.

— И то правда, — согласился я, хотя чувствовал себя по-прежнему не в своей тарелке.

Мало-помалу мы очутились у входа в зону, прилегающую к пушкам; над нами мрачными громадами нависли гигантские цеха. В самый последний момент, когда до сторожевых будок, где засели чудовища, оставалось буквально несколько шагов, мы увидели одного из двух молодых марсиан, сопровождавших меня накануне. Разумеется, мы направились прямо к нему. У края дороги стоял пустой многоногий экипаж, и марсианин обогнул металлическую тушу сзади, а мы последовали за ним. Едва скрывшись из поля зрения чудовищ, он разразился каскадом привистываний и объясняющих жестов.

— О чем это он? — спросил я у Амелии.

— Не имею ни малейшего представления.

Мы подождали, пока марсианин закончил свой монолог и уставился на нас, словно ожидая ответа. Немного помолчав, он собрался было повторить свою тираду, когда Амелия догадалась показать на снежные пушки.

— Можно нам туда? — спросила она, осповываясь, как я думаю, на вполне логичной посылке: раз он обращается к нам на своем языке, то и мы вправе обратиться к нему на своем, тем более что Амелия помогла ему уразуметь смысл вопроса движением руки.

Однако его ответа мы так и не поняли.

— Думаешь, он сказал «да»? — спросил я.

— Есть только один способ установить это.

Амелия подняла ладонь в прощальном салюте и двинулась к сторожевым постам. Я последовал за ней, и мы, не сговариваясь, оглянулись в надежде проверить, не вызовет ли наше намерение отрицательной реакции с его стороны. Он, казалось, не делал попыток удержать нас, напротив, сам поднял руку, и мы решились продолжать путь.

Теперь нами владела одна мысль — покончить с неопределенностью как можно скорее, и мы проскочили мимо стеклянных экранов, за которыми укрылись чудовища, едва ли не раньше, чем отдали себе в этом отчет. Но... еще один шаг, второй, третий — и нас нагнал хриплый окрик из будки, от которого в наших жилах застыла кровь. Нас разоблачили!.. Мы обмерли, потом я понял, что меня колотит дрожь. Амелия побледнела как полотно.

Окрик повторился, прозвучал в третий раз.

— Эдуард... не оборачивайся, надо идти вперед!

— Но нас остановили! — выдохнул я.

— Мы не знаем, за что. Надо идти дальше — другой возможности у нас нет...

И, с зампиранием ожидая, что нас в лучшем случае вновь окликнут, а в худшем разрежут на куски тепловым лучом, мы поспешили в гллубь охраняемой зоны, к пушкам.

Но, о чудо, — нового окрика не последовало.

6

Мы почти бежали — до цели было рукой подать. Пересекли шеренги снарядов, замерших в ожидании, и устремились по прямой к казенной части исполинской пушки. Амелия, впервые попавшая в эту зону, едва верила собственным глазам.

— Их так много! — прошептала она, с трудом переводя дыхание: ведь бежать приходилось вверх по склону.

— Да, нашествие подготовлено с размахом, — отозвался я. — Мы просто не вправе позволить чудовищам высадиться на Землю!..

Накануне, когда я проходил здесь, чудовища ограничили свои заботы цехами, где производилась сборка машин, а этот склад блистающих снарядов никто не охранял. Сегодня же все примыкающее к пушкам пространство кишмя кишело чудовищами и их экипажами. Но нам по-прежнему никто не препятствовал. Вокруг не было ни одного человеческого существа. Впрочем, нас уверяли, что к тому моменту, когда мы доберемся до снаряда, наши друзья будут наготове у приборов, управляющих запуском. Я всей душой надеялся, что весть о нашем прибытии своевременно передана по назначению: мне отнюдь не улыбалась перспектива слишком долгого ожидания взаперти, в чреве снаряда.

Трап был на том же месте, что и вчера, и я повел Амелию по ступенькам вверх туда, где чернел проход внутрь ствола. Мы так спешили, что, когда

одно из чудовищ, ползавших у основания трапа, обрушило на нас лавину скрежещущих фраз, мы просто не удостоили его вниманием. Наша цель была теперь так близка, а вероятность возвращения на Землю так реальна, что мы, казалось, смели бы с дороги любые препятствия.

Я хотел посторониться, чтобы пропустить Амелию вперед, но она справедливо возразила: лучше, чтобы я шел первым. Я выполнил ее волю и нырнул в темный, насквозь промерзший лаз, прочь от бледного света марсианской пустыни.

Люк самого снаряда оставался распахнутым, и на сей раз Амелия согласилась возглавить шествие. Она проследовала под уклон в глубь кабины, а я задержался у люка, закрывая замки, как меня учили. В эти секунды, когда мы успешно проникли внутрь, отмежевавшись от шумов и загадок марсианской цивилизации, я вдруг почувствовал удивительное спокойствие и уверенность в себе.

Просторные помещения снаряда, тихие, тускло освещенные, совершенно пустые, представляли собой еще один мир, отличный от города с его обездоленным населением; этот корабль, создание самого безжалостного разума Вселенной, обещал нам кров и спасение. Да, он мог бы стать провозвестником кошмарного нашествия инопланетян; ныне, попав в наше с Амелией распоряжение, он сулил нашему родному миру избавление от грозящей ему беды. Его можно было рассматривать как военный трофей, хотя о самой готовящейся войне люди Земли пока и не подозревали.

Я вновь проверил люк, желая удостовериться, что все в полном порядке, потом привлек Амелию к себе и легонько поцеловал.

— Снаряд невообразимо велик, Эдуард, — сказала она. — Ты уверен, что справишься?

— Предоставь это мне.

Самое замечательное, что моя самоуверенность была непритворной. Однажды я уже решил на отчаянный поступок, пытаюсь обмануть злой рок, и вот опять наше будущее оказалось в моих руках. Бесконечно многое зависело сейчас от моей ловкости и сноровки, от моей решимости; на мои плечи ложилась ответственность за судьбу родной планеты. Я не мог, не имел права просчитаться!

Помогая Амелии подняться по наклонному полу кабины, я показал ей противоперегрузочные камеры, которые должны были поддерживать и защищать нас во время запуска. По моему мнению, следовало забраться в них не откладывая: кто взялся бы предсказать, когда нашим «друзьям» за бортом взбредет в голову произвести выстрел? Обстоятельства настолько осложнились, что влиять на развитие событий стало не в нашей власти.

Амелия влезла в кокон, и удивительная ткань на моих глазах окутала ее со всех сторон.

— Дышать можешь? — спросил я.

— Могу. — Голос был приглушен, но вполне различим. — А как вынарабкаться отсюда? Мне кажется, будто меня спеленали по рукам и ногам.

— Надо просто сделать шаг вперед, — ответил я. — Ткань не оказывает сопротивления, пока снаряд не начал разгон.

Сквозь прозрачный кокон я увидел, как Амелия выдавила из себя улыбку в знак того, что все поняла, и отошел к своей собственной камере. Проскользнув мимо панели управления, расположенной так, чтобы я с легкостью мог до нее дотянуться, я ощутил, как мягкая ткань смыкается вокруг моего тела. Когда она стиснула торс, руки и ноги, я позволил себе расслабиться и стал ждать запуска.

Прошло довольно долгое время. Делать было со-

вершенно нечего — оставалось лишь обмениваться взглядами через разделяющий нас промежуток, наблюдать за Амелией и посылать ей ободряющие улыбки. Мы могли бы и переговариваться — голос был различим, но это требовало значительных усилий.

Первый намек на вибрацию, когда мы наконец дождались его, оказался столь скоротечным, что я приписал его игре воображения, однако спустя пять-шесть секунд он повторился. Затем мы почувствовали резкий толчок, и ткань начала расправлять складки, все туже и туже охватывая тело.

— Мы движемся, Амелия! — воскликнул я, честно сказать, без надобности: ошибиться в том, что происходит, было невозможно.

За первым толчком последовали другие, нарастающей силы, но вскоре движение стало плавным, а ускорение постоянным. Ткань кокона сжимала тело, словно исполинская рука, и все-таки скорость наваливалась на меня ощутимым давлением, гораздо ббльшим, чем испытанное при полете на обычном снаряде. Да и продолжительность разгона здесь увеличилась во много раз, по всей вероятности, из-за неоглядной протяженности ствола. Все громче слышался шум, совершенно необычный по своему характеру, — свист и рев колоссального снаряда, прокладывающего себе путь сквозь ледяную трубу.

Когда ускорение достигло такой сокрушающей силы, что я просто не мог выносить его дольше, даже в щадящих объятиях защитной камеры, я заметил, что Амелия закрыла глаза и, кажется, потеряла сознание. Я громко позвал ее, но грохот запуска не оставлял ни малейшей надежды, что она расслышит меня. Давление и шум возросли до невыносимых пределов, мозг будто поплыл куда-то, глаза застлала тьма. И как только я окончательно перестал видеть, а рев стал

восприниматься как монотонное жужжание где-то вдали, сжимавшие меня тиски вдруг исчезли.

Складки ткани обмякли, и я не вышел — вывалился из кокона. Амелия, освобожденная одновременно со мной, распласталась без чувств на металлическом полу. Склонившись над ней, я слегка потрепал ее по щекам... Понадобился еще какой-то срок, чтобы я наконец осознал очевидное: снаряд и нас вместе с ним вышвырнуло в бездны космического пространства.

Глава XVII

Долгий путь домой

1

Так началось путешествие, которое, по моим оптимистическим расчетам, должно было продлиться день-другой, а в действительности заняло, насколько мы могли судить, около шестидесяти дней. Это составило два долгих месяца; временами впечатления были захватывающими, временами вселяли ужас, но по большей части наш полет отличало выматывающее душу однообразие.

И потому я не стану затягивать свое повествование рассказом о нашей повседневной жизни на борту, а отмечу лишь те происшествия, которые нас более всего увлекли, более всего запомнились.

Оглядываясь назад, я вспоминаю наш полет со смешанными чувствами. Конечно, никто не рискнул бы назвать его приятным ни в каком отношении, но и у него обнаруживались свои притягательные стороны.

Начать с того, что мы с Амелией остались вдвоем в обстановке, обеспечивающей уединение, близкое общение и относительную безопасность, пусть даже эта обстановка и была самой что ни на есть необычной. Считаю неуместным описывать здесь то, что происходило между нами, — даже в эти нескромные новые времена не могу и не хочу нарушить обязательства, которые мы приняли на себя, — скажу лишь, что постепенно мы узнали друг друга так полно, как раньше не могли себе и представить.

Продолжительность путешествия оказала благотворное влияние и на наши взгляды. Без всякого преувеличения, пребывание на Марсе наложило на нас свою печать; даже я, вовлеченный в дела марсиан несравненно меньше Амелии, ощущал уколы совести, пока снаряд уносил нас все дальше от раздираемого мятежом города. Но по мере того, как дни шли за днями и Земля становилась все ближе, уколы эти слабели. И хотя нас по-прежнему окружали марсианские изделия, хотя мы питались марсианской пищей и дышали марсианским воздухом, к нам вернулось чувство единой цели. Вторжение, задуманное чудовищами, представляло собой слишком реальную угрозу; если мы не сумеем ее отворотить, то потеряем право называться людьми.

Однако мой рассказ о нашем фантастическом путешествии сквозь космическую пустоту опять обгоняет естественный ход событий. Я уже упоминал, что отдельные эпизоды полета были захватывающе интересны, а другие нагоняли страх. Одно из первых неизгладимых впечатлений поджидало нас сразу после того, как мы высвободились из противоперегрузочных камер и снаряд оказался всецело в нашем распоряжении.

2

Когда мне удалось вывести Амелию из обморочного состояния и удостовериться, что трудные минуты запуска не причинили ни ей, ни мне серьезного вреда, я первым делом бросился к пульту управления, чтобы увидеть, куда мы летим. Мощь выстрела была такова, что я всерьез опасался, не врежемся ли мы в земную твердь буквально в следующую минуту!

Вспомнив, чему меня учили мои провожатые, и повернув выключатель, ведающий освещением глав-

ной панели, я, к своему разочарованию, не увидел на ней ничего, кроме нескольких бледных пятнышек света. Позже я сообразил, что это звезды. А тогда я возился с ручками и кнопками в течение двух-трех минут, но добился лишь того, что слегка увеличил яркость изображения, и переключил свое внимание на один из меньших экранов — тот, который воспроизводил вид за кормой.

Здесь изображение было яснее; по экрану плыли картины мира, который мы только что покинули. И оказалось, что Марс еще совсем недалеко: он заполнял весь экран калейдоскопом света и тени, желтых, красных и бурых точек и полос. Когда мои глаза приспособились к масштабам зрелища, я вдруг обнаружил, что узнаю отдельные черты марсианского пейзажа, и прежде всего самую выдающуюся из них — исполинский вулкан, торчащий на теле пустыни, словно злокачественный нарыв. А над вершиной вулкана клубилось огромное белое облако; сперва я принял его за извержение и только потом догадался, что это всего-навсего водяные пары, вышвырнувшие нас из пушечного жерла в космос.

Покинутый нами город увидеть не удалось — он лежал, наверное, как раз под белым облаком, — да и вообще, если говорить откровенно, узнал я с полной определенностью не так уж много. Отчетливо различались каналы или, по крайней мере, полосы красной растительности, прижившейся вдоль каналов.

Я не отрываясь разглядывал эту картину, постепенно отдавая себе отчет, что, невзирая на сказочную мощь снежной пушки, мы улетели совсем недалеко и набрали не такую уж большую скорость. А если еще точнее, то единственно заметным для нас движением было движение самого изображения, медленно вращающегося на экране.

От созерцания панелей меня оторвала Амелия, которая крикнула:

— Эдуард, не хочешь ли перекусить?

Я отвернулся от пульта со словами:

— Да, охотно, я проголо...

Фраза так и осталась неоконченной: Амелии нигде не было видно.

— Я здесь, внизу, Эдуард.

Я посмотрел вниз, на изогнутый пол кабины, но, разумеется, никакой Амелии там не обнаружил. Потом я услышал ее смех и поднял глаза на звук. Амелия стояла... вниз головой на потолке!

— Что ты там делаешь? — воскликнул я, совершенно обескураженный. — Ты свалишься и расшибешься!

— Глупости! Я в полной безопасности. Слезай ко мне, сам убедись.

В доказательство своей правоты она легонько подпрыгнула... и опустилась, не потеряв равновесия, обратно на потолок.

— Как я могу слезть к тебе, если ты находишься надо мной? — тупо спросил я.

— Не я над тобой, а ты надо мной, — возразила она. И, окончательно сбив меня с толку, зашагала по потолку, затем вниз по изгибу стены — и вскоре очутилась подле меня. — Пошли вместе, я покажу тебе, как это делается.

Она взяла меня за руку, и мне оставалось лишь следовать за ней. Сначала я ступал с предельной осторожностью, напрягая мышцы, чтобы не упасть, но — странное дело — наклон пола не увеличивался, а когда немного погодя я оглянулся на пульт управления, то к величайшему своему удивлению увидел, что он теперь свисает со стены. А мы продолжали идти и вскоре пришли к тому месту, где хранились запасы пищи и откуда Амелия окликнула меня в

первый раз. Я поискал глазами пульт — сейчас он, если зрение меня не обманывало, находился на потолке над нашими головами.

За время нашего путешествия мы постепенно привыкли к этому эффекту, возникающему благодаря вращению снаряда вокруг своей оси, но в тот день ощущение было для нас внове. Мы уже настолько приноровились к малой силе тяжести на Марсе, что и в снаряде восприняли ее как нечто само собою разумеющееся; между тем снаряд для того и раскрутили вокруг оси, чтобы ее имитировать. (В дальнейшем я доискался, как увеличить скорость вращения, чтобы подготовить организм к более сильному притяжению Земли.)

Прошло несколько дней, прежде чем «хождение по стенам» утратило для нас новизну. Да и форма кабины управления была чревата занятными сюрпризами. Достаточно было передвинуться по изогнутому полу (или потолку) в направлении носа снаряда, чтобы тем самым приблизиться к оси вращения и почувствовать, как сила тяжести уменьшается. Мы с Амелией нередко развлекались тем, что использовали эту странность для своеобразной гимнастики: подойдя к самой оси нашей кабины и оттолкнувшись, можно было проплыть по воздуху изрядное количество ярдов, прежде чем мягко опустишься на пол.

В общем-то, первые два часа после запуска выдались довольно спокойными, и мы отведали марсианской пищи, пребывая в блаженном неведении о том, что нас ждет.

3

Когда я вернулся к пульту, то сразу же заметил, что на экране заднего вида показался горизонт Марса. Для меня это стало первым прямым доказательством того, что планета удаляется от нас... точнее, что

мы удаляемся от планеты. Обращенная вперед панель по-прежнему воспроизводила лишь тусклую россыпь звезд. Я, конечно же, ожидал, что впереди вот-вот появятся очертания нашего родного мира. Правда, наставники-марсиане предупреждали меня, что хотя выстрел и направит снаряд к Земле, но увижу ее я отнюдь не сразу, так что на этот счет можно было пока не тревожиться. И тем не менее не странно ли, что Земля совсем не появляется на переднем экране, не лежит у нас прямо по курсу?

Поскольку на борту не существовало ни дня ни ночи, я решил установить собственное корабельное время и вытащил из кармана часы, которые, к счастью, все еще шли. Насколько я мог судить, снежная пушка выстрелила в самый разгар марсианского дня, и с тех пор мы летели примерно два часа. Соответственно я поставил свои часы на два часа пополудни, и с этого мгновения они стали корабельным хронометром.

Затем, убедившись, что Амелия занялась ревизией продовольственных запасов, я решил обследовать остальные отсеки снаряда. Тут-то мне и пришлось совершить открытие, что мы на борту не одни...

Я двигался по коридору, прорезающему корпус во всю его длину, когда наткнулся на люк, ведущий в отсек для перевозки рабов. Я было совсем уже собрался пройти мимо — и вдруг буквально окаменел от ужаса. Люк оказался запечатанным! Его грубо заварили по окружности, чтобы дверь не открывалась ни изнутри, ни снаружи. Я прижался к ней ухом, прислушался — и не уловил ровным счетом ничего; если внутри и сидел кто-то, то он или они не выдали себя ни малейшим шумом. Чуть позже я, правда, услышал легчайший шорох, чье-то шевеление, но это могла оказаться Амелия, перебирающая припасы в переднем отсеке.

Я простоял возле люка довольно долго, исполненный нерешительности и дурных предчувствий. У меня не было никаких доказательств, что там, за люком, есть кто-либо... Но, с другой стороны: зачем его запечатали, если еще сутки назад и я и другие проходили здесь беспрепятственно?

Неужели на борту рядом с нами — рабы, которым суждено стать жертвами чудовищ?

Но если так, что же, *кто же* находится в главном, кормовом отсеке?..

Охваченный страшными подозрениями, я бросился к люку, через который мы попадали к местам хранения подготовленных для нашествия машин. И этот люк также оказался запечатанным! Я замер перед ним, прислушиваясь к ударам собственного сердца. Не в пример первому люку этот был снабжен окошечком со скользящей металлической задвижкой наподобие тех, какие устраиваются на дверях тюремных камер. Я стал отводить ее в сторону, медленно-медленно, опасаясь, что она заскрежещет и привлечет ко мне внимание. В конце концов мне удалось отодвинуть ее настолько, чтобы, прильнув глазом к образовавшейся щели, заглянуть в глубь полуосвещенного отсека. И действительность подтвердила самые худшие мои опасения: там, в каком-нибудь десятке футов от люка, сплюснутым тюком распласталось чудовище. Оно лежало рядом со своим защитным коконом, очевидно, выпав из него после запуска.

Я мгновенно отскочил в страхе, что меня заметят. В тесноте коридора я задыхался от безысходного отчаяния, бурно жестикулировал и безмолвно проклинал все на свете, боясь признаться даже самому себе в истинном трагизме своего открытия.

Спустя некоторое время я вновь набрался храбрости, вернулся к смотровой щели и стал разглядывать чудовище внимательнее. Оно лежало ко мне

боком, но так, что я видел большую часть его, с позволения сказать, лица. Меня оно вовсе не замечало; присмотревшись, я понял, что с той секунды, когда я впервые взглянул на него, оно не шевельнулось. И тут я вспомнил слова моих провожатых: ведь они говорили, что в полете чудовища подвергают себя действию снотворного.

Щупальца чудовища были сложены, и, хотя оно не смыкало глаз, на глазные яблоки приспустились дряблые белые веки. Во сне оно ни на йоту не утратило своей чудовищности, зато стало уязвимым. Нет, я не испытывал сейчас такой же необоримой ярости, как в том памятном бою, но нисколько не сомневался: окажись дверь открытой, я бы опять мог убить это существо без тени сожаления.

Убедившись, что чудовище не проснется, я отвел задвижку до предела и осмотрел отсек из конца в конец, насколько позволяло поле зрения. Чуть подальше от меня лежали еще три чудовища, все без сознания. Не исключено, что там же, только еще глубже, укрывалось и пятое, просто мне не удалось его разглядеть: отсек был слишком напичкан самым разнообразным оборудованием.

Итак, нам оказалось не суждено стать похитителями, укравшими снаряд из-под носа хозяев. Мы очутились в пилотской рубке корабля, возглавляющего вторжение чудовищ на Землю!

Уж не это ли пытались втолковать нам марсиане в черном перед тем, как мы поднялись сюда? Не это ли хотела скрыть и скрыла от нас Эдвина?

4

Я решил не сообщать о своем открытии Амелии, памятуя о том, как близко к сердцу принимает она дела марсиан. Узнай она, что на борту чудовища, ей

без сомнения сразу пришло бы в голову, что они, скорее всего, взяли с собой и обреченных на смерть рабов, и это могло бы сделаться единственной ее заботой. Меня такое положение вещей, каюсь, не особенно удручало; конечно, неприятно было сознавать, что за металлической переборкой позади нашей кабины заточены мужчины и женщины, которые, когда пробьет час, будут принесены в жертву чудовищам, однако подобная мысль все же не отвлекала меня от неотложных задач.

От Амелии не укрылся мой растерянный вид, и она заметила что-то по этому поводу, однако мне удалось утаить от нее все увиденное. Спал я в ту ночь беспокойно, а один раз, когда очнулся, мне даже почудилось, будто из соседнего отсека доносится тихое заунывное пение.

На следующий день — второй для нас день в космосе — произошло событие, которое сразу свело на нет мои усилия сохранить тайну. Затем последовали происшествия, которые показали, что это просто невозможно.

А случилось вот что.

Я колдовал над панелью, воспроизводившей вид перед носом снаряда, силясь постичь действие устройства, каковое, если мне правильно перевели, наводило нас на «цель». Мне удалось обнаружить, что, если нажать определенные кнопки, на изображение накладывается подсвеченная решетка. Это безусловно отвечало понятию о прицеливании, тем более что в центре решетки светился круг с двумя перекрещивающимися прямыми. Впрочем, кроме самого факта, что на панели появляется решетка и круг, я не понял ровным счетом ничего.

Тогда я переключил свое внимание на экран заднего вида. За время нашего сна панорама Марса претерпела известные изменения. Теперь красноватая

планета отдалилась от нас в достаточной мере, чтобы экран вместил ее почти целиком в виде диска, который по-прежнему, из-за вращения снаряда, представлял перед нами медленно поворачивающимся вокруг своей оси. Мы смотрели на освещенную сторону планеты — что само по себе вселяло бодрость, ибо путь от Марса к Земле лежит в сторону Солнца, — и картина на экране грубо напоминала Луну, какой мы привыкли видеть ее с Земли за день-два до полнолуния. Само собой разумеется, планета вращалась и вокруг собственной оси, и примерно в середине утра на экране возник исполинский конус вулкана.

И вдруг, когда по моим часам дело близилось к полудню, над вершиной вулкана вспухло огромное белое облако.

Я подозвал Амелию к пульту управления и показал ей, что творится на планете. Она долго смотрела на экран, не произнося ни слова, потом прошептала: — Эдуард, по-моему, они запустили второй снаряд.

Я молча кивнул — она лишь подтвердила терзавшие меня опасения.

До самого вечера мы следили за экраном заднего вида почти неотрывно. Облако медленно плыло над поверхностью планеты. Запущенного в полдень снаряда, естественно, разглядеть не удалось, но нам обоим было ясно: в межпланетном пространстве мы уже не одиноки.

На третий день нам вдогонку послали еще один снаряд, и Амелия сказала:

— Значит, нашествие началось, и мы — часть его...

— Нет, что ты! — ответил я, отчаянно цепляясь за спасительную ложь. — У нас все равно есть в запасе двадцать четыре часа на то, чтобы предупредить правительства Земли.

Но на четвертый день в космос вслед за нами взвился четвертый снаряд, и, как три предыдущих, его выпустили почти ровно в полдень по корабельному времени. И тут Амелия доказала мне, что умеет мыслить логически неопровержимо:

— Они придерживаются строгой системы, и начало этой системе положили мы. Эдуард, я продолжаю утверждать, что мы — часть нашествия.

В общем, моя тайна более не могла оставаться тайной. Я повел Амелию по коридору в сторону кормы и продемонстрировал окошечко со скользящей задвижкой. Чудовища так и не пошевелились, погруженные в мирную дрему на все время полета до Земли. Амелия подошла к окошку и долго молчала.

— Когда мы прибудем на Землю, — сказала она наконец, — нам придется действовать быстро, очень быстро. Надо будет выбраться из снаряда, не теряя ни секунды.

— Если только мы не сумеем уничтожить их в полете, — добавил я.

— А разве есть такая возможность?

— Пытаюсь сообразить. Пролететь в главный отсек мы не можем. — Я показал ей заваренные края люка. — Ну а если придумать какой-нибудь способ перекрыть поступающий сюда воздух?

— Или отравить этот воздух ядом...

Я ухватился за такое решение, что называется, обеими руками: с каждым часом я все более и более страшился того, что чудовища способны натворить на Земле. Нет, им положительно нельзя позволить воплотить в жизнь свои дьявольские замыслы! У меня не было ни малейшего представления о схеме циркуляции воздуха внутри снаряда, но по мере того, как мое знакомство с приборами управления углублялось, росла и моя уверенность в себе, и я рассчитывал, что как-нибудь справлюсь с этой задачей.

О рабах, запертых в среднем отсеке, я по-прежнему ничего не говорил — теперь-то я не сомневался, что их на борту немало, — но я оказался несправедлив к Амелии: она реагировала на горькую правду иначе, чем я предполагал. В тот же вечер она спросила:

— А где марсианские рабы, Эдуард? — Вопрос был поставлен с беспощадной прямоотой, и я просто не знал, что и сказать. — Они в отсеке за нами?

— Да, — только и мог ответить я. — Но этот отсек запечатан наглухо.

— Так что у нас нет никакого способа освободить их?

— Я по крайней мере такого способа не знаю.

После этого разговора мы оба замолчали надолго: трудно было даже подумать об ужасной судьбе, которая ожидала несчастных. Через некоторое время, улучив минуту, когда я мог распорядиться собой, я вновь пробрался к люку, ведущему в средний отсек, и вновь осмотрел его в надежде, что как-нибудь сумею распечатать шов, но — увы! С тех пор, насколько я помню, ни Амелия, ни я ни разу не возвращались к вопросу о рабах. Что до меня, я был ей за это весьма признателен.

5

На пятый день с Марса запустили пятый снаряд. К этому времени планета на экране заднего вида уже значительно отдалилась, но разглядеть облако белого пара все равно не составляло труда.

На шестой день мне удалось установить, какие из связанных с экранами ручек позволяют растягивать и укрупнять изображение. И когда наступил полдень, мы довольно четко увидели запуск нового цилиндра.

Прошло еще четыре дня, и каждый день могучая снежная пушка производила один выстрел. Но на

одиннадцатый день вулкан пересек видимый диск Марса, а белое облако над вершиной не появилось. Мы ждали до тех пор, пока вулкан не исчез за линией, отделяющей день от ночи, но по нашим наблюдениям запуск в тот день так и не состоялся.

Не состоялся он и на следующий день. И как выяснилось, после десятого снаряда выстрелы прекратились совсем. Памятуя о сотнях блистающих цилиндров, сложенных у подножия горы, мы никак не могли поверить, что чудовища отказались от своих планов и отправили к цели всего-навсего десяток снарядов. Однако дело обстояло именно так: дни шли за днями, мы не прекращали наблюдений за красной планетой, но ни разу не видели, чтобы гигантская пушка выстрелила снова.

Конечно же, мы немало спорили о том, что случилось на Марсе и почему. Я выдвинул теорию, что именно таков и был первоначальный замысел: авангард из десяти снарядов вторгнется на Землю и захватит определенный плацдарм — ведь для этого в распоряжении нападающих будет арсенал, насчитывающий не менее пятидесяти боевых машин. Поэтому я настаивал на продолжении наблюдений, ибо за авангардом непременно последуют новые снаряды.

Амелия придерживалась иного мнения. Она расценивала прекращение запусков как свидетельство победы восстания: марсианский народ, утверждала она, прорвал оборонительные рубежи чудовищ и взял контроль над пушками в свои руки.

Так или иначе, мы не располагали никакими доказательствами в пользу любой гипотезы, кроме того, что видели собственными глазами. А глаза подтверждали, что нашествие чудовищ на Землю кончилось на десятом снаряде, по крайней мере на ближайшее время. Мы находились в пути уже много дней, и Марс постепенно превратился в маленькую сверкающую

точку, отдаленную от нас на миллионы миль. И то, что происходит там, интересовало нас все меньше, поскольку на переднем экране мы теперь отчетливо видели, как навстречу нам движется наш родной мир — крошечный светлый полумесяц, упоительно безмятежный и неопишимо дорогой.

6

С течением времени я все лучше разбирался в приборах на пульте, и мало-помалу ко мне пришло чувство, что я понимаю назначение большинства из них. Я даже начал постигать смысл устройства, которое марсиане коротко называли «цель», и осознал, что оно, по-видимому, и есть самое важное из всех.

Устройство это надлежало использовать в момент, когда следишь за Землей на переднем экране. Амелия первой обнаружила наш родной мир — резко очерченную точку света ближе к краю панели. Надо ли говорить, сколь привлекательным показалось это зрелище нам обоим, а уверенность в том, что каждый день приближает нас к дому на тысячи миль, стала для нас источником все возрастающего волнения. Но день ото дня изображение нашего мира смещалось к самой рамке экрана, пока до нас не дошло, что еще день-другой — и оно исчезнет совсем. Я перетрогал, кажется, все ручки и кнопки на пульте — но без толку.

Тогда, в озарении отчаяния, Амелия предложила мне включить световую решетку, которая накладывается поверх изображения. Едва я послушался ее совета, как заметил позади первой решетки вторую, как бы призрачную. Не в пример первой центральный круг с перекрестьем у этой второй решетки был установлен на звездочке нашего мира. Такая раздвоен-

ность производила жуткое впечатление: казалось, устройство обладает собственным разумом.

Как только на экране появилась вторая решетка, под изображением вспыхнуло несколько огоньков. Разумеется, значение этих огоньков осталось нам неизвестным, но уже одно то, что мои действия вызвали на пульте ответную реакцию, было весьма примечательным.

— По-моему, — предположила Амелия, — это значит, что надо выправить курс снаряда.

— Но с Марса его нацеливали с большой точностью, — возразил я.

— Пусть так. И все же мне сдается, что мы отклонились от курса к Земле.

Мы еще немного поспорили, но в конце концов я был вынужден сказать себе, что пробил час проявить свою доблесть в качестве пилота. Заручившись моральной поддержкой Амелии, я расположился перед главной рукоятью управления, сжал ее в ладонях и слегка качнул в сторону.

Это возымело сразу несколько последствий.

Во-первых, раздался страшный шум, и по всему корпусу снаряда прокатилась дрожь. Во-вторых, и Амелию, и меня швырнуло на пол. И в довершение наших бед все, что не было жестко закреплено, взлетело в воздух и закружилось по кабине.

Когда мы пришли в себя, то обнаружили, что мой эксперимент отнюдь не произвел желаемого эффекта. Земля исчезла с экрана совсем! Решив исправить свою ошибку без промедления, я качнул рукоять в противоположном направлении, предварительно удостоверившись, что мы оба крепко держимся на ногах. На сей раз снаряд резко дернулся в другую сторону; шума и дребезга от разлетевшихся вещей снова было хоть отбавляй, но мне удалось вернуть Землю на край экрана.

Потребовалось еще несколько коррекций, прежде чем я сумел совместить изображение Земли с маленьким кругом в центре главной решетки. Как только я добился своего, огоньки дружно погасли и тем самым дали мне понять, что наш снаряд опять вышел на расчетный курс — прямо к Земле. Правда, вскоре я заметил, что снаряд так и норовит уклониться от правильного пути, и коррекции пришлось повторять ежедневно.

Методом проб и ошибок я выяснил наконец, для чего служит система решеток и как ею пользоваться. Основная, более яркая решетка обозначала реальное направление полета, в то время как более темная, подвижная, — намеченную цель. Эта вторая решетка была словно приклеена к изображению Земли, избавляя нас от последних сомнений относительно планов, вынашиваемых чудовищами.

Но даже такие «развлечения», как коррекции, были в нашей космической жизни скорее исключением, нежели правилом. Дни текли скучно и монотонно, и мы вынужденно придерживались определенного распорядка. Спали мы долго, сколько могли, каждую трапезу превращали в священнодействие. Упражняли мышцы, бесконечно обходя кабину по кругу, а когда наступала пора дежурить у пульта управления, уделяли этому куда больше старания и времени, чем было действительно необходимо.

Иногда мы раздражались по пустякам, между нами вспыхивали ссоры, и мы, надувшись, расходились по разным углам кабины. Именно в минуту такой размолвки я вновь задумался над тем, как покончить с незваными пассажирами главного отсека. Конечно, перекрыть поступление воздуха в отсек — это самый логичный способ умертвить их; за неимением веществ, заведомо ядовитых для чудовищ, вполне можно было бы обойтись удушением. Обуреваемый этой

мыслью, я однажды провел большую часть дня, обследуя различные встроенные в корпус механизмы. Я узнал многое о том, как действуют жизненно важные узлы снаряда, — например, установил местонахождение псевдофотографических инструментов, передающих изображения на обзорные экраны, выяснил, что положение снаряда в пространстве изменяется с помощью пара, выделяемого центральным корабельным источником тепла и подводимого к внешнему корпусу по сложной системе труб, — но решения волнующей меня проблемы так и не нашел.

Насколько мне удалось понять, воздух во внутренние помещения снаряда поступал из одного резервуара, который обслуживал все отсеки сразу. Другими словами, удушить чудовищ мы могли, но при этом задохнулись бы сами.

7

Чем ближе мы подлетали к Земле, тем чаще приходилось прибегать к коррекциям курса. Дважды, а потом и трижды в день я вглядывался в передний экран и подправлял движение снаряда с тем, чтобы совместить решетки. Земля на экране с каждым днем увеличивалась в размерах и светилась все ярче, и мы с Амелией подолгу молча стояли перед ним, созерцая родную планету. Она сияла ослепительно-белым и голубым и была непередаваемо прекрасна. Иногда подле нее мы видели и Луну; как и Земля, Луна выглядела тонким изящным полумесяцем.

Казалось бы, подобное зрелище должно было только радовать нас, но, стоя рядом с Амелией и глядя на это средоточие космической красоты, я ощущал в душе лишь невыразимую печаль. А когда мне приходилось корректировать курс, чтобы точнее привести снаряд к цели, меня терзали приступы вины и стыда.

Сперва я и сам затруднялся объяснить свои чувства, а потому ничего не говорил Амелии. Но дни шли своим чередом, Земля становилась ближе с каждым мгновением; я разобрался в своих опасениях и в конце концов собрался с духом и рассказал о них своей неразлучной спутнице. Оказалось, что и ее обуревают сходные чувства.

— Через день-два, — заявил я, — мы совершим посадку на Земле. Я твердо намерен направить снаряд в глубочайшую океанскую впадину и покончить с ним раз и навсегда.

— Если ты так решил, не стану тебе мешать

— Мы не вправе допустить этих выродков в наш мир, — продолжал я. — Не можем взять на себя такую ответственность. Если хоть один человек, мужчина или женщина, умрет по вине чудовищ, ни ты, ни я никогда не сможем смотреть друг другу в глаза.

— Но если, — подхватила Амелия, — мы удерем отсюда без промедления и успеем предупредить власти...

— Мы не можем так рисковать. Мы ведь не знаем даже, как выбраться из снаряда, а если чудовища сделают это раньше нас, значит, мы опоздали. Дорогая, надо взглянуть правде в лицо: мы с тобой должны приготовиться к тому, чтобы принести себя в жертву.

Пока мы беседовали, я включил устройство, выводящее на экран обе решетки. Вторая решетка, та, что показывала намеченную на Марсе цель, лежала над Северной Европой. Точнее установить курс не удавалось: эта часть земного шара пряталась под облаками. В Англии выдался очередной пасмурный день; по всей вероятности, шел дождь.

— Неужели ничего нельзя сделать? — спросила Амелия.

Я мрачно уставился на экран.

— Мы не вольны в своих действиях. Поскольку мы просто подменили пилотов, которые составляли экипаж этого снаряда, мы не можем сделать ни единого шага сверх того, что сделали бы они. Значит, мы своими руками приведем снаряд к месту, заранее выбранному чудовищами. Следуя разработанному ими плану, мы доставим их в точности туда, где лежит центр решетки. У нас остался только один выбор: подчиниться этому плану или воспрепятствовать ему. Можно позволить снаряду миновать Землю совсем, а можно приземлить его в таком месте, где чудовища не сумеют принести вреда.

— Ты говорил о том, что отправишь снаряд в океан. Это было серьезно?

— Это одна из немногих оставшихся нам возможностей. Хотя мы с тобой несомненно погибнем, но и чудовищам наверняка не спастись.

— Я вовсе не хочу умирать,— сказала Амелия, прижавшись ко мне.

— Я тоже. Но имеем ли мы право напустить чудовищ на землян?

Вопрос был мучительный, и никто из нас не мог дать на него точного ответа. Мы неотрывно смотрели на изображение Земли на экране еще минут десять-пятнадцать, затем перешли к трапезе. Но и позже нас так и тянуло к экранам; ответственность, наложенная на нас обстоятельствами, давила нас нечеловеческой тяжестью.

На Земле облака сместились к востоку, и мы увидели контур Британских островов в окружении синего моря. Центр решетки приходился точно на Англию.

Амелия произнесла сдавленным голосом:

— Эдуард, у нас величайшая в мире армия. Неужели наши военные не совладают с этой угрозой?

— Чудовища застанут их врасплох. Ответственность лежит на нас с тобой, Амелия, и нам от нее не

уйти. Я готов умереть во имя спасения нашей планеты. Могу ли я просить тебя о том же?

В ожидании ответа я был преисполнен самого высокого волнения и трепета. Но тут Амелия бросила взгляд на экран заднего вида; сейчас он не светился и все же настойчиво напоминал нам о девяти снарядах, летящих вслед.

— А что, разве напыщенная героинка спасет мир и от них тоже? — осведомилась она.

8

И мне оставалось лишь продолжать корректировать наш курс, не позволяя главной решетке сползти в сторону от зеленых островов, которые мы столь горячо любили.

Вечером мы совсем уже собрались отправиться на покой, когда из врезанной в стену металлической сетки донесся звук, который я надеялся никогда больше не слышать: лающий, скрежещущий голос чудовищ. Каждому из нас не раз доводилось встречаться с выражением «кровь стынет в жилах»; в тот миг я понял, что эти затертые слова совершенно точны.

Я тут же вылез из гамака и поспешил по коридору к запечатанной двери отсека, где находились чудовища. Едва отведя стальную задвижку, я убедился, что проклятые монстры пришли в сознание. Два из них прямо передо мной неуклюже ползали на своих щупальцах. Мне доставило удовольствие видеть, что увеличенная сила тяжести (а я еще в середине полета повысил скорость вращения снаряда вокруг оси, чтобы заранее приноровиться к земному притяжению) сделала их неловкими и неповоротливыми. В обстоятельствах, когда все рисовалось в черном свете, это была, пожалуй, многообещающая примета: если нам хоть чуть-чуть повезет, то для наших про-

тивников дополнительный вес на Земле станет серьезным неудобством.

Амелия пошла следом за мной и, как только я отодвинулся, заняла место у крохотного оконца. Вгляделась, вздрогнула, затем отстранилась.

— Неужели нет никакого способа уничтожить эту пакость? — воскликнула она.

Я ответил ей взглядом; надеюсь, выражение моего лица ярче любых заверений свидетельствовало, каким же несчастным я себя чувствовал.

— Вероятно, нет, — отозвался я наконец.

Когда мы вернулись в свой отсек, то оказалось, что одно из чудовищ, а может, и не одно, еще не оставило попыток связаться с нами. Резкие оклики эхом отражались от металлических стен.

— Как по-твоему, чего они хотят? — спросила Амелия.

— Откуда мне знать?

— А если мы должны выполнить какое-то приказание?

— Бояться их, во всяком случае, нечего, — рассудил я. — Им до нас не добраться — точно так же, как и нам до них.

Но, несмотря на любые доводы разума, слышать беспрерывный омерзительный скрежет не доставляло удовольствия, и, когда спустя четверть часа все стихло, мы оба вздохнули с облегчением, снова залезли в гамак и через несколько минут заснули. Правда, по истечении некоторого времени — взглянув на стрелки, я установил, что прошло четыре с половиной часа, — чудовища разбудили нас новой волной истошных криков. Мы лежали не шевелясь, от всей души надеясь, что крики прекратятся сами собой, но на сей раз нас хватило ненадолго, через пять минут наше терпение истощилось: ни Амелия, ни я выносить эту какофонию больше не могли.

Я выбрался из гамака и подошел к пульта управления. Земля приблизилась настолько, что ее очертания заняли весь передний экран. Я проверил совмещение решеток и сразу же обратил внимание, что дело неладно. Пока мы спали, снаряд вновь отклонился от курса: призрачная решетка по-прежнему стояла над Британскими островами, однако верхняя, основная, сместилась далеко к востоку — это значило, что, если не принять мер, приземление произойдет где-то в Балтийском море.

Я подозвал Амелию и указал на прибор.

— Ты сумеешь это выправить? — спросила она.

— Полагаю, что сумею.

А чудовища знай себе продолжали свои хриплые выкрики.

Мы, как уже вошло у нас в привычку, прочно уперлись в пол, и я качнул рукоять в сторону. По моим расчетам, достаточно было самой небольшой коррекции, но, невзирая на все усилия, мы по-прежнему отклонялись от цели на сотни миль. За считанные секунды, пока наши взоры были устремлены на экран, подсвеченная решетка ощутимо съехала к востоку.

Тогда-то Амелия и заметила, что на пульте вспыхнул зеленый огонек, который до сих пор ни разу не загорался. И зажегся он возле ручки, какой я еще не трогал: возле той, которая, как мне помнилось, высвобождала заряды зеленого пламени из носовой части снаряда.

Чутье подсказало мне, что наше путешествие подходит к концу, и я без долгих размышлений нажал на заветную ручку. Реакция на это простое действие оказалась столь резкой и внезапной, что нас обоих оторвало от пульта и бросило вперед. Амелия упала навзничь, а я беспомощно распластался поперек нее. Все вещи, да и остатки пищи, какие нашлись в отсеке,

взмыли в воздух и беспорядочно закружились над нашими головами.

Я не очень пострадал, зато Амелия ударилась головой о металлический выступ, и по лицу у нее ручьем текла кровь. Чувства почти изменили ей, она жестоко страдала, и я склонился над ней в нескрываемой тревоге. Она сжимала голову в ладонях и все-таки нашла в себе силы, чтобы вытянуть руку и бессильно оттолкнуть меня.

— Я... мне... со мной все в порядке, Эдуард,— прошептала она.— Пожалуйста... Мне нехорошо. Оставьте меня. Ничего страшного не случилось...

— Дорогая, позволь мне взглянуть, что с тобой! Она плотно сомкнула глаза и смертельно побледнела, но продолжала твердить, что рана не опасна.

— Тебе надо быть у приборов,— повторяла она. Я колебался, но она опять оттолкнула меня, и я нехотя возвратился к пультам. Категорически утверждаю, что не терял сознания ни на мгновение, однако наша цель — Земля — теперь казалась гораздо ближе. Между тем центр основной решетки вновь сдвинулся и сейчас находился где-то в Северном море, что могло означать только одно: зеленая вспышка изменила наш курс, и весьма ощутимо. Тем не менее смещение снаряда к востоку не прекратилось.

Я вновь поспешил к Амелии и помог ей подняться на ноги. Она немного пришла в себя, хотя кровотечение продолжалось.

— Мой ридикюль, — попросила она. — Там салфетки...

Я осмотрелся, но ридикюля нигде не было. Очевидно, при первом же толчке он отлетел в сторону и лежит себе в какой-нибудь щели. Краешком глаза я видел, что зеленый огонек на пульте не гаснет; меня не покидала уверенность, что решетка неумолимо

сдвигается к востоку и мое присутствие у рычагов управления необходимо.

— Я поищу сама,— предложила Амелия.

Она пробовала остановить кровь, прикрывая рану рукавом туники. Ее шаги были нетвердыми, речь невнятной. Моя тревога за нее чуть не переросла в отчаяние, и вдруг я понял, что надо сделать.

— Нет, нет,— твердо заявил я.— Немедленно отправляйся в противоперегрузочную камеру, иначе тебя просто убьет. Мы приземляемся с минуты на минуту!

Я взял ее за руку и слегка подтолкнул к прозрачному кокону, которым мы не пользовались на протяжении всего полета, а потом снял с себя форменную тунику и отдал Амелии на повязки. Она прижала черную тряпку к лицу и ступила в камеру; ткань сомкнулась. Не долго думая я тоже залез в свой кокон и, едва положив пальцы на подведенные сюда рычаги, сразу же ощутил, как охватывают меня его гибкие складки. Одного взгляда в сторону Амелии было достаточно, чтобы удостовериться, что она устроена надежно,— и тогда я надавил на ручку с зеленым пабалдашником.

Складки ткани не могли скрыть от меня, что изображение на экране бесследно исчезло за вспышкой зеленого огня; я позволил огню полыхать секунд пять, затем отпустил ручку. Изображение прояснилось, и стало заметно, что решетка снова переместилась на запад. Сейчас она висела прямо над Англией — мы шли точно по курсу.

И все-таки снаряд подолжало сносить к востоку — на моих глазах решетки опять отделились друг от друга. Силуэт Британских островов скрывался за пологом ночи, и я представил себе, что в эту самую минуту мои соотечественники любуются закатом, не

ведая, какая напасть готова обрушиться на их головы под покровом ночной темноты.

Пользуясь тем, что противоперегрузочные камеры до поры гарантируют нам безопасность, я решил снова включить двигатель и заранее компенсировать беспрерывный дрейф. На этот раз я не гасил зеленое пламя секунд пятнадцать и, когда экран прояснился, увидел, что преуспел в своих намерениях: центр подсвеченной решетки сдвинулся куда-то в Атлантику, на несколько сотен миль западнее крайней точки Корнуолла. Впрочем, времени на такого рода наблюдения у меня оставалось в обрез: через какие-нибудь две-три минуты Британия должна была утонуть во тьме без остатка.

Я высвободился из объятий своего кокона и, подойдя к Амелии, спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

Она попыталась сделать шагок, чтобы разорвать узы стесняющей ее ткани, но я удержал ее.

— Сейчас я поищу твой ридикюль. Тебе хоть немного лучше?

Амелия ответила кивком. Кровотечение прекратилось, но выглядела она ужасно: пропитанные кровью волосы спутались и прилипли к ране, лицо и грудь покрывали багровые потеки.

В поисках ридикюля я торопливо обшарил весь отсек. В конце концов я обнаружил пропажу — ридикюль застрял чуть выше пульта управления — и вручил ее хозяйке. Высунув руку из кокона, Амелия переворошила все внутри, пока не отыскала несколько клочков белого полотна, аккуратно свернутых вместе. Один из них она тут же прижала к ране — полотно было гигроскопично, — а другим вытерла кровь со лба и щек. Мне оставалось только диву даваться, почему она раньше не упоминала про столь ценную принадлежность, как эти салфетки.

— Сейчас мне станет легче, Эдуард, — невнятно произнесла она из-под складок камеры. — Это простой порез. Прошу тебя — сосредоточься на том, как бы посадить эту убийственную машину.

Я не сводил с нее глаз — и вдруг понял, что она плачет. Эти слезы заставили меня с особой остротой почувствовать, что наше путешествие слишком затянулось и что Амелия не меньше моего мечтает о том счастливом мгновении, когда мы покинем эту кабину.

Я вернулся в свою противоперегрузочную камеру и сжал в ладони ручку, управляющую зеленым огнем.

9

Британские острова скрылись на ночной стороне планеты, и теперь у меня не было других ориентиров, кроме двух решеток. Пока они накладывались одна на другую, можно было не беспокоиться за точность курса. Надо сказать, что совмещать решетки оказалось сложнее, чем думалось поначалу: скорость бокового дрейфа возрастала с каждой минутой. Задача осложнялась и тем, что, едва я включал двигатель, экран застилало ослепляющим зеленым огнем. И только тогда, когда двигатель умолкал, я получал возможность разобраться, к чему привели мои неумелые потуги.

Я придерживался тактики проб и ошибок: сперва взглянуть на панель и установить, сильно ли мы отклонились на восток, затем на какое-то время включить тормозной механизм. Выключить двигатель, снова взглянуть на панель и произвести новую оценку скорости дрейфа. Иногда мне удавалось избежать ошибки, но чаще я тормозил либо слишком сильно, либо слишком слабо.

С каждым разом продолжительность торможения росла, и я взял за правило отмерять время, медленно

считая про себя. Вскоре каждая тормозная вспышка — я догадался, что ее интенсивность можно повышать и снижать, нажимая на ручку то сильнее, то слабее, — стала затягиваться до счета сто, а то и дольше. Нервы были напряжены до предела, от меня требовалась полная сосредоточенность; к тому же включение двигателя сопровождалось невыносимыми физическими перегрузками. Температура в отсеке быстро повышалась. И хотя воздух, поступающий в защитные камеры, оставался прохладным, охватывающая тело ткань нагревалась, и с каждой минутой все более ощутимо.

В промежутках от торможения до торможения, когда коконы чуть-чуть разжимали свою мертвую хватку, мы с Амелией ухитрились обменяться двумя-тремя словами. Она сказала, что кровотечение приостановилось, но по-прежнему мучают головная боль, слабость и тошнота.

Вскоре решетки стали смещаться с такой скоростью, что я уже не смел отвлечься ни на миг. Стоило мне выключить двигатель на долю секунды — и они тут же буквально отскакивали друг от друга; я отвел ручку от себя до предела и навалился на нее что было сил.

Включенный на предельную мощность тормозной двигатель ревел с такой яростью, что казалось: сам снаряд неминуемо развалится на куски. Корпус трясся и грохотал, а снизу, там, где подошвы касались металлического пола, их жгло невыносимым жаром. Противоперегрузочные камеры стиснули нас так крепко, что мы едва могли дышать. Ни за какие блага я не сумел бы пошевелить даже самым крошечным мускулом и только диву давался, как выдерживает все это Амелия. Исполинская мощь двигателя отзывалась во мне так, словно мы таранили стену; несмотря на цепкие объятия камеры, инерция безжалостно тащила

меня вперед. Грохот, жара, перегрузки сводили с ума — и этот кошмар все длился, длился, пока снаряд ослепительной зеленой кометой пронзал ночное небо Англии.

Конец пути, когда он настал, был внезапным и сокрушительным. Раздался невообразимой силы взрыв, на меня обрушился оглушительный удар, снаряд содрогнулся. И в наступившей вдруг тишине мы вывалились из опавших защитных камер в обжигающе знойную кабину управления.

Мы прибыли домой, но состояние наше, мягко говоря, оставляло желать лучшего.

Глава XVIII

В яме

1

Мы пролежали без памяти не меньше девяти часов, почти не сознавая тех ужасных условий, в которые ввергла нас неумелая посадка. Допускаю, что обморок, вызванный полным изнеможением, даже избавил нас от самых тяжелых переживаний, но и то, что выпало на нашу долю, было достаточно скверно.

Прежде всего выяснилось, что снаряд приземлился отнюдь не самым удачным для нас образом: поскольку он вращался вокруг оси, положение любого предмета относительно Земли оказывалось делом чистой случайности, и эта случайность подняла защитные камеры и гамак высоко над нашими головами и сделала их бесполезными. Более того, снаряд врезался в почву под острым углом, и сила тяжести швырнула нас обоих в самую узкую, носовую часть кабины.

Земное притяжение воспринималось нами как нечто убийственное. Мои робкие попытки подготовиться к нему за счет дополнительного раскручивания снаряда на поверку оказались чересчур осторожными. После многих месяцев, проведенных на Марсе, а затем в чреве снаряда, нормальный вес казался невыносимым бременем.

Я уже упоминал, что незадолго до посадки Амелия была ранена; от нового падения рана открылась вновь, и кровь хлестала из нее еще обильнее, чем

прежде. По правде говоря, я и сам, вывалившись из противоперегрузочного кокона, рассадил себе голову.

А в довершение всех бед — и это вынести оказалось труднее всего — внутренние отсеки снаряда затопили ошеломляющая жара и влажность. Было ли это следствием зеленых вспышек, тормозивших полет, или трения о земную атмосферу, или, вернее, всего, того и другого вместе, — но не только корпус, а и наполняющий его воздух и все предметы в отсеках нагрелись до немыслимых пределов.

Такова была обстановка, в которой мы лежали без чувств; таковы были мои первые впечатления после того, как я пришел в себя.

2

Первое, что я сделал, — повернулся к Амелии, лежавшей в забытьи поперек моих ног. Кровотечение из раны прекратилось, но состояние раненой оставалось ужасным: лицо, волосы, одежду густо покрывала запекшаяся кровь. Лежала она так тихо, дышала так неслышно, что я сначала не сомневался — умерла; очнулась она, только когда я в панике встряхнул ее за плечи и потрепал по щекам.

Мы лежали в неглубокой луже — вода была из лопнувшей трубы и скапливалась на полу. Лужа сильно прогрелась — по-видимому, от соприкосновения с металлическим корпусом снаряда, однако из трубы текла прохладная вода. Я отыскал ридикюль Амелии и достал оттуда две салфетки, намочил их и обмыл ей лицо и руки, стараясь не задеть открытой раны. Насколько я мог судить, обошлось без трещины в черепе, но поперек лба, как раз под линией волос, тянулся рваный, глубокий почерневший разрез.

Пока я умывал Амелию, она не проронила ни

звука, казалось, ей совсем не больно. Поморщилась она только в тот момент, когда я чистил рану.

— Сейчас посажу тебя поудобнее,— ласково сказал я.

Вместо ответа она нашла мою руку и с чувством пожалала. Тогда я спросил:

— Ты можешь говорить?..

Она кивнула, затем прошептала:

— Я люблю тебя, Эдуард.

Я поцеловал ее, и она нежно обняла меня в ответ. Несмотря на все наши несчастья, с моей души словно сняли огромную тяжесть: напряжение полета сошло на нет.

— А идти сможешь?

— Надеюсь. Правда, голова немного кружится.

— Я тебя поддержу.

Я поднялся первым и сам почувствовал головокружение, но удержался на ногах, схватившись за край разбитого пульта, который теперь висел у меня над головой, и, протянув руку, помог встать Амелии. Ее качало гораздо сильнее, чем меня, и я обнял ее за талию. Так, поддерживая друг друга, мы поднялись по вздыбившемуся полу до того места, где уклон стал круче, но можно было по крайней мере присесть на что-то сухое и ровное.

Именно тогда я вынул из кармана часы и обнаружил, что с той минуты, когда мы чуть не разбились при посадке, прошло девять часов. Что же успели натворить чудовища за эти часы, пока мы не пришли в сознание?!

3

Чувствовали мы себя преотвратно и позволили себе еще чуть-чуть отдохнуть, однако мной все сильнее овладевало убеждение, что нельзя терять ни секунды.

Отсиживаться внутри снаряда нельзя было ни на мгновение дольше, чем диктовалось необходимостью. А вдруг чудовища уже успели выбраться из своего отсека и нашествие началось?

Впрочем, следовало подумать и о других неотложных проблемах, в первую очередь о том, как избавиться от изматывающей жары, которая нас окружала. Пол, на котором мы сидели, полыхал почти невыносимым зноем, каждая полоска металла излучала удушливое тепло. Воздух стал сырым и липким, и при каждом вдохе чудилось, будто в нем совсем нет кислорода. Пища, рассыпанная по кабине, почти вся сгнила и распространяла тошнотворную вонь.

Еще раньше я развязал на своем одеянии все тесемки, но жара не ослабевала, так что, пожалуй, лучше всего было бы раздеться совсем. Едва Амелия очнулась, как я помог ей выкарабкаться из черной туники. Под туникой было надето все то же рубище, которое Амелия носила в день памятной встречи в лагере для рабов. Самая пылкая фантазия не помогла бы узнать в этом рубище хрусткую белоснежную сорочку, какой оно некогда являлось. Я и то оказался в лучшем положении: под форменным платьем марсиан на мне было нижнее белье, и, невзирая на все злоключения, оно сохранило относительно приличный вид.

По некоторым размышлениям мы сошлись на том, что лучше мне разведать обстановку одному, без Амелии. Мы не имели ни малейшего представления о том, какую деятельность развили чудовища, — если допустить, что они не погибли при посадке, — и, разумеется, я не мог подвергать свою спутницу новой опасности. Удостоверившись, что она устроена удобно, я покинул кабину и принялся взбираться по коридорам, прорезающим корпус насквозь.

Надеюсь, вы помните, что снаряд отличала очень

большая длина — от носа до кормы никак не менее трехсот футов. Во время космического полета двигаться по внутренним помещениям было не слишком сложно: вращение снаряда вокруг собственной оси обеспечивало путешественнику вполне надежную опору. Но теперь, когда цилиндр зарылся в земную почву и как бы стал на нос, мне приходилось подниматься вверх под крутым углом. Нестерпимая жара в этой части корпуса, кажется, еще усилилась, и мне помогало разве то, что я бывал здесь прежде.

Миновав запечатанный люк, ведущий в отсек для рабов, я приостановился и вслушался, но внутри царила мертвая тишина. Переведя дыхание, я полез дальше и вскоре добрался до люка, соединяющего коридор с главным отсеком.

Не без боязни потянул я за металлическую задвижку, ожидая, что чудовища в полном сознании и начеку, только мог бы и не осторожничать. Поблизости никого не оказалось, хотя присутствие чудовищ выдавали хриплые, режущие слух голоса. Я бы даже сказал, что голоса звучали необыкновенно хрипло и громко, и я понял, что омерзительные твари о чем-то спорят между собой.

Дело кончилось тем, что я полез еще дальше и поднялся мимо дверей к самой корме снаряда. Признаться, меня не оставляла мысль, что там найдется какой-то выход, который позволит нам с Амелией тайком покинуть цилиндр. (Я понимал, что в случае крайней необходимости можно воспользоваться зелеными вспышками точно так же, как на снаряде меньшего калибра, и сдвинуть всю машину с мертвой точки, но мне представлялось крайне важным, чтобы чудовища не заподозрили в нас самозванцев, подменивших настоящих пилотов.) К несчастью, путь был перекрыт. Здесь, в торце цилиндра, находился огром-

ный люк, предназначенный для самих чудовищ. Тот факт, что его не успели открыть, в общем-то обнадеживал: если мы не могли выбраться наружу, то и к чудовищам это относилось не в меньшей степени.

Перед тем как спуститься обратно, я разрешил себе передышку и в течение нескольких минут размышлял на новую тему: куда же я, в конце концов, приземлился? Если мы упали в центре города, сила удара при падении, безусловно, вызвала неисчислимы бед; все это в последнем счете было делом случая, хотя шансы, пожалуй, складывались в нашу пользу. Большая часть Англии почти не застроена, и вполне вероятно, что посадка произошла в чистом поле. Оставалось надеяться, что это именно так; и без того у меня на совести лежал тяжкий груз.

Из-за стены, отделяющей коридор от главного отсека, ко мне по-прежнему доносились лающие голоса чудовищ, в чем-то не согласных друг с другом, а время от времени я слышал зловеющий скрежет передвигаемого металла. Впрочем, в секунды затишья мне чудились и какие-то иные звуки, проникающие в корпус извне. Ничего удивительного: наша посадка должна была представлять собой весьма эффектное зрелище и привлечь к снаряду толпы народа, и, пока я с немалым риском для себя сидел у самой нарезки главного, кормового люка, мое воспаленное воображение подсказывало мне, что в каких-то четырех-пяти ярдах от меня собрались десятки, если не сотни людей.

Мысль была мучительной, невыносимой: более всего на свете я сейчас жаждал очутиться среди себе подобных. Чуть позже, обдумав все хорошенько, я осознал, что, если действительно вокруг нас собралась толпа, ей грозит смертельная опасность. Насколько же радостнее — при всей жестокости такой картины — было бы думать, что высадившиеся чудо-

вища тут же окажутся в кольце наведенных на них винтовок!

Так или иначе, замерев в волнении у кромки люка, я уверил себя в том, что слышу за стальной броней снаряда человеческие голоса, и едва не расплакался от одной этой уверенности. В конце концов до моего сознания все-таки дошло, что в настоящий момент я не в силах больше ничего предпринять; тогда я спустился тем же путем, каким поднялся сюда, и вернулся к Амелии.

4

Прошло довольно много времени, но ни чудовища внутри снаряда, ни люди, которые, по моим предположениям, собрались снаружи, не предпринимали ровным счетом ничего. Каждые два-три часа я совершал очередное восхождение по коридорам, но главный люк на корме оставался по-прежнему плотно закрытым.

Между тем условия в кабине управления час от часу ухудшались, хотя температура, пожалуй, чуть-чуть упала. Освещения никто не выключал, воздух поступал бесперебойно, но пища стремительно разлагалась, распространяя в отсеке тошнотворный запах. Не прибавляло бодрости и то, что из лопнувшей трубы не переставая текла вода, — в нижней части кабины образовалось целое озеро.

Мы старались держаться как можно тише, не ведая, слышат ли нас чудовища, и опасаясь ужасных последствий, если вдруг услышат. Правда, сами монстры, казалось, совершенно погрязли в собственных приготовлениях: сколько раз я ни поднимался к люку, ведущему в их отсек, там по-прежнему не умолкал шум.

Голодные, усталые, потные, испуганные, мы усе-

лись рядышком на наклонном металлическом полу, выжидая удобной минуты, чтобы ускользнуть на волю. Вероятно, на какое-то время нас сморил сон; я очнулся с внезапным чувством, что в нашем окружении произошла определенная перемена. Взглянув на часы — ввиду отсутствия карманов на нижнем белье я ухитрился пропустить цепочку под пуговицей через петлю, — я установил, что с момента нашего прибытия на Землю миновали без малого сутки. Надо ли говорить, что я немедленно разбудил Амелию, чья голова покоилась у меня на плече.

— Что такое? — встрепелась она.

— Ты ощущаешь запах? — Она принялась громко нюхать воздух, наморщив нос. — Чувствуешь, пахнет гарью?

— Верно, — согласилась Амелия и вдруг воскликнула: — Так это же костер! Горящая древесина!

Нами овладело неистовое возбуждение — запах представлялся таким родным, ни с чем не сравнимым.

— Люк, — произнес я многозначительно. — Они, наконец, открыли люк!

Амелия уже была на ногах.

— Скорее, Эдуард! Пока не поздно!

Я подхватил ее ридикюль и повел свою спутницу по круто изогнутому полу к коридорам. Затем я пропустил Амелию вперед с тем расчетом, что подхватю ее, если она упадет. Поднимались мы медленно, обессиленные выпавшими на нашу долю суровыми испытаниями. Но ведь мы полагали, что поднимаемся в последний раз — из преисподней марсианского снаряда на свободу.

5

Почувствовав опасность, мы замерли, не дойдя до конца коридора, и бросили взгляд вверх, на небо.

Оно было синее-синее и нисколько не походило на

небеса Марса — эта была свежая, умиротворяющая синева, какую с наслаждением видишь в теплый летний вечер. По этой синеве плыли перистые облачка, далекие, покойные, тронутые багрянцем заката. Но гораздо ниже и ближе к нам вился тяжелый серый дым — именно он и доносил до нас запах горящего дерева.

— Пойдем дальше? — шепнула Амелия.

— Что-то мне это не нравится, — отозвался я. — Я надеялся, вокруг соберутся толпы народа. Слишком уж все тихо.

И тут, будто опровергая мои слова, до нас донесся резкий стук металла по металлу, и коридор озарила ослепительная зеленая вспышка.

— Значит, чудовища уже выбрались наружу! — прошептала Амелия.

— Надо посмотреть. Оставайся здесь.

— Ты меня не бросишь?

В ее голосе вдруг прорвались какие-то новые нотки, он едва не сорвался от напряжения.

— Только доберусь до кромки люка, — заверил я. — Должны же мы знать, что там происходит.

— Будь осторожен, Эдуард. Постарайся, чтобы тебя не заметили.

Я передал ей ридикюль и пополз наверх, терзаемый самыми противоречивыми чувствами. К переполнявшим мою душу испугу и тревоге добавлялись волнующие ощущения, приходящие извне: я понимал, что дышу воздухом Земли, впитываю в себя ароматы родины.

Подобравшись к самой кромке, я лег на металлический пол ничком и подтянулся на руках. В вечернем полумраке я увидел огромную яму, которую снаряд вырыл при своем бешеном приземлении, а в яме моим глазам предстало зрелище, наполнившее меня паническим ужасом.

Прямо под округлой кормой снаряда лежала упавшая крышка главного люка — огромный стальной диск примерно восьмидесяти футов в поперечнике. Когда-то именно этот диск противостоял ярости взрывов при запуске; теперь его вывинтили изнутри и сбросили на песок, очевидно, за ненадобностью. А чуть поодаль марсианские чудовища уже приступили к сборке своих дьявольских машин.

Все пять монстров сумели благополучно выбраться из чрева снаряда и работали не щадя себя. Двое старательно прилаживали опору к одной из боевых машин, распластанной неподалеку от моего убежища. Я сразу понял, что она еще не боеспособна: другие ее ноги-опоры выдвинуты лишь на несколько футов, а платформа едва приподнималась над землей. Еще двое работали под платформой в небольших экипажах — механические руки поддерживали тренажник на весу, в то время как более короткие отростки сновали туда-сюда, постукивая по металлическим деталям. Каждый удар сопровождался яркой зеленой вспышкой, и легкий ветерок уносил в сторону желтый дымок.

Пятое чудовище участия в работе не принимало. Оно взгромоздилось на плоскую поверхность сброшенного люка буквально в двух шагах от меня. Рядом стояли тепловой генератор, жерло которого было направлено вертикально вверх, и высоченная телескопическая мачта, увенчанная параболическим зеркалом футов двух в диаметре. Мачта и зеркало вращались — вращало их само чудовище, прильнувшее огромным, как блюдце, ничего не выражающим глазом к какому-то прицельному устройству. Я еще толком и не разглядел это устройство, как чудовище содрогнулось всем телом, и над краем ямы взвился смертоносный белый луч — в земной, более плотной атмосфере он был виден совершенно отчетливо.

В отдалении послышались сдавленные крики, затем до меня донесся треск горящих деревьев и построек. На какой-то миг я невольно пригнулся, не в силах участвовать в этом кровопролитии даже в качестве пассивного наблюдателя. Мне казалось, что своим бездействием я помогаю чудовищам в затеянной ими адской бойне.

Яснее ясного было, что луч пускали в действие не впервые: бросив взгляд на противоположный край воронки, я заметил там несколько обугленных тел. Разумеется, я не мог знать, зачем эти люди пришли к яме и почему чудовища пустили в ход оружие, но теперь-то я не сомневался, что они будут держать всех и каждого на почтительном расстоянии до тех пор, пока не закончат сборку машин.

Параболическое зеркало продолжало вращаться над краем ямы, однако тепловой луч на моих глазах не применяли больше ни разу.

Я переключил свое внимание на самих чудовищ и не без ужаса отметил, что непривычная для них сила земного притяжения наложила на их внешность свою печать. Я уже говорил о том, как податливы тела этих омерзительных созданий; с возрастанием тяжести их губчатые туши раздались и сплющились. Страж, что находился ближе всех ко мне, казалось, распух раза в полтора и достигал теперь в длину шести-семи футов. Щупальца у него не удлинились, но также расплющились под собственным весом и походили на змей еще сильнее, чем раньше. Изменилось и «лицо». На глаза — наиболее приметную его часть — сила тяжести, правда, не повлияла, зато клювообразный рот вытянулся клином. Дыхание стало затрудненным, изо рта на землю непрерывно капала тягучая слюна.

Я и раньше не мог смотреть на этих монстров без содрогания и ненависти, а теперь, в ковой обстанов-

ке, едва не потерял контроля над собой. Я позволил себе оставить свой наблюдательный пост и добрых пять минут лежал на полу, трясаясь от бессильной ярости. Когда же самообладание вернулось ко мне, я пополз назад, к Амелии, и хриплым шепотом пере­сказал ей все, чему стал свидетелем.

— Я должна увидеть это сама,— заявила Амелия и приготовилась в свою очередь карабкаться в конец коридора.

— Нет, нет! — Я схватил ее за руку.— Это слишком опасно. Если тебя заметят...

— Тогда со мной случится то же, что могло бы случиться с тобой.

Амелия высвободилась и стала медленно подниматься вверх по наклонному проходу. Мне оставалось лишь следить в мучительном молчании за тем, как она достигла кромки люка и выглянула наружу, в яму. Она провела там минуты две-три и вернулась невредимая, только очень бледная.

— Знаешь, Эдуард, как только они закончат сборку боевой машины, их уже не остановить.

— Там еще четыре машины ждут своей очереди,— напомнил я.

— Надо каким-то образом предупредить правительство.

— Но мы не можем двинуться с места! Ты же ви­дела, какую бойню они устроили вокруг воронки. Вы­сунуться наружу для нас равносильно самоубийству.

— Все равно мы должны что-то предпринять.

Я задумался. Вряд ли полиция и армия оставались до сих пор в неведении о том, что приземление нашего снаряда обернулось ужасной угрозой. От нас в этих условиях требовалось уже не предупредить правительство, а известить его о *масштабе* угрозы. Ведь никто из землян не имел ни малейшего пред-

ставления о том, что следом за первым снарядом к Земле летят еще девять.

Я пытался рассуждать здраво. Нет, не может быть, чтобы армия оказалась бессильной против чудовищ. С любым созданием из плоти и крови, способным умереть от ножа, безусловно можно справиться при помощи ружей и артиллерии. Разумеется, тепловой луч — кошмарное, смертоносное оружие, но он еще не делает марсиан неуязвимыми. А кроме того, надо помнить, что земное притяжение куда мощнее марсианского. Боевые машины всемогущи в условиях малой силы тяжести и разреженного воздуха Марса; но будут ли они столь же маневренными и преодолимыми здесь, на Земле?

Немного погодя я еще раз пробрался в конец коридора в надежде, что нам с Амелией удастся ускользнуть от чудовищ под покровом ночной темноты. Ночь и в самом деле вступила в свои права, к тому же луну (если в ту ночь луна вообще всходила) затянули густые облака дыма от горящего поблизости вереска; тем не менее марсиане работали всю ночь напролет при свете больших прожекторов, расставленных вокруг сборочной площадки. Первая боевая машина была, видимо, совсем готова — она стояла на полностью выдвинутых ногах у дальнего края воронки. А из люка выгружали части второго тренажника.

Я не покидал своего наблюдательного пункта так долго, что Амелия не удержалась и присоединилась ко мне. Марсианские чудовища не удостоили нас хотя бы мимолетным взглядом и таким образом дали нам возможность наблюдать за своими приготовлениями без помех.

За всю ночь чудовища оторвались от работы один-единственный раз. Это случилось тогда, когда в самую темную пору, ровно через сутки после нашего прибытия, у нас над головами в ослепительном зеле-

ном сиянии прогрохотал второй снаряд. Он приземлился с оглушительным взрывом в каких-нибудь двух милях от нас.

В то же мгновение Амелия схватила меня за руку, а я прижал ее голову к своей груди: мою мужественную спутницу сотрясали беззвучные рыдания.

6

Остаток ночи и бóльшую часть следующего дня нам пришлось прятаться в глубине снаряда. Временами мы дремали, а временами опять пробирались в конец прохода проверить, не представится ли случай для побега, но потом вновь возвращались и сидели скрючившись, тихие и испуганные, в своем неприютном углу.

Не доставляло радости сознавать, что события полностью вышли из-под нашего контроля, и нам отведена лишь роль зрителей, тайно наблюдающих за приготовлениями ненавистного врага. Подумать только! Мы в Англии, здесь живут наши соотечественники, говорящие на родном для нас языке, нас со всех сторон окружают знакомые с детства пейзажи и обычаи, а обстоятельства вынуждают нас прятаться в сооружении, совершенно чуждом нашему миру!

Вскоре после полудня появились первые признаки того, что вооруженные силы не дремлют: мы слышали отдаленную артиллерийскую стрельбу. Взрывы раздавались на расстоянии мили, а то и двух, и мы сразу смекнули, в чем дело. Очевидно, армия обстреливала второй снаряд, не дожидаясь высадки его ужасных хозяев.

Марсиане, за которыми мы наблюдали, ответили на этот вызов без промедления. Как только раздались первые выстрелы, одно из чудовищ подползло к тому треножнику, который уже был собран, и забралось

внутри. В тот же миг боевая машина сорвалась с места, поскрипывая под бременем добавочного веса и роняя зеленые искры из сочленений. Я обратил внимание, что платформу не стали поднимать на полную высоту; напротив, она стелилась над самой землей, как железная черепаха.

Не трудно было догадаться, что если артиллеристы занялись вторым снарядом, то вскоре настанет и наш черед, и мы с Амелией сочли за благо вернуться в дебри глубинных коридоров в надежде, что корпус снаряда достаточно прочен, чтобы выдержать бомбардировку. К нашему разочарованию, отдаленная стрельба продолжалась всего полчаса и постепенно сошла на нет. Тишина настолько затянулась, что мы отважились вновь подняться наверх и поинтересоваться, чем заняты марсиане.

Их бешеная активность не прекращалась ни на минуту. Та боевая машина, что покинула яму, не возвращалась, однако из остальных четырех три стояли на ногах, готовые к действию, и теперь чудовища вели сборку последней. Мы наблюдали за ними в течение часа и уже совсем было решили спуститься в свое убежище и немного отдохнуть, когда на воронку внезапно обрушился шквал разрывов. Наконец-то нас тоже подвергли обстрелу!

И вновь марсиане отреагировали на события почти мгновенно. Трое из чудовищных тварей поспешили к боевым машинам — они умудрились в считанные часы приспособиться к нагрузкам нашего мира — и вскарабкались на платформы. Четвертый марсианин, сидя в сборочном экипаже, продолжал как ни в чем не бывало сборку последнего треножника.

Вокруг по-прежнему гремели взрывы; мастерство наводчиков оставляло желать лучшего, ни один выстрел не лег точно в цель, но некоторые оказались

все же достаточно меткими, чтобы застлать яму тучами песка и пыли.

Едва водители очутились на борту, три боевые машины ожили. В какие-то доли секунды платформы вылетели на полную высоту порядка ста футов, а суставчатые ноги впились в края воронки. Смертоносные механизмы развернулись на месте и удалились каждый своим путем, подняв наизготовку генераторы тепла. Не прошло и тридцати секунд с момента, когда вокруг нас грянули разрывы, а треножников уже и след простыл: один исчез на юге, другой — на северо-западе, а третий скрылся в том направлении, где упал новый марсианский снаряд.

Пятый марсианин, последний из прилетевших вместе с нами, торопливо собирал свою машину; теперь на нашем пути к свободе стоял только он один.

Вблизи прогремел взрыв, самый близкий из всех. Взрывная волна опалила нам лица, и мы снова юркнули в укрытие.

Когда я набрался храбрости и вновь выглянул наружу, то увидел, что марсианин продолжает работу как ни в чем не бывало. Вне всякого сомнения, он вел себя так, как и подобает солдату под огнем: отдавая себе отчет в том, что рискует жизнью, он осознанно мирится с этим и готовит контрудар.

Обстрел длился минут десять, и за все это время не случилось ни одного прямого попадания. Затем, так же внезапно, как начались, выстрелы прекратились; не составляло труда догадаться, что марсиане подавили артиллерию на ее огневых рубежах.

В наступившей сверхъестественной тишине марсианин все также хладнокровно занимался своим делом. Наконец, завершив работу, мерзкая тварь взобралась на платформу, выдвинула ноги-опоры во всю длину, развернула треножник в направлении на юг и в мгновение ока скрылась из виду.

Нас с Амелией не пришлось уговаривать воспользоваться благоприятной возможностью. Я спрыгнул на песчаную почву, неуклюже и тяжело, и протянул руки своей спутнице, чтобы помочь ей приземлиться более удачно.

Даже не оглянувшись, мы вскарабкались по осыпающемуся под ногами склону, выбрались из воронки и побежали в направлении, какого пока еще не избирала ни одна машина, — на север. Нас встретил знойный, душный вечер, на западе громоздились гряды облаков. Надвигалась гроза, но это была отнюдь не единственная причина обступившего нас безмолвия: ни птица не пропоет, ни зверь не шелохнется. Вокруг расстилался мертвый вереск, почерневший от пожара, устланый обгоревшими остовами повозок и трупами лошадей и людей.

Глава XIX

Встреча с философом

1

На Марсе я грезил о зеленой листве и полевых цветах; здесь, на опаленной пустоши, во все стороны, сколько хватал глаз, простиралось пожарище, обугленный или тлеющий вереск. На Марсе я изголодался по человеческим лицам, человеческой речи — здесь не было ни души, только трупы тех несчастных, что пали жертвами теплового луча. На Марсе, задыхаясь в разреженной атмосфере, я томился по сладостному воздуху Земли — здесь перехватывало горло, саднило легкие от гари и тлетворного запаха смерти.

На Марсе царили запустение и война, и за долгие месяцы, что мы с Амелией были там, и то и другое поневоле коснулось наших сердец. А теперь и Земля приняла в себя первую стрелу, напоенную марсианским ядом.

2

За нами, к югу, виднелся холм, а на холме — какой-то городок, и не составляло труда понять, что он уже подвергся нападению боевых машин. Над домами, смешиваясь с низкими грозowymi тучами, нависло тяжелое облако дыма, и неподвижный вечерний воздух доносил до нас отголоски взрывов и крики отчаяния.

На западе, среди пылающих вдали деревьев, мы

заметили бронзовый колпак марсианского треножника, который стремительно шагал куда-то, поводя платформой из стороны в сторону. Послышался раскат грома; армии же, как ни всматривайся, не было и в помине.

После всех испытаний, выпавших на нашу долю, мы очень ослабли — ведь нам пришлось провести двое суток без еды и почти без сна. В итоге, невзирая на искреннее стремление выбраться из этих мест как можно скорее, продвигались мы медленно. Раза два я сильно спотыкался, и мы оба в равной мере страдали от болезненных ссадин.

Бежали мы вслепую, куда глаза глядят, ожидая со страхом, что марсиане вот-вот настигнут нас и подвергнут такой же безжалостной расправе, как и всех остальных. Однако подгонял нас не только инстинкт самосохранения; нам, разумеется, не хотелось расставаться с жизнью, и в то же время мы отдавали себе отчет, что нам, и только нам известен истинный масштаб нависшей над миром угрозы.

Наконец мы приблизились к краю пустоши, где в овраге меж деревьев струился ручеек. Вверху, над нашими головами, ветви почернели под взмахом теплового луча, но внизу, в овраге, уцелели влажная трава да цветочек-другой.

Всхлипывая от страха и изнеможения, мы припали к воде, принялись черпать ее сложенными ковшиком ладонями и пыли шумно, взхлеб. Наше нёбо, истомленное марсианской горькой водой с металлическим привкусом, сочло этот ручеек воистину волшебным чистым!

Пока мы из последних сил бежали по пустоши, вечер перешел в ночь — ранней темноте способствовала надвигающаяся гроза. Раскаты грома становились все мощнее и чаще, то и дело мелькали зарницы. Вот-вот должен был хлынуть ливень. Надо было

продолжать путь, и как можно скорее: смутный план — предостеречь правительство о размахе опасности — составлял теперь главную цель нашей жизни, хоть люди, конечно же, и без нас уже поняли, что на страну обрушилась некая могущественная и злая сила.

У ручья мы провели минут десять. Я обнял Амелию за плечи и бережно прижал к себе, но мы не разговаривали. Оба мы были слишком подавлены размахом бедствия, чтобы подыскать слова для выражения наших чувств. Мы вернулись в Англию, на любимую родину, и вот какую трагедию мы на нее навлекли!

Когда мы поднялись на ноги, вызванные марсианами пожары полыхали по-прежнему, более того, на западе заплясали новые языки пламени. Где же наша армия? Первый снаряд с Марса приземлился почти двое суток назад; по логике вещей, вся округа уже должна быть наводнена войсками...

Нам не пришлось долго мучиться в неведении — вскоре мы нашли ответ на свои вопросы, и это на несколько часов вселило в нас бодрость духа.

3

Гроза разразилась почти сразу после того, как мы покинули свое временное пристанище. За несколько секунд мы оба вымокли до нитки.

Если бы я был один, то непременно вновь укрылся бы где-нибудь и переждал ненастье, но Амелия вдруг выпустила мою руку и, пританцовывая, побежала от меня прочь. На нее легли отсветы дальних пожаров, придававшие всему красноватый оттенок. Дождь приклеил ее длинные волосы к лицу, заношенная рваная сорочка намокла и прильнула к коже. Протянув ладони навстречу потоку, Амелия тряхнула головой,

отбросила волосы назад. Рот у нее был приоткрыт, до меня донесся ее звонкий смех. Повернувшись на одном месте, она принялась шлепать ногами по лужам, потом подбежала ко мне, схватила за руку и весело затормошила. Мне тут же передалось ее радостное, приподнятое настроение, и, мгновенно забыв про мрак и неприятность этих мест, мы вдвоем возбужденно пели и хохотали, отдавшись на милость разбушевавшихся стихий.

Наконец ливень утихомирился, хотя гром гремел и молнии сверкали еще сильнее, и мы отрезвели. Я легонько поцеловал Амелию, и мы двинулись дальше в обнимку.

Едва мы поравнялись с первыми деревьями, Амелия неожиданно остановилась и показала вправо. Там, на лесной опушке, расположилась небольшая артиллерийская батарея; из ветвей кустарника торчали стволы орудий.

В тот же миг нас заметил орудийный расчет — ведь молнии сверкали по-прежнему с пугающей яркостью, — и к нам приблизился офицер в длинном, поблескивающем под дождем плаще. Я шагнул ему навстречу. Лица его в темноте было не разглядеть: защищаясь от дождя, офицер опустил капюшон. Двое солдат держались позади него, не уделяя нам особого внимания; они вглядывались во тьму, туда, откуда мы появились.

— Вы здесь командир? — спросил я.

— Да, сэр. Вы из Уокинга?

— Так называется городок на холме?

Офицер подтвердил мою догадку.

— По-моему, скверное дело, сэр. Много жертв среди гражданского населения.

— А вам известно, с кем вы сражаетесь?

— До меня доходили всякие слухи.

— Это не обычный противник, — я слегка повы-

сил голос. — Вам следует безотлагательно уничтожить его прямо в яме.

— Я подчиняюсь приказам, сэр.

Тут по небу полыхнула ослепительная молния; вспышка повторилась еще раз и еще, и я сумел наконец разглядеть лицо собеседника. Он был мой ровесник, молодой человек лет двадцати пяти, и правильное, безбородое его лицо вдруг показалось мне до того *человеческим*, что я на миг просто лишился дара речи. Те же ослепительные вспышки, должно быть, помогли офицеру получше рассмотреть нас с Амелией и отметить нашу неопрятность. Он продолжал:

— Солдаты верят слухам, что это — люди с Марса.

— Не люди, — выступила вперед Амелия. — Злобные, кровожадные чудовища.

— Вы их видели, сэр? — обратился офицер ко мне.

— Я не только видел их! — крикнул я во весь голос, сиюсья перекрыть раскат грома. — Мы прибыли с Марса вместе с ними!

Офицер тотчас повернулся и подал знак двум артиллеристам. Те подошли к нам вплотную.

— Вот двое штатских, — произнес он. — Выведите их на дорогу в Чертси и доложите об исполнении.

— Вы обязаны меня выслушать! — воскликнул я, обращаясь к нему. — Этих чудовищ надлежит истребить беспощадно, при первой же возможности!

— Мне отданы четкие приказания, сэр, — возразил офицер, готовый уйти. — Кардиганский конно-артиллерийский полк — один из лучших во всей королевской гвардии, и этот факт не станете оспаривать даже вы в нынешнем своем не вполне нормальном состоянии.

Вне себя от ярости, я двинулся было на него, но меня удержал один из солдат. Вырываясь, я крикнул:

— Мы не помешанные! Надо без промедления обстрелять их яму!

Секунду-другую офицер сочувственно глядел на меня — явно предполагая, что дом мой разрушен, имущество пропало, и это лишило меня рассудка, — а затем, повернувшись, зашлепал по размытой глине к палаткам. Придерживавший меня солдат сказал:

— Пошли, сэр. Не место тут штатским.

Заметив, что второй солдат держит Амелию за локоть, я потребовал, чтобы он отпустил ее. Солдат подчинился; тогда я сам взял свою спутницу под руку и позволил солдатам провести нас мимо конницы — несчастные лошади рыли землю копытами и ржали, шкуры у них лоснились от дождя — в лесную чащу. За те несколько минут, что мы шли вместе, выяснилось, что полк выступил из Олдершотских казарм около полудня, но больше мы никаких сведений не получили, а вскоре вышли на дорогу. Солдаты показали нам, в какой стороне находится Чертси, и зашагали обратно в расположение своей части.

— Они и понятия не имеют о том, что им предстоит, — сказал я.

Амелия отнеслась к происходящему куда более философски.

— Зато они предупреждены об опасности, Эдуард. Распоряжаться ими — не в нашей власти. Марсиан удержат в пределах пустоши.

— Следом приземлятся еще восемь снарядов, — напомнил я.

— В таком случае, с ними расправятся поодиночке. — Она нежно взяла меня за руку, и мы направились по дороге в сторону Чертси. — Я думаю, впредь нам следует рассказывать о своих приключениях более осмотрительно.

Я воспринял это как укор и в свое оправдание сказал:

— Момент был неудачный. Он счел меня сумасшедшим.

— Значит, надо держаться спокойнее.

— Уже поговаривают о том, что снаряды пущены с Марса,— продолжал я.— Интересно, откуда это стало известно?

— Не знаю. Но в одном я, по крайней мере, убеждена, и это очень важно для нас обоих. Мы теперь знаем, где, находимся, Эдуард. Мы приземлились в Суррее.

— Жаль, что нас не закинуло на дно морское.

— Если мы и вправду держим путь в Чертси,— продолжала Амелия, словно и не заметив моего пессимизма,— то, следовательно, не более десятка миль отделяет нас от дома сэра Уильяма в Ричмонде!

4

Едва мы достигли Чертси, стало ясно, что городок покинут. Еще шагая мимо железнодорожной станции, мы обратили внимание на то, что выход для пассажиров перекрыт металлической решеткой. За решеткой надпись на доске мелом извещала, что движение поездов прекращено вплоть до особого распоряжения. Да и в самом городке, пока мы пробирались по неосвещенным улицам, не видно было ни одного огонька в окнах, ни одного прохожего. Под конец мы спустились к Темзе, но и тут не было никого и ничего, кроме нескольких покачивающихся у причалов лодок и яликов.

Гроза миновала, но дождь по-прежнему хлестал как из ведра, и у нас обоих зуб на зуб не попадал от холода.

— Надо найти местечко для отдыха,— сказал я.— Мы с тобой выбились из сил.

Амелия устало кивнула и теснее прижалась к себе

мою руку. Я радовался тому, что кругом ни души и никто нас не видит: возврат к цивилизации был слишком резким, и я только сейчас сообразил, что Амелия в своей сорочке выглядит почти нагой, да и я одет немногим пристойнее. Но моя спутница уже приняла решение:

— Придется взломать какой-нибудь дом. Не почевать же на улице.

— Но марсиане...

— Предоставь их военным. Дорогой, нам необходимо отдохнуть.

У реки стояло несколько домов, но, передвигаясь от одного к другому, мы обнаружили, что жильцы покидали их продуманно и без паники: дома были заперты на замок, окна закрыты ставнями. Пришлось вернуться к какому-то особняку у дороги, впрочем, тоже недалеко от реки. Здесь, когда я толкнул раму, окно распахнулось. Я тотчас забрался внутрь, подошел к двери и раскрыл ее для Амелии. Та перешагнула порог, сотрясаемая мелкой дрожью, и я согрел ее в своих объятиях.

— Снимай сорочку, — предложил я. — Сейчас подыщу тебе какую-нибудь другую одежду.

Я усадил ее на кухне — там не далее как утром топили плиту и было еще тепло, — а сам обшарил все комнаты наверху, но, к своему ужасу, обнаружил, что все платяные шкафы пусты, даже в комнатах для прислуги. Правда, мне удалось найти несколько одеял и полотенец, и я снес их вниз. На кухне я сорвал с себя белье и вместе с превратившейся в лохмотья сорочкой Амелии повесил на трубе у плиты. При обходе верхнего этажа я успел заметить, что вода в баке еще не остыла, и теперь, пока мы укутывались в одеяла подле плиты, сообщил Амелии, что она может принять ванну. Эта весть была воспринята с таким простодушным и бурным восторгом, что я удер-

жался от уточнения: горячей-то воды, скорее всего, хватит лишь на одного из нас.

Пока я рыскал в поисках одежды, Амелия тоже не сидела сложа руки. Она обнаружила в кладовой кое-какие продукты, и хоть пища была холодной, но какой изумительно вкусной она нам показалась! Думаю, что никогда не забуду нашей первой после возвращения на Землю трапезы: солонина, сыр, помидоры и сорванный прямо с грядки салат. Нам даже удалось запить эти яства вином: при доме нашелся скромный винный погребок.

Зажигать свет мы не осмелились — ведь все остальные дома в округе были затемнены, и если поблизости очутится хоть один марсианин, мы немедленно себя выдадим. Тем не менее я перерыл все комнаты в поисках журнала или газеты: мною руководила надежда узнать, что было известно о снарядах, прежде чем марсиане выбрались из ямы. Однако хозяева тщательно очистили свои владения от какого бы то ни было имущества, кроме того, которым мы воспользовались, и оставили нас в неведении относительно новостей.

Наконец Амелия заявила, что пойдет мыться, и чуть погодя я услышал шум льющейся воды. Но не прошло и минуты, как Амелия возвратилась и сказала:

— Эдуард, мы привыкли делиться всем до последней малости, а ты, по-моему, нуждаешься в мытье не меньше чем я.

Вот как случилось, что, пока мы нежились в теплой, испускающей пар воде, впервые после спасения позволив себе настоящую передышку, за окном ослепительной зеленой молнией мелькнул третий снаряд, приземлившийся в нескольких милях к югу от Чертси.

Мы были до того изнурены, что в то утро позволили себе подольше поспать. С учетом чрезвычайных обстоятельств это было, разумеется, непроситительно, однако тот факт, что накануне вечером мы потолкнулись на батарею полевых орудий, вселил в нас бодрость духа, а наши усталые тела жаждали отдыха. Признаться, моя первая мысль по пробуждении была вовсе не о марсианах. Накануне вечером я переставил свои часы в соответствии с настенными часами в гостиной, а проснувшись, сразу же взглянул на стрелки и обнаружил, что уже без четверти одиннадцать. Амелия все еще спала сладким сном, и, когда я потянулся к ней, чтобы разбудить, меня захлестнула, впервые за многие дни, волна смятения оттого, что мы поступаем так безрассудно. Если мы стали вести себя как муж и жена — это естественно вытекало из наших совместных злоключений на Марсе; но, хотя мне и — твердо знаю — Амелии такие отношения доставляли радость, будничность нынешней обстановки, уютный особнячок в тихом городке у реки напомнили, что теперь мы вернулись к общепринятому общественному укладу. Вскоре мы доберемся до мест, где с марсианами еще не сталкивались, а там уж непременно придется блюсти обычай и традиции нашей страны. Все, что происходило между нами раньше, в этих условиях становилось крайне предосудительным.

За окраиной городка, среди полей, царил тишина. До меня доносился щебет птиц, да на реке глухо сталкивались бортами лодки у причалов... Но ни стука колес, ни звука шагов, ни цокота копыт по мощеным дорогам.

— Амелия, — произнес я негромко, — если мы намерены попасть в Ричмонд — пора в путь.

Она очнулась и на мгновение самозабвенно прильнула ко мне.

— Эдуард,— спросила она,— что там такое?

Мы притихли, и тогда я тоже расслышал шум, привлечший ее внимание. Казалось, по земле волоком тащат что-то тяжелое... Мы различили треск кустов и деревьев, шорох гравия, а главное — скрежет металла о металл.

Я застыл от ужаса, но тут же стряхнул с себя оцепенение и соскочил с кровати. Метнувшись через комнату к окну, неслучайно, рывком раздвинул занавеси. К нам ворвался солнечный свет — и прямо под окном я увидел суставчатую стальную ногу боевой машины! Пока я взирал на нее с отвращением и страхом, по суставам за клубился зеленый дым и скрытый наверху двигатель пронес треножник дальше, прочь от дома.

Амелия тоже успела заметить суставчатую ногу и села в кровати, прижав к горлу простыню. Я поспешил вернуться, потрясенный тем, сколько времени потеряно зря.

— Надо немедленно уходить.

— Пока под окном торчит эта гадость? — возразила Амелия.— Между прочим, куда она запропастилась?

Выкарабкавшись из постели, Амелия вслед за мной на цыпочках перешла в коридор, а затем в комнату окнами на противоположную сторону. Это была детская — на полу валялись всевозможные игрушки. Слегка раздвинув занавеси, мы бросили взгляд за реку.

В нашем поле зрения оказались три боевые машины. Платформы не были подняты на полную высоту, не видно было и изготовленных к бою генераторов тепла. Зато позади каждой платформы висело нечто вроде огромной металлической сети, и в эти сети мар-

сиане укладывали бесчувственные тела людей, пораженных электрическим током змееподобных металлических щупалец. В сети той машины, что стояла ближе всего к нам, уже лежали бесформенной грудой, так, как их бросили, человек семь-восемь. Пораженные, мы не могли отвести глаз от этой жуткой картины. А тем временем щупальца другой машины, находившейся чуть поодаль, проникли в один из домов... и почти тут же вытащили оттуда обмякшее тельце маленькой девочки.

Амелия закрыла лицо руками и отвернулась. А я простоял у окна минут десять, не меньше, прикованный к месту страхом, чтобы нас не заметили, и еще более глубоким ужасом перед событиями, свидетелями которых нам довелось стать. Вскоре вдали показалась четвертая боевая машина, со своей долей трофеев. Амелия тихо всхлипывала, опустившись на детскую кроватку у меня за спиной.

— Где же войска? — прошептал я и мысленно задавал себе этот вопрос снова и снова.

Немыслимо, чтобы подобные злодеяния остались безнаказанными. Неужто батарея, встреченная нами накануне, не дала чудовищам отпора? Или между ними уже произошла короткая схватка, из которой захватчики вышли победителями?

К счастью для Амелии и для меня, марсиане, очевидно, уже собрали нужный запас «продовольствия»: боевые машины сдвинулись вместе, и сидящие в них чудовища явно принялись о чем-то совещаться. В конце концов они вызвали приземистый многоногий экипаж и свалили на него всю свою добычу.

Предчувствуя новый оборот событий, я попросил Амелию принести одежду, которая сушилась на первом этаже. Она послушно спустилась вниз и почти тотчас вернулась. Кое-как натянув на себя ветхое белье, я оставил Амелию у окна дозорной, а сам ре-

шил обойти все остальные комнаты, чтобы выяснить, нет ли в окрестностях других боевых машин. Мне удалось заметить еще одну — на юго-востоке, примерно в миле от нас.

Неожиданно до меня донесся зов Амелии, и я поспешно вернулся к ней. Не тратя слов, она показала мне за окно: четыре треножника развернутым строем неторопливо отходили на запад. Их платформы по-прежнему находились невысоко над землей, тепловые орудия так и не были подняты.

— Это нам на руку, — сказал я. — Можно взять лодку и направиться в Ричмонд по реке.

— А это не опасно?

— Не опаснее, чем обычная прогулка на лодке. Придется рискнуть. Будем начеку и при первом же признаке возвращения марсиан укроемся под берегом.

Амелия посмотрела на меня с сомнением, но возражений не выдвинула.

По-видимому, в нас все-таки сохранились еще остатки добропорядочности: невзирая на воцарившуюся повсюду дикую анархию, мы не ушли, пока Амелия не нацарапала коротенькую записочку хозяевам дома с извинением по поводу самовольного вторжения и обязательством расплатиться за съеденную провизию.

6

Грозы предшествующего дня промчались без следа, погода выдалась солнечная, жаркая и безветренная. Не тратя времени даром, мы спустились к реке и подошли к причалу на деревянных сваях, у которого покачивалось несколько лодок. Я остановил свой выбор на той из них, что показалась мне прочной и не слишком тяжелой. Помог сесть Амелии, потом забрался в лодку сам и не мешкая отчалил.

Боевых машин марсиан нигде не было ни видно, ни слышно, но на всякий случай я старался держаться поближе к берегу, где вдоль реки росли плакучие ивы; их листва во многих местах свешивалась к самой воде, образуя шатры. Не проплыли мы и двух минут, как неожиданно где-то рядом грохнул артиллерийский залп. Я тотчас бросил весла и растерянно огляделся по сторонам.

— Ложись, Амелия! — крикнул я, как только над крышами Чертси показались колпаки четырех возвращающихся треножников.

Теперь блистающие титаны поднялись в полный рост, тепловые орудия изготовились к бою. Над платформами вспыхивали облачка разрывов, но обстрел, насколько можно было судить, не причинял марсианам ни малейшего вреда.

Амелия, упавшая на дно лодки, схватила меня за ноги с такой силой, словно этим можно было отпугнуть нападающих. На наших глазах боевые машины изменили курс и направились к артиллерийским позициям на северном берегу реки, напротив Чертси. Передвигались треножники с необыкновенной скоростью, а достигнув берега, без малейших колебаний шагнули в воду, вздымая фонтаны брызг. При этом тепловые лучи непрерывно били вперед, и мгновением позже артиллерийский огонь наших войск прекратился.

В тот же миг Амелия показала мне на восток. Оттуда, из района Уэйбриджа, полным ходом мчалась пятая боевая машина, — вероятно, та самая, которую я раньше видел из окна. Она привлекла к себе внимание другой артиллерийской части, расположенной где-то под Шеппертоном, и блестящую платформу белыми шариками окружили разрывы — это орудия дали залп. Впрочем, ни один выстрел не поразил цели, и мы увидели, как зловеще качнулось из стороны

в сторону параболическое зеркало марсиан. Тепловой луч скользнул по Уэйбриджу, и тотчас же во многих кварталах городка занялись пожары. Однако своей основной мишенью эта машина избрала не Уэйбридж — она тоже продолжала путь, пока не достигла реки, которую и перешла вброд, не снижая скорости.

И вдруг для нашей армии наступила минута недолгого торжества. Одному из орудий удалось поразить врага, и платформу с сокрушительной силой разнесло вдребезги. Но боевую машину не остановило даже это: словно одержимая, она, кренясь и пошатываясь, зашагала дальше. Секунд через десять треножник, оставшийся без хозяина, натолкнулся на колокольню церквушки близ Шеппертона и, раздробив ее, упал назад, в реку. Едва генератор тепла соприкоснулся с водой, ее поверхность как бы взорвалась и к небу взметнулось гигантское облако брызг и пара.

Все это длилось не более минуты: сама скорость, с какой вели войну марсиане, служила решающим фактором их превосходства.

Не успели мы прийти в себя, как четыре треножника, подавившие батарею под Чертси, устремились на подмогу павшему собрату. Мы осознали это лишь тогда, когда услышали громкое шипение и плеск и, обернувшись, увидели, как прямо по воде к нам неудержимо мчатся четыре машины. О том, чтобы убежать или хотя бы укрыться, некогда было и думать; поистине нас сковал такой всепоглощающий ужас, что марсиане приблизились к нам вплотную, прежде чем мы сумели хоть что-то предпринять. К нашему счастью, чудовища, захваченные более серьезной битвой, просто не обратили на нас внимания или не стали отвлекаться. Чуть ли не в тот самый миг, когда треножники пронесли мимо нашей лодки, тепловые орудия выбросили вперед веер смертоносных лучей,

и вновь низким стаккато прозвучал неубедительный ответ шеппертонской артиллерии.

Тут нам открылось зрелище, которому я не хотел бы быть свидетелем более ни за что на свете. Никогда еще злой умысел пришельцев с Марса и воплощаемая ими угроза не проявлялись с большей отчетливостью!

Одна из боевых машин марсиан приблизилась к артиллерийской батарее в Шеппертоне и, пренебрегая разрывами, окружившими платформу со всех сторон, хладнокровно подавила обстрел, описав лучом размашистую кривую. Другая, стоя рядом с первой, принялась методично разрушать сам Шеппертон. Две остальные, возвышаясь среди неразберихи островков, примерно там, где в Темзу впадает Уэй, взяли на себя Уэйбридж. Безжалостно истребляли они людей и их имущество, и через зеленые лужайки Суррея к нам доносились взрыв за взрывом да гул голосов, который сплошь и рядом перемежался воплями ужаса — вестниками насильственной смерти.

Когда марсиане покончили со своим черным делом, повсюду вновь воцарилась тишина — тишина, но отнюдь не покой. Горел Уэйбридж, полыхал Шеппертон. Пар от поверхности реки смешивался с дымом городских пожаров, и вместе они образовали гигантский столб, упирающийся в безоблачное небо.

А марсиане, в очередной раз не встретившие отпора, опустили свои тепловые орудия и сошлись у излучины реки, там, где рухнула поверженная боевая машина. Блестящие колпаки бронированных платформ, покачиваясь, отбрасывали вокруг яркие солнечные зайчики.

Мы с Амелией были настолько захвачены происходящим, что и не заметили, как нас стало сносить вниз по течению. Амелия по-прежнему лежала пластом на дне лодки, я же вставил весла в уключины, сел на скамью и, взглянув на свою спутницу, произнес охрипшим от пережитого волнения голосом:

— Если такова мера их мощи, то марсиане шутя завоюют весь мир.

— Но мы не будем сидеть сложа руки. Мы этого не допустим!

— Что ты предлагаешь?

— Надо во что бы то ни стало попасть в Ричмонд, — сказала она. — Сэру Уильяму виднее, что предпринять.

— Значит, надо грести...

В своем смятении я совершенно упустил из виду, что в данную минуту между нами и Ричмондом стоят четыре боевые машины марсиан, а просто взялся за весла и опустил их в воду. Но только я сделал первый гребок, как у меня за спиной раздался оглушительный всплеск и Амелия воскликнула:

— Они идут сюда!

Я тотчас выпустил весла из рук, позволив им соскользнуть в воду.

— Лежи тихо! — прикрикнул я на Амелию и, показывая ей пример, откинулся назад и улегся на досках в неудобной, причиняющей боль позе.

Позади меня треножки, мчась против течения, шумно шлепали ногами-опорами по воде. А тем временем лодку выносило как раз на середину реки, и она пересекала марсианам путь!

Четыре треножника двигались гуськом, и, лежа в своей неудобной позе, я видел их перевернутыми снизу вверх. Они подобрали останки пятой машины,

сраженной метким выстрелом, и теперь, распределив их между собой, уносили туда, откуда явились. На миг передо мной мелькнули искореженные, оплавленные обломки того, что недавно называлось платформой; обломки были испещрены пятнами застывшей и совсем свежей крови. Однако гибель одной чудовищной твари не принесла мне удовлетворения, ибо что такое эта гибель в сравнении со злонамеренным разрушением двух городов и убийством неслетного множества людей!

Вздумаю чудовища умертвить нас, нам бы ничем не спастись, но судьба и на этот раз оказалась к нам милостивой: марсиане были поглощены своими заботами. С их точки зрения, победа над двумя беззащитными городами была неоспоримой, а случайно уцелевшие беглецы роли не играли. С головокружительной быстротой чудовища настигли нас, почти скрытые от глаз брызгами, которые разлетались у них из-под ног. Одна суставчатая опора вонзилась в воду в каких-нибудь трех ярдах от лодки, и нас чуть не захлестнула волна. Лодку качнуло, накренило, и в нее набралось столько воды, что я не сомневался: быть нам на дне.

Но не прошло и минуты, как треножники скрылись из виду, оставив нас на взбаламученной реке в полузатопленной утлой лодчонке.

8

Минут десять, не меньше, мы занимались тем, что, подгребая руками, ловили весла, а потом вычерпывали воду в надежде сделать лодку вновь управляемой. К тому времени боевые машины марсиан исчезли где-то на юге — вероятно, вернулись к своей яме на пустоши близ Уокинга.

Изрядно потрясенный увиденным, я всецело от-

дался гребле, и вскоре мы уже проплывали мимо оплавленных развалин Уэйбриджа. Если здесь кто-либо и уцелел, то мы, во всяком случае, этого не обнаружили. В ту минуту, когда марсиане нанесли свой удар, через реку переправлялся паром — теперь из воды торчал его перевернутый, почерневший остов. Вдоль береговой полосы лежали десятки, а может, и сотни обугленных трупов тех, кто испытал на себе непосредственное воздействие теплового луча. Сам городок был охвачен пламенем; домов, не затронутых жестоким нападением, почти не осталось. Все это походило на страшный сон — город, пылающий в безмолвии и безлюдье, был подобен погребальному костру.

В воде тоже плавало множество трупов — по всей вероятности, те несчастные, кто рассчитывал найти в ней спасение. Марсиане с присущим им злобным коварством направили тепловые лучи на поверхность реки и довели воду до температуры кипения. Амелия опустила было палец за борт и тут же его отдернула. Кожа на многих плавающих телах приобрела ярко-красный оттенок — людей в буквальном смысле слова сварили заживо. К счастью для нашего рассудка, поднимающийся от воды пар заволакивал окружающее и избавил нас от самых жутких подробностей этой кровавой бани.

Не без облегчения я миновал Уэйбридж и достиг излучины, но и на этом наши страдания не кончились: теперь стало видно, какой ущерб нанесен Шеппертону. По настоянию Амелии я приналег на весла и спустя несколько минут оставил худшее позади.

Пройдя следующую излучину, я поневоле замедлил темп — руки отказывались мне служить. Наше душевное состояние было неопишимо тягостным — да и каким оно могло быть после всего того, что нам до-

велось увидеть! Я пристал к отмели, мы взобрались на берег и, не в силах долее сдерживаться, опустились на траву. Не стану отягощать вас подробностями, скажу только: мы нестерпимо страдали, и эти страдания усугубляла мысль, что мы стали соучастниками творимых марсианами преступлений.

К тому времени как мы собрались с мыслями, прошло часа два; за эти два часа в нас окрепла уверенность, что мы обязаны сыграть в борьбе с чудовищами более активную роль. К лодке мы вернулись, вновь преисполненные решимости. Наверняка сэр Уильям Рейнольдс сумеет предложить — если уже не предложил — что-нибудь более остроумное, чем командиры воинских подразделений.

Теперь по воде лишь изредка проплывали обломки, напоминающие нам о виденном, — но ведь память сохраняла все до мельчайших деталей. С момента стремительной марсианской атаки мы не встретили ни одной живой души, ничто не шевелилось, лишь вдали клубами поднимался дым.

Отдых восстановил мои силы, и я вновь принялся энергично грести легкими размеренными взмахами.

Будто споря с тягостными нашими переживаниями, день выдался именно такой, по каким я истосковался на Марсе. Веял свежий ветерок, пригревало солнце. Зелень деревьев, пышная трава вдоль берегов радовали сердце, щебетали птицы, над водой порхали бабочки и стрекозы. Вся эта мирная картина да успокоительная размеренность гребли помогли мне совладать с потрясением.

Марсиане доказали нам свое превосходство — это бесспорно; удовольствуются ли они тем, что закрепятся на отвоеванных рубежах? Если да, то какую передышку получит наша армия для того, чтобы разработать и испробовать какую-то новую тактику? И вообще, велика ли численность наших вооружен-

ных сил? Ведь, не считая трех артиллерийских батарей, которые мы видели и слышали, других войск нам что-то не попадалось.

Наконец, не настала ли пора нам самим лучше применить к нынешним обстоятельствам? В известной мере мы с Амелией до сих пор придерживались правил, выработанных еще в полете, иными словами, наши поступки предопределяло господство марсиан. Но теперь-то мы у себя на родине, здесь у каждой деревушки знакомые имена, здесь принято намечать жизненные планы по дням и неделям. Нам известно, в какой именно части Англии мы приземлились, нам ясно, что здесь лето, стоит прекрасная погода, пусть даже все кругом предвещает недоброе. Правда, мы не знаем, какой сегодня день недели, какое число и даже какой месяц.

Вот над какими вопросами — согласен, довольно пустячными — я размышлял, ведя лодку по очередной излуине, как раз за мостом возле Уолтона-на-Темзе. Именно тут мы и заметили первого за весь день живого человека — молодого, в темном одеянии. Он сидел в камышах у кромки воды и уныло всматривался в противоположный берег. Указав на него Амелии, я тотчас же изменил курс и подплыл поближе.

Когда расстояние уменьшилось, я понял, что перед нами викарий. Вблизи этот служитель церкви оказался совсем желторотым юнцом: кость у него была тонкая, а голову венчала шапка льняных завитков. Чуть позже мы разглядели, что на земле рядом с ним распростерся другой человек — тот был поплотнее, а его тело, обнаженное выше пояса, покрыто речной тиной и копотью.

Не в состоянии сразу отвлечься от своих пустячных мыслей, я крикнул викарию, едва лодка подошла достаточно близко:

— Сэр, какой у нас сегодня день?

Бросив взгляд в нашу сторону, викарий неуверенно поднялся на ноги. Не составляло труда догадаться, что он глубоко потрясен пережитым: руки у него находились в безостановочном движении, теребя ворот изодранной рубашки. Немного помедлив, он ответил, уставившись на меня мутными отсутствующими глазами:

— День страшного суда, дети мои.

Амелия пристально посмотрела на человека, лежащего на земле, и спросила:

— Святой отец, он жив?

Ответа не последовало — викарий уже забыл о нас и, отвернувшись, собрался было отойти, однако раздумал и вновь удостоил нас взглядом.

— Вам помочь, святой отец? — продолжала Амелия.

— Кто способен помочь, когда на нас обрушился гнев господень?

— Эдуард! Греби к берегу!

— Но чем же мы им поможем? — возразил я.

Тем не менее я навалился на весла, и секундой позже мы уже выбирались на берег. Викарий безучастно наблюдал за тем, как мы опустились на колени возле распростертого тела. Нам сразу же стало ясно, что этот человек не умер, и даже в сознании, но беспокойно мечется словно в бреду.

— Воды... Нет ли у вас воды?.. — выговорил он, с трудом разжимая спекшиеся губы.

Я подметил, что кожа у него красноватого оттенка, — вероятно, его тоже ошпарило, когда марсиане подожгли реку.

— Неужто вы не дали ему напиться? — спросил я викария.

— Он беспрестанно просит пить, но эта река полнена кровью.

Я покосился на Амелию и по выражению ее лица понял, что она разделяет мои подозрения: у бедного vicария помутился разум.

— Амелия,— сказал я спокойно,— поищи, во что можно набрать воды.

И сразу же перенес свое внимание на лежащего; я не представлял себе, чем ему помочь, и лишь легонько потрепал его по щекам. Видимо, это подействовало: человек тут же сел и тряхнул головой.

Амелия нашла на берегу пустую бутылку, наполнила ее водой и поднесла пострадавшему. Тот с благодарностью припал к горлышку и жадно выпил все до дна. От меня не укрылось, что он успел полностью прийти в себя и внимательно поглядывал на vicария. Наше участие в судьбе этого человека почему-то не понравилось служителю божьему, который задумчиво уставился вдаль, за пышные луга, в сторону разрушенной колокольни шепертонской церкви.

— Что все это значит, что происходит? — бормотал он.— Все наши труды насмарку! Гнев господень обрушился на нас, и он призвал к себе нашу паству. Отныне дым пожарищ будет возноситься к небу во веки веков...

Произнеся эту туманную тираду, он вдруг преисполнился готовности к действию, размахисто зашагал по высокой траве и вскоре скрылся из виду. Человек, оставшийся с нами, прокашлялся:

— Не знаю, как вас и благодарить. Я уж решил, что пришел мой смертный час.

— Vicарий был вашим спутником? — спросил я. Он слегка покачал головой.

— Я его раньше и в глаза не видел.

— Вы вполне оправились? — спросила Амелия.— Идти сможете?

— Наверное, смогу. Я не ранен, хотя был на волосок от смерти.

— Вы из Уэйбриджа? — сообразил я.

— Из самого пекла. У этих марсиан ни совести, ни жалости...

— Откуда вы знаете, что они марсиане? — перебил я, крайне заинтересованный его словами, как и слухами, которыми накануне поделились со мной артиллеристы.

— Это все знают. За запуском снарядов следили многие астрономы. Мне и самому удалось наблюдать один такой запуск в обсерватории Оттершоу.

— Вы ученый? — догадалась Амелия.

— Отнюдь нет, но я знаком со многими учеными. Мое призвание — более философского толка...— Тут он умолк и, оглядев себя, вдруг пришел в смущение.— Милая леди,— обратился он к Амелии,— приношу вам тысячу извинений за столь непрезентабельный вид.

— Мы и сами одеты не лучше, — ответила она, нимало не уклоняясь от истины.

— Вы тоже из самой гущи боя?

— В некотором смысле, — ответил я. — Сэр, надеюсь, что вы присоединитесь к нам. У нас лодка, и мы держим путь в Ричмонд, где рассчитываем найти убежище.

— Благодарю вас, — ответил незнакомец, — но у меня свой маршрут. Я пытаюсь пробраться в Лезерхэд, поскольку именно там оставил свою жену.

Я постарался мысленно представить себе карту местности. Лезерхэд находился на много миль южнее.

— Видите ли, — продолжал наш собеседник, — сам-то я живу в Уокинге, а жену отвез к родственникам в Лезерхэд, пока марсиане еще не выбрались из ямы. Потом я был вынужден вернуться в Уокинг и с той поры пытаюсь воссоединиться с женой. Одна-

ко мне пришлось на собственном горьком опыте убедиться, что эти твари перекрыли все дороги.

— Но, коль скоро ваша жена в безопасности,— сказала Амелия,— не благоразумнее ли примкнуть к нам, покуда армия не справится с нашествием?

Незнакомцу ее предложение пришлось явно по душе — ведь мы находились не слишком далеко от Ричмонда. Несколько секунд он колебался, потом согласен кивнул.

— Раз вы идете на веслах, лишний гребец вам не помешает,— решил он.— Буду счастлив услужить. Но сперва, учитывая мой неопрятный вид, позвольте умыться.

Он спустился к воде и смыл с себя уродовавшие лицо грязь и копоть. Потом пригладил волосы, протянул руку и помог Амелии забраться в лодку.

Глава XX

На веслах по реке

1

Наш новый друг был человеком благовоспитанным, что подтвердилось, как только мы сели в лодку. Он и слышать не хотел о том, чтобы я взялся за весла прежде, чем он сам исполнит обязанности гребца, и по его настоянию мы с Амелией разместились на корме.

— Нельзя терять бдительность,— сказал он,— чего доброго, эти дьяволы вернутся. Будем грести поочередно и смотреть во все глаза.

Я уже давно опасался, что бездействие марсиан носит лишь временный характер, и утешительно было узнать, что мою тревогу разделяет кто-то другой. Может статься, затишью в военной компании марсиан суждено оказаться непродолжительным, а коли так, мы должны извлечь из этой передышки максимальную пользу.

Как мы и договорились, я внимательнейшим образом следил, не появятся ли на горизонте треножники (хоть ныне, казалось, кругом царил покой), однако Амелия то и дело отвлекалась. Вместо того чтобы заниматься осмотром местности, она принялась разглядывать нашего нового друга в упор, прямо-таки неподобающим образом, и наконец спросила:

— Позвольте осведомиться, не приходилось ли вам бывать в доме сэра Уильяма Рейнольдса в Ричмонде?

Наш спутник смерил ее удивленным взглядом, но тотчас ответил:

— Приходилось, хотя и давным-давно.

— Значит, вы знакомы с сэром Уильямом?

— Закадычными друзьями мы никогда не были, да, боюсь, у него вообще не было близких друзей, но мы состояли в одном и том же клубе «Сент-Джеймс» и время от времени делились наблюдениями и впечатлениями.

Амелия сосредоточенно наморщила лоб.

— Мне кажется, мы с вами однажды встречались.

Наш друг замер, чуть приподняв весла над водой.

— Клянусь Юпитером! — вскричал он. — Уж не вы ли были личным секретарем сэра Уильяма?

— Да, я. По-моему, сэр, вас зовут мистер Уэллс.

— Совершенно верно, — степенно отозвался он. — А вы, если память мне не изменяет, мисс Фицгиббон...

Амелия подтвердила, что он не ошибается, и воскликнула:

— Какая примечательная встреча!

Мистер Уэллс учтиво осведомился, как моя фамилия, и я назвал себя. Перегнувшись через весла, он протянул мне руку, которую я и пожал.

— Рад с вами познакомиться, Тернбулл, — сказал он.

В тот же миг солнечные лучи высветили его лицо, озарили чудесные голубые глаза, усталые, озабоченные, но не утратившие живости, и я мгновенно проникся к нему симпатией.

Амелия, потрясенная встречей, все не могла успокоиться.

— Мы ведь именно туда и направляемся, в дом Рейнольдса, — сообщила она. Нам кажется, сэр Уильям — один из немногих, кто сумеет осмыслить эту угрозу и одолеть ее,

Нахмурясь, мистер Уэллс возобновил греблю, а немного погодя спросил:

— Надо полагать, вы давно не виделись с сэром Уильямом?

Амелия быстро взглянула на меня, и я понял, что она затрудняется с ответом.

— С мая 1893 года, сэр,— вмешался я.

— С тех же пор его не видела ни одна живая душа. Но если вы состояли у него на службе, вам это наверняка должно быть известно.

— Тогда, в мае, я бросила службу,— пояснила Амелия.— Надо ли понимать вас так, что за это время сэр Уильям скончался?

Я сразу почувствовал всю нелепость этой догадки, и мистер Уэллс не замедлил подтвердить мою правоту.

— Полагаю, что сэр Уильям жив, — сказал он. — Жив, но отправился в будущее на своей чудовищной машине времени. Один раз все закончилось для него благополучно, но из второго своего путешествия он не вернулся.

— Точны ли ваши сведения? — с волнением спросила Амелия.

— На мою долю выпала честь записать его воспоминания,— ответил мистер Уэллс,— он продиктовал их мне лично.

2

Не переставая грести, мистер Уэллс рассказывал нам о том, что известно об участии сэра Уильяма. Небезынтересно было убедиться в том, что иные из прежних наших догадок не столь уж неверны.

Оказывается, машина времени, высадив нас неожиданно и коварно среди красных зарослей Марса, благополучно вернулась в Ричмонд. Разумеется, мис-

тер Уэллс не мог и предположить, какие злоключения выпали на нашу долю, но его рассказ о последних опытах сэра Уильяма не содержал и намека на то, что машина исчезала из лаборатории хотя бы на самый короткий срок.

По словам мистера Уэллса выходило, что сэр Уильям проявил себя еще более отчаянным авантюристом, нежели мы с Амелией, и направил свою машину в отдаленное будущее. Там сэр Уильям насмотрелся всяких диковин (мистер Уэллс пообещал нам экземпляр своего сочинения, поскольку пересказывать его целиком было бы слишком долго), затем вернулся, чтобы поведать о виденном, а впоследствии отправился в будущее вторично. С тех пор ученого никто не встречал.

Вообразив, будто и сэра Уильяма постигла такая же неудача, как нас двоих, я осведомился:

— Машина времени вернулась пустой?

— Никто не видел больше ни машины, ни сэра Уильяма.

— Следовательно, связаться с ним невозможно?

— Без второй машины времени невозможно, — отрезал мистер Уэллс.

Теперь мы плыли мимо Уолтона-на-Темзе. Здесь жизнь била ключом. По дороге вдоль берега в сторону Уэйбриджа прогремывали несколько пожарных повозок; из-под лошадиных копыт взлетали белые облачка пыли. Велась упорядоченная, хоть и поспешная, эвакуация; сотни людей шли и ехали по дороге, ведущей в Лондон. Да и на воде наблюдалось оживленное движение — от берега к берегу сновали лодки, перевоза пассажиров в Санбери, и мы были вынуждены лавировать, чтобы нечаянно не столкнуться с какой-нибудь из них. На северном берегу наблюдались признаки сосредоточения войск: повзводно мар-

шировали солдаты, а на лугах восточнее Хэллифорда развертывалась артиллерия.

Все это положило конец нашей беседе, и миновав Уолтон, мы погрузились в молчание. Мне пришло в голову, что мистер Уэллс устал грести, и я предложил ему поменяться местами.

Размеренно двигая веслами, я поймал себя на том, что мои мысли понемногу вновь обретают ту упорядоченность и последовательность, в какой они пребывали до встречи с мистером Уэллсом и викарием. Вплоть до этой секунды я как-то не отдавал себе отчета в том, чего ради мы столь упорно стремимся к дому сэра Уильяма. Однако стоило мистеру Уэллсу упомянуть о машине времени, чтобы словно обнажилась истинная подоплека наших поступков: видимо, я инстинктивно понимал, что машину времени можно обратить против марсиан. В конце концов, и на Марс-то мы попали именно благодаря этому изобретению, и все технические чудеса, какими располагают марсиане, не в силах тягаться с его непостижимым движением сквозь четвертое измерение «пространство-время».

Но коль скоро машина времени стала для нас недостижимой, подобные идеи придется отринуть. Тем не менее мы упорно держали курс на Ричмонд, к дому сэра Уильяма,— этот дом, расположенный уединенно, чуть пониже гребня холма, представлялся нам достаточно надежным убежищем.

Я сидел лицом к Амелии и потому не мог не заметить, что она тоже погрузилась в раздумье; уж не пришла ли и она к такому же выводу? Наконец, чтобы мистеру Уэллсу не почудилось, будто им пренебрегают, я обратился к нему:

— Сэр, не знаете ли вы, какие меры принимает армия?

— Только те, что мы сегодня видели. Армия за-

стигнута врасплох. С самого начала вторжения никто из государственных деятелей не принял сложившуюся ситуацию всерьез.

— Вы говорите таким тоном, словно критикуете их.

— Вот именно, — ответил мистер Уэллс. — О том, что марсиане выслали на Землю целый флот, было известно еще несколько недель назад. Я уже рассказывал вам, что запуск снарядов наблюдали в свои приборы многие астрономы. Публиковались всевозможные предостережения как в научных изданиях, так и в общедоступной печати, но даже после приземления первого цилиндра правительство раскачивалось недопустимо медленно.

— По-вашему, никто не принял этих предостережений всерьез? — спросила Амелия.

— От них отмахивались, как от дешевых газетных сенсаций, даже после гибели нескольких человек. Первый цилиндр упал в какой-то миле от моего дома. Это случилось примерно в полночь девятнадцатого числа. Утром я сам отправился взглянуть на него вместе с толпой зевак, и, хоть с самого начала было ясно, что там внутри кто-то есть, печать уделила этому событию не более десятка строк. Могу заверить со всей ответственностью, ибо, помимо литературной деятельности, время от времени публикую научные статьи: газеты относятся к новостям науки с крайней недоверчивостью. Еще вчера печать легкомысленно отказывалась верить в нашествие. Что касается армии, войска были двинуты лишь спустя сутки после приземления снаряда, а к той поре чудовища выбрались паружу и приспособились к земным условиям.

— В защиту армии, — произнес я, все еще не в силах отказаться от мысли, что предупредить правительство надлежало именно мне и никому другому, —

могу сказать, что подобное вторжение беспрецедентно.

— Пусть так,— согласился мистер Уэллс,— но и второй цилиндр приземлился прежде, чем с нашей стороны раздался хоть один выстрел. Сколько же нужно приземлений, чтобы власти осознали угрозу?

— Мне кажется, они уже вникли в обстановку,— ответил я, кивнув в сторону еще одной батареи полевых орудий, выбравшей позицию на берегу.

Какой-то артиллерист окликнул нас, но я продолжал грести не отвечая. Солнце давно перевалило за полуденную черту, до заката оставалось часа четыре.

— Вот вы говорите, что побывали возле самой ямы,— вновь вступила в беседу Амелия.— Ну, а противника вы видели?

— Что было, то было,— ответил мистер Уэллс, и я обратил внимание, что у него внезапно задрожали руки.— Омерзительные чудовища!

Тут мне померещилось, что моя спутница вот-вот проболтается о наших марсианских приключениях, и я, нахмурясь, подал ей знак помолчать. По моему мнению, еще не пришла пора сознаваться в том, какую роль мы с Амелией сыграли во вторжении марсиан. Оберегая тайну, я посочувствовал мистеру Уэллсу:

— Сразу видно, как потрясло вас пережитое.

— Я смотрел смерти в лицо. Дважды оказывался на волоске от гибели и спасся лишь благодаря величайшей удаче.— Он сокрушенно покачал головой.— Марсиане будут продолжать свое вторжение и завоюют весь мир. Они несокрушимы.

— Они смертны, сэр,— возразил я.— Их можно истребить с такой же легкостью, как, например, крыс.

— До сих пор этого почему-то не произошло. На чем основывается ваша уверенность?

Я словно заново услышал вопли чудовища, умирающего в тесноте платформы, словно заново ощутил

извергаемые им миазмы. Но, припомнив, как совсем недавно подавал Амелии знак к молчанию, ограничился ответом:

— Одного из них убили в Уэйбридже.

— Артиллеристам случайно повезло. Нельзя же рассчитывать на случайность, когда решается судьба всего человечества!

3

Поравнявшись с Хэмптон-Куртом, я почувствовал, что выдыхаюсь, и мистер Уэллс опять сел на весла. Нас отделяло от Ричмонда совсем небольшое расстояние, но здесь река описывает петлю — сворачивает на юг, а потом, после новой излучины, вновь на север, — и предстояло еще плыть и плыть. Мы даже обсуждали, не лучше ли бросить лодку и проделать оставшийся путь пешком, но все дороги были запружены беженцами, устремившимися в Лондон, тогда как по реке мы могли двигаться почти беспрепятственно. День выдался теплый и безмятежный, небо сияло яркой голубизной.

У дворца Хэмптон-Корт мы столкнулись с любопытной картиной. Прямая опасность нам теперь не угрожала, разрушений, причиненных марсианами, мы уже не видели, но тем не менее оставались в зоне, подлежащей эвакуации. В результате на берегу сталкивались противоречивые интересы. Местные жители из Темз-Диттона, Моулси и Сэрбитона покидали свои дома и, подчиняясь указаниям задержанных полицейских и пожарников, направлялись в Лондон. Между тем территория дворца всегда была излюбленным местом отдыха лондонцев, и в этот дивный летний день прибрежные тропы усыпали люди, приехавшие сюда погреться на солнце. Они, конечно, не могли не заметить шума и суматохи, но, казалось, твердо

решили не допустить, чтобы какие-то превосходящие обстоятельства испортили им праздничное настроение.

Железнодорожная станция в Темз-Диттоне, расположенная как раз напротив дворца на южном берегу реки, была забита толпами народа, на привокзальной площади выстраивались очереди — люди ждали возможности втиснуться в поезд. А при этом каждый состав, прибывающий из Лондона, высаживал все новые и новые группы экскурсантов.

Многим ли из этих молодых людей в ярких куртках спортивного покроя, многим ли из этих дам с шелковыми зонтиками суждено вновь увидеть отчий дом и семейный очаг? Вероятно, в своем беспечном поведении они воспринимали нас троих как чудачков, если не полоумных: мы с Амелией по-прежнему были в рваном белье, а мистер Уэллс — в одних брюках. Однако сохраняю надежду, что в столь необычный день наш облик остался никем не замеченным и не вызвал нареканий.

4

Мы уже подходили к Кингстону-на-Темзе, когда услышали отдаленную артиллерийскую канонаду и мгновенно насторожились. Мистер Уэллс приналег на весла, мы же с Амелией повернулись лицом к западу, откуда могли появиться зловещие треножники.

Пока что марсиан не было и в помине, хотя артиллерия вдалеке не унималась. На холмах за Эшером я заметил мерцание гелиографа, да где-то впереди нас, оставив за собой дымный след, взвилась ярко-красная сигнальная ракета, — но в непосредственной близости к нам пушки молчали.

В Кингстоне мы с мистером Уэллсом в очередной раз поменялись местами, и я накрепко всю свою волю,

чтобы как можно быстрее преодолеть последний участок пути до Ричмонда. У всех троих было неспокойно на душе, всем не терпелось поскорее закончить затянувшееся странствие. Мистер Уэллс, сидевший на носу лодки, обратил наше внимание на беженцев, валом валивших через Кингстонский мост. Праздных гуляк в их толпе что-то не попадалось; надо полагать, грозная опасность наконец-то дошла до сознания всех и каждого.

Через несколько минут после того, как Кингстон остался за кормой, Амелия воскликнула, указывая вперед:

— Ричмонд-парк, Эдуард! Мы почти у цели...

Мельком бросив взгляд через плечо, я увидел живописную возвышенность. Меня не удивило, что вершина холма Ричмонд-хилл на фоне неба оцетинилась черными стволами пушек. Марсиан поджидали; на сей раз они получают по заслугам!

Успокоенный, я возобновил греблю, стараясь не думать о ноющей боли в руках и спине.

В миле за Кингстоном извилистое русло Темзы круто сворачивает на северо-запад, и оттого возвышенность Ричмонд-парка как бы отодвинулась вправо. Теперь мы, пусть временно, вновь держали курс в сторону марсиан, и, словно в ознаменование этого, к нам издали опять донеслись залпы артиллерийских орудий. Чуть позже им стали вторить пушки из Буши-парка, затем раздались выстрелы и из Ричмонд-парка. Мы, не стовариваясь, вытянули шеи, чтобы лучше видеть, однако марсиане по-прежнему не показывались. Не доставляло радости понимать, что они где-то поблизости, хоть и незримы.

Мы миновали Твикенхэм, но признаков бегства здесь не заметили: то ли городок уже покинут, то ли жители затаились в надежде, что марсиане обойдут его стороной. Потом река свернула к Ричмонду, и мы

снова взяли курс на восток. Тут Амелия крикнула, что видит дым. Обернувшись, мы заметили черный столб, взметнувшийся к небу где-то в районе Моулси.

Пушки палили без умолку, но марсиане, стремительно продвигающиеся из Суррея, были отнюдь не легкой добычей. Городки, к которым они приближались, оказывались перед ними совершенно беспомощными. Дым взвился над Кингстоном, и над Сэрбитоном, и над Эшером, и, наконец, над Твикенхэмом... И вот показался один из марсианских треножников. Он прокладывал себе путь по улицам Твикенхэма менее чем в миле от нас. Тепловой луч разил направо и налево без разбора, а вокруг хищной машины тщательно хлопали дымки залпов — артиллеристы всякий раз промахивались на добрую сотню футов.

Появился второй треножник — этот устремился на север, к Хоунслоу, а затем и третий, который двинулся на юг, к пылающему Кингстону.

— Эдуард, милый, торопись! Они почти настигли нас!

— Я и так стараюсь изо всех сил! — крикнул я в ответ, прикидывая, не лучше ли пристать к берегу.

Цепляясь за борт, мистер Уэллс перебрался ко мне и, опустившись на сиденье рядом, отнял у меня правое весло. Вдвоем мы погнали лодку еще быстрее.

К нашему счастью, марсиан в данный момент река не занимала — они нацелились на города и артиллерийские батареи. Оглушенный грохотом близких разрывов, я не сразу осознал, что гулкие раскаты более отдаленных выстрелов давно стихли, что дальние батареи подавлены.

А затем раздался звук пострашнее любых оружейных залпов. Марсианин, который управлял треножником в Кингстоне, подал голос. Этот звук поплыл к нам, искаженный ветром; его подхватил марсианин в Твикенхэме, а затем с разных сторон отозва-

лись все остальные. Здесь, в земной атмосфере, звук стал ниже и, пожалуй, протяжнее... Но ошибиться было нельзя: этим пронзительным уханьем марсиане требовали еды.

5

Наконец-то нам открылся лесистый склон Ричмондского холма, а когда мы из последних сил налегли на весла, огибая излучину за пышными лугами, показалось белое деревянное строение лодочной станции. Мне вспомнился день, когда я приехал сюда по приглашению сэра Уильяма, вспомнилось, как я прогуливался вдоль берега мимо этой станции. Но тогда здесь фланировали толпы народу. Теперь же мы, очевидно, были в одиночестве, если не считать беснующихся боевых машин да отвечающей им артиллерии.

Я показал мистеру Уэллсу, куда причалить, и мы принялись грести еще энергичнее. Прошло немного времени, и вот настал долгожданный миг, когда деревянное днище царапнуло о камень. Без малейшего промедления я протянул руку Амелии, помог ей выбраться на берег, затем подождал, пока высадился мистер Уэллс, и последовал за ним. Течение тут же подхватило легкую лодку и понесло ее прочь.

От выпавших на нашу долю испытаний мы невероятно устали, но тем не менее были исполнены решимости одолеть заключительную часть пути и подняться на холм к дому сэра Уильяма. Мы даже, наверное, бросились бы с причала бегом, однако Амелия замешкалась. Как только мы поняли, что она отстала от нас, мы обернулись и сдержали шаг, поджидая ее.

Весь последний час Амелия сидела в задумчивом молчании, но теперь спросила:

— Мистер Уэллс, вы говорили, что в Уокинге вместе с другими ходили к яме марсиан. Когда это было?

— В пятницу утром, — ответил мистер Уэллс.

Бросив взгляд на противоположный берег реки, в направлении Твикенхэма, я заметил, что бронированный колпак ближайшей боевой машины разворачивается точнехонько в нашу сторону. Вокруг треножника, не причиняя ему ни малейшего вреда, веером разлетались осколки артиллерийских гранат.

— Амелия, — позвал я в тревоге, — поговорим позже. Сейчас нужно одно — успеть где-нибудь укрыться.

— Эдуард, это важно! — отрезала она и снова обратилась к мистеру Уэллсу: — И в пятницу, вы говорите, было девятнадцатое число?

— Нет, девятнадцатое было в четверг. Снаряд упал около полуночи.

— А сегодня мы видели отдыхающих... Стало быть, сегодня воскресенье? Мистер Уэллс, сейчас у нас 1903 год, не так ли?

Он недоуменно посмотрел на нее, но подтвердил, что это действительно так. Повернувшись ко мне, Амелия стиснула мою руку.

— Эдуард! Сегодня двадцать второе! Тот самый день 1903 года, в который мы угодили тогда! Машина времени вот-вот окажется в лаборатории!

С этими словами она стремглав кинулась вверх по склону холма, лавируя между деревьями. А я устремился за ней, призывая ее вернуться.

6

Амелия, отдохнувшая и проворная, без труда преодолевала подъем, а я устал и, даже собрав последние силы, мог в лучшем случае кое-как поспевать за ней. Снизу, от реки, доносилось резкое уханье марсиан — они перекликались друг с другом. Где-то за нами плелся мистер Уэллс. А впереди, с самого греб-

ня холма, слышался голос офицера, отдавшего приказ, — и на этот приказ отозвались орудия, расставленные по всему склону. Сквозь деревья стал просачиваться дым. Выстрелы следовали один за другим — в канонаду включились все пушки, сколько их ни было на холме. Шум стоял оглушительный, от едкой пороховой гари у меня запершило в горле.

Впереди, над деревьями, мелькнули башенки того самого дома, что прежде назывался «Дом Рейнольдса».

— Амелия! — крикнул я, силясь перекрыть грохот орудий. — Любимая, вернись! Там опасно!

— Машина времени! Мы можем перехватить машину времени!

Женская фигурка по-прежнему маячила далеко впереди — не щадя себя, Амелия продиралась к дому сквозь перепутанные ветки кустов, сквозь густую траву.

— Не ходи туда! — возопил я в полном отчаянии. — Амелия!..

С тех пор случилось множество событий, миновали годы, пролетели миллионы миль... И тем не менее в сознание острой вспышкой вернулась память о нашем первом путешествии в 1903 год. Припомнились звуки канонады, дым, непривычная слуху переключка марсиан, бегущая по траве женщина, прижатое к стеклу лицо, а там — всепожирающий огонь...

От судьбы не уйдешь.

Я вновь пустился вдогонку за Амелией. Она выбралась на запущенную лужайку и теперь бежала к стеклянной стене лаборатории; ей уже ничем не можешь, она обречена на участь, которую мне так и не удалось предотвратить...

Достигнув лужайки, я так запыхался, что кричать уже не мог и только смотрел, как Амелия приблизилась вплотную к стене и припала лицом к стек-

лу. Спотыкаясь, я пересек газон и наконец очутился у Амелии за спиной, достаточно близко, чтобы заглянуть сквозь стекло в смутно освещенную лабораторию.

Там, среди многочисленных станков, виднелась грубо скроенная рама некоего механизма, а на ней — двое молодых людей: мужчина в соломенной шляпе, залихватски сдвинутой набекрень, и прижавшаяся к нему хорошенькая девушка. Мужчина пристально разглядывал нас, вытаращив от изумления глаза.

Я схватил Амелию за плечо, хотел оттащить ее прочь, и в то же мгновение мужчина в лаборатории сам поднял руку, как бы заслоняясь от представившихся ему жутких видений.

Позади нас взвыла марсианская сирена, над деревьями поднялся бронированный колпак боевой машины. Я бросился к Амелии и повалил ее наземь. В тот же миг на нас нацелился тепловой луч, огненная кривая перечеркнула лужайку и ударила по дому.

На осадном положении

1

По всей вероятности, я намеревался прикрыть Амелию своим телом, но в спешке преуспел только в одном — сбил ее с ног и упал сам, поэтому обрушившийся на дом взрыв затронул нас обоих в равной мере. Мощнейшая взрывная волна швырнула нас в самую дальнюю часть сада, затем последовала серия взрывов послабее. Мы беспомощно катились по высокой траве, а когда нам наконец удалось остановиться, на нас дождем посыпались горящие щепки и битые кирпичи — ими была усыпана вся почва вокруг.

Затем наступила тишина, которую прорезал лишь глухой крик марсианина: утолив свою ненависть, он развернулся и удалился восвояси. Правда, где-то неподалеку что-то еще сотрясалось и рушилось, но по сравнению с недавно пережитым создалось впечатление полного безмолвия. До нас донесся визг раненого животного, потом револьверный выстрел положил конец и этому недолгому звуку.

Амелия лежала на траве футах в десяти от меня, и, едва успев прийти в себя, я торопливо пополз к ней. Но не тут-то было: спину мне ожгла неожиданная боль, и я понял, что это горит моя бессменная одежда. Я принялся кататься по земле; на мгновение боль от ожога стала нестерпимой, но мне все-таки удалось погасить тлеющую ткань. Теперь надо было срочно спасти Амелию — ее сорочка тоже воспламе-

нилась. Сбив ладонями крошечные язычки пламени, я услышал стон.

— Это ты, Эдуард?

— Ты ранена?

Она покачала головой и, пока я размышлял над тем, как бы лучше перевернуть ее на спину, поднялась на ноги самостоятельно, хотя и с трудом. Ее пошатывало, наверное, от головокружения.

— Клянусь Юпитером! Просто чудо, что вы уцели!

Это был мистер Уэллс. Он вышел к нам из кустов, окаймляющих лужайку, судя по всему, невредимый, но не меньше нашего потрясенный яростью нападавших.

— Мисс Фицгиббон, вы не пострадали? — спросил он участливо.

— Кажется, нет.— Амелия резко тряхнула головой.— Только вот уши заложило.

— Взрывной волной,— пояснил я: у меня и у самого гудело в ушах.

Тут мы услышали крики возле самого дома и разом обернулись на голоса. Откуда-то появилась группа солдат. Вид у них был довольно пришибленный; командир пытался навести среди них хоть какой-то порядок. После недолгой сумятицы солдаты обступили пылающий дом, пытаясь сбить пламя с помощью мешковины.

— Надо бы им помочь, — сказал я мистеру Уэллсу, и мы не мешкая зашагали через лужайку в сторону пожара.

За углом здания нашим глазам открылась картина жестокого разгрома. Здесь было установлено одно из артиллерийских орудий, и именно по нему ударил марсианин своим лучом. Удар оказался как нельзя более метким: от цели остались только оплавленные и покоренные куски металла, разбросанные вокруг

большой воронки. Куски эти даже отдаленно не напоминали пушку, если не считать колеса от лафета, лежащего поодаль.

Возле одной из беседок в саду устроили коновязь, и я с большим огорчением увидел, что несколько лошадей убито. Те же, что уцелели, рвались со своих мест, и конюхи успокаивали их, надевая шоры.

Мы обратились к распоряжающемуся здесь сержанту:

— Нельзя ли предложить вам помощь?

— Это ваш дом, сэр? — обратился сержант к мистеру Уэллсу.

— Нет, мой, — вмешалась Амелия.

— Но там никто не жил.

— Мы уезжали за границу. — Она покосилась на солдат, тщетно сражавшихся с пламенем. — Там, в сарае, есть садовый шланг.

Сержант тотчас же приказал двоим своим подчиненным отыскать шланг, и не прошло и минуты, как его вынесли, раскатали и присоединили к пожарному крану снаружи дома. Нам повезло: напор был достаточно силен, и из шланга сразу же вырвалась мощная струя воды.

Мы оставались на почтительном расстоянии, понимая, что солдаты превосходно вымуштрованы и пожар гасят умело. Струю воды из шланга они направляли на самые яростные очаги пламени, одновременно не прекращая сбивать огонь мешками. Сержант присматривал за подчиненными, почти не отдавая приказов, а когда пожар потушили, и вовсе отошел в сторону. Я шагнул к нему.

— Понесли ли вы потери?

— К счастью, нет, сэр. Непосредственно перед нападением марсианина мы получили приказ отойти, поэтому успели вовремя спуститься в укрытие. — Он показал на пересекающие лужайку глубокие тран-

шей, прорытые как раз там, где некогда (целую вечность назад!) мы с Амелией попивали лимонад.— Доведись нам в тот момент стоять у орудия...

— Вы были здесь расквартированы?

— Да, сэр. Думаю, вы сами убедитесь, что мы не причинили особого ущерба. Как только вытащим из комнат свою амуницию, начнем отход.

Только тут до меня дошло, что артиллеристы заботились вовсе не о спасении дома. Солдаты стремились уберечь свои собственные пожитки, а если бы не это, пришлось бы рассчитывать в борьбе с огнем лишь на собственные силы.

С пожаром было покончено за какую-нибудь четверть часа. Seriously пострадал от огня флигель для слуг да две нежилые комнаты на первом этаже — шестеро расположившихся там артиллеристов лишились своей амуниции начисто. На верхнем этаже основной урон нанесли дым и взрывная волна. Что касается остальных помещений, то, чем дальше находились они от взорванной пушки, тем меньше там обнаруживалось повреждений: в бывшей курительной сэра Уильяма, например, даже стекла оказались целы! Другие комнаты, правда, пострадали больше, главным образом от взрыва, а стеклянные стены лаборатории и вовсе разлетелись вдребезги. На прилегающем к дому участке кое-где тлели кусты и трава, но вскоре артиллеристы потушили пламя и там.

Покончив с пожаром, солдаты собрали остатки своей амуниции, погрузили их в фургон и приготовились к отступлению. Все это время до нас долетали отзвуки идущего вдалеке сражения, и сержант сказал, что ему не терпится присоединиться к своему полку в Ричмонде. Он извинился за причиненные убытки, а мы поблагодарили его за помощь, оказанную в тушении пожара. Затем солдаты уехали по дороге, ведущей к центру города.

Мистер Уэллс вызвался разведать, куда подевались марсиане, и отправился через лужайку к вершине холма. Я же последовал за Амелией в дом и, едва мы переступили порог, заключил ее в объятия. Несколько минут мы молчали. Потом она чуть отодвинулась, и мы любовно взгляделись друг другу в глаза. Мимолетная встреча с самими собой — такими, какими мы были в прошлом, — подействовала на нас как благотворная встряска. Амелия с синяками и ссадинами на лице, в изодранной обгорелой сорочке несколько не походила на элегантную молодую даму, промелькнувшую перед нами в седле машины времени. И, судя по тому, как смотрела на меня Амелия, моя внешность претерпела не меньшие изменения.

— Значит, еще тогда, когда мы сидели в машине времени, ты видел марсианина? — спросила Амелия. — Ты все знал наперед с той поры?

— Я видел только тебя, — открылся я. — Мне показалось, что ты умираешь.

— Потому-то ты и решил взять на себя управление машиной?

— Не могу ответить ни да, ни нет. Я просто пришел в отчаяние. Я ведь уже тогда любил тебя...

Она опять привлекла меня к себе и легонько коснулась моей шеи губами. Я расслышал ее слова, хотя они и были произнесены почти неразличимым шепотом:

— Теперь мне все понятно, Эдуард.

Вернулся мистер Уэллс и принес безрадостную весть: внизу, у реки, торчат шесть треножников с чудищами, и сражение все еще продолжается.

— Они наводнили всю округу, — сказал мистер Уэллс, — и, насколько можно судить, им почти не оказывают сопротивления. В радиусе мили вокруг этого дома — три боевые машины, правда, все три не покидают долины. Мне кажется, сейчас самое безопасное — затаиться на какое-то время здесь и не высовывать носа наружу.

— Что они там делают? — спросил я, имея в виду марсиан.

— По-прежнему разрушают и жгут. Похоже на то, что пожары охватили всю долину Темзы. Повсюду дым, притом невиданной густоты. Твикенхэм совершенно исчез под шапкой дыма. Черный, плотный, как деготь, и никак не поднимается вверх. Висит над городом точно исполинский купол.

— Ветром развеет, — сказала Амелия.

— В том-то и дело, что ветер есть, — ответил мистер Уэллс, — а дым продолжает висеть. Никак не подыщу этому объяснения.

Впрочем, эта загадка представлялась нам второстепенной; с нас хватало и того, что марсиане бродят неподалеку и настроены по-прежнему враждебно.

Всех троих мучило от голода, и самой насущной необходимостью стало хоть что-нибудь поесть. Яснее ясного, в доме, где никто не жил многие годы, нечего было и надеяться отыскать провизию в кладовой. Правда, артиллеристы нечаянно оставили часть своего пайка — несколько жестянок с мясом и немножко черствого хлеба, — но этого нам не достало бы даже на одну трапезу.

Мы с мистером Уэллсом решили наведаться в ближайшие дома и взглянуть, нельзя ли позаимствовать там съестного. Амелия предпочла воздержаться от вылазки: ей хотелось обойти дом и выяснить, какие комнаты пригодны для жилья.

Отсутствовали мы с мистером Уэллсом ровно час.

За этот час мы обнаружили, что, кроме нас, на всем Ричмонд-хилле нет ни души. Надо думать, жителей вывезли с прибытием войск, и, похоже, их отъезд совершался в крайней спешке. Двери почти повсюду оказались не заперты, и в большинстве домов мы находили продовольствия вдосталь. К тому времени, как настала пора возвращаться, наш вещевой мешок был битком набит провиантом — мясом разных сортов, овощами и фруктами. Вдобавок мы захватили несколько бутылок вина, а для мистера Уэллса нашли трубку и табак.

Перед тем как вернуться, мистер Уэллс предложил еще разок окинуть взглядом долину: внизу стояла подозрительная тишина, столь глубокая, что становилось не по себе.

Бросив вещевой мешок в последнем из обследованных домов, мы осторожно поднялись к самому гребню холма и спрятались за деревьями. Отсюда открывался широкий обзор на север и на запад. Слева виднелась долина Темзы до самого Виндзорского замка, а правее — Чизуик и Brentford. Прямо под нами простирался Ричмонд.

Солнце — оранжевый огненный шар — садилось за горизонт. Высвеченный закатом, вдали чернел силуэт одной из марсианских боевых машин. Она была недвижима, но даже на расстоянии мы без труда различали, что металлическое плетение сети, подвешенной к платформе, заполнено человеческими телами.

Черный дымовой купол по-прежнему скрывал от нас Твикенхэм; другой такой же тяжело навис над Хоунслоу. В Ричмонде, казалось, царило спокойствие, хоть несколько зданий было охвачено огнем.

— Их не остановить, — сказал я. — Они захватят власть над всей планетой.

Мистер Уэллс промолчал, только дыхание его участилось и стало прерывистым. Я взглянул в его

сторону — и вдруг заметил слезы у него на глазах. Чуть помолчав, он промолвил:

— Вы, Тернбулл, настаивали на том, что они смертны, но теперь придется смириться с жестоким фактом: мы не в состоянии оказать им сопротивление.

В тот же миг, как бы оспаривая это утверждение, прозвучал одинокий выстрел из полевого орудия, установленного на прибрежной пешеходной дорожке возле Ричмондского моста. Несколько секунд — и в воздухе, в нескольких сотнях футов от дальнего треножника, появилось облачко разрыва.

Марсианин отреагировал молниеносно. Он круто развернулся и зашагал в нашем направлении, вынудив нас с мистером Уэллсом попятиться в чащу деревьев. Из недр платформы марсианина вынырнуло нечто вроде толстой трубы, еще две-три секунды — и из трубы с хлопком вылетел большой баллон. Беспорядочно кувыряясь и отражая оранжевый блеск заходящего солнца, баллон описал широкую дугу и врезался в землю где-то на улицах Ричмонда. Над этим местом незамедлительно поднялся сгусток черноты; не прошло и минуты, как Ричмонд скрылся под таким же, как прежние, неподвижным загадочным дымовым куполом.

Орудие у реки, утонувшее в черной мгле, больше не стреляло. Мы ждали до самых сумерек, но наши войска не отважились более ни на один залп. Упоенные победой, которая представлялась им полной, марсиане снова принялись за свое гнусное дело — выискивали уцелевших людей и рассаживали этих несчастных по подвесным сетям.

Отрезвленные и подавленные, мы с мистером Уэллсом зашли за провиантом и вернулись к дому сэра Рейнольдса. Амелия встретила нас совершенно преображенная.

— Эдуард! — вскричала она, едва мы миновали проем, где прежде была входная дверь.— Эдуард, представь, мои туалеты все сохранились!

И к нам танцующей походкой вышла девушка необычайной красоты. На ней были бледно-желтое платье и высокие сапожки на пуговицах; волосы она успела расчесать и уложить на пробор, а уродовавшую лоб рану скрыли искусно наложенные белила и румяна. Она весело схватила меня за руку и принялась восторгаться тем, сколько еды мы принесли. На меня вновь пахнуло нежным, чуть суховатым ароматом ее любимых, отдающих полевыми травами духов.

И тут — сам не знаю почему — я отвернулся от Амелии и заплакал.

4

После того как сэр Уильям окончательно и бесповоротно отбыл на машине времени в неизвестность, дом, надо думать, стоял на запоре: все в полной сохранности лежало на своих местах (если не обращать внимания на повреждения, вызванные взрывом и пожаром), мебель затянута чехлами, а маломальски ценные вещи упрятаны в шкафы. Наведавшись в гардеробную хозяина, мы с мистером Уэллсом нашли там достаточно сюртуков и брюк, чтобы одеться вполне пристойно.

Распространяя вокруг легкий запах нафталина, мы, пока Амелия готовила ужин, обошли весь дом. По-видимому, слуги в отсутствие хозяина ограничивались уборкой жилой части дома: лабораторию, как и прежде, загромождали всевозможные станки и детали механизмов. Однако теперь все это было покрыто толстым слоем пыли да еще поверху усеяно осколками стекла. Двигатель внутреннего сгорания, да-

вавший электрический ток, оставался на месте, но мы не рискнули завести его, опасаясь привлечь внимание марсиан.

Ужинали мы на первом этаже и, если смотреть от Темзы, в самой дальней комнате, при свечах и с задернутыми шторами. Снаружи все было тихо, однако мы чувствовали себя беспокойно, да и какое тут спокойствие, когда в любую минуту могут нагрянуть безжалостные чудовища! Только потом, наполнив желудки пищей и смягчив напряжение бутылкой вина, мы позволили себе вновь коснуться прежней темы: абсолютна ли их победа?

— Очевидно, их цель — захватить Лондон, — сказал мистер Уэллс. — Если они не добьются своего в почные часы, то уж утром их ничто не удержит.

— Но ведь, овладев Лондоном, они овладеют всей страной! — воскликнул я.

— Этого-то я и боюсь. Разумеется, сейчас все уже прониклось сознанием опасности. Смею вас заверить, что в настоящую минуту, пока мы тут беседуем, с севера к столице подтягивают новые войска. Владеют ли они ратным искусством лучше тех, кого мы видели в бою нынче, — об этом можно только гадать. Но британская армия умеет учиться на собственных ошибках, и не исключено, что ей еще предстоит отдельные победы. Главное, до сих пор не ясно, чего добиваются эти чудовища.

— Хотят нас поработить, — промолвил я. — Они не могут существовать, не впрыскивая себе свежей крови.

Мистер Уэллс вскинул на меня глаза.

— Откуда вы это взяли, Тернбулл?

Я прикусил язык. Что марсиане отлавливают людей, наблюдал каждый, но только мы с Амелией, обладая накопленными на Марсе знаниями, понимали, что ждет пленников в дальнейшем.

— По-моему, Эдуард, пришла пора поделиться с мистером Уэллсом тем, что нам известно,— сказала Амелия.

— Вы располагаете достоверными сведениями о чудовищах? — удивился мистер Уэллс.

— Мы... мы побывали в Уокинге, в яме, — промямлил я.

— Я тоже, но никакого впрыскивания крови не заметил. Поразительное откровение и, да простятся мне мои слова, более чем сенсационное. Надо полагать, вы берете на себя ответственность за подобное утверждение?

— Это утверждение зиждется на личном опыте, — вмешалась Амелия. — Мы сами побывали на Марсе, мистер Уэллс, хотя вряд ли вы нам поверите.

К немалому моему изумлению, наш новоявленный друг, казалось, нисколько не был ошеломлен ее признанием.

— Я давно подозревал, что жизнь есть и на других планетах Солнечной системы, — заявил он. — И мне отнюдь не представляется невероятной мысль, что в один прекрасный день на этих планетах удастся побывать. Когда мы сумеем сбросить оковы земного притяжения, путешествие на Луну станет для нас делом столь же привычным, как поездка в Бирмингем. — Он принялся пристально разглядывать нас обоих. — Однако вы утверждаете, что уже успели побывать на Марсе?

Я кивнул.

— Мы экспериментировали с машиной времени сэра Уильяма и неправильно установили рычаги управления.

— Но ведь, насколько я понимаю, сэр Уильям намеревался путешествовать исключительно во времени.

В нескольких словах Амелия объяснила, как я вы-

рвал из гнезда никелевый стержень, до той поры блокировавший перемещение машины в пространственном измерении. Далее повествование развертывалось как бы само собой, и в течение ближайшего часа мы пересказали почти все свои приключения. Наконец, дошла очередь и до того, каким образом мы вернулись на Землю. Мистер Уэллс довольно долго молчал. Он налил себе немного бранди из бутылки, которую мы нашли в курительной, и все вертел в руках рюмку, но так и не пригубил ее.

— Если все это,— произнес он после паузы,— не порождение вашей фантазии, тогда могу заметить только одно: ваша одиссея в высшей степени необычна.

— Мы вовсе не гордимся тем, что натворили,— возразил я.

— Не корите себя понапрасну,— отмахнулся от меня мистер Уэллс. — Другие на вашем месте поступили бы точно так же. Да, марсиане пролили нашу кровь и посягнули на нашу собственность,— но что вы могли противопоставить их могуществу?

Он задал несколько уточняющих вопросов, и мы ответили на них со всей доступной нам полнотой. Затем мистер Уэллс заявил:

— Мне кажется, ваш опыт сам по себе является неопенимым оружием в борьбе против этих тварей. Во всякой войне наилучшая тактика — та, которая учитывает вероятные действия противника. До сих пор нам не удавалось противостоять угрозе еще и потому, что неясны были побудительные мотивы агрессии. Теперь мы трое стали хранителями высшей мудрости. Если мы не в состоянии помочь правительству, значит, придется нам действовать на свой страх и риск.

— Мне самому приходило в голову что-то в этом роде,— поддержал я.— Потому-то мы и решили свя-

заться с сэром Уильямом, что машина времени могла бы послужить мощным средством в борьбе с чудовищами.

— Каким же образом?

— Ни одно существо при всей своей силе и безжалостности не устоит перед невидимым врагом.

Мистер Уэллс кивнул мне в знак понимания, но произнес только:

— Остается пожалеть, что нам недоступны ни сам сэр Уильям, ни его машина.

— Увы, это так.

Становилось поздно, и мы прекратили беседу — все изнемогали от усталости. Снаружи по-прежнему царил мертвая тишина, но мы, не стовариваясь, поняли, что неизвестность не даст нам уснуть, и перед тем, как отправиться ко сну, осторожно выбрались из дому и на цыпочках прокрались через лужайку к вершине холма.

Внизу, в долине Темзы, мы видели лишь огонь и запустение. Во всех направлениях до самого горизонта ночной пейзаж искрился силуэтами пылающих строений. Над нами раскинулось безоблачное небо с яркими звездами.

Стиснув мою руку, Амелия шепнула:

— Совсем как на Марсе, Эдуард. Они перекраивают нашу Землю на свой лад.

— Это им даром не пройдет, — ответил я. — Мы отыщем способ бороться с ними.

Именно в этот момент мистер Уэллс ткнул пальцем вверх, и все мы заметили в вышине блестящую зеленую точку. На наших глазах она становилась ярче и ярче, и спустя несколько секунд ни у кого из троих не осталось сомнений: это четвертый снаряд с Марса. Свет стал нестерпимо, ослепительно ярким, и на какое-то мгновение нам почудилось, что снаряд нацелен прямо на нас, но внезапно он начал терять

высоту и великолепным зеленым фейерверком упал милях в трех к юго-западу. Секунд через пять на нас обрушилась взрывная волна, потом зеленое сияние медленно померкло, и все вокруг снова погрузилось во тьму.

— А следом летят еще шесть, — заметил мистер Уэллс.

— Нет у нас никакой надежды, — горестно вздохнула Амелия.

— Никогда нельзя расставаться с надеждой.

— Но ведь мы бессильны против этих чудовищ! — воскликнул я.

— Надо соорудить новую машину времени, — сказал мистер Уэллс.

— Это невозможно, — возразила Амелия. — Никто, кроме сэра Уильяма, не знает, как это сделать.

— Он подробно излагал мне принцип конструкции, — настаивал мистер Уэллс.

— И не только вам, но и многим другим, однако в самых туманных выражениях. Даже я, хоть иногда работала вместе с ним в лаборатории, получила разве что общее представление об устройстве машины.

— Значит, у нас есть все шансы на успех! — пришел к выводу мистер Уэллс. — Вы помогли строить машину, а я помогал ее конструировать.

Тут мы оба поглядели на него с любопытством. Отблеск пожара освещал его лицо снизу, обводя черты каким-то сверхъестественным ореолом.

— Вы помогли конструировать машину времени? — переспросил я.

— В известном смысле, да. Сэр Уильям частенько показывал мне свои чертежи, и я внес кое-какие предложения, которые он принял. Если чертежи целы, мне не понадобится много времени на то, чтобы в них разобраться. Скорее всего, они по-прежнему в лаборатории, в сейфе.

— Именно там он их и хранил,— подтвердила Амелия.

— Как же мы до них доберемся? — вскричал я.— Ведь сэра Уильяма здесь давным-давно нет!

— Если понадобится, взорвем дверцу сейфа,— заявил мистер Уэллс, преисполняясь решимости довести свой дерзкий замысел до конца.

— До такой крайности дело не дойдет,— сказала Амелия.— У меня в комнате есть запасной комплект ключей.

Неожиданно мистер Уэллс протянул мне руку, которую я пожал в нерешительности, не вполне понимая, какую договоренность мы скрепляем. Другой рукой он дружески потрепал меня по плечу.

— Тернбулл,— торжественно произнес мистер Уэллс,— мы с вами и с мисс Фицгиббон объединим усилия для разгрома ненавистного врага. Мы превратимся в невидимых и безжалостных мстителей. Мы одолеем угрозу, нависшую над всем, что есть достойного в мире, одолеем таким способом, о котором марсиане и не подозревают. Завтра же засучим рукава, построим новую машину времени и выйдем в поход, чтобы остановить несокрушимую армаду!

Возбужденные сознанием того, что у нас появился четкий план действий, мы обменивались комплиментами, смеялись, оглашая воинственными возгласами, горящую долину. Ночь была безмолвна, воздух отравлен гарью и дыханием смерти; и все же на обратном пути к дому сэра Уильяма нас переполняло непривычное и радостное предвкушение близкой победы.

Машина пространства

1

Эту ночь мы с мистером Уэллсом провели в комнатах для гостей, Амелия же спала в своих прежних покоях (впервые за многие недели я ночевал в одиночестве и долго беспокойно ворочался с боку на бок). Утром мы все спустились к завтраку, по-прежнему преисполненные жажды мщения.

Для нас с Амелией завтрак сам по себе был роскошью, от которой мы давно отвыкли: растапливать плиту мы сочли неблагоразумным, но ухитрились изжарить на примусе настоящую яичницу с ветчиной.

Затем мы без промедления отправились в лабораторию и отперли сейф. Там, небрежно скатанные в трубку, хранились собственноручно выполненные сэром Уильямом чертежи машины времени.

Мы разложили чертежи на одном из верстаков, не без труда найдя там относительно чистое местечко. Признаться, я тотчас пал духом, ибо сэр Уильям при всей своей гениальности отнюдь не был самым методичным из людей. Едва ли хоть один чертеж можно было прочесть с первого взгляда — столько туда вносилось исправлений, помарок и дополнений; на большинстве листов первоначальные варианты конструкций совершенно скрылись под более поздними напластованиями.

Мистер Уэллс не оставлял оптимистического тона, взятого накануне, но я не мог не почувствовать, что самоуверенности в нем все же поубавилось.

— Послушайте,— сказала Амелия,— прежде чем приступать к работе, надо бы убедиться, что мы располагаем всеми необходимыми материалами.

Осмотревшись в пыльном хаосе лаборатории, я понял, что это будет не просто: повсюду в изобилии валялись электрические провода, стержни и бруски металла, равно как и кусочки загадочного хрусталевидного вещества, однако для выяснения вопроса о том, хватит ли всего этого на целую машину, понадобились бы кропотливые изыскания.

Мистер Уэллс успел перенести несколько листов поближе к свету и теперь внимательно их рассматривал.

— Придется уделить им часа три-четыре,— пробормотал он.— Часть из них мне безусловно знакома, но утверждать с уверенностью не берусь...

Мне не хотелось заражать его своим малодушием, а потому, сделав вид, что горю желанием помочь — и в то же время стараясь не путаться под ногами,— я вызвался поискать полезные для дела детали в саду и окрестностях особняка. Амелия молча кивнула, так как уже сосредоточенно рылась в выдвижном ящике одного из верстаков, а мистер Уэллс с головой ушел в чертежи; словом, я покинул лабораторию и оказался на улице.

Прежде всего я направился к вершине холма. Стоял чудесный летний день, над разоренными сельскими просторами ярко светило солнце. За ночь большинство пожаров догорело, но чернильная мгла, окутавшая Твикенхэм, Хоунслоу и Ричмонд, была по-прежнему непроницаемой для взгляда. Правда, дымные купола заметно сплющились, зато вдоль улиц, которые раньше оставались свободными от дыма, потянулись длинные щупальца какой-то черной жижи.

Самих пришельцев с Марса нигде не было видно. Только на юго-западе, в районе Буши-парка, подни-

мались облака зеленого дыма, и не составляло труда догадаться, что четвертый снаряд приземлился именно там.

Я круто повернулся и прошел мимо дома в дальнюю часть сада, которая примыкала непосредственно к Ричмонд-парку. Отсюда открывался вид до самого Уимблдона; если не считать полного безлюдья, парк выглядел точно так же, как в тот достопамятный день, когда я впервые приехал в дом сэра Рейнольдса.

На обратном пути я столкнулся с проблемой неприятной и поистине неотложной, хоть нашей безопасности она и не угрожала. У беседки, где артиллеристы привязывали лошадей, лежали трупы четырех животных, убитых во время нападения марсиан. За ночь трупы начали разлагаться, рваные раны привлекли полчища мух, в воздухе повис тяжелый запах тления.

Оттащить лошадей достаточно далеко от дома было мне явно не по силам, сожжение также исключалось, оставался один-единственный выход — захоронить. К счастью, совсем недавно солдаты копали здесь траншеи и кругом хватало свежевырытой земли. Отыскав лопату и тачку, я принялся за малоприятный, тяжелый труд — стал забрасывать землей гниющие останки. Со своей задачей я управился часа за два. И неожиданно-негаданно моя работа обернулась на общее благо: я обнаружил, что солдаты при поспешном отступлении забыли в траншеях часть боеприпасов. Тут нашлась винтовка, а к ней — множество патронов; но еще более ценными показались мне два деревянных ящика, в каждом из которых находилось по двадцать пять ручных гранат.

С величайшей бережностью я перенес найденные сокровища поближе к дому и надежно спрятал в сарае. Затем вернулся в лабораторию посмотреть, как движутся дела у моих товарищей.

В эту ночь в Барнсе, к северо-востоку от нашего дома, упал пятый снаряд. Следующей ночью шестой приземлился на Уимблдонской пустоши.

Изо дня в день через равные промежутки времени мы поднимались на вершину холма узнать, чем заняты марсиане. Вечером в понедельник, едва мы приступили к созданию новой машины времени, на наших глазах к Лондону прошествовали пять блестящих треножников. Тепловые орудия у них были убраны, вышагивали они с надменностью победителей, которым нечего опасаться. Вероятно, эти пятеро прилетели в том снаряде, что опустился в Буши-парке, и теперь намеревались присоединиться к остальным, в данную минуту, по нашим предположениям, бесчинствующим в самой столице.

Заметные перемены происходили по всей долине Темзы — и, к сожалению, отнюдь не такие, которые могли бы доставить радость. Тучи черного дыма в конце концов рассеяли сами марсиане: две боевые машины занимались этим целый день, разгоняя мглу при помощи большой трубы, выбрасывающей мощную струю пара. Вскоре черные купола осели, а затем и вовсе исчезли, оставив после себя лишь вязкую темную жидкость, понемногу стекающую в реку.

Медленно, но неуклонно изменялась и сама Темза. Марсиане привезли с собой семена вездесущих красных растений и принялись высевать их вдоль берегов. В один прекрасный день мы увидели с десяток, если не больше, низких многоногих экипажей, которые сновали по прибрежным дорожкам, выбрасывая облачка крохотных семян. Мы и глазом моргнуть не успели, как инопланетная растительность дала всходы и стала распространяться окрест. В сравнении с суровыми условиями на Марсе красные травы, долж-

но быть, почувствовали себя на плодородных почвах и во влажном климате Англии, как в оранжерее. Не прошло и недели с того дня, когда мы обосновались в доме сэра Уильяма, а берега реки, насколько хватал глаз, скрылись под гнетом багровой поросли; вскоре она посягнула и на прибрежные дуга. В любое солнечное утро зловещий треск ее буйных побегов раздавался с такой силой, что, как ни велико было расстояние от дома до реки, мы слышали его даже при закрытых дверях и закрытых окнах. Подобный аккомпанемент, сопровождающий нашу скрытую от всех конструкторскую деятельность, всякий раз вселял в нас уныние. Поросль отвоевывала себе рубежи даже на лесистых склонах Ричмондского холма, и по мере ее вторжения листья на деревьях — в разгар лета — желтели и осыпались.

Долго ли нам оставалось до того, как порабощенных земель заставят рубить эти красные стебли?

3

В день, когда приземлился десятый снаряд (а он, как и три предшествующих, упал где-то в центре Лондона), мистер Уэллс позвал меня в лабораторию и объявил, что наконец-то добился ощутимых результатов.

В лаборатории был восстановлен порядок. Ее старательно расчистили и убрали, а оконные переплеты Амелия затянула тяжелым бархатом, чтобы можно было продолжать работу и вечером, при электрическом освещении. Сегодня мистер Уэллс находился в лаборатории с самого утра, и воздух здесь успел пропитаться приятным запахом трубочного табака.

— Меня, признаться, озадачивала структура кристаллов, — сказал мистер Уэллс, откидываясь на спинку кресла, которое он перетащил из курительной. — Видите ли, какая-то особенность химического состава

этого загадочного вещества приводит к появлению постоянного электрического тока. И вопрос вовсе не в том, чтобы добиться такого эффекта, а в том, чтобы обуздать его и научиться им управлять, иначе не создашь поле четвертого измерения. Позвольте показать вам, что я имею в виду.

На верстаке они с Амелией соорудили миниатюрный аппаратик — полоска металла, на ней колесико, а к обеим сторонам колесика прикреплены крохотные кусочки хрусталевидного вещества. Мистер Уэллс подсоединил к этим кусочкам несколько проводов, а оголенные концы опустил на крышку верстака.

— Сейчас я соединю эти провода, а вы наблюдайте, что получится.— Мистер Уэллс взял еще одну проволочку и уложил ее поперек оголенных концов. Едва замкнулся последний контакт, как колесико начало медленно, но отчетливо вращаться.— Понимаете, в такой схеме кристаллы создают движущую силу.

— Точь-в-точь как в велосипедах! — обрадовался я.

Мистер Уэллс не понял, о чем я толкую, зато Амелия энергично закивала головой.

— Вот именно,— подтвердила она.— Только в велосипедах гораздо больше таких кристаллов, поскольку там приходится приводить в движение большую массу.

Мистеру Уэллсу пришлось разрушить свою конструкцию, так как колесико, вращаясь, запутало подсоединенные к нему провода.

— А вот теперь,— сказал он,— если я замкну цепь иначе...— Наклоняясь над своим творением, он стал пристально вглядываться сперва в чертежи, потом в аппаратик.— Следите внимательнее, ибо, сдастся мне, сейчас вы увидите нечто необыкновенное.

Оба мы, не шевелясь, смотрели мистеру Уэллсу через плечо — вот он соединил два проводничка, под-

вел к ним третий. Неподключенным остался только один.

— Прошу!

Мистер Уэллс замкнул последний контакт, и в тот же миг весь аппаратик — колесико, кристаллы и провода — исчез, словно его никогда и не было.

— Получилось! — закричал я в восторге, а мистер Уэллс буквально просиял.

— Итак, мы вошли в четвертое измерение, — провозгласил он. — Как вы поняли, стоит связать кристаллы в электрическую цепь — и вся система попадает под напряжение. Расположив провода именно таким образом, я подсоединился к энергии, таящейся в четвертом измерении, и объект моего небольшого опыта утрачен теперь для нас навсегда.

— А все же куда он делся? — спросил я.

— С точностью ответить не берусь, ведь это всего-навсего крошечная модель. Наверное, движется в пространстве где-то с минимальной скоростью и будет двигаться вечно. Для нас с вами это уже не имеет значения: секрет странствий по четвертому измерению в том — как управлять этими странствиями. Выяснить это — моя очередная задача.

— Сколько же времени уйдет на создание новой машины?

— Думаю, еще несколько дней.

— Надо поторапливаться, — сказал я. — С каждым днем чудовища сжимают нашу Землю все более мертвой хваткой.

— Я работаю со всей мыслимой быстротой, — ответил мистер Уэллс без тени раздражения, и только тут я заметил темные круги у него под глазами. Действительно, он нередко засиживался в лаборатории допоздна, когда мы с Амелией давно уже отправлялись на покой. — Понадобится рама, на которой можно будет смонтировать механизм, притом достаточно

вместительная, чтобы рассадить пассажиров. По-моему, у мисс Фицгиббон уже возникла какая-то идея, и если вы с нею объедините усилия в этом направлении, наша работа вскоре будет завершена.

— И вы постройте новую машину? Возможно ли это? — усомнился я.

— Не нахожу причин, почему бы и нет, — ответил мистер Уэллс. — Мы ведь не собираемся путешествовать в будущее, и нам ни к чему такая сложная конструкция, как в машине сэра Уильяма.

4

Мучительно медленно протянулись еще восемь дней, но вот наконец машина пространства стала воплощаться в осязаемую форму.

Идея Амелии, как выяснилось, заключалась в том, чтобы в качестве рамы для машины использовать металлический остов кровати: это обеспечило бы и необходимую прочность, и место для пассажиров. Обшарив полуразрушенный флигель для слуг, мы откопали железную кровать с сеткой шириной добрых пять футов. Правда, она была сильно закопчена после пожара, но не прошло и часа, как ее удалось отчистить и перенести в лабораторию, где под руководством мистера Уэллса мы стали крепить на остов разные изготовленные им детали. Многие из них включали в себя хрусталевидное вещество, притом в таких количествах, что стало ясно: в ход пойдет каждый кристаллик, который мы сумеем прибрать к рукам. Мистер Уэллс и сам обратил внимание, что запасы таинственного вещества тают немилосердно быстро, и даже поделился с нами своими опасениями на сей счет, но это, естественно, не снизило темпа работ.

Зная наперед, что строим машину для самих себя, мы оставили достаточно свободного места, чтобы

рассесться с комфортом, и я устал чуть не полови-
ну сетки диванными подушками.

Пока мы не покладая рук трудились в лаборато-
рии, марсиане тоже не дремали. Наши надежды на
то, что армия справится с нашествием с помощью
подтянутых к столице резервов, явно не оправдались:
когда бы мы ни замечали внизу, в долине, треножник
или многоногий экипаж, те расхаживали безбоязнен-
но и даже, пожалуй, вызывающе. Марсиане успешно
укреплялись на захваченных позициях. Мы видели
собственными глазами, как они перетаскивают обо-
рудование из посадочных ям, разбросанных по Сур-
рею, в Лондон, а несколько раз нам довелось наблю-
дать, как они перегоняют или перевозят в своих эки-
пажах пленных людей. Началось порабощение Зем-
ли, и наши страхи за судьбу родной планеты, судя по
всему, претворялись в явь.

Между тем багровая трава все разрасталась. До-
лина Темзы превратилась в пространство цвета запек-
шейся крови, а на склоне Ричмондского холма едва
ли осталось хоть одно неувядшее дерево. Побегу крас-
ных растений начали вторгаться на лужайку возле
самого нашего дома, и я счел своим каждодневным
долгом выпалывать их с корнем. Мало-помалу грани-
ца между газоном и хищной порослью стала напоми-
нать глинистую скользкую хлябь.

5

— Ну вот, я сделал все, что мог, — заявил мистер
Уэллс, стоя перед хитроумной штуковиной, которая
совсем недавно называлась простой кроватью. — На-
до бы еще побольше кристаллов, но я израсходовал
все до последнего.

Ни в заметках, ни в чертежах сэра Уильяма не
содержалось и намек на состав кристаллов. Поэтому
мистер Уэллс, лишенный возможности изготовить

новые, поневоле ограничился теми, что остались после изобретателя. Мы опустошили лабораторию, разобрали по винтику велосипеда, по сию пору стоявшие в беседке, но хрусталевидного вещества, по словам мистера Уэллса, все равно оказалось чуть не вдвое меньше необходимого. А ведь от мощности, развиваемой кристаллами, зависела скорость машины.

— Настал критический момент,— продолжал мистер Уэллс.— Сейчас машина представляет собой всего-навсего путаницу электропроводки и груды металла. Но, будучи однажды приведена в действие, она уже ни при каких обстоятельствах не должна прерывать связи с четвертым измерением. Поэтому пришлось встроить сюда временной маховик сэра Уильяма, вернее, эквивалент его маховика. Как только я пущу машину в ход, этот маховик должен будет вращаться безостановочно, иначе мы с вами останемся без машины.

Он показал на довольно неказистое устройство — сорванное взрывом колесо от орудийного лафета; незадолго до того мы сами помогали мистеру Уэллсу прикрепить это колесо в горизонтальном положении к одной из спинок кровати. Из кармана сюртука философ вынул записную книжечку в кожаном переплете и сверился с перечнем рукописных инструкций, каковой сам же и составил. Потом он передал книжечку Амелии, чтобы та зачитывала пункты инструкции один за другим, а он тем временем придирчиво осматривал различные детали своей машины; наконец мистер Уэллс объявил, что всем доволен.

— Остается одно — верить ей себя,— произнес он вполголоса, пряча записную книжечку в карман.

И с самым будничным видом протянул к металлическому остову кровати толстую проволоку, зацепил ее за шпепек, а потом привернул гайкой. Не успел он отпустить руку, как орудийное колесо пришло

в движение и стало тихо поворачиваться вокруг своей оси. Мы даже попятились, не смея и надеяться на то, что наш труд увенчался успехом.

— Будьте так любезны, Тернбулл, дотроньтесь до рамы.

— Меня не ударит током? — спросил я, недоумевая, отчего бы мистеру Уэллсу не дотронуться до рамы самому.

— Не думаю. Во всяком случае, бояться нечего.

Я осторожно протянул руку к кровати, но перехватил взгляд Амелии и, приметив ее затаенную улыбку, решительно сжал пальцами железную стойку. И тут произошло неожиданное: едва я дотронулся до железа, как вся конструкция осязаемо содрогнулась, точь-в-точь как машина времени сэра Уильяма. Металл стал гибким как молоденькое деревцо.

Амелия подала мне руку, мистер Уэллс — тоже, и мы дружно расхохотались.

— Вы своего добились, мистер Уэллс! — воскликнул я. — Машина пространства создана!

— Да, но еще не испытана. Предстоит выяснить, послушна ли она в управлении.

— Тогда не будем медлить!

6

Мистер Уэллс забрался в машину и, удобно устроившись на подушках, взялся за рычаги. Передвинув их в определенном порядке, он умудрился стронуть машину с места — сперва вперед, потом назад и наконец вправо и влево. Затем он провел неуклюжее сооружение по всей лаборатории.

Но ничего этого мы с Амелией не видели. Пришлось поверить мистеру Уэллсу на слово, ибо, едва он коснулся рычагов, машина стала невидимой и он вместе с пею, и появились они перед нами снова лишь после того, как машина была отключена.

— Вы не слышали меня, когда я к вам обращался? — спросил мистер Уэллс, завершив полный круг по лаборатории.

— Не слышали и не видели, — ответила Амелия. — А вы к нам обращались?

— Разок-другой, — с улыбкой сказал мистер Уэллс. — Между прочим, Тернбулл, у вас не болит нога?

— Нога, сэр?

— К сожалению, во время рейса я ее ненароком задел. Я вас предостерегал, но вы так и не посторонились.

Я пошевелил пальцами в сапогах, которые позаимствовал в гардеробной сэра Уильяма, но никаких неприятных ощущений не испытал.

— Присоединяйтесь ко мне, Тернбулл, дальнейшие испытания проведем вместе. Мисс Фицгibbon, попрошу вас подняться на второй этаж. А мы попытаемся проследовать за вами в машине. Вас не затруднит подождать в той комнате, которую я занимаю?..

Амелия согласно кивнула и вышла из лаборатории. Вскоре мы услышали, как она поднимается по лестнице.

— Прошу на борт, мистер Тернбулл. Посмотрим, на что способна эта машина!

Не успел я опуститься на подушки рядом с мистером Уэллсом, как тот коснулся одного из рычагов, и мы тронулись в путь. Вокруг нас сомкнулась внезапная тишина, прекратился даже неумолчный шорох красных зарослей.

— А сейчас проверим, умеет ли она летать, — предложил мистер Уэллс.

В тиши четвертого измерения голос философа звучал глухо и монотонно. Он потянул на себя другой рычаг — и мы тут же плавно взмыли к потолку.

Я невольно прикрыл голову руками, пытаюсь защититься от, казалось бы, неизбежного удара... но, достигнув деревянных переплетов и иззубренных осколков стекла на крыше, мы проскочили сквозь них, словно их и не существовало. На какой-то миг меня охватило довольно жуткое чувство — вне дома оказалась лишь моя голова! — однако затем машина пространства вынесла меня в воздух целиком, и мы как бы воспарили над лабораторной пристройкой, смахивающей на оранжерею. Мистер Уэллс нажал на третий рычаг, и тогда мы с непостижимой легкостью и быстротой пронеслись сквозь кирпичную стену верхнего этажа в центральную часть здания. Еще мгновение — и мы повисли над лестничной площадкой. Удовлетворенно хмыкнув, мистер Уэллс направил машину к своей комнате и вломился туда прямо через запертую дверь.

Амелия поджидала нас, стоя у окна.

— Вот и мы! — крикнул я, как только увидел ее. — Оказывается, машина еще и летает!

На Амелию мой крик не произвел ни малейшего впечатления.

— Она же не слышит нас, — напомнил мне мистер Уэллс. — Ну что ж, остается удостовериться, сумею ли я совершить посадку на пол.

Мы зависли в каких-нибудь двух десятках дюймов над ковром, и мистер Уэллс занялся регулировкой механизма управления. Тем временем Амелия отошла от окна и с любопытством стала озираться по сторонам, явно догадываясь, что мы вот-вот появимся. Я развлекался тем, что сперва послал ей воздушный поцелуй, потом скорчил гримасу, но Амелия никак не отреагировала ни на то, ни на другое.

Внезапно мистер Уэллс выпустил рычаги из рук, и мы с грохотом вернулись в привычный мир. Амелия испуганно вздрогнула.

— Прибыли! — произнесла она. — А я-то ломаю себе голову, как вы сюда доберетесь.

— Позвольте отвезти вас вниз, — галантно предложил мистер Уэллс. — Залезайте сюда к нам, и мы с вами совершим круг почета по всему дому.

Последующие полчаса прошли в разнообразных экспериментах с машиной пространства, и мистер Уэллс все увереннее заставлял ее подчиняться своей воле. Вскоре он приноровился разворачивать машину на месте, круто поднимать вверх, останавливать на полном ходу, словно провел у ее рычагов всю жизнь. Поначалу мы с Амелией нервозно держались за раму, потому что машина, по нашему мнению, делала повороты с бесшабашной быстротой, но постепенно прониклись убеждением: невзирая на свой неказистый вид — суцая самоделка — машина работает столь же уверенно, как и ее давний прототип.

Лишь один раз покинули мы пределы дома, чтобы совершить прогулку по саду. Там мистер Уэллс попытался нарастить скорость до предела, но, к нашему разочарованию, выяснилось, что при всех своих очевидных достоинствах машина пространства не способна передвигаться быстрее бегущего человека.

— А все нехватка кристаллов, — пожаловался мистер Уэллс, проводя машину сквозь верхние ветви орехового дерева. — Будь их у нас вдоволь, скорость машины можно было бы повышать беспредельно.

— Это не так важно, — отозвалась Амелия. — Слишком высокая скорость нам здесь и не нужна. Главное наше преимущество — невидимость.

Я всматривался вниз, в пылающую багрянцем долину. Буйство красной травы служило мне беспрестанным напоминанием о том, какой неотложный характер имеет задуманное нами предприятие.

— Мистер Уэллс, — сказал я как мог спокойнее. — Теперь у нас есть машина пространства. Пришла пора обратить ее на всеобщее благо.

Глава XXIII

Мстители-невидимки

1

Мы посадили машину пространства, я загрузил ее гранатами. И тут мистер Уэллс встревожился: а хватит ли нам времени?

— Через два часа зайдет солнце,— сказал он.— Мне не хотелось бы вести машину в темноте.

— Но, сэр, что может с нами случиться в четвертом измерении?

— Ничего, однако рано или поздно нам придется вернуться домой и лишиться неуязвимости. На это можно пойти только при том условии, что поблизости нет ни одного чудовища. Представляете себе, каково нам будет, если, вернувшись сюда под покровом ночи, мы наткнемся на поджидающих нас марсиан!

— Мы живем здесь уже более двух недель,— возразил я,— и ни один марсианин пока что не удосужился даже мельком взглянуть в нашу сторону.

С этим мистер Уэллс вынужден был согласиться, но тут же продолжил свою мысль:

— Никким образом, Терпбулл, нельзя упускать из виду, какое огромное значение имеет стоящая перед нами задача. Протомившись столько времени в Ричмонде, в четырех стенах, мы не представляем себе истинных масштабов власти марсиан. Не вызывает сомнения, что они захватили все земли окрест. Более чем вероятно — стали властителями всей страны, а возможно, и всего мира. Если мы не заблуждаемся

и в нашем распоряжении оказалось действительно единственное оружие, против которого они бессильны,— мы просто не вправе лишаться такого преимущества, идя на ненужный риск. Слишком велика ответственность, возложенная на наши плечи!

— Мистер Уэллс прав, Эдуард,— вмешалась Амелия.— Жаль, что отмщение марсианам откладывается на завтра, но лучше поздно, чем никогда.

— Согласен, — сказал я, — но одну-то вылазку мы успеем предпринять и сегодня! Мы же пока не знаем самого главного: реальна ли наша затея.

Итак, мы, с трудом сдерживая возбуждение, вновь забрались в машину пространства, и мистер Уэллс вывел ее за пределы дома, поднял над омерзительными карминовыми джунглями и повел вдоль Темзы. Едва мы пустились в путь, как я воздал должное прозорливости нашего друга-философа. Марсиан придется выискивать наугад: мы ведь и понятия не имеем, где скрываются теперь эти кровожадные существа. Можно потратить целый день, высматривая хотя бы одинокий треножник, но из-за необъятности района поисков так и остаться ни с чем.

В течение получаса, не меньше, мы описывали круги над рекой, смотрели то в одну, то в другую сторону, пытались уловить хоть какой-нибудь намек на пришельцев — все без толку. В конце концов Амелия предложила план действий, которому нельзя было отказать в логичности и простоте. Пусть мы не осведомлены о передвижениях марсиан, но мы по крайней мере знаем, в каких местах упали их снаряды; более того, нам известно, что воронки, образовавшиеся при падении этих снарядов, служат чудовищам чем-то вроде штаб-квартир. Так не разумно ли, если мы жаждем встречи с марсианами, в первую очередь осмотреть воронки?

Мистер Уэллс согласился с таким предложением,

и мы взяли курс на ближайшую из ям. Ближайшей к нам оказалась яма в Буши-парке, где приземлился четвертый снаряд. При мысли о том, что мы наконец-то на верном пути, у меня от волнения гулко забилося сердце.

Долина Темзы являла собой ужасающее зрелище: инопланетная растительность заполонила каждую маломальскую возвышенность, не исключая крыши домов. С высоты нашего полета долина напоминала бескрайнее красное поле: местами хищная поросль колыхалась, местами полегла, словно под проливным дождем. Кое-где ей удалось даже изменить течение реки; в низинах образовались озерца стоячей воды.

Яма находилась в северо-восточном углу Буши-парка, но найти ее оказалось нелегко, ибо над нею, как и повсюду, буйно переплелись багровые стебли. Но вскоре мы заметили разверстый, зияющий, как пещера, торец снаряда, и мистер Уэллс, снизив машину пространства, сумел зависнуть в нескольких футах над ним. Внутри снаряда царила крошечная тьма, ни самих чудовищ, ни их машин не было и в помине.

Мы уже собирались в дальнейший путь, как вдруг Амелия показала в глубь кормового отсека:

— Смотри, Эдуард! Там кто-то есть!..

Признаться, я немного испугался, но все же взглянул в нужном направлении и, действительно, различил в глубине отсека человеческую фигуру. На мгновение мне померещилось, что это один из несчастных, захваченных марсианами в плен, — но нет, труп принадлежал высоченному мужчине более шести футов ростом, одетому в черную форменную тунику. Красноватая кожа покрылась пятнами, обращенное к нам некрасивое лицо было искажено судорогой.

Мы в молчании воззрились на мертвого марсианского пилота. Пожалуй, эта встреча с одним из на-

ших бывших союзников поразила нас гораздо сильнее, чем если бы мы столкнулись с самым зловбным чудовищем. Пришлось разъяснить мистеру Уэллсу, что перед нами — представитель той привилегированной группы марсиан, которых выучили управлять снарядами, и наш друг посмотрел на мертвеца с большим интересом.

— Вероятно, земное притяжение оказалось непомерной нагрузкой для его сердца, — предположил мистер Уэллс.

— Не помешало же оно замыслам чудовищ! — заметила Амелия.

— Эта нечисть лишена сердца, — ответил ей мистер Уэллс.

Надо полагать, его слова следовало понимать фигурально.

Припомнив, что шестой снаряд приземлился вблизи Уимблдона, мы повернули машину пространства прочь от обладателя черной туники и устремились на восток. От Буши-парка до Уимблдона около пяти миль, а потому при максимальной скорости наш полет продолжался без малого час. Этот час не доставил нам удовольствия, напротив, вид с высоты доказал, что красная поросль заползла даже на лужайки Ричмонд-парка.

Мистер Уэллс то и дело оглядывался через плечо на заходящее солнце: очевидно, его по-прежнему очень тревожило, что наша экспедиция началась незадолго до сумерек. Я со своей стороны твердо решил, что, если марсиане покинули и воронку в Уимблдоне, буду настаивать на безотлагательном возвращении в дом сэра Рейнольдса. При всем том я радовался, что мы наконец-то предпринимаем активные действия; эта мысль будоражила меня, и мне было бы жаль, если бы нам не удалось сегодня же расправиться хоть с одним из лютых врагов.

И вот нам выпала удача. Внезапно вскрикнув, Амелия показала рукой на юг. Там, откуда-то со стороны Молдена, медленно и размеренно шагала боевая машина.

В этот момент наш полет проходил примерно в ста футах от Земли — на высоте платформы, — и мы инстинктивно испугались, что укрывшийся внутри марсианин заметил нас: уж очень целенаправленно треножник вышагивал нам наперерез. Произнеся две три успокоительные фразы, мистер Уэллс поднял машину пространства повыше, на уровень, который обеспечивал бы нам преимущество.

Трясущимися руками я выхватил из ящика гранату.

— Тебе когда-нибудь приходилось метать гранаты? — спросила Амелия.

— Нет, — признался я, — но я знаю, что делать.

— Пожалуйста, будь осторожен.

Мы находились сейчас менее чем в полумиле от колосса и сближались с ним под острым углом.

— Как прикажете вести машину? — осведомился мистер Уэллс, сосредоточенно склонившись над рычагами.

— Чуть повыше платформы. Подойдем сбоку, мне не хотелось бы сталкиваться с ним лоб в лоб.

— Так ведь чудовищу нас не видно, — напомнила Амелия.

— Да, конечно, — сказал я, и перед глазами у меня возник отвратительный облик монстра. — Зато нам его будет видно слишком хорошо.

По мере приближения к треножнику меня вновь охватила нервная дрожь. При одной лишь мысли о сероватой округлой туше, возлежащей внутри металлической громады, во мне заново вспыхнули пережитые на Марсе страх и ярость, и пришлось сделать усилие, чтобы взять себя в руки.

— Вы сумеете удерживать машину на постоянной скорости над платформой? — спросил я у мистера Уэллса.

— Сделаю все от меня зависящее, Тернбулл.

Обещание звучало сдержанно, зато с какой легкостью мистер Уэллс подвел неуклюжую конструкцию к точке, находящейся почти над самым центром платформы! Я перегнулся через «борт» машины пространства — Амелия придерживала меня за левую руку — и окинул пристальным взглядом многочисленные проемы и отдушины колпака. Иные из них достигали изрядной ширины и позволяли увидеть лоснящуюся тушу чудовища; если угодить гранатой в такой проем, то результат, пожалуй, будет вполне удовлетворительным. По зрелом размышлении я выбрал для своей цели амбразуру, откуда выдвигается тепловое орудие, рассудив, что где-нибудь неподалеку прячется и сердце установки — таинственная печь, вырабатывающая тепло. Стоит лишь задеть ее хотя бы осколком — и то, чего не доделала граната, довершит вырвавшаяся на волю фантастическая энергия.

— Цель выбрана, — доложил я мистеру Уэллсу. — В момент броска я вам крикну, а вы немедленно отведете машину как можно дальше.

Мистер Уэллс подтвердил, что задача ему понятна; тогда я на миг выпрямился и выдернул чеку из детонатора. Амелия опять придерживала меня за руку, я свесился вниз и занес гранату над платформой.

— Вы готовы, мистер Уэллс? — спросил я. — Давайте!..

Я выпустил гранату из пальцев — и в то же мгновение мистер Уэллс стал отводить машину пространства по крутой дуге вверх от треножника. Я чуть не свихнул шею, оглядываясь назад в нетерпении узнать, чем кончилась моя атака.

Прошло секунд пять — и на земле, даже не под треножником, а позади него, раздался взрыв.

Я не мог поверить своим глазам. Выходит, граната пролетела сквозь толщу металлической платформы и разорвалась на поверхности земли, не причинив марсианину ни малейшего вреда.

— Это еще что такое?!

— Мой дорогой, — откликнулась Амелия, — а не кажется ли тебе, что граната не успела выйти из четвертого измерения?

Внизу, под нами, шагал своей дорогой марсианин, так и не узнавший, какой смертельной опасности он только что избежал.

2

Когда мы тихо и мирно вернулись домой, я буквально сгорал от стыда и разочарования. Солнце давно зашло, над преобразившейся долиной сгустился долгий жаркий вечер. Амелия и мистер Уэллс разошлись по своим комнатам переодеваться к ужину, я же мерял шагами лабораторию, внушая себе одно: так или иначе, а отмщения марсианам не миновать.

На протяжении всего ужина я хранил молчание. Заметив мое мрачное настроение, Амелия с мистером Уэллсом перекинулись несколькими фразами о том, какой послушной показала себя машина пространства в полете, но при этом старательно избегали даже намек на бесплодность нашей первой попытки.

После ужина Амелия сказала, что пойдет на кухню испечь на завтра хлеб, мы же с мистером Уэллсом перебрались в курительную. Тщательно задернув шторы, сидя при свете одной-единственной свечи, мы толковали на нейтральные темы, покуда мистер Уэллс не счел уместным перейти к обсуждению нашей дальнейшей тактики.

— Тут возникает двойная трудность,— заявил он.— Совершенно ясно, что нельзя оставаться в четвертом измерении в момент, когда сбрасываешь гранату, иначе атака теряет всякий смысл. В то же время надо вернуться в четвертое измерение к моменту взрыва, иначе взрыв обрушится на нас самих.

— Но достаточно выключить машину пространства на самый короткий срок — и марсианин тут же заметит нас!

— Потому-то я и заговорил о трудностях. Ведь нам обоим случалось видеть, как мгновенно реагируют эти твари на любую угрозу.

— А если посадить машину прямо на крышу платформы?

Мистер Уэллс задумчиво покачал головой.

— Меня восхищает ваша изобретательность, Тернбулл, но эта затея, увы, неосуществима. Мне и так стоило немалых трудов держаться наравне с треножником. А посадка на движущийся предмет связана с непозволительным риском.

Мы оба понимали, что необходимо прийти к какому-то решению, притом как можно скорее. Битый час, если не дольше, перебирали мы всевозможные варианты, подходили к делу и так, и эдак, но ни до чего путного не додумались. Кончилось тем, что мы отправились в гостиную, где сидела Амелия, и изложили нашей верной спутнице суть проблемы.

— А я не вижу тут особых трудностей,— произнесла она, поразмыслив.— Гранат у нас хоть отбавляй, так что мы спокойно можем позволить себе два-три промаха. От нас требуется зависнуть над мишенью на высоте, пожалуй, чуть побольше сегодняшней. Потом мистер Уэллс отключит поле четвертого измерения, мы начнем падать, и тут Эдуард сможет запустить в марсианина гранатой. К моменту, когда она взорвется, мы успеем вернуться в четвертое изме-

рение, а тогда уже неважно, произойдет взрыв далеко или совсем рядом...

Я уставился на мистера Уэллса, потом перевел взгляд на Амелию: от подобного предложения просто волосы становились дыбом!

— Смертельно опасный план,— вымолвил я наконец.

— А мы привяжем себя к машине,— хладнокровно заявила Амелия.— Тогда уж наверняка не свалимся.

— И все-таки...

— У тебя есть какие-нибудь другие предложения? — перебила она.

3

Мы быстро покончили с приготовлениями и были готовы выступить в поход едва рассвело.

Должен признаться, я изрядно сомневался в успехе нашего грандиозного предприятия, да и мистер Уэллс, мне кажется, отчасти разделял мои опасения. По-видимому, одна лишь Амелия не ведала сомнений, напротив, она даже вызвалась метать гранаты. Надо ли говорить, что об этом я не пожелал и слышать, но факт остается фактом: в то утро из нас троих одна Амелия излучала оптимизм и веру в победу. Встала она раньше всех и наготовила впрок сандвичей, чтобы можно было не возвращаться к обеду, и вдобавок оборудовала машину пространства пристегжными поясами, которые смастерила из брючных ремней.

Мы уже собирались тронуться в путь, когда Амелия неожиданно вышла из лаборатории, предоставив нам с мистером Уэллсом недоуменно взирать друг на друга. Впрочем, она тут же вернулась с саквояжем в руке.

Я не без интереса взглянул на саквояж, но не

сразу признал в нем свою собственность. Амелия поставила саквояж на пол и расстегнула замок. Внутри, бережно завернутые в упаковочную бумагу, лежали три пары автомобильных очков — те самые, что я привез сюда в день, когда приехал по приглашению сэра Уильяма!

С едва приметной улыбкой Амелия протянула мне одну пару. Мистер Уэллс тоже не заставил себя просить.

— Превосходная мысль, мисс Фицгиббон, — произнес он. — В полете следует защитить глаза от ветра и пыли.

Я помог Амелии экипироваться, проследив, чтобы застежка не запуталась в волосах, как когда-то. Амелия залихватски вздернула очки на лоб.

— Ну вот, сегодня мы оснащены для прогулки по-лучше, — сказала она и направилась к машине про-странства.

Я последовал за Амелией, держа очки в руке и стараясь не предаваться воспоминаниям.

4

В тот день рейс удался на славу. Не провели мы над Темзой и нескольких минут, как Амелия в волнении указала на запад. Там, по улицам Твикенхэма, не торопясь вышагивала марсианская боевая машина. Свесив металлические щупальца, она переходила от дома к дому и, очевидно, выискивала уцелевших жителей. Если судить по пустой сети, притороченной позади платформы, «улов» у марсианина был небогатый. Представлялось просто невероятным, чтобы в этих городах, разоренных дотла, уцелела хоть одна живая душа. С другой стороны, мы-то сами в добром здравии, и точно так же, вполне возможно,

какая-то горстка людей цепляется за жизнь, прячась по подвалам и погребам...

Соблюдая всемерную осторожность, мы сделали несколько кругов над зловредной машиной; нами вновь овладело то же самое чувство беспокойства, что и накануне.

— Пожалуйста, поднимите машину повыше, — обратилась Амелия к мистеру Уэллсу. — Надо выбрать самый выгодный курс сближения.

Я извлек из ящика очередную гранату и держал ее наготове. Треножник остановился у какого-то дома и полез одним из длинных членистых щупалец в окно на верхнем этаже.

Мистер Уэллс затормозил машину пространства футах в пятидесяти над платформой. Амелия надвинула очки на глаза и посоветовала нам сделать то же. Мы послушались. Марсианин по-прежнему не шевелился, лишь слегка подрагивали щупальца.

— Все готово, сэр, — сказал я и выдернул чеку.

— Хорошо, — отозвался мистер Уэллс. — Отключаю поле... Огоны!

Не успел он договорить, как мы испытали неприятное ощущение, будто рама под нами опрокинулась, а желудок вывернулся паизнанку. В ушах зашвистел воздух — под действием силы тяжести мы пикировали на треножник. И тут я — была не была — метнул в марсианина гранатой.

— Отбombsились! — прокричал я, и в то же мгновение нас тряхнуло снова, и падение прекратилось.

Мистер Уэллс поколдовал над рычагами — и мы взмыли вверх, одновременно погружаясь в сверхъестественную тишину. Обернувшись и затаив дыхание, мы ждали взрыва — и дождались. Гранату я бросил метко: на крыше платформы в безмолвии расцвел пышный огненный цветок.

Чудовище, хоть и было застигнуто врасплох, от-

реагировало на нападение с поразительной резвостью. Башня отшатнулась от окна, и из педер платформы в мгновение ока вынырнул ствол теплового орудия. Колпак над платформой описал полный круг — чудовище искало своего обидчика. Когда рассеялась окутавшая крышу в момент взрыва мгlistая пелена, мы увидели рваную дыру. Вероятно, взрывом повредило и находящийся внутри двигатель: боевая машина утратила былую плавность и быстроту хода, откуда-то повалил плотный зеленый дым.

Вспыхнул и беспорядочно заметался из стороны в сторону тепловой луч. Треножник сделал три шага вперед, помедлил и качнулся, словно пьяный. Луч скользнул по близлежащим домам, отчего они сразу же превратились в горящие факелы.

И тут вражескую машину вдруг заволочло вихрем ослепительно-зеленого пламени, и она взорвалась. По-видимому, граната все же задела сердце тепловой установки.

В тишине и безопасности четвертого измерения мы восприняли гибель марсианина как событие беззвучное и загадочное. От машины, только что сеявшей смерть и разрушение, во все стороны брызнули осколки, одна из ног-опор оторвалась и, кувыряясь, отлетела прочь, а сама платформа рассыпалась сотнями кусков по крышам Твикенхэма. И, да не покажется это странным, подобное зрелище меня ничуть не окрылило. То же могу с уверенностью сказать и о своих спутниках: Амелия спокойно созерцала искореженный металл, минуту назад бывший орудием войны, а мистер Уэллс ограничился словами:

— Вижу новую цель.

Еще одна боевая машина размашисто шагала на юг, по направлению к Моулси. Мистер Уэллс переключил рычаги, и мы понеслись навстречу следующей мишени.

К полудню на нашем боевом счету было в общей сложности четыре марсианина: трое в треножниках и один в кабине многоногого экипажа. Четырежды мы проводили атаку без опасности для себя, застигая намеченное к уничтожению чудовище врасплох. И все же наши подвиги не прошли незамеченными: многоногий экипаж мы обнаружили в ту минуту, когда он мчался к треножнику, взорванному в Твикенхэме. Отсюда мы сделали вывод, что между марсианами, по-видимому, налажена хитроумная система сигнализации (мистер Уэллс предположил, что это телепатическая связь, но мы с Амелией, насмотревшись на достижения марсианской науки, допускали возможность использования какого-то технического устройства). Во всяком случае, после наших вылазок марсиане порядком засуетились. Летая взад-вперед над долиной, мы заметили, что к нам со стороны Лондона приближается сразу несколько треножников, и поняли, что в этот день не испытаем недостатка в мишенях.

Однако после того, как мы разделались с четвертым марсианином, Амелия предложила передохнуть и отведать прихваченных с собой сандвичей.

В тот момент мы все еще парили над боевой машиной, которую перед тем атаковали. Атака эта была во многом не похожа на предыдущие. Марсианина мы обнаружили стоящим в одиночестве на опушке Гичмонд-парка лицом к юго-западу. Три опоры треножника были плотно сдвинуты, грозные щупальца свиты клубком, и мы сперва заподозрили, что в машине никого нет. Но когда подлетели поближе и снизились до уровня многогранных бойниц-иллюминаторов, то на мгновение увидели огромные глаза-тарелки, устремленные на Кингстон.

Мы действовали без излишней поспешности — я уже поднакопил опыт и сумел поразить цель с отменной точностью. Граната взорвалась прямо в кабине, где находилось чудовище; взрывом выворотило часть металлической обшивки и, надо думать, прикончило марсианина на месте, но генератор тепла, по всей вероятности, не пострадал. Башня слегка накрепилась набок, изнутри повалил легкий дымок, но утверждать, что она вышла из строя, я бы не решился.

Мистер Уэллс отвел машину пространства на почтительное расстояние от тренажника и остановил почти над самой землей. Отключать поле мы по единому согласию не стали: зеленый дымок все-таки внушал опасения, что генератор рано или поздно взорвется. Именно тут, если можно так выразиться, под сенью подбитого колосса, мы и устроили свой пикник, пожалуй, один из самых экстравагантных, которые когда-либо затевались на холмистой территории Ричмонд-парка.

Подкрепившись, мы собрались было в дальнейший путь, когда мистер Уэллс обратил внимание, что на горизонте появился еще один марсианский тренажник. Вновь прибывший торопливо шагал прямо на нас, явно намереваясь расследовать увечье, причиненное его собрату.

Нам, собственно, ничто не грозило, но с общего согласия мы поднялись в воздух, чтобы в любой момент быть готовыми нанести пришельцу неожиданный удар. Наша вера в себя окрепла: имея за плечами четыре победы, мы убедились в безотказности своей методики. Однако, поднявшись над деревьями и внимательно оглядев приближающийся тренажник, мы не могли не заметить, что тепловое орудие изготовлено к бою, а щупальца развернуты навстречу неведомому противнику. Очевидно, управляющее тре-

ножником чудовище знало о том, что некто или нечто успешно нападает на других марсиан, и было преисполнено решимости постоять за себя.

Зависнув на безопасном расстоянии, мы наблюдали, как треножник вплотную приблизился к пострадавшему и принялся осматривать пробоины.

— Попробуем разгромить его, мистер Уэллс? — спросил я.

Наш пилот помолчал, наморщив лоб над очками.

— Эта тварь начеку, — ответил он наконец. — Очень велик риск случайно угодить под тепловой луч.

— Тогда поищем другую мишень, — не унимался я.

Тем не менее мы задержались еще минут на пять в надежде на то, что марсианин хоть ненадолго ослабит бдительность и мы успеем атаковать его. Казалось, чудовище всецело сосредоточено на изучении ущерба, причиненного собрату-треножнику, однако тепловое орудие не прекращало вращаться над «атфформой», а металлические щупальца — нервно сжиматься и разжиматься.

В конце концов мы неохотно заложили вираж и направились на запад. Но и в полете мы с Амелией то и дело оглядывались, чтобы посмотреть, что там подделывает настороженный марсианин. И только когда между нами легло не менее полумили, мы неожиданно убедились, что брошенная граната все-таки задела какие-то жизненно важные части генератора. Нас нагнал гигантской силы взрыв — и вторая боевая машина, стоявшая рядом с погибшей, пошатнулась, попятилась и безжизненной грудой металла рухнула на землю.

Вот так по милости фортуны мы уничтожили пятого за один день марсианина.

Изрядно подбодренные успехом, мы продолжили поиски, хоть теперь нашу браваду и умеряла осторожность. Как справедливо указал мистер Уэллс, нашей задачей было уничтожить не марсианские боевые машины, а чудовищ как таковых. Боевая машина проворна и как нельзя лучше вооружена, и пусть даже, подорвав ее, мы тем самым наверняка убиваем водителя, — не легче ли истреблять приземистые многоногие экипажи, где монстров сверху не защищает броня? Вот почему мы решили сосредоточить внимание на более мелких целях.

Тот день оказался днем непревзойденного успеха. Один лишь раз нам не удалось убить марсианина с первого же захода, и то потому, что я впопыхах забыл выдернуть чеку. Зато со второй попытки чудовище было казнено решительно и эффективно.

Вечером, когда мы наконец вознамерились вернуться в дом сэра Рейнольдса, на нашем боевом счету значилось не много не мало одиннадцать ненавистных тварей. Если наши догадки верны и с каждым снарядом на Землю прибыло пять чудовищ, значит, мы разделались более чем с пятой частью всей армады!

Мы отошли ко сну, преисполненные оптимизма, а наутро погрузили в машину пространства новый запас снарядов и опять ринулись в бой.

К своему немалому удивлению, мы обнаружили, что марсиане извлекли из наших вчерашних действий определенный урок. Теперь многоногие экипажи передвигались не иначе как в сопровождении трепожника. Но мы уже настолько уверовали в свой боевой опыт и собственную неуязвимость, что решили: пусть так, у нас отныне в каждой атаке появятся две цели вместо одной! Мы не только не отказались от напа-

дения, но, напротив, подготовили его с величайшей тщательностью, устремились с высоты в пике, как сокол на дичь, и были вознаграждены тем, что боевая машина разлетелась вдребезги. А уж догнать и уничтожить многоногий наземный экипаж было проще простого.

Несколько позже мы точно таким же образом разделались еще с двумя марсианами, но на том наши достижения и кончились. (Один экипаж мы пропустили безнаказанно, поскольку он вез десятка два, если не больше, пленников). Четыре — цифра не столь внушительная, как одиннадцать, но мы все равно считали, что поработали не даром, а потому и на этот раз легли спать в приподнятом настроении.

Третий день охоты выдался неудачным — нам не встретился ни один марсианин. Мы расширили район поисков до обугленной вересковой пустоши под Уокингом, но тщетно: ни в яме, ни в снаряде не осталось ни марсиан, ни привезенных ими технических приспособлений. К тому же мистер Уэллс заметно загрустил при виде разоренного городка, и это напомнило нам о том, как внезапно пришлось ему разлучиться с женой.

— Если угодно, сэр, слетаем в Лезерхэд, — предложил я.

Мистер Уэллс энергично замотал головой.

— С удовольствием дал бы себе такую поблажку, но наш удел — заниматься марсианами. С моей женой ничего не случится. Пришельцы, по-видимому, двинулись отсюда в другую сторону, на северо-восток. Будет еще время для нежной встречи.

Меня восхитила его самоотверженность, но позднее, вечером, Амелия шепнула мне, что заметила слезу, скатившуюся у мистера Уэллса по щеке. Наверное, решила она, мистер Уэллс в глубине души счи-

тает жену погибшей, но пока еще не готов признаться себе в утрате.

То ли по этой причине, то ли просто из-за неудачи все мы были в тот вечер не в духе и спать улеглись рано.

Следующий день закончился гораздо успешнее — нам попались два марсианина. Но, удивительное дело: обе боевые машины стояли подобно той, что мы уничтожили под Кингстоном, недвижимо и поодиночке, плотно сдвинув все три ноги. Не было даже попыток самозащиты; одно чудовище тупо нацелило тепловое орудие в небеса, другое не выдвинуло его вовсе. Разумеется, при пикировании мы соблюдали всяческие меры предосторожности, но все согласились, что эти победы дались нам с подозрительной легкостью.

А еще через день марсиане и вовсе исчезли из виду, и к вечеру мистер Уэллс вынес решение.

— Пора наконец перенести наше внимание на Лондон, — объявил он. — До сих пор мы подстерегали солдат, случайно отставших от основного строя. Теперь надлежит встретиться лицом к лицу с главными силами врага и сразиться с ними не на жизнь, а на смерть.

Поистине слова, достойные мужчины, хоть их и отличал существенный недостаток: в них не прозвучало даже намек на подозрение, которое, как впоследствии выяснилось, за последние три дня запало в душу каждому из нас.

Глава XXIV

О науке и совести

Наутро после вердикта мистера Уэллса мы погрузили на борт машины пространства все оставшиеся гранаты и с умеренной скоростью двинулись на Лондон. Надо ли говорить, что мы беспрестанно оглядывались по сторонам: не покажутся ли на горизонте боевые машины, — но таковых не было и в помине.

Сперва мы пролетели над улицами Ричмонда. Повсюду лежал темный осадок — все, что осталось от черного дыма, удушившего город. Лишь у самой реки, где красные заросли вздыбились высоченными горами, не было этого вездесущего, смахивающего на копоть порошка. К северу от Ричмонда раскинулись сады Кью; украшающая их пагода уцелела, однако бесценные плантации тропических растений почти без остатка были загублены красной травой.

Отсюда мы пошли на Лондон кратчайшим путем, через Мортлейк. Здесь, по соседству со знаменитой пивоварней, среди современных вилл приземлился один из марсианских снарядов и, зарываясь в землю с огромной силой, причинил постройкам неисчислимый ущерб. Я обратил внимание, что мистер Уэллс в задумчивости разглядывает эту картину, и предложил подлететь поближе. Тогда наш пилот мягко опустил машину пространства к земле, и мы провели несколько минут среди разрухи и запустения.

В центре ямы, разумеется, находилась пустая обо-

лочка снаряда. Гораздо больший интерес представляли для нас улики, свидетельствующие, что по крайней мере в течение некоторого времени яма служила для марсиан своего рода опорной базой. Боевых треножников нигде не было видно, хотя рядом с зияющим кормовым люком снаряда стояли два многоногих наземных экипажа, а неподалеку распласталась одна из паукообразных ремонтных машин. Ее бесчисленные металлические щупальца были свернуты, а сверкающий глянec полированных поверхностей начал покрываться ржавчиной.

Картина выглядела поразительно мирной, и я предложил приземлиться и продолжить разведку пешим ходом, но Амелия и мистер Уэллс сочли это небезопасным. Вместо этого мы медленно пролетели над ямой, храня удивленное молчание. В самом деле, тут было чему удивиться: выброшенную при падении снаряда землю марсиане уложили в высокие валы-редуты, а дно воронки выровняли, наверное, чтобы облегчить передвижение механизмов. С одной стороны ямы был сооружен пандус для многоногих экипажей.

Неожиданно Амелия прижала ладонь ко рту и выдохнула:

— Ох, Эдуард...

Она отвернулась — но теперь и я различил то же, что испугало ее. Миниатюрный в сравнении с нависающей над ним громадой снаряда, в тени пристроился шкаф-убийца. А кругом — кто полузасыпанный землей, кто прямо на дне воронки — лежали мертвые люди. Едва мистер Уэллс увидел эту душераздирающую сцену, как без лишних слов увел машину пространства прочь от этого ада. Однако мы успели понять, что в тени снаряда покоится сотня трупов, если не больше.

Оглетев от ямы на восток, мы почти сразу же очу-

гились над серыми убогими кварталами Уондсворта. Тут мистер Уэллс вновь умерил скорость и постепенно остановил машину в воздухе.

— Мне даже не снилось, что истребление человечества ведется с таким размахом, — сказал он, покачивая головой.

— Мы позволили себе забыть о том, — заметил я, — что каждое чудовище ежедневно требует человеческой крови. Чем дольше мы разрешим марсианам оставаться в живых, тем дольше будет продолжаться эта страшная бойня.

Амелия безмолвно стиснула мою руку.

— Медлить нельзя, — решительно сказал мистер Уэллс. — Надо продолжать уничтожать их до тех пор, пока не прикончим всех до последнего.

— Но где же марсиане? — удивился я. — Мне думалось, Лондон ими кишмя кишит.

Мы осмотрелись — в который раз, — но единственной приметой, напоминающей о пришельцах, были одиночные столбы дыма там, где до сих пор горели дома.

— Ничего, отыщем, — сказал мистер Уэллс, — сколько бы времени это ни отняло.

— А если их уже нет в Лондоне? — спросила Амелия. — Как знать, не считают ли они свою миссию здесь завершённой? Что, если в данную минуту они разрушают Берлин или Париж?

Ни я, ни мистер Уэллс не могли ей ничего ответить.

— Нам остается одно, — заявил я, — выискивать их и умерщвлять. Если они покинули Лондон, отправимся за ними в погоню. Другого выхода у нас нет.

Мистер Уэллс, не скрывая раздражения, смотрел вниз, на улицы Уондсворта; этот самый безобразный из пригородов Лондона марсиане по какому-то необъяснимому капризу обошли стороной, хотя здесь, как

и повсюду, было безлюдно. Потом наш пилот решительно переключил рычаги и взял курс на центр столицы.

2

Из всех переброшенных через Темзу мостов Вестминстерский менее других зарос красной травой, и мистер Уэллс совершил посадку в самой середине его проезжей части. Теперь для того, чтобы приблизиться к нам, любому марсианину пришлось бы перейти реку, а следовательно, мы могли заметить врага заблаговременно, включить машину пространства и скрыться.

Перед тем мы целый час летали над южными окраинами Лондона. Никакими словами не передать ужасного запустения, которому мы стали свидетелями. То, что пощадил тепловые лучи, удушил черный дым, а там, куда не добрались ни огонь, ни дым, расплзлась хищная красная поросль, подминающая под себя решительно все.

На всем пути мы не встретили ни души, если не считать голодного изувеченного пса, который ковылял на трех лапах по улицам Лэмбета. Темза была забита мусором, там и сям виднелись опрокинутые лодчонки. Ниже Лондонского моста по прихоти прилива застряло на плаву до десятка трупов — они белели у входа в Суррейские доки, покачиваясь на волне.

Далее, до самого Вестминстерского моста, мы летели по известным ориентирам. Лондонский Тауэр марсиане не тронули, но его зеленые газоны превратились в карминовые джунгли. Изящные линии Тауэрского моста, который почему-то остался разведенным, также были оплетены прядями инопланетной травы. Купол собора Святого Павла возносился,

невредимый, над более низкими постройками Сити. Увы, нас ждал удар: миновав собор, мы увидели в западной его стене огромнейшую дыру.

И вот наконец, изрядно подавленные пережитым, мы приземлились на Вестминстерском мосту. Мистер Уэллс выключил поле четвертого измерения, и мы вновь вдохнули воздух Лондона, услышали его шумы и запахи.

Запахов было не перечить: непривычный и неприятный запах осадка, выпавшего после черного дыма, горьковатый металлический — красной поросли, тошнотворно-сладковатый — гниющей плоти, прохладное солоноватое дуновение реки, тяжелый дух от расплавленного летним солнцем гудрона.

А вот что касается шумов...

Над Лондоном висела тягостная тишина. Под мостом чуть слышно плескалась вода, порой к нам доносился треск и шорох красных побегов, в изобилии растущих вдоль парапета. Но ни цокота копыт, ни скрипа колес, ни криков, ни возгласов, ни стука шагов.

Прямо перед нами высился Вестминстерский дворец, увенчанный башней Большого Бена и неповрежденный. Стрелки часов замерли на семнадцати минутах третьего.

Мы сдвинули автомобильные очки на лоб и вышли из машины пространства. Амелия и я остановились у перил, глядя на Темзу выше моста. Мистер Уэллс отошел немного подальше и стал глубокомысленно созерцать поросль, заполонившую набережную королевы Виктории. Во время нашего путешествия по объятому смертью городу мистер Уэллс хранил задумчивое молчание, да и теперь, пока он одиноко стоял, всматриваясь в ленивое течение реки, плечи у него ссутулились, а лицо было исполнено печали.

Амелия взяла меня за руку и на мгновение прильнула к моему плечу.

— Эдуард, какой ужас!..

Я угрюмо пытался уловить вокруг хоть какой-нибудь ободряющий штрих, хоть какой-нибудь намек на жизнь, но повсюду царили опустошение и тишина. Никогда прежде не доводилось мне видеть над Лондоном столь ясное, непрокопченное небо; но можно ли считать это достаточным утешением, когда в руины повергнута одна из величайших столиц мира?

— Скоро то же самое будет повсюду,— тихо произнесла Амелия.— Мы полагали, что сумеем одолеть марсиан. Мы заблуждались, хоть и умертвили жалкую горстку. Труднее всего смириться с мыслью, что все это — дело наших рук. Это мы с тобой, Эдуард, навлекли на мир такую беду.

— Нет,— отозвался я без промедления.— Нам не в чем себя упрекнуть.

Я ощутил, как напряглась в ней каждая жилка.

— Мы не вправе сложить с себя вину.

— Послушай,— сказал я,— марсиане начали бы вторжение на Землю независимо от того, приняли бы мы с тобой участие в нем или нет. Мы видели, с каким размахом они задумывали свое нашествие. Утешайся тем, что до Земли долетели только десять снарядов. Затеянное тобой восстание помешало чудовищам полностью претворить свои замыслы в жизнь. То, что мы наблюдаем вокруг, ужасно, но, пойми, могло быть еще хуже.

— Наверное, ты прав.

Однако, помолчав некоторое время, она продолжала:

— Эдуард, мы должны, мы обязаны вернуться на Марс. Пока чудовища сохраняют власть над этой планетой, земляне не вправе ни на секунду ослабить бдительность. Чтобы попасть туда снова, у нас есть машина пространства — ведь если удалось смастерить такую машину в спешке, в исключительных обстоя-

тельстввах, то можно будет создать и другую, гораздо более мощную, способную вместить, скажем, тысячу солдат. Я ведь обещала марсианскому народу вернуться. Пришла пора сдержать обещание.

Вслушиваясь в слова Амелии, я понял, что обуравшие ее на Марсе страсти уступили место спокойной решимости.

— Настанет день, и мы вернемся на Марс, — сказал я. — Иного выхода я и сам не вижу.

На время разговора оба мы забыли про мистера Уэллса, но сейчас наш друг-философ повернулся и медленно направился в нашу сторону. Я обратил внимание, что за те минуты, пока он был предоставлен самому себе, в его внешности произошли разительные перемены. С плеч у него точно свалилась тяжелая ноша, глаза сызнова обрели блеск.

— У вас обоих разнесчастный вид! — воскликнул он. — А между тем для этого нет никаких оснований. Мы свое дело сделали. Марсиане никуда не уходили, они по-прежнему в Лондоне. Битва завершена, и мы победили!

3

Услышав столь неожиданное заявление, мы с Амелией в недоумении уставились на мистера Уэллса. А он подошел к машине пространства, поставил ногу на железную раму и, взявшись за лацканы сюртука, повернулся к нам лицом и прокашлялся.

— Это была война миров, — заговорил мистер Уэллс ясным, звенящим голосом. — Наша ошибка в том, что мы воспринимали эту войну как войну разумов. Мы не могли не видеть чудовищного обличья пришельцев, но, заворожепные их коварством, отвагой и способностью к осмысленным действиям, относились к ним, в сущности, как к людям. Во всяком

случае, поначалу мы и воевали с ними как с людьми — и, естественно, потерпели поражение. Наши лучшие полки были разгромлены, наши города сожжены, дома сравнены с землей. И тем не менее смею утверждать, что марсиане овладели лишь ничтожным клочком планеты. Как только мы немного придем в себя, обнаружится, что под властью чудовищ находилась территория не свыше нескольких сотен квадратных миль. Но, повторяю, пусть поле сражения оказалось совсем небольшим, эта была война миров. Прилетев на Землю столь опрометчиво, марсиане просто не понимали, за что берутся.

— Сэр, — вмешался я, — если вы надеетесь на союзников, то где они? К нам на помощь не подспела ни одна армия, разве что ее тоже разгромили в мгновение ока.

Мистер Уэллс нетерпеливо отмахнулся.

— Я говорю не об армиях, Тернбулл, хотя, дайте срок, они придут сюда, как придут и корабли, груженные зерном, и поезда с товарами первой необходимости. Нет, подлинные наши союзники окружают нас повсюду, но они невидимы точь-в-точь как были невидимы мы в машине пространства!

Я невольно поднял глаза к небу, почти ожидая, что оттуда явится еще одна машина, такая же, как наша.

— Взгляните на красную растительность, Тернбулл! — Мистер Уэллс показал на побеги, вьющиеся в нескольких шагах от того места, где он стоял. — Замечаете, как побелели и сморщились листья? Замечаете, какими ломкими стали стебли? Человечество просто не способно было думать ни о чем, кроме ужасающе злобного разума чудовищ, а тем временем эта поросль вела свою особую войну — войну за существование. Наша почва не давала красным травам нужных им минеральных солей, наши пчелы не опыляли

их цветков. Эти растения вымирают, Тернбулл. Точно так же вымрут и марсианские чудовища, если уже не вымерли. Потуги марсиан обречены на провал, ибо разум не в силах перехитрить природу. Подобно тому как марсианские ученые, сотворив чудовищ, нарушили равновесие в природе и тем навлекли на себя возмездие, так чудовища в свою очередь попытались нарушить равновесие жизни на Земле и сами себя погубили.

— Но куда же они подевались? — спросила Амелия.

— Мы их вскоре найдем,— пообещал мистер Уэллс,— но всему свое время. Главная проблема теперь уже не в том, как одолеть врага, а в том, как наилучшим образом использовать трофеи победы. Повсюду вокруг нас — порождения марсианского разума, и ими теперь должны заняться ученые. Подозреваю, что мирные дни прошлого безвозвратно канули в вечность. Боевые треножки и шагающие экипажи, по всей вероятности, коренным образом изменят образ жизни землян. Мы живем на заре нового, двадцатого века, и этому веку суждено стать свидетелем неисчислимых перемен. И все эти перемены будут происходить на фоне новой великой битвы — битвы между достижениями науки и совестью. Марсиане вели такую же битву и потерпели поражение, нам на Земле предстоит ныне вступить в нее!..

4

Мистер Уэллс погрузился в молчание, а мы, обеспокоенные, стояли подле него. Но вот он очнулся, изменил позу, опустил руки. И вновь прокашлялся.

— Наверное, сейчас не самое подходящее время для громких слов,— сказал он, явно смущенный нашим молчанием (а мы действительно онемели от его

красноречия).— Сперва надо завершить нашу миссию и найти марсиан. А уж потом я свяжусь со своим издателем и выясню, не захочет ли он опубликовать мои мысли по данной теме.

Я обвел взглядом безмолвный город.

— Уж не думаете ли вы, сэр, что после такого разгрома в Лондоне может наладиться привычная жизнь?

— Ну, не совсем привычная, Тернбулл. Но эта война — не конец, а начало! Беженцы скоро вернуться, конторы и учреждения возобновят свою деятельность как ни в чем не бывало. Город пострадал не слишком сильно, а то, что разрушено, быстро отстроят заново. Но восстановительными работами дело не ограничится. Нашествие марсиан сыграло свою роль — повысило уровень нашего собственного разума. Как я уже говорил, в этом кроются свои опасности, но с ними мы попытаемся справиться по мере их возникновения.

Пока мы беседовали, Амелия пристально смотрела куда-то поверх крыш и теперь показала нам на северо-запад.

— Эдуард, мистер Уэллс! По-моему, там птицы!

Бросив взгляд в том же направлении, что и Амелия, мы и впрямь увидели в безоблачном небе стаю крупных черных птиц: они то кружились на месте, то камнем падали вниз. Впрочем, до них было довольно далеко.

— Попробуем разобраться, что там случилось, — сказал мистер Уэллс и вновь надвинул очки на глаза.

Мы вернулись к машине пространства, и только намеревались взобраться на борт, как вдруг услышали какой-то звук. Звук был назойливый и до того знакомый, что мы встрепенулись как по команде: от фасадов зданий, вытянувшихся вдоль реки, гулким эхом отразился лающий голос марсианина. Однако в этом

голосе на сей раз не слышалось ни готовности к бою, ни кровожадного охотничьего азарта. Напротив, он был окрашен болью и страхом — над разоренным городом разносился горестный вой, жалоба чудовища, состоящая из двух без конца чередующихся нот:

— Улла, улла, улла, улла....

5

Первую боевую машину, застывшую в одиночестве, мы заметили в Риджентс-парке. Я потянулся было за гранатой, но мистер Уэллс удержал меня:

— В этом нет надобности, Тернбулл.

Он подвел машину пространства вплотную к платформе, и мы увидели целую стаю окруживших ее воронов. Птицы нашли способ забираться внутрь и теперь расклевывали сидящее в башне мертвое чудовище. Его взгляд, устремленный вперед сквозь бойницы, был как всегда мрачен, только это была уже не темень холодной злобы, а спокойное оцепенение смерти.

У подножия холма Примроуз-хилл высился второй тренажник — здесь птицы уже справились со своим делом. Внизу на траве, в доброй сотне футов от платформы, пятнами запеклась кровь, валялись обглоданные хрящи.

И наконец мы достигли огромной ямы на самой вершине Примроуз-хилла. Крупнейшая из десяти, она, по-видимому, служила марсианам центром всей их деятельности в районе Лондона. исполинские кучи земли венчали гребень холма, сбегали по склонам. В глубине ямы прятался приземлившийся три недели назад снаряд, но и несведущему человеку было ясно, что воронку, которая образовалась при падении, расширили, переоборудовали и обнесли укреплениями.

Именно здесь располагался главный марсианский арсенал. Сюда были стянуты босвые тренажники, ре-

монтные и землеройные машины. А рядом с ними лежали чудовища, окоченелые и безмолвные. Одни нашли смерть в снаряде, у кромки кормового люка, другие валялись прямо на земле, третьи в последней безнадежной попытке отразить незримого врага залезли в треножки, во множестве стоящие вокруг.

Мистер Уэллс посадил машину пространства неподалеку от ямы и отключил охраняющее нас поле. Посадку он произвел с подветренной стороны, тем самым избавив наше обоняние от худшего,— и все равно мы невольно содрогнулись от нестерпимого зловония.

Едва поле было отключено, к нам вновь донеслись завывания умирающего марсианина. Они шли с высоты одной из боевых башен, стоящих по соседству, и с каждой секундой становились все более прерывистыми и слабыми. Над марсианином уже кружили птицы, и в тот миг, когда мы начали выходить из машины, он испустил последний крик боли и замолк.

— Мистер Уэллс,— сказал я,— все именно так, как вы предугадали. Очевидно, марсиан поразила какая-то болезнь, потому что они напились крови землян...

И вдруг до меня дошло, что мистер Уэллс не обращает внимания ни на меня, ни на Амелию, а завороченно, полными слез глазами всматривается в панораму Лондона, в необозримую пустынность столицы. Мы тоже были подавлены зрелищем заброшенного города, к тому же, признаться, все еще побаивались высающихся по соседству марсианских башен. Утерев слезы, мистер Уэллс побрел прочь, в сторону марсианина, чей предсмертный зов мы только что слышали.

Мы с Амелией остались подле машины пространства и следили за нашим другом-философом издалека. Вот он обогнул яму по краю и, подойдя почти вплотную к опорам треножки, взгляделся в побле-

скивающий металлом двигатель. Потом порылся в кармане, извлек оттуда записную книжечку в кожаном переплете, ту самую, которой пользовался в лаборатории, и, записав что-то, спрятал ее обратно в карман.

Возле треножника он провел, вероятно, минут десять, но в конце концов возвратился к нам. Видимо, он сумел взять себя в руки и теперь двигался бодро и целеустремленно.

— Давно собираюсь вам кое-что сказать,— обратился он к нам обоим.— В тот день, когда вы нашли меня у реки вместе с этим сумасшедшим викарием, вы спасли мне жизнь. А мне все не выпадало случая вас поблагодарить.

— Вы построили машину пространства, мистер Уэллс,— возразил я.— Без вас мы бы ровным счетом ничего не добились.

Взмахом руки он как бы перечеркнул мое возражение.

— Мисс Фицгиббон,— продолжал он,— вы не будете возражать, если я отправлюсь в дальнейший путь в одиночестве?

— Неужели вы нас покидаете, мистер Уэллс?

— У меня множество дел. Не расстраивайтесь, мы еще увидимся. При первой же возможности я навещу вас в Ричмонде.

— Но куда же вы пойдете, сэр? — спросил я.

— Думаю попытаться попасть в Лезерхэд, мистер Тернбулл. Когда мы с вами повстречались, я направлялся на поиски жены, теперь пришла пора довести дело до конца. Быть может, она жива, а быть может, и нет. Но это уже касается только меня и никого другого.

— В Лезерхэд можно было бы долететь и на машине пространства,— сказала Амелия.

— В этом нет надобности. Я и так найду дорогу.

Он протянул мне руку, я неуверенно подал ему свою. Пожатие мистера Уэллса было крепким и искренним, но я по-прежнему не мог взять в толк, зачем ему понадобилось покидать нас столь неожиданно. Отпустив мою руку, он повернулся к Амелии, и та ласково его обняла. Он еще раз кивнул мне и двинулся вниз по склону Примроуз-хилла.

Внезапно позади нас раздался резкий свисток, не лишенный сходства с сиренами марсиан. Я испуганно подскочил, огляделся по сторонам, но ни одно из марсианских чудовищ не шевелилось. Амелия тоже вздрогнула от неожиданности, но оглядываться не стала: ее внимание было всецело поглощено странными действиями мистера Уэллса.

Вышеупомянутый джентльмен не прошел и нескольких шагов, как вдруг остановился и, никак не реагируя на свист, принялся листать свою записную книжку. Я успел увидеть, как он вырвал оттуда две-три странички и, смяв в комок, забросил в самую гущу марсианской техники. Потом обернулся, заметил, что мы не спускаем с него глаз, и немного погодя опять вскарабкался к нам на гребень.

— Да, вот еще что, Тернбулл. К вашему рассказу о приключениях на Марсе я отнесся с величайшей серьезностью, каким бы неправдоподобным он порой ни казался.

— Но, мистер Уэллс!..

Он поднял руку, призывая меня к молчанию.

— Отмахнуться от вашего рассказа как от полной мистификации было бы, на мой взгляд, ошибкой, хотя его и трудновато будет подкрепить сколько-нибудь убедительными доказательствами.

Чтобы наш друг произнес такие слова! Я был по меньшей мере ошеломлен. Выходит, он намекает, что мы с Амелией — отъявленные лжецы? Разъяренный, я шагнул вперед... и почувствовал ласковое прикосно-

вение к плечу. Обернувшись к Амелии, я увидел, что она улыбается.

— Право же, Эдуард, обижаться нет нужды,— только и сказала она.

Тут я заметил, что мистер Уэллс тоже не скрывает улыбки; в глазах у него заплясали веселые искорки.

— У каждого из нас свой рассказ, мистер Тернбулл,— заявил он на прощание.— Всего вам доброго...

И, поклонившись, стал решительно спускаться с холма, на ходу пряча книжицу в нагрудный карман.

— Странно все-таки ведет себя мистер Уэллс,— проронил я вполголоса.— То вместе с нами очертя голову пускается во все тяжкие, то бросает нас как раз в ту минуту, когда мы более всего в нем нуждаемся...

Меня прервал новый пронзительный свисток, в точности такой же, какой мы слышали минутой ранее. Только теперь его не составляло труда опознать.

Мы с Амелией одновременно повернулись и всмотрелись с гребня Примроуз-хилла на северо-восток, туда, где проходит железнодорожная линия на Юстон. И спустя миг увидели, как по заржавленным рельсам, выпуская громадные белые клубы пара, медленно катится поезд. Машинист посигналил в третий раз, и свисток пронесся эхом по всему городу, раскинувшемуся внизу под нами. Словно в ответ, раздался иной звук — это ударили колокола в церкви близ Сент-Джонс-Вуд. Испугнутые птицы побросали свою жуткую трапезу и, шумно хлопая крыльями, взмыли к небу.

Мы с Амелией весело прыгали на гребне холма, махая платками пассажирам. Когда поезд неторопливо скрылся из виду, я привлек Амелию к себе и расцеловал. И с радостным чувством вновь вспыхнувшей в сердце надежды мы вдвоем уселись на раме бывшей машины пространства поджидать возвращающихся в Лондон людей.

Двойное зазеркалье Кристофера Приста

Не странно ли, фантастика в фантастике? Роман, продлевающий миры Уэллса? Двойное зазеркалье воображения, которое, однако, не только не удаляет нас от реальности, а, наоборот, укрупняет кое-какие существенные ее черты?

Таков роман К. Приста «Машина пространства».

Перед нами первый перевод Приста, поэтому уместно сказать несколько слов об авторе. Он англичанин, родился в 1944 году. Его литературный дебют состоялся в 1970 году, но ни у читателей, ни у критиков энтузиазма не вызвал; роман «Индоктринированный» представлял собой формалистический изыск в области композиции и стиля, который мог скорее усыпить, чем увлечь кого бы то ни было. Подобные произведения были весьма характерны для возникшей в те годы «новой волны» англо-американской фантастики, внешне внушительной, шумной, бурливой, но вскоре опавшей и вынесшей на берег не так уж много ценного.

Отход Приста от «новой волны» стал очевиден уже в новом его романе «Фуга для Сумеречного острова», который был издан в 1972 году. Изобразив развал и гибель общественной структуры Англии, Прист заявил о себе как социальный фантаст. Но критика тут же отметила, что роман не вполне оригинален, слишком ощутимо влияние классика английской фантастики Джона Уиндема. А любая вторичность, как известно, почти автоматически отбрасывает произведение на литературную периферию.

Подлинный успех Присту принес третий его роман «Опрокинутый мир», вышедший в 1974 году. Это безусловно талантливое и оригинальное произведение сразу выдвинуло молодого писателя в первый ряд англо-американской фантастики. Пересказ «Опрокинутого мира», заняв много места, все равно, естественно, не заменил бы оригинала. Поэтому лишь упомянем, что созвучием темы, сюжетной отточенностью, научной проработкой обоснования, насыщенностью содержания и гуманистической направленностью идеи этот роман, пожалуй, более всего соразмерен известному у нас «Концу вечности» А. Азимова.

Кристофер Прист и далее с завидной периодичностью продолжает выпускать по роману каждые два года. Сейчас это профессиональный писатель, который одновременно читает курс фантастики в Лондонском университете (фантастика ныне преподается не менее чем в тысяче университетов и колледжей США, Англии, Канады).

Даже беглое описание творческой биографии Кристофера Приста позволяет заметить, что для него характерен непрерывный поиск, что каждое новое его произведение существенно отличается от предыдущего. Датированный 1976 годом роман «Машина пространства» углубляет эту линию творчества молодого английского фантаста.

Осуществлен дерзкий, неожиданный и для писателя очень рискованный замысел. Ведь любая попытка совместить тобой выдуманный мир с мирами, которые создало воображение такого классика, как Уэллс, неизбежно оборачивается соревнованием талантов.

Правда, и сама литература не чурается проб, сходных с попыткой Кристофера Приста. Речь, понятно, идет не о тех случаях, когда поденщики, в угоду рынку, перехватывая полюбившиеся читателю сюжеты и

образы, начинают кропать книжечки, допустим, о «новых похождениях Шерлока Холмса». Такое бывало, но это факт торгашеской морали, а не литературы. Упомяну о другом. В советской фантастике, например, есть повесть о том, как в дни нашествия уэллсовских марсиан некий офицер английской армии предал человечество и стал служить инопланетным агрессорам. Таково сюжетное содержание повести Л. Лагина «Майор Велл Эндью». Это тоже своеобразная достройка уэллсовской фантастики, дополняющий ее эпизод, который советский писатель удачно насытил жгучим, политически современным осмыслением психологии архипредательства.

Значит, можно!

Но у Лагина это именно небольшая, без покушения на оригинал достройка. Прист же сливает воедино сюжет «Машины времени» с сюжетом «Борьбы миров» и на этой основе возводит самостоятельное здание, которое, хотя и выдержано в стиле уэллсовской архитектуры, но тем не менее остается пристовским. Смысл?

«Восхитительный образчик литературной ностальгии» — так отозвалась о «Машине пространства» лондонская «Санди таймс». Итак, если верить рецензенту, пером автора водила тоска по прошлому. Она подвигла его на огромную и рискованную работу пересотворения миров уэллсовской фантастики.

Действительно, в западном искусстве сейчас ощущается направление «ретро». Этот «возврат к прошлому» заметен также в стиле одежды, мебели, архитектуры. И если бы роман Приста был только талантливым выражением «ретро» в фантастике, то и тогда он заслуживал бы внимания как своеобразная художественная призма, через которую можно взглянуть в это сложное и неоднозначное явление культурной жизни. Но хотя формальные признаки «ретро» в ро-

мане наличествуют, он все же интересен не как образец социально-психологического феномена «тоски по прошлому». Иное, думается, подвигло писателя на эту работу.

Для начала попробуем взглядеться в самих себя. Кто из нас, особенно в детстве, буйно не пересотворял реалии мира, одновременно достраивая и развивая сюжеты любимых книг? Чье воображение не проигрывало те или иные сцены, не вводило туда новые ситуации, не перемещало героев из одного художественного пространства-времени в другое? Кто помнит эти увлекательные игры фантазии, в ком они не угасли с возрастом, тот легко узнает в романе Приста свое, родное, хорошо знакомое. И отыщет чисто художественный исток его замысла. В этом смысле Прист просто-напросто талантливо закрепил на бумаге ту скрытую игру элементами воображаемых миров, без которой наше сознание уподобилось бы мертвенно отражающему зеркалу.

Итак, странное двойное зазеркалье Приста, его фантастика в фантастике — самая обычная, если вдуматься, хорошо знакомая нам вещь, хотя об этой творческой особенности сознания мы порой как-то забываем. Возможно потому, что действие кажется сопряженным исключительно с логикой и расчетом, волей и знанием, а подспудная игра воображения часто представляется чем-то пассивным и личным, меж тем как в действительности именно эта моделирующая возможные ситуации, поступки, решения деятельность сознания (и подсознания!) стоит у истока любого действия, о чем нам неоднократно напоминали многие, включая Ленина, мыслители. Вот почему, в частности, дорог и ценен любой удачный эксперимент, который раздвигает пределы человеческой фантазии. И средства литературы тут играют далеко не последнюю роль.

Но, разумеется, эксперимент эксперименту рознь. На год раньше «Машины пространства» появился роман американского писателя Филиппа Фармера «Вторая записная книжка Филеаса Фогга». Внешне Фармер проделал почти ту же операцию, что и Прист. Достроил, развил, переиначил сюжет жюльверновского «Вокруг света в 80 дней», ввел в повествование других героев великого фантаста и, опираясь на эту основу, изобразил описанные Жюлем Верном события... как историю схватки за обладание миром враждующих агентов двух звездных цивилизаций! Мало того, в соавторы этой ахинеи Фармер ловко зачислил самого Жюля Верна, который якобы о чем-то догадывался, но, опасаясь истины, лишь рассеял в своих произведениях кое-какие, понятные только вдумчивому человеку намеки. Словом, он, Фармер, лишь выявил в сочинениях Жюля Верна потайное дно... Ну, а дальше уже нетрудно снять маску с благородного капитана Немо, этого в действительности агента инопланетян, который, попирацтвовав в море, позже стал — кем бы вы думали? — боссом преступного мира, заклятым врагом Шерлока Холмса, профессором Мориарти.

Вернемся, однако, к Присту. Предельно уважительное отношение к творческому наследию писателя — далеко не главное, что решительно отличает его роман от фармеровской поделки. Верно, Прист не грешит против духа Уэллса, а стилистика уэллсовских произведений воспроизведена им настолько достоверно, что даже прямая трансплантация отдельных эпизодов «Борьбы миров» в «Машину пространства» не выглядит нарочитой и неуместной. (Может быть, эта имитация «литературы прошлого» и побудила рецензента английской газеты счесть роман Приста восхитительным образцом литературной ностальгии?) Однако самая искусная стилизация срод-

ни попытке покрасоваться в чужом костюме. Насмешек не оберешься, если сам не вышел ростом и stature! А Уэллс высок и как художник, и как мыслитель. И если кто-то задумал не просто поиграть в забавную и непритязательную литературную игру с переодеванием, то уж будь любезен...

Вряд ли Прист хотел объявить себя духовным наследником Уэллса — этому противоречит линия его собственного творчества, да и сам роман не дает оснований так думать. Тем более, что стать преемником классика, воспроизводя его манеру, невозможно; требуется как раз обратное — оригинальность. Пристом, на мой взгляд, руководило другое.

Вот что в книге «Записки старого петербуржца» сказал о влиянии Уэллса на свое поколение один из старейших советских писателей Лев Успенский:

«Как передать всю силу воздействия, оказанного Уэллсом на мое формирование как человека: наверное, не одно мое?»

Порой я думаю: в Аду двух мировых войн, в Чистилище великих социальных битв эпохи, в двусмысленном Раю его научного и технического прогресса, пной раз напоминающего катастрофу, многие из нас... задохнулись бы, растерялись, сошли бы с рельсов, если бы не этот Поводырь по непредставимому.

...Он не объяснял нам мира — он приготовил нас к его невообразимости. Его Кейворы и Гриффины расчищали далеко впереди путь в наше сознание самым сумасшедшим гипотезам Планка и Бора, Дирака и Гейзенберга.

Его Спящий уже в десятых годах заставил нас сделать выбор: за «людей в черном и синем» против Острога и его цветных карателей... Его алои и морлоки раскрыли нам бездну, зияющую в конце этого пути человечества, и доктор Моро предупредил о том, что будет происходить в отлично оборудованных медицинских «ревирах» Бухенвальда и Дахау.

Что спорить: о том же во всеоружии точных данных науки об обществе говорили нам иные, в сто раз более авторитетные учителя. Но они обращались прежде всего к нашему Разуму, а оп... приходил к нам как Художник. Именно поэтому он и смог стать Вергилием для многих смущенных дантиков того огромного Ада, который назывался „началом века“».

Поводырем по непредставимому Уэллс стал на рубеже XX века. Отгремели десятилетия — и какие! Явись теперь на Землю уэллсовские марсиане,— их бы со всей фантастической для того времени сверхтехнологией истребления прихлопнули как мух. Однако достоинства произведений великого фантаста таковы, что новые поколения читателей продолжают находить в них свое, нужное, крайне необходимое и на излете XX века. Уэллс сказал о времени такое, что делает его книги и сейчас старым, но грозным оружием борьбы за человечность. А что, если им распорядиться по-новому? Разрыв примерно в три четверти века все же не шутка. Многое, что и для зоркого глаза Уэллса едва брезжило на горизонте, теперь надвинулось, укрупнилось. Что, если попытаться охватить эту панораму двойным зрением, взглянуть на нее одновременно глазами Уэллса и глазами нашего современника?

В этом, на мой взгляд, смысл труда Приста.

Вглядимся пристальней. Изобразив своих марсиан носителями мощного, но предельно безжалостного, холодного, сеющего смерть интеллекта, Уэллс вступил в спор с присущей буржуазному мышлению XIX века идеей, согласно которой прогресс знаний, прогресс интеллекта автоматически вел за собой рост социального благоденствия, правдивости и свободы. Ярким выразителем этой идеи был видный английский историк Бокль, чей блестящий труд «История цивилизации в Англии» оказал серьезное влияние на

умы современников. В частности, Бокль доказывал, что рост знаний, накопление «умственного материала» культуры ведет к изъятию войн из человеческого обихода. Роман Уэллса «Борьба миров» стал ответом художника и мыслителя на эту благодушную иллюзию. Впервые литература столь зримо и веско показала возможную бесчеловечность могучего интеллекта, очертила ту пропасть, к которой близится раскошегаренный капитализмом научно-технический прогресс.

Первые читатели Уэллса еще могли сказать: «Ну, это только фантазия!» После 1914 года отношение к ней стало уже иным. А вторая мировая война явила человечеству лик высокотехнизированного фашизма. В нем читатели тотчас узнали уэллсовских марсиан! Призывая Уэллса использовать свой немалый авторитет для ускорения открытия второго фронта, Лев Успенский в своем письме из осажденного Ленинграда прямо сослался на этот образ, ставший жуткой реальностью на земле России и в небе Англии. Ту же параллель много лет спустя провел в своей повести Л. Лагин.

На исходе девятнадцатого столетия Уэллс проницательно диагностировал зародыш раковой опухоли грядущего. Новый исторический опыт мог расширить и углубить художественный диагноз явления; эту задачу и поставил перед собой Прист. Вот почему он взял в руки уэллсовский скальпель анализа, — чтобы вскрыть ход развития антигуманного интеллекта марсиан, условия, которые его породили и довели до крайней точки падения. Ибо сам образ марсиан оказался удивительно емким, сильным и долговечным потому, что за ним стояла правда века.

Научная и философская первопричинность «явления марсианства» вскрыта Пристом, на мой взгляд, недостаточно глубоко. Если в романах Уэллса фабу-

ла неотделима от мысли, как плоть от крови, и сама эта мысль всегда весома, то Приста слишком увлекает авантюрное действие, что оборачивается ущербом для глубины и масштаба идеи. Тем не менее роман «Машина пространства» знакомит нас не только с интересным художником, но и с активным писателем-гуманистом, чье мастерство несомненно. С одной стороны, мы все видим зрением Уэллса, а с другой — зрением нашего современника, так же, как и Уэллс, болеющего за судьбу человечества. Совмещение обнаруживается даже в мелочах. Облик Марса, к примеру, вроде бы, тот, уэллсовский. И тут же герою открывается грандиозный вулкан Никс Олимпика, ставший известным лишь после межпланетных полетов наших дней. Так все время на мир уэллсовских представлений наслаивается мир пристовской фантастики, а за тем и другим просвечивает реальность последней четверти XX века, чем достигается редкая и удачная художественная стереоскопия.

Ненависть писателя к марсианству как к концептрату интеллектуального антигуманизма заражает. А разве это не одно из главных предназначений искусства? Эту задачу Прист выполнил с блеском. Нельзя не обратить внимания и на публицистический монолог философа, самого Уэллса, который введен в роман уже как литературный персонаж. Такое введение представляется оправданным. Не только потому, что философское «я» Уэллса весьма ощутимо и в «Машине времени», и в «Борьбе миров». Гораздо важнее, что в жизни Уэллс был активным борцом за человечность, социальную справедливость и подлинный прогресс. Что ж, лучший литературный памятник такому человеку — это именно образ ученого и философа, который своими руками создает оружие против марсиан и бесстрашно атакует этот символ зла.

«Мы живем на заре нового, двадцатого века, и этому веку суждено стать свидетелем неисчислимых перемен,— говорит пристовский Уэллс.— И все эти перемены будут происходить на фоне новой великой битвы — битвы между достижениями науки и совестью. Марсиане вели такую битву и потерпели поражение, нам на Земле предстоит ныне вступить в нее!..»

Совесть без разума бессильна, разум без совести — ужасен. Конечно, обозначенная Уэллсом и Пристом проблема — лишь частное производное общего процесса иногда катастрофической ломки вековых общественных отношений в эпоху великих, грозных, очистительных бурь социальных и научно-технических революций. Но частное не тождественно мелкому. Разве усопли технократические иллюзии благодетельного, вне всяких моралей, автономного от устройства общества, научно-технического прогресса? Случайно ли фашизм объявил совесть — этот нравственный регулятор поведения личности — химерой? А что можно сказать о физиках, которые восхваляют «гуманизм» нейтронной бомбы, о деятелях военнопромышленного комплекса, которые ради миллиардных прибылей гнут человечество к пропасти ядерного безумия? Они что, сплошь интеллектуальные тупицы? Право, можно подумать, что такие люди держат у себя в душе образ уэллсовских марсиан и втайне поклоняются ему как идеалу.

Подлинная литература обостряет духовную зоркость. Это можно сказать о произведениях Уэллса и то же отнести к роману Приста.

Дм. Биленкин

Оглавление

Глава I. Женщина-коммивояжер	5
Глава II. Ночной разговор	16
Глава III. В доме на Ричмонд-Хилл	37
Глава IV. Сэр Уильям излагает свою теорию	55
Глава V. В будущее!	74
Глава VI. В неведомой стране будущего	97
Глава VII. Мы раскрываем истину	118
Глава VIII. Город скорби	146
Глава IX. Наши наблюдения	167
Глава X. Нашествие	192
Глава XI. Полет в небесах	207
Глава XII. Что я увидел после посадки	226
Глава XIII. Великая битва	232
Глава XIV. В лагере для рабов	259
Глава XV. Замышляется революция	275
Глава XVI. Мы спасены!	293
Глава XVII. Долгий путь домой	314
Глава XVIII. В яме	342
Глава XIX. Встреча с философом	359
Глава XX. На веслах по реке	384
Глава XXI. На осадном положении	399
Глава XXII. Машина пространства	414
Глава XXIII. Мстители-невидимки	428
Глава XXIV. О науке и совести	446
<i>Дж. Билленкин. Двойное зазеркалье Кристофера Приста</i>	461

К. Прист
МАШИНА ПРОСТРАНСТВА

Научный редактор Хидекель И. Я.
Мл. научный редактор Леонова Л. И.
Художник Инфантэ Ф.
Художественный редактор Безрученков Л. Е.
Технический редактор Бирюкова Л. П.
Корректор Литвак Е. Г.

ИБ № 1634

Сдано в набор 27.11.78.
Подписано к печати 05.04.79.
Формат 70×100^{1/32}
Бумага кн. журнальная
Гарнитура Обыкновенная. Печать высокая.
Объем 7,38 бум. л. Усл. печ. л. 19,18 Уч.-изд.
л. 19,57. Изд. № 12/9989
Тираж 100 000 экз. Зак. 870. Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Мир»
Москва, 1-й Рижский пер., 2.

Ярославский полиграфкомбинат
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 150014,
Ярославль, ул. Свободы, 97.

Зарубежная

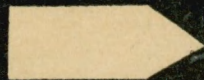
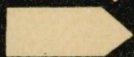

фантастика

2 р. 10 к.

К. Прист

МАШИНА ПРОСТРАНСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО • МИР • МОСКВА